

Лариса
Шевченко

НАДЕЖДА

0+

Лариса Шевченко

Надежда

«Автор»

2005

Шевченко Л. Я.

Надежда / Л. Я. Шевченко — «Автор», 2005

Двухтомник «Надежда» – произведение для семейного чтения, оно будет интересно и полезно и детям и взрослым. Эта книга о судьбе девочки, на долю которой с самого рождения выпало большое «разнообразие» жизненных отрезков: деревенский детский дом и городской, городская семья и сельская. Мир природы был ей более близок, но жить и взрослеть приходилось среди людей. И она внимательно его изучала, пытаясь понять. Для нее – подкидыша – и ее друзей эта задача была не из легких. Но смелая, самостоятельная, очень чувствительная и много размышляющая девочка не озлобилась. Хорошие люди научили ее выполнять любую сельскую работу, ценить простых тружеников, осознавать, чего она сама стоит. Она стала рано задумываться о своем будущем и намечать серьезные цели. Но прежде всего это история беззащитного ребенка, не знавшего любви родителей.

© Шевченко Л. Я., 2005

© Автор, 2005

ОТ АВТОРА

В двенадцать лет я мечтала, что когда стану взрослой, обязательно напишу книгу о детдомовском детстве, а в ней покажу, что в три в восемь лет ребенок уже Человек, который все понимает, глубоко чувствует, остро переживает.

Еще напишу о том, что в детдоме некоторые дети помнили своих родителей и берегли крупицы «того», домашнего, детства как самое сокровенное, что у них было. Они лелеяли их, украшали, дополняли своей щедрой фантазией. Они жили в них.

А те, которым нечего было вспоминать, не на что опереться в своих мечтах, сохраняли свои души в придуманном, по-своему счастливом мире, где отсутствовала жестокость и не справедливость. Спасала этих детей только надежда попасть в семью, где их будут ЛЮБИТЬ.

Начиная работу над книгой, я ставила перед собой очень сложную задачу: попытаться написать так, чтобы было интересно и детям, и взрослым. Насколько удалось, скажут читатели.

Содержание книги не имеет привычной сюжетной канвы. События, когда-то тронувшие детскую душу, связывает воедино лишь временная цепочка. Такова моя манера изложения.

Почему пишу о детях?

Во-первых, это возраст формирования чувств и их яркого проявления. Дети не могут мыслить, как взрослые, но чувствуют острее, эмоциональнее. Они много думают, но не в состоянии описать многообразия своих переживаний. Они только осознают их и фиксируют в памяти. Функцию словесного оформления этих ощущений я взяла на себя. Поэтому не удивительно, что иногда я подбираю и использую «взрослые» слова для описания детских впечатлений, чтобы помочь юным читателям тоньше, четче и глубже проникнуть в то, что на самом деле чувствует ребенок; чтобы не столько понять героев книги, сколько оценить самого себя.

Во-вторых, пишу я потому, что очень хорошо помню свое детство, особенно раннее, причем не только события, но и размышления, диалоги со взрослыми и реакцию на них. Помню свою первую пронзительную, щемящую признательность за доброту взрослого, бесчисленные страхи; первое восхитительное наслаждение красотой природы; осознание слов: боль, любовь, Родина, надежда, верность...

Моя книга «репортаж изнутри себя». «Примеряя» свои воспоминания к современным детям, я корректировала их для того, чтобы взрослое осмысление событий не увело меня из плоскости мира детского восприятия действительности.

Наверное, современные школьники эрудированнее, в какой-то степени умнее, по-другому смотрят на жизнь. Но я уверена, что наши дети и внуки также чувствительны, ранимы, добры и входят в мир с широко распахнутыми глазами и сердцами.

Я не случайно выбрала формой повествования «воспоминания». В этом случае я имела возможность доступнее (с моей точки зрения) выразить и отстаивать основные идеи, не будучи стесненной определенными литературными условностями, не принуждая себя втискивать мысли в жесткие рамки строгих правил построения рассказов. В воспоминаниях я могла, не ограничивая себя, широко использовать различные способы изложения материала, как-то: письма к другу, беседы, путевые заметки; могла помещать зарисовки природы, отвлеченные рассуждения, новеллы из жизни людей, оставивших яркий след в моей жизни.

*А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.
И в крепкой ледяной обиде,*

*Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны.
И. Эренбург*

КНИГА ПЕРВАЯ -
СОЛНЫШКО МОЕ,
или
В БАРБАРИСОВЫХ ДЖУНГЛЯХ

Надежда – одна им отрада.

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
Снится мне сон...

Высокий молодой блондин держит на руках маленького ребенка. Это я. Рядом с ним худенькая голубоглазая женщина. Оба светло улыбаются. Мы идем по дороге, а вокруг расстилаются поля, обрамленные деревьями. То ли от улыбок взрослых, то ли от солнечного света ранней осени я ощущаю нечто теплое, мягкое, ласковое. Это мой рай.

Проснулась. Лежу и думаю: «На самом ли деле это происходило со мной? Когда-то я видела на вокзале маленькую девочку на голубом велосипеде. А позже мне приснилось, будто сама каталась на трехколесном чуде. И очень, очень долго верила в это. Может, и родителей я себе придумала?»

А вот это было со мной на самом деле.

Я первый раз в огромной белой комнате. Пожилая, полная добродушная женщина в коротком халате снимает штанишки с какого-то малыша. Посреди комнаты стоит большой серый ящик без крышки, а вокруг много-много детей. Я с любопытством их разглядываю. Дети разного возраста. Некоторые ползают на коленках. У одной девочки чулочек спустился. Посмотрела на свои ноги. Чулки тоже сползли. Осторожно подошла к ящику и пытаюсь заглянуть в него. Но он высокий. Уцепилась руками за край, подтянулась, и... брык – я уже на полу. Женщина наклонилась и достала мне куклу.

Помню розовое лицо куклы, ее гладкое тело, помню шершавый край ящика. Это моя самая ранняя память о детдоме.

БОЛЕЮ

Страшное дело – болеть. Не было мне тогда еще и трех лет. Чем заболела, – не знаю. Поместили меня в отдельную комнату. Здесь все ходили только в белых халатах. Запомнилось мучительное тягостное чувство жутко вялого состояния, когда нет сил пошевелиться, не то что ходить. Голова, как набитый мусором мешок, – только шелестит да скрипит внутри нее. Ноющая боль в висках. Трудно открывать глаза. А во рту гадко-гадко. Посадят меня на горшок в углу, к стенке прислонят, и я сажу, сажу. Стены ходуном ходят или плавают, а то вдруг проваливаются куда-то и становится темно. Особенно тяжело ночью. Этот противный горшок целыми сутками был мне вместо постели. Голова плохо держалась, и, когда удавалось поднять ее, я не успевала оглядеться вокруг, как она тут же сваливалась мне на грудь. Передо мной темно-зеленые стены, маленькая ночная керосиновая лампа на табуретке. Я знала, что где-то высоко есть окошко, но ощущала только свет от него. Часто заходила старушка в белом халате. Она все вздыхала и молилась. Как-то пришла высокая молодая женщина. Лица не успела рассмотреть. Она спросила, как я провела ночь. Старушка ответила: «Плохо. Может и выживет. Все в руках Божьих. Подождем». Я поняла, что речь идет обо мне. Но до сознания слова не дошли. Я их только запомнила.

Светло. Опять сижу в углу. Голова на коленях, руки висят так, что ладони достают до пола. Вдруг босая нога почувствовала какой-то мягкий предмет. Приоткрыла глаза и сразу узнала свою тряпичную дочку Машу. У нее плохо пришита ножка. Откуда она здесь? Пришла меня порадовать? Подняла ее, поцеловала, прижала к себе. Стало тепло и уютно. Мы долго молча разговариваем с ней. Нам хорошо. У меня меньше гудит голова.

Следующая ночь была самой жуткой. Вокруг летали какие-то птицы или животные. Они выглядели как большие тени и не очень-то меня волновали. А вот по полу ползали белые черви, которые беспрерывно шевелились, извивались, приближаясь ко мне. Дрожа от страха, напряглась из последних сил, чтобы убрать ноги от этой гадости, но те не слушались. Опять наплыла темнота.

Утро. Открыла глаза. Лежу на кровати. Старая няня сидит у постели, гладит меня по голове и говорит: «Слава Богу. Выжила». Зашла врач. Я узнала ее по уверенной походке и строгому голосу: «Кризис миновал. Сколько дней без сознания? Видно, наследственность хорошая. Глюкоза. Спецпитание». И ушла.

После болезни я долго ползала, училась ходить. А чья-то рыжая головка каждый день заглядывала ко мне в палату, строила рожицы и исчезала.

С этих пор я не могу есть лапшу.

ЛЮБИМАЯ ИГРА

Пока не окрепла, находилась в изоляторе. Лежала целыми днями одна. Скучно. В пустой комнате было одно развлечение – разглядывать картинки на стене. За мной ухаживала молоденькая веселая няня. Я спросила ее:

- Что это на стене?
- Плакаты. А на плакатах буквы.
- А что это – «буквы»?
- Значки, чтобы читать.
- А как читать значки?
- Вот смотри, это буква «а», с нее начинается слово «арбуз».
- А что такое арбуз?
- Он похож на гарбуз, только внутри красный и сладкий. Еще слово «абрикос» на «а» начинается.

– А что такое «абрикос»?

– Ну, это как слива, только вкуснее.

– Не понимаю...

– Придумала, как объяснить! На букву «а» начинается мое имя «Ася». Хочешь напишу тебе мое имя. Это буква «А», это «с», это буква «я».

- И я тоже буква «я»?
- Не говори глупости! Что ты больше всего любишь из еды?
- Чай.
- Хочешь, я сложу из букв слово «чай»? Вот «ч», вот «а», вот буква «й».
- Это так просто написать про мой любимый чай? А как написать про мою любимую няню Машу?

Ася написала.

- Я не знаю эти буквы. Их много новых?
- Много. Ты их когда-либо выучишь.
- Не хочу когда-либо. Хочу сейчас.
- Ладно, буду тебя учить. На дежурстве иногда скучно бывает.

С тех пор, как только я видела где-нибудь буквы, тут же старалась сложить из них слова. Эта игра приводила меня в восторг. Я радовалась каждому новому прочитанному слову. Даже есть стала лучше. Но учиться ползать и ходить мне не хотелось, потому что болели ноги. Ася придумала раскидывать по полу кусочки газет, и я ползла к ним, чтобы посмотреть картинки и прочесть слова из больших букв.

Чтение стало моим любимым занятием. Няни, врачи и больные помогали мне играть, когда я ходила по больнице. Мне нравилось внимание взрослых, и я с большим старанием училась, чтобы заслужить их похвалу и восхищение.

МОЙ ДРУГ ВИТЕК

Когда я наконец вышла во двор, то первым меня встретил тот самый мальчик, чья рыжая голова каждый день появлялась в дверях изолятора. Его волосы, торчавшие вверх, были не просто рыжие, а красно-рыжие. Все лицо покрыто крупными светло-коричневыми, цвета сухих листьев, пятнами. Остренький носик нахально задирался. Ярко-голубые глаза окружали длинные пушистые золотистые ресницы, которыми он беспрерывно хлопал. Мы смотрели друг на друга и молчали. Мальчик осторожно тронул меня за плечо, наклонился и, заглянув мне в глаза, улыбнулся. Я тоже чуточку улыбнулась. Потом он уверенно взял меня за руку и повел

по дорожке. Он рассказал, что я долго болела и что мне не передавали конфету, которую он приносил. Оказывается, мы из одной группы.

С тех пор мы всегда сидели в столовой рядом. Он крепко держал мою руку, когда парами выходили на прогулку. Нас стали дразнить «жених и невеста». Но мы не обижались. А однажды в ответ на дразнилки Витек сказал с гордым видом:

– Это моя сестра. Спросите у тети Маши.

Теперь я думаю, что добрая няня тогда пожалела нас, самых слабеньких, и соединила крепкими узами родства.

Более преданного друга я не знала. Яркая головка появлялась передо мной и в минуты радости, и когда было трудно.

Витек – страшно беспокойный мальчишка. Он заводится с пол-оборота, и остановить его сложно даже мне. Только и слышно от воспитателей: «Не кипятись, Витя!» Как-то сама собой приклеилась к нему кличка «Светильник – Кипятильник». Витька воспитатели не любили. А кого они вообще любили? Особенно Валентина Серафимовна. Витек придумал называть ее ВЭЭС. Нам понравилось, так как все дети с трудом выговаривали ее полное имя.

Витек беспрерывно что-то придумывал, строил, ломал. Он был неукротим, как вихрь, хотя и очень тощий. Видно, тратил много сил, а наедать не успевал, поэтому часто болел, как и я.

УМЫВАНИЕ

Летнее утро. Желто-оранжевое солнце словно нехотя показывается из-за деревьев на горизонте. Мы никуда не спешим, и оно не торопится. Пока еще низкие бархатные лучи мягко касаются нас и, обволакивая, снимают утреннюю дрожь. Я гляжу на солнце и вижу янтарный ореол, окружающий стволы дальних деревьев. Облака над горизонтом перемежаются разноцветьем. Желтые и оранжевые полосы расслаиваются красноватыми бликами и разбавляются голубыми, отчего верхние края облаков бледные, а нижние огненно-красные, местами пурпурные. Тихо. Облака кажутся неподвижными. Но когда долго смотришь на них, то видишь, как плавно меняются их формы, перетекают друг в друга цветовые оттенки. Пурпурный исчезает, огненно-красный слабеет. Появляется ослепительно белый цвет. Не бело-голубой, искрящийся цвет льда или снега, а ярко-белый, огненно-белый, с легким налетом золотисто-желтого. Это горячий белый цвет. Летний.

Сегодня первый раз умываемся во дворе. Умывальник огромный. Просто бесконечный. Я знаю, он продолжается за телегой, за сараем... Но мне видна только часть его. Двор огорожен забором, сколоченным из обрезков досок разного цвета и размера. Доски прибиты сикось-накось. Я люблю их разглядывать, складывая в своем воображении причудливые дома, замки, дворцы.

Большие двойные ворота закрываются длинной тяжелой доской, просунутой в железные скобы. А маленькая калитка – с крючком-петелькой на самом верху, чтобы малыши не разбежались. Забор невысокий, и можно разглядеть за ним сад. Если смотрю в щель забора, то вижу яблони, груши, кусты. А когда отойду подальше, в глубь двора, то передо мной – сплошной зеленый ковер. Двор с трех сторон окружен садом, и только со стороны калитки видна дорога, расширяющаяся лугом. Вдали она заканчивается группой деревьев, из-за которых и выползает мое любимое красное солнышко.

Зацокали язычки умывальников. Малыши с любопытством толпятся около больших мальчиков. Вот один из них с достоинством, степенно берет кусок коричневого мыла, растирает его с водой и смело моет пеной лицо, шею, уши. Друзья обильно льют ему холодную воду из кружек не только на руки, но и на спину. Другие ребята тоже низко наклоняются, чтобы вода не залила трусы. Фыркая от удовольствия, они растираются майками и, не одеваясь, идут на завтрак.

Никто не любит умывальники. Они высокие, неудобные. Вода долго набирается в ладони, вот поэтому старшие используют большие тяжелые медные кружки. Солдатские, трофейные.

Я боюсь холодной воды и мыла, и все же решаюсь попробовать умыться по-настоящему. Встаю на лавку около умывальника, долго намыливаю руки, собираюсь с духом и, наконец, быстро-быстро растираю пену по лицу, со страхом думая о щипании в глазах. Судорожными движениями на ощупь отыскиваю язычок умывальника...

Теперь у меня довольное и гордое лицо. Впервые в свои три года я преодолела страх. Мне показалось, что в эту минуту я стала чуточку старше.

ВЕЧЕРА

Люблю вечера после ужина, если с нами остается ночная няня Зоя. Мы обычно сидим в спальне на полу или на койках, если нет начальницы. Няня читает нам книжку про серого волка, лису и зайца. Я слушаю внимательно, но при этом у меня в голове проплывают свои фантазии. Вот семья волков. Не знаю, как они выглядят на самом деле, но я четко вижу их в виде черных треугольников, с острым углом впереди. Сначала идет большой папа-волк, за ним мама – поменьше, а потом совсем маленькие черные треугольники – дети. В сказке волк серый. Но мне кажется, что злой волк должен быть черным. Я вижу, как убегает от волка заяц. Он ушастый, круглый и прыгучий как мяч.

После чтения мы рассматриваем конфетные обертки, обрывки старых газет для того, чтобы запомнить буквы. Книгу нам не разрешают брать. Боже упаси! Ребята наперебой спорят, где какая буква. Няня, смеясь, поправляет их. Я ей помогаю. Кому это надоело, мастерят что-либо из бумаги, щепок и тряпок.

Темнеет. Няня зажигает керосиновую лампу. Ее неяркий трепещущий свет делает лица детей таинственными, незнакомыми. Освещенные части лиц стали красно-оранжевыми, неосвещенные – черными. Молодая няня в цветастом платье с длинными волосами, заплетенными «корзиночкой», представляется мне доброй феей. Теперь она читает стихи. Я их знаю наизусть, поэтому отвлекаюсь: наблюдаю на стенах интересную картину из жизни чудищ – великанов. Вот один великан поднялся. В том месте, где стена переходит в потолок, голова его вдруг из круглой превратилась в длинную, как кабачок. Великан махнул ручищей, и его ладонь переломилась и расширилась. Другие великаны беседуют, кивая смешными головами, или дерутся. Мне совсем не страшно. Это сказка, только без слов.

Няня встала. Тень за ее спиной – тоже. Тут я поняла, что сказку на стенах делают тени детей. Пламя лампы колебалось и подрагивало, отчего тени казались живыми. Подняла руку, выставив два пальца вверх. На стене закачался ушастый великан. Няня увидела моего «ушастика» и отправила вслед ему «лисичку». Ребятам очень понравилось игра, и они принялись «делать» разных зверей, которые насакивали друг на друга, визжали на разные голоса. Няня попросила не «озвучивать кино», чтобы ей не влетело. Мы притихли. Чтобы окончательно утомить нас перед сном, она проверила поделки ребят, потом повторила считалки, которые должны проговаривать те, у кого плохой сон, и отправила всех спать, по очереди трогая каждого за чубчик. Короткий чубчик в три пальца – мальчик, направо, длинный чубчик, в ладошку – девочка, налево. «Бай-бай, зайчики!»

НЯНИ БЕСЕДУЮТ

Мне скоро четыре. Я уже большая. Но все равно часто болею. Воспитательница повела всех на улицу, а меня оставила с няней. К ней присоединилась другая няня, и они весело защебетали. Я в это время возилась с лоскутами. На полу получался красивый узор! Игра не мешала мне внимательно прислушиваться к разговору взрослых. О чем они только не говорили! Восторгались кинофильмом «Тарзан»: «Какой мужчина, вот бы такого встретить!» Обсудили все слова и дела директрисы. Ох, и досталось же ей!

Вдруг няня посадила меня на подоконник и принялась рассматривать, будто в первый раз видит. Потом сказала со злобной ноткой в голосе: «И почему это подкидыши красивые, а нормальные дети не очень?!» Вторая ответила ей безразличным голосом: «Так они же от красивых мужчин. Кто же со страшным гулять станет? Ну, а потом бросают детей. Государство воспитает!» Я не знала точного смысла всех слов, но поняла, что такие матери поступают очень плохо, и что эти слова одновременно очень обидные и для мам и для детей. «Зачем няни говорят мне об этом? Хотят обидеть?»

Чтобы отвлечься от плохих мыслей, повернулась к замерзшему окну, оттаяла пальчиками кружочек и начала разглядывать детей, которые с удовольствием ковырялись в снегу. «Скорей бы выздороветь», – думала я, изучая красивые узоры на стеклах. Няни продолжали свою болтовню о плохих мамах. Видно таких рассказней в их памяти накопилось много. А мне от этого становилось все грустней и грустней. Мне не хотелось, чтобы про моих папу и маму существовала такая же гадкая история. Они ни в чем не виноваты! Они хорошие! Мои родители, наверное, погибли на войне. Они герои. Я очень обрадовалась этой мысли. Мне сделалось спокойно-спокойно. Разговоры нянь стали мне безразличны. И теперь я с удовольствием разглядывала узоры на стекле. Вот эти листочки похожи на папоротник, который растет за нашим железным забором, а это – веточка березы, а здесь сказочные деревья из страны Снежной Королевы. Может Дед Мороз рисует для маленьких больных, чтобы им не так грустно было? Он ведь добрый. Нарисовал бы дед Мороз на наших серых голых стенах серебристую сказочную красоту! Таковую же, как на стеклах. Вот было бы здорово!

ПРОГУЛКА

Ура! Сегодня прогулка на луг с тетей Машей! Она научит нас собирать разные травы для кухни. От радости мы визжим, закидываем ноги выше головы. Гвалт затеяли невообразимый. Тетя Маша, пожилая, очень спокойная женщина, неодобрительно смотрит на нас и говорит негромко, но как-то по-особому твердо:

– Не будете слушаться, – я не пойду с вами.

И оттого, что она сделала ударение на «я», большинство детей мгновенно замолчало и зацыкало на тех, у кого плохо работали «тормоза».

Идти недалеко. Тетя Маша показала нам, какие травы нужно рвать, объяснила как они называются и где применяются. Когда мы приносили ей свои находки, она принимала их, но требовала рассказать о растениях все, что запомнили. Одни дети рвали разные травы и подробно рассказывали, а другие собирали один вид травы и не заслуживали радостной похвалы. А как мне хотелось получить ее от тети Маши! И чтобы другие услышали: «О! Это редкий цветок! Как много ты нашла интересной травы!»

Пожурился лентяев и подбодрив тех, у кого просто не получилось как следует поработать, тетя Маша объявила:

– Отдых! Лягте-ка все на спинку и посмотрите на небо. Оно одно, но каждый в нем увидит свое.

Мы легли. Огромные белые облака перемещались по ярко-голубой глади неба, медленно изменяясь, превращаясь то в одних, то в других пушистых добрых сказочных существ. Они живые! Мне очень понравилась эта мысль, и я начала фантазировать: «Вот медведь и девочка сидят рядом, а вот прибежала собака, и медведь с испуга начал исчезать, а девочка...» Кто-то из ребят грубо толкнул меня под ребро. Пора возвращаться. Мы устали от беготни. Идем медленно. Куда только делась наша прыть?

Вдруг тетя Маша тихонько вскрикнула:

– Вова! Что же ты на жука наступил!

Мгновение – и все склонились над огромным насекомым.

– Это жук-олень, – объяснила тетя Маша.

Каждый по очереди брал жука себе на ладошку и осторожно прикасался к огромным рогам.

– А у мамы-жука рожки маленькие. Кто найдет ее, пусть покажет всем. Только не губите. Это же, как и человек, божья тварь, ей тоже жить хочется, – продолжила тетя Маша.

Жук привел нас в состояние трепетного восхищения. Мы внимательно осматривали все, что находилось под ногами и, забыв об усталости, ловили всяческую живность. Тетя Маша рассказывала о букашках все, что знала.

Сегодня я впервые обратила внимание на то, сколько маленьких существ живет вокруг.

В ЛЕСУ

После обеда, если стоит хорошая погода, мы ходим с воспитателями гулять в лес. Мы быстро забываем плохое и всегда надеемся, что следующий день будет лучше. Но узнав, что сегодня в лес нас поведет Валентина Серафимовна, сразу потускнели...

Идем по пыльной дороге. Воспитательница медленно бредет по обочине, погруженная в себя. Я с удовольствием запускаю ноги в теплую, пушистую, мягкую пыль. Она тонкая, чистая, без камешков и мусора, как мука у бабы Мавры на кухне. Только серая. Струйки пыли текут между растопыренными пальцами, приятно и нежно щекоча их. Другие ребята на дороге делают узоры из следов. При этом они приседают, смешно выворачивая ноги, чтобы следы пошли по кругу или звездочкой. В этот момент они похожи на неуклюжих ворон, которые часто сидят на куче отбросов за нашим забором.

Вдруг я обнаружила огромную мохнатую гусеницу с рогом на голове. Она оказалась толщиной аж в два моих пальца! Ее окраска поразительна! После серо-черных обжор, которых мы собирали в нашем саду на коре яблонь, эта – красавица! Ярко-оранжевые, коричневые, красные и бежевые кольца ее тела то сжимались, то расширялись. Движение гусеницы напомнило мне гармошку деда Панько, нашего конюха. Во время игры ее цветные складочки то раздвигались, показывая яркие полоски ткани, то смыкались, пряча их под черными уголками.

Ребята осторожно палочкой переворачивают мою гусеницу на спинку. Она сердится, извивается, показывая желтоватый голый животик, утыканный желтыми ножками в черных «ботиночках». Самые смелые мальчишки ощупывают длинный жесткий, не очень острый красный рог. Мы знали, что на яблонях плохие гусеницы, и уничтожали их, но не допускали мысли, что такая красивая может быть вредной, и поэтому положили ее назад, в траву.

Гусеница как бы послужила сигналом к поиску. Все забыли про узоры в пыли. Девочки теперь ловили и показывали друг другу необыкновенных бабочек. Потом отпускали их, памятуя слова тети Маши, что с крылышек нельзя стирать чешуйки, чтобы не погибла божья тварь. Мальчишек больше интересуют прыткие кузнечики. Они заворожено смотрят, как «выстреливают» из густой травы серые и зеленые «солдатики», расправляя в полете ноги, а иногда и крылышки. Самому шустрому, Витьку, удалось поймать такого большого зеленого кузнечика, что тот еле укладывался в его ладошке. Некоторые из детей даже в испуге отошли, увидев огромные страшные челюсти. (Позже мы узнали, что это была саранча.) А Витя смело водил пальцем по шершавой, в зазубринках, ноге кузнечика, совал ему в рот травинки, ощупывал жесткие, прозрачные, с серым узором крылья. В этот момент и вырвался кузнечик. Витек только громко вздохнул.

А меня удивляет красота цветов, их окраска и форма лепестков: топорик, веер, петушок, лев, метелка. У самой дороги я увидела молодую пушистую темно-зеленую сосну чуть выше меня ростом. Кончики ее веток странные: бледно-зеленые в светло-коричневых чешуйках. Сорвала маленькую шишку и растерла в ладонях. Руки стали влажные и клейкие. В нос ударил сильный приятный запах смолы. До чего же хорошо!

Незаметно вошли в лес. Чем дальше идем, тем страшнее становится. Сердечки сжимает тоска, в глазах у каждого боль, беспомощность. Опускаем их, чтобы не зареветь. Каждый хочет

надеяться, что на этот раз все обойдется. Но все повторяется. Валентина Серафимовна начинает говорить страшные слова: «В лесу живет огромный, злой Змей-Горыныч. И все ужи, змеи, пауки собираются по его зову, чтобы есть маленьких детей, заблудившихся в лесу. Слышите шуршание? Это ползут к вам гады лесные...»

Мурашки бегут у меня по спине. Прислушалась. На самом деле слышен скрип, шуршание. Волосы на голове зашевелились. Валентина Серафимовна продолжает: «А когда стемнеет, вылезут из могил вурдалаки. Надоела им мертвечина, хотят они свежей крови... Разрывают они на куски всех, кто попадет им на пути...» Пока светло, мы еще терпим, дрожа от страха, но как только серая мгла начинает окутывать кусты, кто-нибудь не выдерживает, и вслед за ним все мы с ревом бросаемся к воспитательнице, умоляя спасти нас. А она берет веревку из сумки и начинает вешаться на дереве, чтобы оставить нас в лесу одних. В изнеможении от слез и волнения мы лежим на земле и со стонами бормочем: «Будем слушаться, только отведите нас домой».

Наконец, она оказывает нам милость. Измученные, мы валимся в кровати и засыпаем. Кто-то всхлипывает во сне, кто-то кричит или стонет. Я же после такой прогулки долго не могу уснуть.

Утром, открыв глаза, почему-то вижу перед собой Валентину Серафимовну, хотя ребята говорят, что ее нет в спальне. Пытаюсь закричать, но ничего не получается. Мелькает мысль, что онемела, и от ужаса окончательно просыпаюсь. Несколько минут и в самом деле не могу говорить, судорожно глотаю ртом воздух. Потом с ревом ко мне возвращается речь. Я начинаю что-то бессвязно говорить, путая звуки [б]-[п], [д]-[т], [с]-[ш]. Дети успокаивают меня: «Не бойся, это же нервы, так тетя Маша говорила. Все пройдет, когда вырастешь». Наверное, тетя Маша хотела сказать: «Когда отсюда уедешь». Но мы знали, что ей нельзя так говорить. Мы многое понимали. Почему же некоторые взрослые такие плохие? Ведь они тоже когда-то были маленькими. Я знаю, что – хорошо, а что – плохо. Мне никто не объяснял этого. Наверное, в моей голове, когда-то это было «записано». А у Валентины Серафимовны – все наоборот, как у Снежной Королевы. Довести бы ее до слез, чтобы выплыл осколок кривого зеркала из ее глаза. Да разве заставишь такую плакать?

После завтрака – разбор нашего поведения в лесу. А это значит – опять наказания. «Малырийный комар попал мне в туфлю. Ты виновата! Хочешь, чтобы я умерла от малярии?» – кричит на меня Валентина Серафимовна и сламывает несколько лозин. Я начинаю визжать, кричать, что даже не видела этого чертового комара. Тот, кто попытается защитить меня, будет наказан вдвое. Обломав несколько лозин на мне и Витьке, Валентина Серафимовна приступает к следующему: «Вовка вертелся под ногами, отчего мы чуть не заблудились. Придется йодом вымазать ему мужскую гордость у всех на виду». Некоторым она делает снисхождение, – предоставляет право выбирать: колоть ли руки булавками или «вкусить» лозину.

ПРЕДАТЕЛЬ

Странная дружба завелась у Светки с Валентиной Серафимовной. Началось это с того, что ее перестали наказывать. Потом в голосе Светы появилась какая-то вкрадчивость, а в глазах хитринка. Она теперь мало говорила. Больше слушала. Зато бить нас стали еще чаще, потому что до ВЭЭС теперь доходили все наши маленькие секреты. (С тех пор я возненавидела воркующий звук Светкиного предательского смеха.) Наказанием воспитательница стремилась выяснить, кто зачинщик той или иной шалости. Но мы всегда молчали. Нас не пугали даже булавки. Вместе баловались, вместе и отвечали. Однако, если наказание казалось нам незаслуженным или не соответствующим по степени строгости провинности, то мы орали, что есть мочи или зверьками смотрели исподлобья, шепча еле слышно: «Злюка-гадюка».

Помню, как первый раз я получила от ВЭЭС наказание «булавкой». Мне не было тогда и четырех. Она один раз уколола в тыльную сторону ладонки. Я ойкнула. Еще, еще раз. А

сама внимательно смотрела мне в глаза. Ох, какое зло меня взяло! «Не буду кричать! – решила я. – Пусть слезы льются, а кричать не буду!» Терпела до тех пор, пока булавка не добралась до ногтей. Выдерживать такое было уже выше моих сил...

Сначала во время наказаний Света гуляла где-нибудь во дворе. Потом стала сидеть рядом с ВЭЭС. Достаточно скоро она превратилась в маленькую злюку. Но Света считала себя хорошей помощницей воспитательницы. Она же следила за порядком! Когда все дети сидели на лавках и ели, Света ходила между рядами. Стоило кому-либо даже шепотом заговорить, он тут же получал в лоб ложкой. И надо заметить – удар был крепкий, отработанный. Я от него даже с лавки один раз свалилась. Но боль – ерунда. Мы не могли понять, как Светка могла предавать друзей? Продалась за горсть конфет или так уж боялась наказаний? А может, ей хотелось быть начальницей? Никто не пытался выяснить это у Светки. А вскоре мы вообще перестали с ней разговаривать. Она словно не существовала для нас. Мы ее презирали. Старшие мальчики рассказывали, что на войне предателей расстреливали. У Светки появилась кличка «СС». Мое презрение к ней было так велико, что оно пересиливало жалость, которую я питала к каждому несчастному. А я считала ее очень несчастной. Но по всему видно было, что Светка себя представляла иначе. А может быть, она и вообще не думала, довольная своей ролью?

Почему мы не били ее? Нас не мог удержать страх наказания. Но тогда что?

– Здесь больше виновата Валентина Серафимовна, – размышлял Иван, старший из нас, – без ВЭЭС не было бы СС. К тому же Светка не фрицам нас предает.

Витька кипятился:

– Не защищай! На войне она продаст нас немцам!

– Ну, это разные вещи! Фрицам она, наверное, не сможет. Они же враги нашей Родины, – задумчиво подытожил Иван.

Родина. Это слово я часто слышу по радио. В моем представлении это что-то огромное, красивое и главное. То, ради чего живет человек. А если отнимают Родину, то человек отдает за нее жизнь, потому что жить без Родины он не может.

Няня говорила, что даже у животных есть родина. Это то место, где они живут. И они ее по-своему защищают. А у человека Родина в сердце.

Я не совсем понимаю, что это такое, но горжусь, что у меня есть Родина, и знаю, что никогда не буду предателем.

КОМИССИЯ

Слово «комиссия» наводило ужас на всех детей детдома. От старших к младшим передавалось то, что бывает после комиссии. Теперь и мне придется пережить это стихийное бедствие. Тайно собрались четырех- и пятилетние.

– А вдруг комиссия хорошая, давайте ей все расскажем? – предложил один.

– Комиссия не бывает хорошей, – авторитетно прервал его семилетка, – они приедут, выслушают все жалобы, соберут наших воспитателей, поругают их и уедут. А нам потом жить будет еще хуже.

Все притихли. Кто же защитит? На комиссию надеялись. А теперь? У многих потекли слезы. Под сердцем у меня стало холодно и пусто.

– Надо молчать. Из двух бед выбирают меньшую, – твердым голосом сказал семилетка, видно, повторяя слова взрослых.

Приехала комиссия. Зашли в спальню. Одна женщина потрогала одеяла с наскооро подшитыми к ним белыми простынями. Другая проверила, крепка ли кровать. Все сияло чистотой. Неделя «пахали» не зря. Потом тетки с фальшиво-ласковыми лицами взялись выспрашивать, как нам живется, всем ли мы довольны. Я знала свой непослушный язык, и поэтому смотрела на комиссию, крепко стиснув зубы. «Неужели они хотят нам сделать больно? Они же неглупые и, наверное, понимают, что бывает в детдомах», – размышляла я.

Мужчины из комиссии не лезли с провокационными вопросами, поэтому я относилась к ним с большим уважением. Хотя какие они защитники детей? Спасибо на том, что из-за них хуже не будет. Комедия продолжалась два дня. Льстивые лица, страшно любезные воспитатели. «Вовочка, Сашенька, детки». Тьфу! Противно. Лучше бы эти дни просидеть в подвале наказанной. Душу выворачивает, гадко, даже голова разболелась!

К вечеру второго дня выяснилось, что некоторые дети попались на перекрестном «допросе» хитрых толстых теток. Неожиданно для себя они кое-что рассказали. Ну, теперь будет, чем развлечься воспитателям. А еще семилетки узнали, что список замечаний воспитателям велик, несмотря на «пахоту», и что за каждый пункт этого списка каждой группе будет великая трепка.

Пошли спать. Я усиленно перебираю в памяти прошедшие два дня. Каждый шаг, по минутам. Поведение идеальное. Тише воды, ниже травы. Ни одного лишнего слова. Для меня это – героизм.

Вдруг молнией мелькнула мысль о том, что вчера перед сном машинально сосала узелок, которым заканчивалась толстая нитка, прикреплявшая простыню к одеялу. А вдруг я откусила его во сне, и меня тоже записали в «черный список»? Испуганно вскочила. Узелка не было. Подцепила нитку и дрожащими руками принялась старательно делать узелок. Ничего не получилось! А строчка от моего неумения разошлась еще немного. Бросило в жар, закружилась голова. Но я взяла себя в руки и все-таки сделала этот проклятый узелок! Приложила ладошку. Вроде не очень заметно. Может, не накажут? Господи, боже мой, помоги!

Я не понимала, кто такой Господи, но все взрослые и дети просили у него защиты. И кое-кого он выручал. Как он выбирал того, о ком хотел позаботиться, никто не знал. Иногда он помогал даже ведьме-воспитательнице.

– Господи, помоги, Господи, помоги... – шептала я, засыпая.

Утром, когда мы еще лежали в постелях, молча зашли две воспитательницы. Тишина стояла густая, темная и какая-то липкая. Я натянула одеяло на голову, но оставила «окошко» для наблюдения. Подняли первого. «Комардин» стоял, опустив голову, слезы текли по лицу ручьями, его колени и руки сильно дрожали. Растягивая слова, он бормотал:

– За что? Что я сделал?

Воспитатели молча привязали его ноги к железной спинке кровати и, схватив за уши, отвели тело от спинки и бросили. Ударившись головой, мальчик дико взвизгнул. Его снова потянули за плечи в сторону и грубо бросили. Пацан успел прикрыть руками голову. Удар пришелся по тощим лопаткам. В серой приглушенной тишине слышались шлепки и резкие слова:

– Опустит руки, а то целый день будешь качаться вниз головой.

«Комардин», извиваясь и скручиваясь, все же пытался помочь себе. Больше смотреть я не могла. Сжалась в комок, рыдая и моля: «Господи, помоги». Не помог. Позже из разговоров поняла, что били всех. Воспитателям надо было разрядиться. Маленьким доносчикам еще кололи руки булавками до тех пор, пока взрослым надоело слушать их вопли. Господи, куда ты смотришь?

Раньше я даже от лечебных уколов плакала. Не кричала. Слезы не умела сдерживать. Медсестра жалела молча вздрагивающего задохлика, и потихоньку подсовывала мне шарики-витамины. Я сосала их и молила Бога, чтобы она всегда оставалась доброй. Может, тогда и другим детям будет, у кого поплакать, не ожидая после этого наказания. А как это бывает нужно!

МЕСТЬ

Осень. Теплый день. Иду по лесу. Мысли тихие, ласковые, мягкие, как листья заячьей капусты, которые я незаметно для себя тереблю в руках.

Боже! Что за чудо! Подхожу ближе. Осина. На одном дереве красные, ярко-желтые, малиновые и темно-фиолетовые листья! Осторожно касаюсь их, будто боюсь стереть волшебные краски. Собираю с земли самые яркие. А вот на траве лежат багряно-желтые листья городского клена, а эти бледно-желтые, полупрозрачные – лесного. Подняла голову к вершине дерева. Я в золотом сказочном шатре! Все листья без пятен, чистые-чистые. На них видна каждая прожилка. Кажется, что крона клена светится спокойным, притушенным, бархатным светом. Он не раздражает глаза, потому что нежный, теплый. Даже летом в лесу нет такого разнообразия сочных тонов!

Останавливаюсь и начинаю представлять себя в раю. Там, наверное, хорошо, как в осеннем лесу. Трава у меня под ногами, конечно, уже бурая, но от этого не перестала быть красивой. Она теперь другая. Медленно иду дальше. Рядом с совсем зеленым дубом примостился бересклет. Его любопытные «глазки» еще летом привлекали меня, а сейчас они просто завораживают. Я опускаюсь коленями на влажную листву, смотрю на эти удивительные черные «глаза», обрамленные красно-оранжевыми веками, и молчу. Я слушаю сказки леса, которые мне рассказывает каждая травинка, каждый сучок дерева. На тонкой упругой ветке склонился надо мной орех. Он тоже хочет о чем-то рассказать.

Вдруг улавливаю отдаленный гудок паровоза. Его звук всегда вызывает у меня тревожное чувство. С ним я связываю незнакомую жизнь где-то там, вне детдома. Наверное, это другая, особенная жизнь. Дай, Господи, чтобы она была лучше нашей. Иначе зачем вырастать? Гудок напоминает мне, что пора возвращаться.

Из леса тропинка привела в наш сад. Такого сада нигде в мире больше нет! Огромные деревья в основном старые, корявые, развесистые. И только около домов растет молодняк.

А наш детдом – это два дома и один сарай. Дома длинные-длинные, низкие, покрытые потемневшей соломой, по краям сильно побитой воробьиными гнездами. Окошки маленькие. Почему-то нет фундамента. Он есть только в пристройке, где расположена «тихая» комната. В первом корпусе – спальня и комната поменьше. В ней – большая печка, которая спасает нас зимой. Там же стирают белье и иногда нас купают. Во втором корпусе – кухня и столовая. А в сарае чего только нет: лошадь, телега, солома, всякий хлам. В сарае окошки такие маленькие, что голова не пролезет, и они под самой крышей.

Погруженная в свои мысли, не заметила, как остановилась посреди сада. Вспорхнувшая у самого лица птица заставила меня вздрогнуть. Стою под грушей. Земля усыпана крупными желтыми сочными плодами. Выбираю самую красивую грушу, вытираю о трусы и с удовольствием ем, вдыхая чудный аромат. Рядом вижу мою любимую желтую сливу. Наконец созрела. Янтарные ягоды долго впитывали лучи солнца, чтобы стать не только красивыми, но и сладкими. Хорошо! Много у нас яблок, груш, слив. А самое главное, их можно брать с земли, сколько хочешь, и никто бить не будет.

Увидела своих дружков. «Комардин» (его так прозвали за то, что он не выговаривал слово командир) и Витя «Светильник-Кипятильник» что-то бурно обсуждали под любимой сливой Валентины Серафимовны. Оказывается, Ваня предлагал оборвать ее назло воспитательнице. Пусть, мол, останется без варенья. Я сначала заколебалась, но раны на спине и ниже ныли, трусы прилипли к ним. И вдруг волна обиды захлестнула меня так, что перед глазами поплыло дерево, ребята. Дыхание стало затрудненным. В мозгу застучал молоточек: «Я ни в чем не виновата. За что?!»

– Тряси, «Комардин»! – скомандовала я.

Он вмиг влез на дерево, а мы с остервенением топтали сочные темно-синие сливы. Внезапно злость схлынула, сошла пелена с глаз. Мы почти одновременно с Витей остановились, глянули друг другу в глаза, тут же опустили их и медленно пошли в разные стороны. Нам было стыдно. Как мы понимали друг друга! Мы делали плохо. А нам так не хотелось быть плохими.

Разошлись растерянные и подавленные, хотя чувствовали свою правоту. Что же делать? Терпеть всю жизнь? И почему мы, дети, можем жить без жестокости, а взрослые нет?

ИГРЫ В ПЕСКЕ

В удобном месте расположена куча песка. Если светит солнце, то оно обязательно согревает его. Мы любим свою площадку. Песка всем хватает. Можно играть одному, но лучше с друзьями. Пирожки «печем» в любой посуде. Старые, проржавевшие банки, куски резины, даже листья с деревьев – все годится. Мальчишки, привязав веревочки к кускам автомобильных шин, развозят «продукты по детским домам», старательно подражая шуму мотора. Девочки «кормят» пирожками тряпичных самодельных кукол.

Гляжу – мальчишка из другой группы подсел к нам поиграть. Но старшая девочка, выполнявшая роль мамы, вдруг встала, строго посмотрела на пацана и с выражением сказала:

– Наша семья играет только с красивыми мальчиками.

Ошарашенный малыш отошел, захлопав белесыми ресницами. Меня удивило и рассмешило заявление девочки. Причем здесь красота? Все красивые, когда не злые. Еще меня удивило лицо девочки-«мамы» в тот момент, когда она говорила о красивых мальчиках. На нем было такое же кокетливое выражение, как у противной няни, во время болтовни о мужчинах. Даже плечом девочка повела как-то особенно плавно, что и рассмешило меня. «Здорово пердразнивает», – подумала я. Услышав смех, мальчишка принял его на свой счет, оглянулся и показал мне кулак.

– Дурак, не над тобой! – разозлилась я, но тут же отвлеклась и забыла о нем.

Вообще песочница – место обсуждения самых важных вопросов. Вот недавно болтают девочка и мальчик во время игры. Мальчик говорит:

– И нашли папа с мамой ребенка в капусте и стали его кормить, поить.

– Вот глупый. Детей мамы в животике выращивают, а потом рodyт, – строго произнесла девочка.

– Ну, пусть родят. Давай его спать укладывать, – миролюбиво ответил мальчик, собирая тряпочки в кровать-галoшу. И вся группа взялась спорить, родят или находят детей.

Мне нравится наблюдать за играми даже больше, чем играть. Дети такие разные!

ЛЮБОВЬ?

Любопытная история произошла сегодня около столовой. Мы собрались у корпуса, а обед еще не приготовили. Топчемся у двери. Вдруг Саша отделился от нас и направился напрямик к новенькой девочке из другой группы. Мы все ходим в синих майках и черных сатиновых трусах до колен, а у новенькой четырехлетки – настоящее короткое платьице с оборкой по низу. Кудрявые темные локоны еще не острижены. Так вот, Сашок принялся ходить вокруг этой девочки. Он заглядывал ей в черные глаза, с каждым кругом подходя все ближе и ближе. Девочка, заметив к себе внимание, стала «в позу»: подняла смуглое личико кверху, опустила глазки, отставила одну ножку вперед, руку на пояс положила. Мы с любопытством смотрели на странную картину. Сашок приблизился к ней и попытался привлечь к себе ее внимание, дергая за край платьица. Девочка стояла, не шевелясь, не устаивая мальчика даже взглядом. А он не отходил от нее, придумывая все новые способы внимания. Тут позвали обедать. Группы смешались. Я, ковыряя ложкой в тарелке, думала о том, что увидела. Это и есть любовь? Они вели себя как взрослые? Но Саша такое нигде не мог видеть. У нас в детдоме нет молодых мужчин. Значит, дети делали то, что говорила им душа или сердце? Я и за собой замечала, что иногда что-то делаю не по своему желанию. Как будто кто-то толкает меня, заставляет. Я даже иногда говорю о том, о чем еще не думала. А вдруг это плохо? А может, у всех так?

А вот мы с Витей никогда не «выламываемся». Он не ходит вокруг меня «петушком». Да я бы и не позволила ему этого делать. Мы нормальные друзья. Не знаю, почему, но история

Сашка с новенькой как-то запала в душу, всколыхнула что-то незнакомое, непонятное во мне. И, если честно себе признаться, я подумала, что была бы не против, чтобы какой-нибудь хороший мальчик «повыкручивался» бы передо мной. Это мой первый и единственный секрет от Витьки. Я почувствовала, что об этом ему не стоит говорить. Не понимаю, почему.

А душа и сердце – это одно и то же или что-то разное? Наверно, разное. В душе – доброе сидит. А в сердце находится любовь. Витек у меня в душе. А новенькая у Сашка в сердце.

Какие глупости у меня в башке! Опять мало поела. Сейчас няня будет забирать миску и бурчать:

– Задохлик, когда есть научишься?

ЗУБАСТОЕ ЧУДО

Витька сегодня герой, потому что сам себе выдернул зуб. Он его старательно раскачивал, и на третий день тот безболезненно выскочил. Все ребята по очереди ощупывали, разглядывали зуб. А наш герой с удовольствием раскрывал рот, показывая дырку. Тут примчался «Комардин» и с восторгом объявил, что у него тоже качается зуб. Но Ване не повезло. Зуб разболелся так, что ночью он не мог заснуть. Утром за завтраком тетя Маша сказала измученному малышу, что можно вытащить зуб толстой ниткой, привязанной к ручке двери. За дело энергично взялся Витек. После мучительной ночи Ваня был согласен на все. Процедура привязывания нитки к зубу оказалась сложной. Витька кое-как справился. Оставалось самое малое – резко дернуть за ручку двери. «Комардин» вдруг потребовал снять нитку, отказываясь от незнакомой, страшной операции. Но Витек приказал крепко держать больного, чтобы он не испортил дело. Ваня зажал нитку зубами и неистово вырывался. Улучив момент, когда больной открыл рот, чтобы заорать, «доктор» резко закрыл дверь. Но, боже мой! Нитка оборвалась у самого рта и по ней потекла розовая слюна. Поняв, что «операция» прошла неудачно, «Комардин» завыл еще громче. Попытки снять нитку ни к чему не привели. Все жалели Ваню и пытались отвлечь его своими «зачаками». Ничего не помогало. Ваня тоскливо скулил, отвернувшись к стенке. Мы побежали за помощью к тете Маше. Вымыв руки, она тут же притопала в спальню, посадила беднягу на колени, прижала его голову к груди и басистым спокойным голосом сказала:

– Не вертись, и я быстро помогу тебе.

Больной затих, закрыл глаза и открыл рот. Странно. У тети Маши грубые руки, пухлые пальцы, но она быстро и ловко поддела нитку и сняла ее с зуба. От страха Ваня боялся открыть крепко сжатые глаза. Сначала провел рукой по губам. Нитки не было! Он благодарно прижался к тете Маше. А мы, визжа от радости, побежали сообщать всем, что «Комардин» спасен, что тетя Маша – Человек. Это наша самая большая похвала взрослому.

Теперь всех детей интересовали зубы. Я тоже занялась обследованием. Господи, помилуй! У меня два зуба лишних! Они растут внутри рта во втором ряду! Сообщила об этом Витьку, а он вмиг разнес новую весть по детдому. Сначала меня ошарашило открытие. Но уже к обеду я ходила героем. Ко мне выстроилась очередь. Каждый стремился убедиться, что это не «брех». Самые маленькие боялись заглядывать в рот. Они с восхищением смотрели на меня и спрашивали:

– Не брешешь?

– Ей-богу, нет! – гордо отвечала я.

Но праздновать героя мне пришлось недолго. Тихий молчаливый Виталик неожиданно сознался, что стеснялся рассказать, что у него во рту два полных ряда зубов. Он боялся, что его будут дразнить «рыба» или «акула». Фантастическая новость облетела вмиг все группы. И много дней подряд Виталик старательно открывал рот и терпеливо ждал, пока очередной любознательный ребенок осмотрит его зубы. Дошла весть об интересном явлении и до воспитателей. Вскоре меня и Виталика повезли в город к зубному врачу.

Я с интересом оглядывала чистый белый кабинет. Особенно мне понравились блестящие инструменты. Не задумываясь, направилась к ним, чтобы лучше разглядеть незнакомые предметы. Но доктор быстро разгадал любознательного ребенка, перехватил меня на полпути и усадил в кресло. Я не боялась, потому что не знала, в чем состоит лечение. Молодой доктор взял блестящие щипчики, и не успела я сообразить, что он собирается делать со мной, как услышала веселый голос:

– Слезай, молодец! Голова не кружится?

Я поняла, что он лишил меня зубов только по тому, что заныла десна. Виталик, увидев, что зубы удаляют, горько заплакал. Доктор ласково взял его на руки и перенес в кресло. Глотая слезы, мальчик послушно закрыл глаза и открыл рот. У меня заныло сердце. Бедный. Ведь это не два зуба выдернуть! Заглянув больному в рот, доктор ахнул. Похоже, он никогда такого не видел и растерянно хлопал длинными белесыми ресницами. Потом подумал с минуту и решительно сказал:

– Мальчика – в больницу. Следующий.

Назад ехала одна. Возница сказал, что Виталика будут обследовать. По его тону поняла, что это не страшно, и успокоилась.

Я ХУЛИГАНЮ

Пора в столовую. Вышла на крыльцо, чтобы идти в другой корпус, но задумалась, заняв свою обычную позу: для устойчивости выставила правую ногу вперед.

Резко открылась дверь, и мчавшийся мальчишка, споткнувшись о мою ногу, полетел на свежевскопанную клумбу. Именно полетел, красиво, не касаясь земли. Я пришла в восторг от такого удивительного зрелища. Один за другим выбегали ребята, и каждый, спотыкаясь, летел по-своему. Большинство из них вскакивали, отряхивали колени и, даже не оглянувшись, бежали дальше. Голод звал. Я не задумывалась над тем, что делаю. Я восхищалась полетами. Вот еще один мальчик, на вид чуть старше меня, погрузил свои колени в клумбу. Встал, аккуратно отряхнул шаровары, повернулся ко мне и, глядя на мою восторженную рожицу, спросил презрительно, но грустно:

– Нравится, когда человеку плохо?

И ушел. Я стояла сраженная его словами, как оплеванная. Мне было так стыдно за свое дурацкое развлечение, что не пошла обедать, а побрела в сад. Лежу под деревом и долблю себе одно и то же:

– Сначала думай, потом делай. Дура.

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ГЛУПОЙ ОБЕЗЬЯНКОЙ

Какие мы все разные! Кто толстый, а кто тощий. Ваня черный, как уголь, я беловолосая, будто сметаной облита. А Витька рыжий. И почему его дразнят? Ведь чубчик у него красивый, как костер, который мы тайно жжем в лесу. Огонь такой таинственный, волшебный! Разве можно дразнить за красоту? Золотой цвет самый привлекательный. Может, они завидуют Вите? А узкие черные глазки якута Вани такие веселые, хитренькие и добрые! Какой же он косой? Дураки. Если бы все люди вдруг сделались одинаковыми, вот скуотища была бы! Почему черных и белых не дразнят? Меня называют губатой. Зато у меня самые длинные ресницы. Девчонки укладывали всем на ресницы спички. И только у меня удержалось четыре. Вот! Даже у Витька меньше. Правда, у меня уши торчат. Зато я уже не реву по пустякам. Но сегодня впервые услышала обидную кличку – «обезьянка», волосатая обезьянка.

Руки и ноги мои покрыты мягкими, пушистыми, светлыми волосами. Летом они выгорают и становятся совсем белыми. Я взяла линейку, измерила длину волос. Побежала к Вите. Волосы на руках у него короткие и редкие. Плохо. Надо что-то делать. С трудом дождалась няню. Попросила ножницы, чтобы подрезать ногти. Няня удивилась, что я хочу заняться этим

добровольно, но ножницы дала. Я села в коридоре на стул и принялась старательно срезать волосы на левой руке. Тут мимо пробежала девчонка, которая дала кличку, захохотала мне в лицо и прокричала с издевкой:

– Нельзя стричь! Теперь у тебя на руках вырастут такие волосы, что ты будешь их в косы заплетать.

От испуга я выронила ножницы. «Вот дуреха, сама себя сгубила», – разозлилась я на себя и горько заплакала. Подружки успокаивали меня:

– Не верь, она злока.

Но сомнение уже закралось в душу. Еще много дней я бегала с линейкой, пока не успокоилась окончательно.

Может, клички дают злые люди? Но ведь я же сама зову Витька «Светильник-Кипятильник», потому что кличка очень подходит ему. Да и Витьку она нравится. А обезьянкой не хочу быть! Пусть называют «губатая», «скелет», только не «обезьяна»! Мне повезло, как ни старалась злока, эта кличка ко мне не пристала. Чтобы меня не дразнили «скелет», я придумала называть себя «тощик». Витек заметил, что если не злиться на кличку, то часто у самих ребят пропадает желание дразниться. А есть приятные клички: «Атаман», «Профессор». Здорово! Получить бы такую.

ПЕРВЫЙ РАЗ НА РЕКЕ

К реке ведет крутой спуск. Как ни стараюсь идти аккуратно, все равно из-под ног выскакивают белые, желтые, серые камешки и, шурша, бегут впереди меня. Шуршание нравится моим друзьям, и они нарочно футболеют гальку.

Тропинка привела к зеленой лужайке. Трава здесь низкая, плотная, как воротник на коже деда Панько. Только он рыжий и теплый, а трава прохладная, пахучая, изумрудная. Никогда такой красивой не видела! Она быстро остудила разгоряченные ступни моих босых ног. Валяюсь на бархатном ковре, ожидая отставших ребят. Небо голубое, бездонное. Облака – перья сказочной снежной птицы – полупрозрачные, легкие, матовые. Уткнулась носом в траву. Легко в ней дышится! Лежать бы здесь вечность! Благодарь!

Наконец пришлепала Валентина Серафимовна. Теперь можно идти на песчаную полосу берега реки. Песок чистый, светло-желтый. Иногда под ногами потрескивают ракушки. Справа от пляжа гряда разноцветной гальки. Она обсыпана малышами. Тощая рыжая воспитательница первая разделась, удивив нас конопатой кожей и рыжими волосами на различных частях тела. Но долго разглядывать ее неинтересно, и мы шумной гурьбой ворвались в воду, обрызгав себя и всех вокруг. У берега мелко. Дно песчаное. После ребячьего вихря, буквально нескольких минут затишья, и у берега опять чистейшая вода. Видна каждая соринка на дне. Лучи солнца поблескивают в набегающей легкой волне. Волны не от ветра. (Стоит тишь.) Их «нагоняют» сумасбродно-восторженные дети. Немного остудив свой пыл, многие ребята пытаются учиться плавать, зайдя в воду до подбородка. Для малышей уметь плавать – гордость.

Потом мы трусами ловим рыбу. Серебристые спинки мелькают всюду, но удержать их в руках мне не удастся. Выскальзывают. Я уже хотела бросить неудачную рыбалку, но тут Витек позвал меня. Оказывается, в реку втекает маленький ручей, который легко перегородить трусами. Рыбы в ручье хватает всем. Посолили ее и спрятали в кустах. (Соль взяли у кухарки заранее.) Затем возобновили купание.

Меня все время притягивает противоположный крутой берег. Большие мальчишки по очереди прыгают с него вниз головой или ногами. Это чужие ребята. Они очень отличаются от нас своей уверенностью, самостоятельностью. А мы представляем стадо баранов или желторотых цыплят с наседкой. Хотя за все время купания Валентина Серафимовна не глянула ни на кого из нас. Как мы ей, наверно, надоели! Да и мы ее не трогаем. Нас это устраивает.

Неотступное желание побыть на противоположном берегу повело меня в глубь реки: до пояса, до подбородка, до макушки. Вода сомкнулась над головой, уже «с ручками». Медленно двигаюсь дальше. Начало давить в ушах. Воздуха не хватает. Вдруг мелькнула мысль:

– Берег крутой? Смогу ли выбраться без помощи? Если ребята ныряют с него вниз головой, значит там глубоко?

– Срочно возвращаться, – назойливо застучало в мозгу.

Я понимала, что надо так повернуться, чтобы назад пойти по той же дороге, иначе можно отклониться в сторону и попасть в какую-либо яму. Очень осторожно сделала поворот и двинулась к пологому берегу. Открыла глаза – ничего не видно. Дети взмутили воду. Закрыла их. То ли от страха, то ли от нехватки воздуха заболели уши, голова. Сжало виски. Думала только об одном: «Я не утону».

Подпрыгнула. Меня занесло вправо и перекувыркнуло. Нашупала дно. Попыталась вдохнуть. Хлебнула воды. Испугалась. Вокруг только плотная серо-голубая колеблющаяся стена. Стало жутко. Закружилась голова. Еще пара шагов. Подводная мгла исчезла. Рот и нос уже над водой. Идти больше не могу. Перед глазами дрожащие красно-оранжевые круги. Стою, кашляю, дышу и дрожу. Немного полегчало. Выбралась на берег, на солнышко. Никто ничего не заметил. Это уже хорошо. Почему-то вспомнилось услышанное где-то: «От пули не умрешь, судьба такая». Улыбнулась сама себе: «Не утону, судьба моя такая».

ГОСТИ

В детдоме оживление. Чистые все – от нянечек до малышек. Старшие дети намазали ботинки кусочками сала из вчерашнего борща. Оказывается, приедут бездетные тети и дяди выбирать себе сыновей и дочек. Я услышала об этом впервые, и общее волнение захватило меня. После завтрака всех собрали во дворе. Одна девочка от волнения, медленно, как тень, ходила кругами, боясь испачкать одежду и растрепать белые кудряшки на затылке. Младшие дети, сбившись в кучку, выясняли: хорошо или нет, если возьмут на воспитание? Старшие, кому шесть-семь лет, считали, что это хорошо, особенно, если отец будет военный. Из разговоров поняла, что интересуются только красивыми, любят беленьких кудрявых девочек. Мальчиков меньше берут. А больные или с дефектами – вообще никому не нужны. А я какая? Около кухни стояла полуторка. Залезла на подножку кабины и заглянула в зеркальце на длинной ручке. На меня смотрел белобрысый бесенок с грустными голубыми глазами и толстыми губами. Подвижная круглая мордочка, ямочки на щеках. На стриженной голове большие уши заметнее всего. Их называют варениками и частенько используют не по назначению. А вот кудряшек нет.

– Меня не возьмут, – решила я, уныло вздохнув.

Но от этого волнение не уменьшилось. Я не могла и минуты посидеть спокойно. Лезла на турник, качалась на качелях, громче всех орала: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”».

Незнакомые люди как-то незаметно влились в общую массу народа, заполнившего двор. Я слышала, как воспитатели говорили, что гости любят детей тихих, воспитанных, ласковых. Но меня как черти разбирали. Я волчком носилась по площадке, сшибая все, что попадалось под ноги, падала, обдирала колени. Мой громкий бас слышался отовсюду. Гости удивлялись: «Откуда в таком тщедушном ребенке столько энергии?!» Несмотря на сумасбродное поведение, я успевала замечать все, что происходило вокруг. Видела, как директриса лебезила перед чужими людьми, как с любопытством гости рассматривали детей. Мне очень понравилась одна пара, вернее – дядя-военный. Он был высокий, широкоплечий, не худой и, главное, с добрым лицом. И я всю энергию направила на то, чтобы он меня заметил. Но, увы! Его высокая худенькая жена подошла к девочке-кудряшке и повела с нею разговор.

Нет, я не заплакала. Мне только жаль было, что не попала к военному. Если бы он выбирал, то обязательно взял бы меня. Другой отец мне не нужен. Я медленно побрела с площадки.

На следующий день узнала, что еще выбрали Ваню-якута и что новые родители увезут его на Север, где нет яблок и груш. С Ваней отчего-то случилась истерика. Долго еще слышалось его надрывное:

– Не поеду, боюсь, оставьте меня здесь.

Может, на самом деле где-то там еще хуже?

ВЗРОСЛЕЮ

Меня всегда тянуло к нашим старшим ребятам. Говорили, что им будто уже по двенадцать – тринадцать лет. Они вели совсем другую, чем у нас, дошколят, жизнь. Как-то, указав мне рукой на сидящих вдалеке на лугу больших девочку и мальчика, Витек с каким-то грустным восхищением произнес шепотом, хотя рядом никого не было:

– У них любовь!

Не понимаю смысла этого слова. Разное оно какое-то. И глядя на парочку, спокойно сидящую на траве, я пыталась почувствовать, догадаться, что оно означает в данном случае. Но в голову ничего определенного не приходило. Витя тоже не сумел объяснить: «Любовь – и все. Не детское слово».

Мне не нравится, когда взрослые говорят на нашем языке. Они дразнят маленьких? Или считают глупыми? Сколько себя помню, всегда понимала разговоры взрослых. Конечно, некоторые слова ставили в тупик. Вот как-то говорит молодая бойкая кастелянша шоферу:

– Ты представляешь, он меня матом накрыл!

Я долго размышляю над непонятной фразой. Маты – это большие, очень большие матрасы. Если дядя рассердился на тетю, то, может быть, в наказание и навалил на нее тяжелый матрас. Но где он его мог взять на улице! Ребенок я приставучий и пока не выясню непонятный вопрос, не могу успокоиться. Такой уж характер! За что и влетает часто. Но что такое «любовь» мне никто как следует так и не смог объяснить. Тогда я решила расспросить старших ребят. Но как к ним подступиться? Помог случай.

Старшие часто не ночевали в спальне или рано утром куда-то пропадали. И тогда их постели оставались неприбранными. В этот день неожиданный обход застал всех врасплох. Я быстро заправила постели старших ребят и помчалась на их поиски, лихорадочно размышляя на бегу, где они могут сегодня находиться. Повезло. Нашла одного. А они друг друга вмиг отыскали. В общем, на линейке все стояли на своих местах. Обошлось. Ребята вели себя вольно, но в пределах нормы, так как директриса пригрозила сдать их в другой детдом, а они почему-то этого очень не хотели. В благодарность за мою помощь ребята обещали взять меня с собой ночью в лес. Заснуть я, конечно, не могла. Скрип коек стал мне сигналом. Осторожно вылезли в окно.

Ночь была черная, но глаза быстро привыкли к темноте, и я хорошо видела тропинку, которая вела в глубь леса. Ветви деревьев тянулись ко мне, как ведьмины руки, цеплялись за майку, но я не боялась, а гордилась, что заслужила такое путешествие. Никто из детей, только я!

Добрались до поляны. Оказывается – ночью травы пахнут еще сильнее. А деревья не страшные, а задумчивые и загадочные.

– Не трусишь? – спросил меня старший из ребят – Иван.

– Нет, – с готовностью ответила я.

Это была чистая правда. Мне очень хотелось чем-нибудь доказать свою смелость. Зажгли костер. Красные блики трепетали на лицах. Я не узнавала ребят. Где бесшабашная удаль, где спокойное, даже нагловатое безразличие? Передо мной сидели грустные, молчаливые, беззащитные, какие-то усталые и слабые дети. Да, слабые.

Я была шокирована, когда поняла, что в лес они ходят не играть в разбойников, а обсуждать жизненные проблемы. Иван с грустью произнес:

– Скоро меня сдадут в ремесленное, а я даже как читать-писать позабыл. Ничего не умею. Я был глуп, когда соглашался остаться здесь. Хорошо жить на всем готовом. Здесь мы козыри. Но такое не может продолжаться вечно. В четырнадцать лет человек уже взрослый. В городе я буду выглядеть дураком.

Наступила гнетущая тишина. Казалось, что вместе с темнотой она еще больше придавила ребят. Я не выдержала и всхлипнула:

– Я умею читать, хочешь, научу? Это легко.

– Хорошо, – коротко ответил Иван.

– Завтра утром жду вашего решения, – сказал он друзьям.

– А ты знай, у нас не плачут, – строго обратился ко мне Иван.

Я мгновенно высушила слезы руками.

Свои вопросы задать не решилась, тем более что ребята залезли на деревья и продолжали на ветвях начатый разговор. Слышался смех, грубые слова. Видно, мнения разделились. Глядя на них, я тоже решила подобрать себе дерево, на котором было бы много веток снизу. Я еще слишком мала, чтобы ползти по голому стволу. Нашла густую, уютную липу и с удовольствием полезла. Это оказалось не просто. Слабые руки с трудом удерживали меня. Прежде чем залезть на следующую ветку, я пробовала ее на прочность и становилась на нее, только убедившись, что опора надежная. Но чем выше поднималась, тем больший восторг у меня вызывало ощущение высоты. Я не трусиха, я могу! Ребята заметили меня и окружили липу. Это придало мне сил. Иван предупредил, что ветки липы вверху хрупкие и что пора слезать. Но мне захотелось взобраться на самую верхушку. Я уже сама слышала потрескивания под ногами, но какие-то чертики внутри меня гнали разумные советы прочь.

И все же ветка подо мной обломилась и я, как с горки, покатила вниз. Только успела подумать на лету, что надо бы хвататься за ветки, чтобы смягчить удар. Не знаю, чем бы закончилось падение, если бы ребята меня не подхватили. Тело горело от кровавых ссадин и царапин. Но я не заревела. Не могла плакать перед новыми друзьями. Осмотрев меня, Иван засмеялся:

– Кости целы. Скажи себе спасибо, что выбрала липу. На другом дереве могла бы живот запросто испорить. Хана тебе была бы.

ПОСЕЩЕНИЕ ЦЕРКВИ

Иван предложил мне сбежать с прогулки, чтобы посмотреть церковь. Я, конечно, с радостью согласилась. Спрашивать не стала, что такое церковь. Сама пойму. Иван неразговорчив. И на мой вопрос наверняка ответил бы:

– Глаза есть?

Выждав, когда детвора разбежится по двору, я юркнула в знакомую дыру под забором. Ребята уже ждали, тихо переговариваясь о чем-то своем. Путь лежал через бурьян и овраг с ручьем. Потом, увязая в песке, с трудом поднялись по крутому склону холма. Перед нами на аккуратной ровной площадке появилось красивое белое здание с золотыми куполами, как из сказки.

– Это тебе не наши сараи, – заметив мое восхищение, засмеялся Артем. – Она еще и действующая, – прошептал он.

В эти слова он вложил какой-то непонятный мне, тайный, тревожный смысл. Я затихла. Подобрались к дверям церкви, но не зашли, чего-то выжидая. «Боятся», – подумала я.

Тут послышалась печальная мелодия, от которой у меня защекотало в носу.

– Духовые инструменты, – объяснил Иван.

Когда музыка затихла, тишину нарушил громкий плач женщин. Особенно выделялся один голос, молодой и такой горестный! Слезы застлали мне глаза. Опять зазвучал оркестр.

Теперь уже где-то рядом. Я утерла лицо майкой и увидела большую группу людей в темных одеждах.

– Видишь, в гробу офицер. Видно, большой начальник, раз музыку из города прислали. Войну выстоял, а в мирное время умер. Жалко, – прошептал Иван.

Молодой красивый офицер был в кителе с золотыми погонами. Я впервые видела человека в гробу, но не испугалась. Мне казалось, что он просто спит. Навстречу людям из церкви вышел старый мужчина в черных особенных одеждах, с крестом на головном уборе. Он долго говорил о войне, ранах и подвигах.

Мы потихоньку зашли в церковь. Меня удивила торжественная красота внутреннего убранства. Резные деревянные стены – темные и суровые. На нежно-голубом высоком потолке странной формы изображены красивые люди в ярких одеждах. Они как живые с небес смотрели на меня добрыми спокойными глазами. Их хотелось рассматривать бесконечно долго. Но тут мое внимание привлекли темные портреты на стенах. Лица выглядели очень строгими, от них веяло далеким, неживым, печальным.

Я пробралась сквозь толпу туда, где горело много свечей. Все люди, находившиеся в церкви, стояли задумчивые, погруженные в себя. Многие беззвучно плакали. В глубине церкви послышалось пение детей. Мелодия была грустная и одновременно торжественная. Она заставила меня стоять неподвижно. Удивительная музыка не разливалась вширь, не плыла вольно и свободно, как обыкновенная хорошая песня. Она текла в сердце, в голову и поднималась вверх к куполу церкви. Она будила во мне особое, совсем незнакомое чувство благоговейного восторга. Я часто не могу словами выразить свои чувства. Но некоторые слова песнопения, во многом непонятного, подсказывали мне, что я ощущаю в этот момент и как это называется. Слова «благо», «благодный» врезались мне в память. Я не понимала, что происходит в церкви. Но ее посещение оставило в моем сердце глубокий неизгладимый след.

ОПЕРАЦИЯ НА КЛЮЧИЦЕ

Я заразила всю свою группу лазанием по деревьям. Наибольшим шиком у нас считалось влезть выше всех, упираясь ногами в стволы двух соседних деревьев. Я всегда искала два близко стоящих дерева, которые до самого верха почти не расходились в стороны. Учила девчонок выбирать «объекты», а не с дурной головой лезть на любые. «Соображать надо», – говорила я с видом знатока. Ребята не хотели меня слушать. Они были самостоятельными, самонадеянными, даже сумасбродными. Витек тоже оказался менее осмотрительным, чем я. Он всегда безрассудно верил, что непременно легко всего добьется. «Без проблем!» – вот его любимый девиз. Я не сторонница такого поведения. А что я могла поделать? И произошла беда, за которую я еще долго корила себя. В тот день Витек лазил по двум деревьям одновременно. Высоко взобрался. Даже хлипкие верхушки заходили туда-сюда под его тяжестью. Он только убрал одну ногу с первого ствола, как вдруг под второй предательски надломился сук. Секунда – и Витя полетел вниз, лихорадочно цепляясь за шершавый стол. Его счастье, что упал он плечом, а не на спину или голову. Меня там не было, потому что Витек захотел гулять только с ребятами. Я ему никогда не навязывалась. О несчастье узнала уже после, из рассказов.

Своей медсестры у нас в то время не было. Валентина Серафимовна осмотрела сломанную ключицу и сказала: «Зарастет как на собаке. Не в первый раз ломают». В другой группе при мне произошел такой случай. Играя, ребята случайно толкнули слабенького Сашу на железные прутья ограды. Мальчишка тихо заплакал, но никому ничего не сказал. Он был очень терпеливый. Сам одевался со сломанной ключицей и выполнял все, что требовали няни. Позже воспитатели обнаружили, что кость у него срослась не в стык, а в накладку, но решили, что страшного в этом ничего нет. А мы с интересом ошупывали плечо друга и восхищались его мужеством.

Но Витьку не повезло. Ключица никак не хотела срастаться, и он очень маялся. Я тоже переживала, считая себя виноватой. Прошло месяца три. Что-то обеспокоило воспитателей, и они отправили Витьку в больницу. Отвозил его шофер, который на грузовике доставлял нам продукты. Я с ревом умоляла водителя свозить меня к брату Вите. Он долго не соглашался, боясь ответственности. Но я поклялась честным Сталинским и Ленинским, что буду подчиняться всем его приказам и не выдам нашу тайну, пусть хоть меня убьют. Глядя на меня, шофер сам разволновался, пообещал отвезти в больницу и забрать через пару часов, после погрузки продуктов. Не обманул. Я юркнула в ящик, с надписью «макароны» и сидела тихо, как мышонок. А когда выехали за территорию детдома, перелезла в кабину. Сначала дорога шла через лес, потом стали попадаться маленькие деревни. Шофер объяснял мне все, о чем я спрашивала и чего не спрашивала. Видно, ему просто хотелось поговорить. Незаметно подъехали к городу. Я поняла это по тому, что дома встречались разные: в два, три этажа. В больнице шофер передал меня медсестре и попросил отвести к брату Вите. Своих фамилий мы не знали. Но медсестра сразу поняла, к кому я приехала, ласково взяла меня за руку и повела со словами: «Вовремя приехала. Он только начал отходить от наркоза».

Она надела на меня взрослый белый халат, подвернула рукава и, подвязав подол халата на поясе, осмотрела меня с улыбкой. Наверное, я смешно выглядела. От дорожных впечатлений, от ощущения огромного пространства, так поразившего меня, я совсем перестала волноваться и переживать за Витю. И только запах лекарств напомнил, зачем я здесь. Я вдруг представила, что Витя может умереть от операции. Ноги у меня задрожали.

Медсестра первая зашла в чистенькую белую комнатку. На спинках зеленых кроваток висели белые занавески. Зачем? У нас даже на окнах не вешали штор. Медсестра поманила меня пальцем. Я на ватных ногах приблизилась к больному. На белой-белой подушке ярко выделялась рыжая головка. Раньше кожа на лице Вити была белая, а теперь голубоватая, а под глазами темно-синяя. Носик сделался еще острее. А веснушки уже не расплывчатые, как раньше, а с четким рисунком. Бабочка-веснушка на носу, казалось, вот-вот вспорхнет. Медсестра приложила палец к губам, улыбнулась и ушла. Я оглядела комнату. Четыре маленькие кроватки, четыре детских стула, четыре тумбочки. Никогда не видела такой красивой комнаты! Белые шторы на окнах задернуты. На тумбочках яблоки, баночки. У Вити тоже яблоки. «Дети угостили», – порадовалась я. Все спали. Я села на стул около кровати Вити и осторожно дотронулась до него. Он не шевелился. Я двумя руками взяла его неподвижную вялую руку, прижала его ладошку к своей щеке, и беззвучные слезы потекли по ней. Как застонало мое сердце! Лучше бы я лежала вместо него. «Господи, за что ты его наказал за мою глупость? Зачем я научила его лазить по деревьям?»

Вдруг золотистые ресницы вздрогнули. Я вся напряглась и затаила дыхание. Витек с трудом приоткрыл глаза и тут же закрыл. Я поняла, что он живой, и теперь у меня полились слезы радости. «Витек, проснись», – зашептала я с надеждой. Он не просыпался. Я осторожно пальчиком провела по его щеке. Наверное, мое прикосновение разбудило его. Он открыл глаза, узнал меня и даже не удивился, только обрадовался и сразу зашептал:

– Пока я не забыл, слушай, что со мной происходило. Мне тут резали плечо, сверлили кости и железку вставляли, чтобы срослась ключица. Но это не главное. Когда я лег на операционный стол, на лицо мне положили вату с лекарством, чтобы заснул. Потом начались чудеса. Стены и потолок комнаты закачались и поплыли далеко-далеко. Мне показалось, что я вроде бы плаваю в огромном воздушном океане. Вокруг очень яркий свет. Глянул вниз и удивился. Я сам, то есть мое тело лежит, – на операционном столе, и два врача возьмется с моим плечом. Я видел, как они сверлят кость, забивают блестящим молоточком металлическую блестящую палочку. Я даже слышал стук молоточка, но все это наблюдал как бы со стороны, сверху, летая. И в то же время я чувствовал боль в плече, но не очень сильную. Помню, как руки врача трогали меня. Ты понимаешь? Как будто меня было – два.

Он так торопился все рассказать, что устал. На лбу и под глазами появились крупные капли пота.

– Тебе плохо, Витек? Может медсестру позвать? – заволновалась я.

– Нет, все хорошо, просто я могу опять заснуть.

Я вздрогнула. Он почувствовал это, так как я продолжала держать его руку, и понял меня.

– Я не умру, это слабость от наркоза, врач перед операцией предупредил, что буду спать долго. Я же дохлый.

Он улыбнулся.

– Мне так плохо одному. Сядь рядом и положи голову на подушку, – попросил Витя.

Я не решилась сесть на кровать, чтобы не потревожить забинтованное плечо, и просто встала на коленки у кровати. Наши щеки соприкоснулись. Рукой я гладила рыжий чубчик. Витя рассказывал о мальчиках, которые угощали его перед операцией. Слова его становились все тише, медленнее, потом потеряли смысл. Он засыпал. Мне неудобно было стоять на коленях, но я боялась пошевелиться и разбудить его. Появилась медсестра. Аккуратно отвела мою занемевшую руку и тихонько вывела из палаты. На улице уже ожидал шофер.

Все обошлось. Воспитатели не заметили моего отсутствия. На душе было тепло и радостно.

КОЛОДЕЦ

У нас во дворе, за сараем, находится колодец. Сруб его старый, трухлявый. Верхние сгнившие бревнышки постепенно выбрасывали, и поэтому колодец сделался совсем низким. Баба Мавра просила достроить сруб, так как ей тяжело наклоняться. Да, видно, руки у директрисы не доходили до него. Но один случай заставил ее заняться срочным ремонтом.

А произошло вот что. Как-то раз искала я за сараем в куче хлама дощечку и разные куски проволоки, чтобы сделать балалайку. Здесь валяются кусочки пороха, обломки ружей, гусеницы танков, стреляные гильзы. Конечно, нам не разрешают ходить сюда. Но все дети стремятся найти себе в этой куче такое, чего нет у других. У меня в тайнике спрятан руль от мотоцикла. Он мой и только мой.

Так вот, я достаточно быстро выбрала подходящую гладкую дощечку и нашла много проволоки разной толщины и цвета. Села в углу двора и старательно прикручиваю «струны», проверяя их на звучание. Если звук не нравился, проволоку выбрасывала и прикрепляла другую. Готова балалайка! Иду хвалиться Витьку. Прохожу мимо колодца. Что-то там шевелится? Присмотрелась. Малявочка. Наверное, забрела за сарай и заблудилась. Я ее понимаю. В три года двор мне представлялся огромным. Я не видела ему конца. Стоило завернуть за угол, как я оказывалась в незнакомом месте. Я очень пугалась и скорее бежала туда, откуда слышались голоса детей.

Приблизилась. О, боже! Девочка копошилась на срубе колодца. Длинная рубашонка мешала ей, не давала поднять ножку на последнее бревно. Ерзая и подпрыгивая, малышка все-таки сумела сесть на него верхом. Ей осталось только вторую ножку подтянуть повыше. Но она застряла в щели между бревнами. Пытаясь ее выдернуть, крошка наклонялась то внутрь колодца, то наружу. От страха ноги у меня стали ватными. Сдавило грудь. Я догадывалась, что девчушка не понимает грозящей ей опасности.

Я бросила балалайку и насколько могла, быстро тяжелыми шагами пошла к колодцу. Вдруг ножка выскользнула из ботиночка, и довольная девочка заерзала, стараясь удобнее сесть на срубе. Меня бросило в жар. Подхожу ближе, а сама тихо говорю:

– Посиди, не крутись, я тебе помогу.

Девочка повернула ко мне головку и перестала вертеться. Я с улыбкой подскочила к ней и сняла со сруба. Потом села тут же на землю и заплакала. Малышка не понимала, почему я плачу. Она влезла ко мне на колени, с удивлением разглядывала мое лицо, теребила волосы.

Немного успокоившись, я принялась растолковывать ей, что колодец – страшная яма, в которой живет волк, и что он может съесть ее. Это она поняла и послушно потопала за мной. О случившемся я по секрету рассказала бабе Мавре. Колодец забили досками. Пришлось по воду ходить далеко. Но скоро приехали на грузовике веселые дяди и сделали красивый высокий колодец из цементных колец. А сверху его накрыли тяжелой крышкой.

УМНЫЙ КОТ

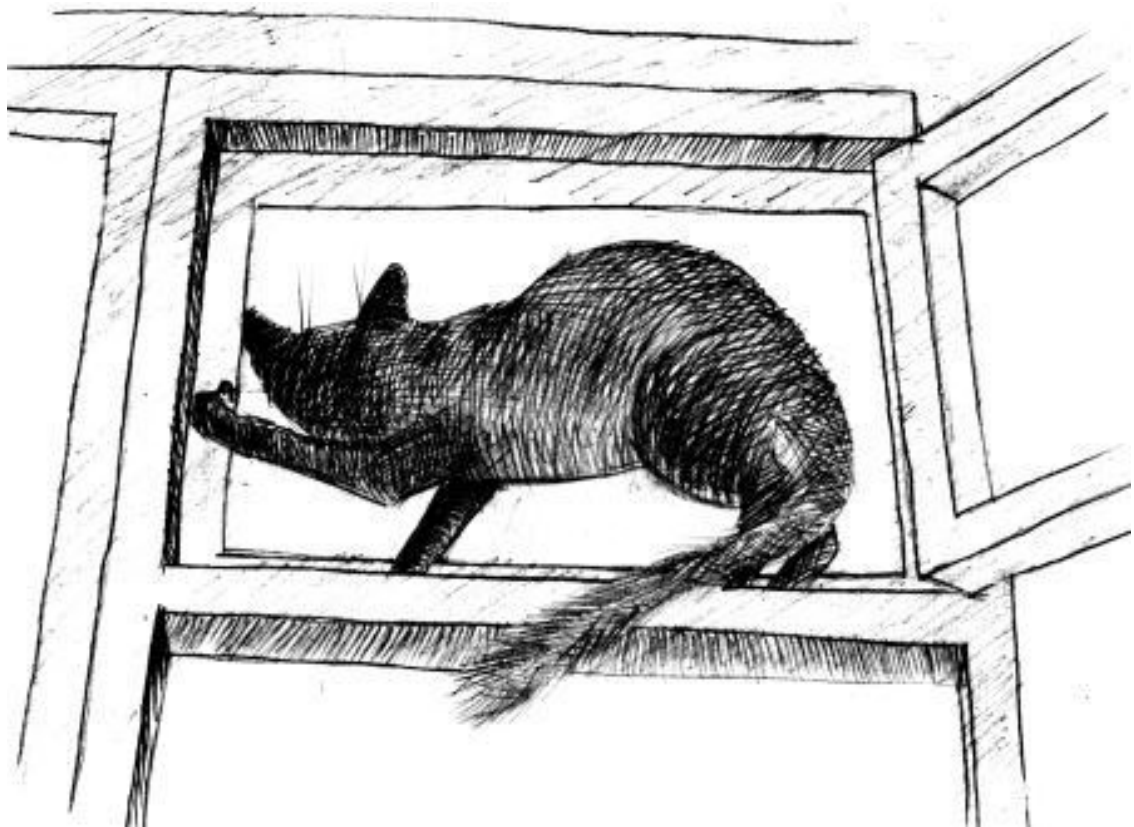
С кошками нам не везло. Все они были глупышки. Брели их уже взрослыми, и приучить к аккуратности не удавалось. Полы мыть приходилось нам, поэтому я с большим удовольствием драила кирпичом некрашеный пол в столовой, чем крашеный в спальне, где пачкали кошки. Ребята ловили грязнуль и тыкали их носами под койки. Животным не нравилось нюхать, но к порядку это не приучало. Мы пожаловались конюху Пантелею Васильевичу. Он, усмехаясь в усы, обещал помочь нам. Положил дед кошек в мешок и повез за двадцать километров от детского дома. Первую выпустил в лесу, а вторую – в селе, надеясь, что она пристанет к какому-нибудь дому. И что же? Через три дня у нас появилась первая кошка, а через неделю – вторая. Каким образом? Дед Панько засмеялся:

– Теперь вам понятно, почему по лесу бегают бродячие собаки, но никогда не увидишь кошку. Ее должен кто-то приласкать, тогда она останется.

Мы приуныли. Дед потерял нас за вихри и снова приказал поймать кошек. Теперь он отвез их в столовую соседнего колхоза, а взамен подарил нам невзрачного серого котенка. Мы дружно взялись за его воспитание. Но маленький Кыс с первых дней стал проявлять свой характер. На руки шел не ко всем. Прежде, чем сесть к кому-то на колени, он внимательно глядел тому человеку в глаза. Если ему что-то не нравилось, уходил. Насильно удержать его никто не мог. Кыс пищал, царапался до тех пор, пока его не отпускали. Меня поражало то, что котенок мог долго выдерживать мой взгляд. Обычно кошки достаточно быстро отводят глаза. Да и другие животные тоже. А с Кысом можно было играть в «гляделки». Удивляло и то, как внимательно следил он за людьми.

Как-то пожарила баба Мавра картофельные котлеты и до обеда решила поставить их в напольный шкаф. Она с трудом наклонилась над низкой полкой, задвинула туда тяжелую миску и, закрыв дверцы, поставила вертушку в положение «закрыто». Кот с интересом следил за каждым движением кухарки. Дождался, когда она уйдет, огляделся по сторонам и направился к шкафу. Встав на задние лапки, он попытался когтями отодвинуть вертушку. Не получилось. Тогда он принялся бить лапкой по концу вертушки. Кыс упорно «трудился» и вертушка повернулась. После этого он когтями подцепил дверцу снизу и потянул на себя. И ведь подцеплял не где зря, а ближе к вертушке, там, где легче открыть!

Мы с Витькой сквозь щель в двери, затаив дыхание, наблюдали за своим любимцем. Наконец, ему удалось открыть дверцу. Что теперь сделала бы глупая кошка? Принялась бы здесь же уплетать. А Кыс? Он потащил котлету из кухни. Только собака уносит кость в будку. Значит, он соображал, что его могут поймать на месте преступления?

А вот еще случай. У нас в коридоре около кухни всегда стоят кастрюльки с молоком, и кошки часто «интересуются» ими, за что получают трепку. Как загремит крышка, так баба Мавра со шваброй – туда. Что делал в этом случае наш умник? Мы с Витей как-то нарочно приоткрыли дверь, зная, что Кыс этим воспользуется. И точно. Проскользнув в щель, оставленную нами, он медленно подошел к кастрюлям, обнюхал их, потом присел на задние лапы и принялся очень осторожно снимать крышку. Сначала он попытался коготками поднять ее за ручку-петельку, но крышка оказалась тяжелой. Тогда он начал тихонько толкать крышку, перемещая ее по поверхности кастрюли. Нас удивляло старание Кыса. Мы заметили, что, если ему не мешать, он никогда не уйдет, не добившись своего. Вот и тут, сдвинув крышку настолько, чтобы свободно пролезала голова, он принялся с удовольствием лакать. Он не сбрасывал крышку, как это делали другие кошки.

И вдруг осенью наш любимец пропал. Мы искали его повсюду. На четвертый день дед Панько рассказал нам, что рабочие привезли две машины соломы и заполнили ею сарай, где Кыс ловил мышей. Выбраться кот не смог. Три дня орал. Но кто же разрешит таскать солому туда-сюда? Директриса сказала, что если сам не вылезет, туда ему и дорога. Мы знали, что спорить бесполезно. Поплакали, погоревали и получили взамен другую кошку. Но забыть Кыса не могли. К тому же новая кошка раздражала нас своей непроходимой глупостью.

Зимой ребята часто появлялись у злополучного сарая. Он словно магнит притягивал. А с Витей «Светильником-Кипятильником» мы приходили сюда иногда одновременно, хотя заранее не договаривались.

И вот ранней весной, когда уже появилась первая травка на проталинах, я опять столкнулась с другом у сарая. Дверь не запиралась, а закрывалась на палку. Мы приоткрыли ее. Полоса света вычертила дорожку внутри сарая, и мы увидели какое-то странное животное. Оно очень медленно ползло по направлению к двери. Любопытство пересилило страх. Мы с интересом разглядывали маленькое чудище. Голая, почти без шерсти кожа обтягивала тощие

ребра, просматривался каждый позвонок. Из узких щелей-глазниц текли слезы и гной. Голова была похожа на кошачью. Одно ухо разорвано. Наконец мы сообразили, что это полудохлое страшилище – наш Кыс!

Витя пулей помчался на кухню за молоком. У кота не было сил лакать. Лизнет бедняга два раза и опустит голову на землю. Еще лизнет, опять отдохнет. Полдня так пил. Через неделю он уже не ползал, а ходил. А через месяц превратился в нормального кота. Удивительная живучесть!

Долго еще радовал нас Кыс своими полетами за воробьями через колодец. Иногда он падал в него. Один раз и мне пришлось вытаскивать любителя деликатесов.

Иду как-то с самодельной балалайкой и с удовольствием бренькаю собственные мотивы. Мое приятное занятие прервал надрывный кошачий визг со странным эхом. Я все сразу поняла. Заглянула в темную глубину колодца и увидела в слабых отблесках света, как бедный Кыс бултыхается, пытаясь дотянуться до маленького выступа на стыке двух колец. Но, даже ухватившись за него, он ненадолго зависал над водой, истошно вопя. То ли сил не хватало, то ли когти не могли вонзиться в цемент, но наш любимчик снова и снова оказывался в воде. Конечно, смотреть, как мучается Кыс, нехорошо. Но я не могла оторвать восхищенного взгляда от нашего мужественного питомца.

Я быстро опустила ведро на веревке и вытащила горе-охотника. У него был облезлый, замученный вид. Он дрожал от холода. Ведь летом ключевая вода в колодце оставалась ледяной. Кыс безропотно полез ко мне под майку. Сообщив бабе Мавре о необходимости чистить колодец, понесла кота к ребятам.

Удивительно, не было случая, чтобы Кыс своровал в деревне цыпленка или утенка, чем постоянно «баловались» другие наши кошки.

ОПЕРАЦИОННАЯ

Лежу в постели. Голова тяжелая, веки с трудом поднимаются. Около моей кровати стоит группа взрослых в белых халатах. На постель ко мне присел седой толстячок в очках и с розовым лицом. Он трогает мой лоб и, потирая короткие пухлые руки, со вздохом говорит: «Грипп, ничего не поделаешь. Осенний грипп». Мне понравилось, что доктор похож на Айболита. Больше ничего не помню.

Очнулась. Лежу в коридоре. На другом топчане, прикасаясь ко мне золотистой головкой, спит Витек и держится за мою рубашку. Оказывается, когда в палате освободилось одно место, врач приказала перевести туда из коридора самого слабого больного. Меня хотели забрать, но Витек вцепился в мою одежду мертвой хваткой. Медсестра не стала волновать беспокойного мальчика, и отвела в палату другого ребенка. А Витек за всю ночь так и не отпустил мою рубашку. Из нашего детдома мы с Витьком были самые тяжелые больные. Все боялись, что не выживем. Но Бог оказался к нам милостив, и мы стали выздоравливать.

Как только Витьку полегчало, он начал бегать по больнице и уже через пару дней знал, что где происходит. Я пыталась ходить, держась за стенку. Ноги дрожали, голова кружилась. Витек старательно кормил меня молочным киселем с ложечки, так как мои руки не удерживали тарелку. Ему очень хотелось быстрее повести меня в операционную.

И вот Витек восторженно сообщил, что сегодня дяде будут отпиливать больную ногу, чтобы он не умер. Пропустить такое событие мой друг не мог. Я не испытывала бурного желания смотреть на страдания человека, но Витя настойчиво потащил меня. Мы притаились в коридоре за шкафом. Выждали, пока врач и медсестра зашли в комнату, на двери которой был приклеен пожелтевший листок бумаги со словами, написанными размашистым неровным почерком: «Операционная. Не входить».

– Чего ждем? Давай, поскорее глянем да уйдем, – зашептала я.

– Затаись! Нельзя, они должны подготовить инструменты и больного. Я уже тут все знаю. Потерпи, – попросил Витя.

Наконец, он поманил меня пальцем и подал команду «внимание». Витя осторожно приоткрыл дверь, и я заглянула в щель. Вижу: перед глазами маленькая комнатка. На единственной кровати спит мужчина в белом. Одна его нога лежит на постели, а другая – на табуретке, покрытой белым полотенцем. Доктор, опершись коленом на ту же табуретку, обыкновенной пилой, какой отпиливают железки, отрезает дяде ногу. Занятие это, видно, трудное. По лбу и щекам доктора течет пот. Лицо красное, напряженное. В очках, надетых на кончик носа, с выбившимися из-под синей шапочки волосами, он очень напоминал мастера, точильщика ножей, который приходил к нам в детдом. Простыня, полотенце и руки доктора – в крови. Наверное, я была еще слишком больная, как сказал Витек, «совсем тормозная», но на меня, происходившее в палате, не произвело никакого впечатления. Я не понимала, как может больной спать, когда ему отнимают ногу? Как можно пилить человека обыкновенной, даже не блестящей пилой? И что это за операционная, если в нее можно зайти сразу из коридора, да еще кому угодно? Я представляла, что операция – это большая тайна и проходить она должна в светлом, белом дворце, где все инструменты и кровати блестят при большом количестве ламп. И еще в операционной должна быть очень тихая, но торжественно-грустная музыка. А здесь тесная комнатка, где врачу и медсестре повернуться негде. А эта серая ужасная пила!? Я потихоньку побрела к топчану.

Принесли молочный кисель. Я машинально ела. Перед глазами торчала окровавленная нога спящего человека. Она меня не беспокоила. Мне было все безразлично. Но с тех пор не могу есть молочный кисель.

ЛЫЖИ

Зима. Откуда-то в детдоме появились лыжи, и мы жили ожиданием праздника. Лыжи были старые, краска с них вся сползла. Но нас такие мелочи не волновали. Мы получили маленькие лыжи с веревочными петлями для валенок, а старшие дети – большие, с настоящими креплениями из ремешков. Еще им дали палки. Я не понимала, почему большим они нужны, а маленьким – нет. Казалось бы – наоборот. Непонимание злило, тем более, что идти по глубокому снегу было тяжело, и я чувствовала, что палки мне не помешали бы. С трудом волоку лыжи и сердито поругиваю воспитателей. Витек успокаивает:

– Медсестра сказала, что палками на горке мы себе глаза выколем. К тому же без них мы будем вырабатывать ко-ор-ди-на-цию.

Заучивая интересное слово, я отвлеклась.

Погода стояла серая, пасмурная. Тяжелое небо висело низко. Тучи цеплялись за горизонт. Пальтишко досталось мне короткое, тесное в плечах. На нем осталось всего две пуговицы. Холодный боковой ветер пронизывал меня насквозь. В петельки лыж попадали только кончики носков валенок, и они беспрерывно выскакивали. К тому же мои валенки были высокие, широкие и жесткие. В один я могла бы залезть обеими ногами.

Неожиданно начался спуск. Он был не крутой, но я упала в числе первых. С трудом поднялась. Притоптала место, чтобы сесть. Выгребла снег из огромных бахил и обернула ноги влажными портянками. Попробовала натянуть шаровары поверх валенок, чтобы не засыпался снег. Не вышло. Узкие.

Попытка продолжить спуск закончилась тем, что одна лыжа укатилась под гору. Надо мной никто не смеялся. Некому было. Все барахтались как слепые котята. Мне не повезло больше всех. Предчувствуя наказание, понуро отправилась вниз. Я ничего не видела и не слышала. Утерянная лыжа затмила все. Вдруг мимо проехал Витек. Он тоже упал, но продолжал катиться лежа на лыжах. Причем, похоже, это ему очень нравилось. Я решила сделать то же самое на одной лыже. Получилось. Кое-как съехала и сразу начала поиски. На мое счастье лег-

кая лыжа умчалась далеко, и дети не закопали ее в глубоком снегу. Я ее видела, и это придавало силы.

Снега в низине было еще больше. Увязая по пояс, я не шла, а ползла, перекаtywаясь с боку на бок. От этого в голове закружилось, все поплыло перед глазами. Полежала. Потерла замерзшие руки и снова двинулась в путь. Вдруг пошел сильный снег. Он сплошной стеной отделил меня от ребят. Доносились лишь сильно приглушенные голоса. Стало не по себе. «Если не буду слышать крики ребят, – заблужусь», – подумала я.

Осмотрелась. Абсолютно незнакомое место. Все одинаково белое. Засыпаны приметные летом кустики, бугорки, тропинки. Безмолвие. Я и снег. Оглянулась назад. Снег еще не скрыл развороченную мною белую гладь. Надо поскорее добраться до лыжи, пока она еще видна. Найду! Я запомнила место ее остановки: сломанное дерево.

Начали попадаться кусты и маленькие деревца. Ползти легче, когда есть за что цепляться. Измучилась. Наконец, злосчастная лыжа у меня. Залезла на поваленное дерево, а потом с него перебралась на лыжи. Ехала очень осторожно, чтобы не потерять равновесие. Вот и горка. Только Витя заметил мое отсутствие. Он успел несколько раз скатиться и уже не падал, о чем с гордостью тут же рассказал. Но, увидев, как я измучена и не в силах разделить его радость, добавил:

– Я все время искал глазами твою шапку.

Он взял мои лыжи, и мы пошли наверх. Кататься в этот день больше не хотелось. Руки красные, пальцы не сгибаются. Не хватало сил вытряхивать снег из валенок и рукавов. По спине сбегали ручейки таящего за воротником снега. Стою, ожидаю друга, осматриваю окрестности. Понемногу узнаю место, где находимся. Надо же! Это мой овраг! А за теми деревьями должна быть церковь. Но почему-то летом все это находилось близко, а зимой, – словно где-то в неоглядной дали.

Снег все усиливался. Мне казалось, что я маленькая льдинка из красивого узора какой-то снежинки.

ЕЛКА

Выглянула утром в оттаянный кружочек окна. Красота! Деревья в праздничных кружевах. Вот бы нам, девчонкам, такие искристые наряды! Все сразу превратились бы в принцесс! Идея! Сегодня будем вырезать платья бумажным куклам. У меня получится самое красивое, пушистое, кружевное. Можно и себе сделать такое же. Но кто же даст столько бумаги? У нас только наказаний много дают. Ну, и ладно.

Все равно здорово, что красотища на улице. Настроение бодрое. Захотелось танцевать. Кружусь, пытаюсь делать плавные движения своими корявыми тощими руками. Двигаюсь с закрытыми глазами, представляю огромный зал с высоким потолком, какой видела в церкви. Только стены белые-белые и искрятся, как чистейший снег. Я – в длинном великолепном серебристо-белом платье танцую под чудную, удивительную музыку, которая появляется у меня в голове вместе с кружением. Блаженство! В этот момент вокруг ничего не существует. Только я и красота! Упоительное наслаждение в медленном кружении!

Подзатыльник – и я лечу носом на пол. Вмиг вернулась в реальный мир. Нос у меня слабый. Пришлось бежать в соседнюю комнату.

– Злюка. Испортила настроение. Ну и черт с тобой. Ты от этого счастливей не станешь, ВЭЭС-ка чертова. Бог тебя накажет когда-нибудь, – бурчала я, умываясь.

Бумажным принцессам платья мы все-таки после обеда вырезали с няней! А еще сегодня во двор принесли большую пушистую сосну!

– Елку воспитатели себе будут ставить. Новый год скоро, праздник главный. Пить будут, и есть вкусную еду, – разнеслось по всему детдому.

Мне было непонятно, зачем тащить елку из леса в дом. Решила выяснить. Вечером, когда все легли спать, выбралась из постели и отправилась в ту комнату, куда отнесли сосну. Тихонько приоткрыла дверь. Темень непроглядная, и только в глубине слабое мерцание множества огоньков. Откуда они? Захотела приблизиться, но почему-то напал страх. Сердце сжалось и застучало быстро-быстро. Машинально отступила в пустой коридор. Успокоилась и опять маленькими шажками двинулась к незнакомым огонькам. Когда оказалась в двух шагах от елки, глаза уже привыкли к темноте, и я разглядела игрушки. Никогда не видела украшенной елки. Она была восхитительна! Я осторожно протягивала руку то к одной игрушке, то к другой, гладила их. Так вот откуда маленькие огоньки! Из окна на шарики падает слабый свет луны. Облака то набегают на нее, то открывают снова. А еще на улице сильный ветер. Из форточки доходит его слабое дыхание. Оно и раскачивает игрушки. Особенно меня поразил крошечный розовый чайничек. Он был как настоящий: с носиком, ручкой, крышечкой, только изящный и очень хрупкий. Рисунок на нем искрился, как снег. «Боже мой, какая прелесть! Наверно, это подарок сказочной феи», – мечтательно подумала я.

Вдруг, кроме запаха смолы, я почувствовала знакомый, приятный, редкий запах.

– Конфеты, – догадалась я. – Надо же! На елке бывают конфеты!

Попыталась найти их. При этом сильно наклонилась и потеряла равновесие. Чтобы не упасть, осторожно взялась за ветку. Но елка зашуршала, игрушки зазвенели, как нежные колокольчики. Я оцепенела. В следующее мгновение кто-то прыгнул мне под ноги и помчался к двери. Я сначала испугалась. Но, когда столбняк прошел, спокойно рассудила:

– Если здесь кто-то и был, так его уже нет. Главное, что это не воспитательница.

Потихонечку выбралась из комнаты и нырнула в постель. Утром выложила свои восторги Витьку, и мы решили вместе заглянуть в запретную комнату днем, чтобы лучше все рассмотреть. Но после завтрака нас ожидало «повальное» наказание. Воспитатели выясняли, кто украл конфеты с елки. Все дети единодушно утверждали, что конфет не брали. Слава богу, малявочек на этот раз не тронули. А мы мужественно выдержали порку.

– Вот гады, – злились мы, – даже в праздник им нейметя!

И все же Витек не захотел отменять своего решения увидеть елку. После обеда я встала на страже, а он вошел в комнату. Мне показалось, что я ожидала друга целую вечность. Вернулся он в сильном возбуждении. Я поняла, что это не восторг от красоты.

– Ты знаешь, там Кыс конфеты прямо с елки ест, – прошептал он. – Я закрыл дверь, чтобы он не сбежал. Пойдем к тете Маше, спросим, что дальше делать?

Но она не пошла одна, а взяла с собой воспитательницу, вроде бы посмотреть, хватит ли конфет и печенья на елке. Когда они вошли в комнату, то опешили. Кыс висел на гирлянде и старательно грыз конфету. Они хотели его прогнать. Но он сам сообразил, что попался, и соскочил с елки. Но задняя лапа когтем зацепилась за бусы. От резкого толчка елка рухнула на пол. Звон разбитого стекла! Слезы воспитательницы! Ужас!

Елку конюх прибил гвоздями к полу. Разбитые игрушки убрали. В общем, к Новому году успели. Витек сказал ребятам уверенно:

– Это их Кыс наказал за то, что они детям елку не показывают.

А кот пропал в тот вечер. Но через месяц он объявился к всеобщей радости детей. Ребята не считали его виновником порки. Да и к тому же о ней давно забыли. Зато все помнили рассказ Витьки о том, что Кыс не ел конфеты с бумажками, а сначала разворачивал их передними лапками, стоя на задних. И на ветках оставались висеть фантики.

ПРОДЕЛКИ КЫСА

Для меня зима прекрасна тем, что в это время я получаю новые особенные ощущения. Но они редки, потому что нас не любят выводить гулять. Мы почти не вылезаем из корпуса. Сидим на подоконниках, оттаиваем «окошки», разглядываем узоры на стеклах. Конечно, таких, как я

с Витьком, не удержит никакой мороз. Прошмыгнув мимо няни, мы выскакиваем на крыльцо, хватаем охапку снега и тащим в спальню, чтобы все могли насладиться ощущением холода, разглядеть снежинки. Влетало, конечно, за мокрый пол. Ничего. Можно и потерпеть ради такого удовольствия. Случалось поваляться в снегу, полизать по очереди великолепную сосульку. Не без того, чтобы покашлять после этого.

К холодам у нас всегда утепляют все двери. А после проветривания форточки закрывают на крючки. Но этой зимой по утрам у нас в спальне часто бывало очень холодно. Даже изморозь появлялась на полу. Я сплю у окна. Ночью холода не чувствую, так как сворачиваюсь клубком и укрываюсь с головой. Вот раз утром высовываю ноги из-под одеяла, касаюсь железной спинки кровати и отдергиваю как обожженные. В чем дело? Осторожно слезаю с постели, ставлю ноги на пол. Ледяной. Бросаю взгляд на дверь – закрыта, на форточку – нараспашку. Поскорее закрыла ее, чтобы хоть немного нагрелась комната, пока ребятам не встали. Да и самой не помешает согреться. Когда ныряешь в снег на минутку – это одно, а если из теплой постели в холодную комнату вылезает – это совсем другое. Ни малейшего удовольствия.

На следующий день все повторилось. Форточка около моей кровати опять утром оказалась открытой. Что такое, что за привидение появилось? Дети не станут открывать. Воспитатели тоже тепло любят. Загадка. Случалось это не каждую ночь, но часто.

Вскоре все разъяснилось. Кухарка баба Мавра сердилась на Кыса за то, что он не желал, как другие кошки, ночевать в сарае.

– Благородный, голубых кровей, – бурчала она, открывая ночью дверь настойчивому коту.

Сначала он просил открыть дверь требовательным мяуканьем. Баба Мавра впускала и награждала кота валенком по спине. Но не нравился валенок Кысу. Он подглядел, как на кухню приходят дети. Дверь они открыть не могут – тяжелая, поэтому дотягиваются до железной щеколды с длинной ручкой и начинают ею греметь, пока им не откроют дверь. То же самое делали чужие взрослые, прося разрешения войти. Так вот, хитрый Кыс перестал мяукать и научился вспрыгивать на ручку и соскакивать с нее. Щеколда гроыхала, как будто ее трогал человек. Баба Мавра открывала дверь без валенка. Чтобы Кыс не поднимал ее ночью, она попыталась оставлять его в корпусе. Вот тут-то и началось наше «вымораживание». Будучи аккуратным котом, Кыс не мог позволить себе пачкать в помещении. Вот он и облюбывал мое окно. Видно, оно легче других открывалось. Решила я проверить предположение кухарки. Первую ночь укараулить не удалось. Заснула. На вторую опять задремала. Проснулась оттого, что Кыс прыгнул мне на ноги. Я замерла в ожидании неопровержимых доказательств. Кот вскочил на подоконник, подпрыгнул, вонзил когти одной лапы в раму, а другой принялся бить по крючку снизу. Не сразу у него получилось. Он сваливался, опять залезал, но своего добился. Отдохнул. И опять завис, пытаясь подцепить форточку когтями. Она неплотно прилегала. Кыс ее быстро

открыл. Со второй форточкой ему было проще, так как он удобно оседлал первую раму. Процедура повторилась. Несколько минут – и кот на снегу.

Загадка была разгадана. Лаз заколотили гвоздями. Баба Мавра снова попробовала замкнуть Кыса в сарае, но он всю ночь оглашал округу своим пронзительным требовательным криком. Выбрасывать кота не хотелось, так как он единственный хорошо воевал с крысами. И придумали мы на ночь отдавать любимца в сторожку. Там тепло, и ночью сторож часто выходит на улицу. Преданный Кыс каждое утро возвращался домой.

ВСТРЕЧА С ЛОСЯМИ

Однажды решили мы с Витей сходить в лес. Но верхняя одежда хранилась у кастелянши. Ее не хватало на всех детей, поэтому зимой нас выпускали гулять по очереди. Раздобыть одежду взялся Витя. Когда в кладовке одевалась младшая группа, он прошмыгнул и потихоньку утащил два комплекта. Мы спрятали ее под матрацами и, выждав солнечную погоду, сбежали.

Сегодня солнце не просто яркое. Оно ослепительное и немного режет глаза. Мы щуримся, подставляя рожицы теплым лучам. Обычно зимой небо белесое, но сейчас оно голубое, сияющее, как будто его хорошо вымыли к празднику. Ни облачка на нем.

Неподвижные деревья застыли в жемчужных одеждах, не желая стряхивать с себя удивительную красоту. Каждая веточка березы – тончайшая, искристая серебристая подвеска. Даже огромные мощные дубы в хрустальных одеяниях изящные, царственные.

Проходим мимо барской аллеи. Ряды тополей – стройные офицеры в великолепных белых праздничных мундирах, готовые к встрече важных гостей. Чудесный мастер-мороз хорошо поработал этой ночью.

Сразу за нашими домами снег нетронутый, чистый. Вблизи каждая снежинка светится множеством разноцветных нежных оттенков. Искорки переливаются бледно-розовым, голубым, желтым. И непонятно, почему издали снег просто белый, а на склонах и в ямках – голубоватый. Мы шли по санной дороге. Так легче. В лесу слишком глубокий снег.

Вдыхаем запах хвои. Оглядываем все вокруг. Перед нами группа высоких сосен, весь снег под которыми усыпан разлущенными шишками и шелухой. Мой друг приложил палец к губам и замер. Я осмотрелась, но ничего интересного не увидела. Витек похлопал себя по оттопыренным ушам, на которых висела шапка-ушанка. Я прислушалась. Равномерный стук раздавался сверху. Витек восторженно зашептал:

– Я как увидел шишки под елкой, обрадовался. Значит, тут дятел живет. Гляди, вон там, выше смотри.

Наконец я увидела. Опершись хвостом и лапками о ствол сосны, дятел деловито стучал клювом. Его красная шапочка мелькала в такт ударам. Он был так занят шишкой, что не обратил на нас внимания. Я смогла хорошенько его разглядеть. Его темное, почти черное оперение достаточно четко выделялось на рыжем стволе. Летом птиц много. А зимой радуешься каждой. Воробьев и желтогрудых синичек вокруг детдома полно. Но дятел – большое событие.

– Витек, ты в лес меня позвал, чтобы показать дятла? – спросила я.

– Нет, деревенские ребята говорили, что огромный лось часто выходит на эту дорогу. Не боишься? – засмеялся Витя.

– Лось не волк, – успокоила я друга.

Мы шли достаточно долго, но лось не появлялся. Решили вернуться. Идем, беззаботно болтаем, рассматриваем на снегу следы птиц и мышей. Тут Витек заметил в глубине леса красный куст. Что это? Сошли с дороги и по колено в снегу приблизились к красивому кусту. Барбарис! В этом году он поздно созрел и не успел осыпаться. Я всегда объедалась приятной кислятиной, которая росла у нас за сараем. Ягоды никогда не успевали созреть, так как желающих полакомиться было слишком много. Обрывали барбарис, как только он начинал краснеть. А тут – огромный куст! Мы с Витей сначала наперегонки срывали кисточки с рубиновыми, сочными морожеными ягодами, обсасывали их, сплевывая косточки. Потом стали есть спокойно. Никто же не перехватит, не отнимет! Мы смеялись, глядя на наши залитые соком рожицы. Вкуснее ягод я никогда не ела! Но какими бы сладкими они нам ни казались, одолеть весь куст так и не смогли, – сделалось кисло в животе. Наполнив карманы кисточками ягод для ребят и умыв снегом лицо и руки, отправились домой. Но не успели пройти и несколько шагов, как мимо промчалась лосиха. Она своим телом прикрывала малыша и оттесняла его в кусты. Наверно, это была молодая мамаша. Ее изящная головка с тревожными глазами вытянута вперед. А ноги! Какая грация! Ни одного лишнего движения. Не бег – полет.

От этой красоты у меня под сердцем появилось теплое, радостно-тревожное ощущение восторга. Я люблю это чувство. Оно приблизительно такое, какое бывает, когда идешь по влажной упругой земле и ощущаешь себя травой. В каждом случае ощущения разные, но всегда приятные.

Вдруг Витя замер на месте с открытым ртом, и я увидела шагах в пятидесяти от нас лося: огромный, великолепный, с гордо поднятой головой, мощными рогами. Благородный красавец-лось переходил дорогу, а мы помешали ему. Но он не побежал, как лосиха. Он только остановился и замер. Ни страха, ни волнения во внешности гиганта, только огромное чувство собственного достоинства, уверенность, царственное спокойствие. Постоял пару минут и, не спеша, продолжил свой путь. Даже не повернул голову в нашу сторону. Не удостоил. Зачарованные, мы еще некоторое время стояли молча. Мои ноги не двигались, только немного дрожали. Не от страха, от радостного возбуждения.

Всю дорогу до дома мы молчали, боясь растерять свое маленькое, хрупкое ощущение счастья.

МЕТЕЛЬ

Услышали мы, что деревенские ребята сделали огромную ледяную горку и что каждый вечер там царит великое веселье. Иван решил с друзьями сделать для нас такую же. Но директриса не позволила:

– Замучаешься детвору одевать-раздевать. Все станут проситься гулять, и не будет никакого порядка. Нет горки, нет и забот.

Мы позлились, погрустили и занялись обычными играми. Но Витек никак не мог успокоиться. Желание попасть на горку будоражило его. Он даже спать спокойно не мог. И как-то вечером предложил мне сбежать с ним:

– Одному, понимаешь, не так интересно. Но, если узнают, конечно, врежут по первое число. Решай сама. Одежду достану.

Я сразу согласилась.

Выждали солнечную погоду и после обеда отправились в путь. До деревни полтора километра. Ни ветерка. По обе стороны санной дороги искрится нетронутый снег. После небольшой оттепели он покрыт тонкой хрустящей коркой – настом. Морозец легкий. Мы даже у своих солдатских ушанок не развязали уши. Витек орал песни. Его распирало от ощущения свободы. Он всегда томился в переполненном детдоме-муравейнике. А на большом пространстве вел себя, как одурманенный весной теленок: метался, взбрыкивал, кричал. Я с удовольствием смотрела на своего сумасбродного друга. Он подбрасывал шапку к небу, кувыркался. А намаявшись, падал в снег, раскинув руки, ноги и зачарованно, восторженно смотрел в небо.

– Хватит дурачиться. Пошли, – тянула я за рукав Витю.

На горке было еще мало ребят. Кто уроки учил, кто по дому помогал. Только несколько дошколят, таких как мы, деловито возились, помогая друг другу взобраться на горку.

– Чур, я первый съеду. Надо проверить, нет ли трамплина, – заявил Витек.

Для начала он съехал сидя, ногами вперед. Сломанная ключица сделала его осторожным. Вернулся довольный. Эта горка – для нас. А кому охота смелость показать – рядом другая, с двумя трамплинами.

Ребят все прибавлялось. Шум, смех. Если ехал мальчишка постарше, на него, как снопы, падали младшие ребята. И вся куча мала с восторженным визгом неслась вниз. Кто-то потерял шапку в суматохе, с кого-то слетел валенок. Не беда! Вытряхнул снег и бегом наверх – за новыми радостями! Каждый раз катимся по-другому, по особенному. Домашние ребята дали нам свои соломенные ледышки. (Это самодельные санки. В таз с водой кладут солому и замораживают. Потом, чтобы ледышка легко выскочила из таза, его ставят на горячую печку. Снизу – гладкая ледышка, сверху – солома для тепла. Хорошо придумали!)

Ехать на ледышке по первому разу немного страшновато. Она несется по ледяной горке с огромной скоростью, и затормозить ее ногами не удастся. Дух захватывает, ветер свистит в ушах. Здорово!

Катаемся то сидя, то лежа. А некоторые ребята пытаются стоя сохранить равновесие. Бесплезно! Запыхавшись после очередного подъема, я остановилась отдохнуть и вдруг заметила, что все вокруг посерело. Значит, пора на ужин идти.

– Может, проводить вас, – предложили деревенские. – Вон, какая туча идет. Снеговая.

– Спасибо, сами дойдем. За вас волноваться будут. А нам не привыкать, – бойко ответил Витек.

И мы заторопились, так как небольшая тучка на горизонте разрасталась неожиданно быстро, как летом, и, надвигаясь, заслоняла горизонт со стороны детдома. Откуда-то налетел ветер. Сначала он понес по дороге снежную пыль. А через несколько минут посыпались крупные пушистые хлопья. Я встретила их с восторгом. Кружась, ловила снежинки, подставляла им разгоряченное лицо. Но Витек прервал мой танец беспокойным криком:

– Смотри, вокруг сплошное молоко. Ни деревни, ни детдома! Куда идти? Санная дорога уже не видна.

Я испуганно спросила:

– Что же делать?

– Стой на месте и все время кричи, а я попробую найти дорогу, которую проделали машины осенью по грязи. Она приведет нас домой. Колею, если она даже замечена, все равно по мягкому снегу можно отыскать. Она глубокая.

Витек стал ходить кругами, удаляясь все дальше. Ветер усиливался, и мой крик не всегда доходил до него. Вскоре он вернулся ни с чем.

– Может, мне поискать? – предложила я.

– Ты что, не доверяешь мне? Я же за тебя отвечаю! – рассердился мой друг.

– Не злись. Мы должны помогать друг другу, – успокоила я взволнованного Витька.

Он опять решительно нырнул в белую неизвестность. Я не послушалась Витю и принялась сама шаг за шагом приминать снег, надеясь споткнуться о край колеи. Но мне тоже не повезло. Я уже начала подумывать о том, что мы можем замерзнуть здесь насмерть. Забылась в грустных мыслях и перестала кричать. Радостный вопль Витька донесся издалека. Побежала на голос. Но вихри ветра доносили звук то с одной, то с другой стороны. Села на снег и стала прислушиваться, ловить моменты, когда порывы ветра чуть затихали. Наконец, я нашла друга. Теперь осталось решить в какую сторону идти по колее. Сначала надеялись, что если свет в хатах зажгут, то он пробьется через пелену снега. Но со всех сторон нас продолжала окружать плотная белая стена. Пошли наугад. Сильный боковой ветер валил с ног. Пурга хлестала по лицу. Снег залеплял глаза. Каждый шаг давался с трудом. Мы попробовали встать на четвереньки. Оказалось, что ползти на коленях при таком ветре легче. Мы смеялись, глядя друг на друга.

– А ты неуклюжая собака, – шутил Витек.

– Расскажем ребятам о нашем приключении?

– Конечно. У них там скучища, – подтвердил мой друг.

Не знаю, как долго мы передвигались таким образом. Вдруг колея закончилась. Витек заволновался:

– Стой на месте.

– Не уходи, потеряемся. Давай немного отдохнем, – попросила я.

Обжигающий ветер завыл-застонал еще сильнее. Теперь голос Вити я могла услышать, только когда мы стояли вплотную. Мы сели рядом в снег спиной к ветру. Не сгибающимися красными пальцами Витек завязал мне ушки шапки на подбородке, потому что я начала замерзать.

– Главное, не скули, – подбадривал Витек, – тогда никакой мороз не страшен. Не бойся. Я что-нибудь придумаю.

Но в голосе его не было уверенности. Мои ноги ничего не чувствовали. Снег на лице уже не таял. Мороз лютовал. Тело стыло на ветру. Я обрастала «бородой». На меня напало полное безразличие ко всему. Не было сил двигаться. Хотелось спать. Нас засыпало снегом. Не знаю, сколько времени прошло. Вдруг где-то поблизости раздался треск. Витек очнулся от полудремы и закричал радостно:

– Это, наверное, наша тополиная аллея. Мы спасены!

И правда. В нескольких шагах от нас валялась только что сломанная ветром огромная ветка. Без труда мы нашли деревья. Силы, словно по волшебству, вернулись ко мне. Мы быстро добрались до детдома, проникли в спальню и сбросили одежду.

Наши бурные восторги излить было некому, так как ребята уже засыпали, и трогать их, конечно, не стоило. Мы переглянулись с Витьком: «Ну что ж, пусть сегодняшние беды и радости останутся с нами».

ПЕРВЫЙ ПОДСНЕЖНИК

Март. Яркий солнечный день. В воздухе неуловимое ощущение весны. Может потому, что ветерок нежнее или запахи чуть острее, четче? Зимой природных ароматов почти нет. Все спит. Подставляю лицо теплым лучам. Поглощаю их ненасытно. Дышу глубоко. От этого появляется бодрость и радостное, восторженное настроение.

Над порогом поднимается белый пар. Это не струящийся прозрачный, как в мае, воздух, а настоящий пар, ощутимый, видимый, как дым. Крыши, где сошел снег, подсыхают на солнце. А льду под сараями еще долго таять, потому что лучи солнца еще не посещают эти укромные места. Иду по склону нашей любимой маленькой горки. Еще совсем недавно мы с визгом спускались по ней на штанах, коленках, валенках, а сейчас ее не узнать. Снег рыхлый, серый, с проталинками. Вдоль протоптанной дорожки струится тоненький ручеек. Он огибает каждый камешек, ледышку, травинку, отчего бугрист, неровен в своем течении. То ли оттого, что он бежит под уклон или слишком извилист его путь, он тихонечко журчит, бурчит, недовольный своей трудной дорогой. Вода собирается у камня-плотины, а потом с большой скоростью прорывается сквозь промоину – узкую щель в ледяном наслоении. Нагретая в проталинах земля пахнет сыростью, зеленой травкой, протискивающей свои слабые ростки сквозь прошлогоднюю листву, ветки...

Вдруг я оторопела от неожиданности. Боже, какая прелесть! На черной проталине, с ладошку размером, росло нежное, хрупкое, как бы хрустальное создание. У меня даже дыхание перехватило от восторга. Живое ли оно? Притронулась к ярко-зеленым, плотным длинным листочкам. Голубая очаровательная головка подснежника слегка качнулась. Кивнула мне ласково. Я встала коленками на хрустящий снег, приблизила лицо к первенцу весны, пытаюсь почувствовать его аромат. Но только тонкий запах свежей зелени поднимался от земли. Яркие лучи солнца делали края лепестков полупрозрачными, что придавало им еще большую хрупкость. Хрустальным казался мне цветок оттого, что вокруг лежал снег и лед.

Сию возле бесценной находки, и мир в эту минуту мне кажется прекрасным. И хочется, чтобы чудо никогда не кончалось.

Бедный, ему, наверное, холодно! Я прикрыла цветок своими ладонями, надеясь согреть его. Но он как-то потух, загрустил, спрятанный от ярких лучей. Он стал темно-синим. Вокруг цветка появилась голубовато-белая тонкая полоска, окаймляющая контуры лепестков. Такую же я иногда вижу у людей. Вот, бывало, стоит человек, а вокруг его головы и рук полупрозрачный дымчатый ореол шириной в два-три пальца. Как бы сохраняющая его оболочка. А где одежда – там нет ее. Не часто такое вижу. То ли от погоды это зависит, то ли от моего настроения? А может, такие особенные люди редко встречаются.

А вот сейчас вижу странное свечение вокруг цветка. Оно бережет его от холода? А может, сам цветок излучает этот нежный свет? При ярком солнце оболочка не видна.

Витек зовет. Отозвалась. Он подскочил радостный.

– Баба Мавра сказала, что тебя выпустили немного погулять. А ну вставай со снега! Опять заболеть хочешь? – сердито сказал он.

Я засмеялась:

– Витек, ты смешной, когда строгий.

Он не обиделся.

– Посмотри сюда, Витя, – позвала я друга.

Он с любопытством разглядывал мое сокровище.

– Надо же! Какая красота растет среди грязного снега. Давай сорвем и нашим отнесем?

– Не надо. Пусть это будет только наша радость, наш секрет, – предложила я.

– Нет, – решительно ответил Витя. – Позову всех. Пусть посмотрят.

И он умчался. Вскоре вся группа собралась на пригорке. Витек командовал:

– Не топчите бугор, может, там под снегом еще много цветов. Идите по дорожке!

Все радовались находке. Безразличных детей не видела. Попытки сорвать цветок Витек мгновенно пресекал. Его слушались.

Пусть смотрят, мне не жалко. Только от шума-гама куда-то пропал нежный ореол вокруг подснежника, и цвет его перестал быть бархатно-голубым, как небо в августе. Я загрустила и пошла во двор.

Через неделю весь склон превратился в зелено-голубой ковер. Дети не ходили по нему. А для бабы Мавры Витек сорвал цветы по краю дорожки. Бабуля поцеловала Витьку в золотистую макушку и утерла набежавшую слезу.

СТРАХИ

Гуляя по двору, я услышала разговор Генки и Вани «Комардина»:

– Гена, Витя сказал, что подснежник – это радость. Почему?

– Наверно, потому, что он красивый, – ответил Гена.

– Радость – это когда много хорошего, а цветок один, – засомневался Ваня.

– Это кусочек радости, – пояснил Гена.

– Что же, радость – это как конфета? Поделиться можно? «Кусочек радости?» Мне не нравится так говорить. А как можно иначе сказать? – спросил Ваня.

– Помнишь, няня читала нам о чудном острове в огромном океане? Вокруг страшные волны высотой с наш дом, а на острове красиво, тепло и богато. Это был остров счастья. Значит маленькая радость – это маленький островок, – серьезно ответил Гена.

– Здорово придумал: островок радости. Ты как Пушкин.

– Скажешь тоже, Пушкин. Он – гений.

– А может, ты тоже будешь гением?

– Ну, да... Пушкин – он один во всем свете.

– Ген, а для тебя страх какого цвета? – опять пристал Ваня.

– Черного, конечно.

– Как земля?

– Нет, земля не черная. Она немного коричневая, немного серая.

– Тогда – как уголь.

– Да нет, уголь блестит, как живой. Наверное, он – как сажа в печке.

– А мокрая земля все же черная.

– Для меня она не похожа на страх. Голая сырая земля больше похожа на печаль.

– А война тоже черная?

– Конечно. Зинка здорово войну рисует. Даже огонь у нее черный.

– Дурак. Это же дым, – возразил Ваня.

– Сам бестолковый. Какой же дым без огня? Его просто не видно за дымом. Наверно, для Зины красный цвет – цвет чего-то хорошего. Может, праздника. И она не хочет рисовать им войну.

– Я все цвета люблю, а красный особенно. Потому что наш флаг красный, как цвет победы.

– А я вообще не люблю рисовать, – сознался Гена.

– Это потому, что у тебя не получается. Когда научишься, полюбишь.

– Я люблю, чтобы все было просто, как в арифметике.

В это время Зина, услышав свое имя, подошла к ребятам и внимательно слушала их разговор.

– Я тоже боюсь черного, – тихо сказала она. – Боюсь черной земли на проталинах, черных шаровар, темного вечера в лесу с Валентиной Серафимовной. Мне кажется, что там я понемногу умираю. А больше всего боюсь ночью засыпать. Лежу и молюсь, чтобы завтра опять взошло солнышко и пропало все черное. Я боюсь, что Бог за что-либо накажет Солнышко, и оно больше не взойдет.

– Дурочка! Солнце не живое. Бог наказывает живых. Думать надо, – сказал Ваня назидательно.

– У меня не получается. Как это думать? – грустно пробормотала Зина.

– Не знаю, – растерянно ответил Гена. – Оно само думается.... Раз есть голова, значит она думает. Смотри вокруг и соображай: что это, зачем оно? Вот и все.

– А я зачем нужна? – спросила Зина.

– Чтобы жить, – предположил Гена.

– Я не хочу жить, – пролепетала Зина еле слышно.

– Вот дура, кто же тебя спрашивает? Раз ты есть, вот и живи! Иди отсюда! До чего же девочки глупые! – воскликнул Ваня.

Гена промолчал. Он думал о Зине иначе.

БЕРЕЗА

После завтрака мы занимаемся полезным трудом. Хорошо все делать быстро. Я подмела наш участок двора, и пока ребята из моей группы заканчивали свои задания, потихоньку ушла в лес.

Весеннее утро. Под ногами шуршит прошлогодняя листва, трещат ветки. Из-под сухих листьев, где отдельными травинками, а где сплошными пятнами пробивается свежая, живая зелень. Запах прелых листьев смешивается с ароматом молодой травы. Из цветов здесь только подснежники. На солнечных полянах они давно отцвели, а здесь, в густой поросли, еще встречаются. Но я ими уже не восторгаюсь. Не первые. Но все равно их приятно видеть.

Деревья зимой стояли серо-черные. А весной, прежде всего, меняется окраска веток. Она делается буровато-коричневой с легким зеленоватым, а у некоторых деревьев красноватым оттенком. Взглянешь на тополь или осину – на стволах и ветках зеленоватый налет – значит, они уже проснулись от зимней спячки. А дуб? Не скоро появится на нем зеленая крона, скрывающая корявые мощные ветви, но свежий красновато-бурый цвет молодых веток выдает его секрет: он уже не спит.

Я заметила, что летом в погожий, солнечный день листья и трава кажутся ярче, нарядней. Так, может, цвет коры деревьев и кустов меняется от ослепительного весеннего, солнечного света? Но нет. В пасмурный день придорожные кусты тоже радовали меня праздничным красноватым оттенком. А может, весенние дожди смыли пыль и грязь, накопившуюся за осень и зиму? Но ведь дождя этой весной еще не было, а серые веточки берез стали коричневыми. Почему-то вспомнились Витины веснушки. Они тоже весной становятся ярче.

– Зацвел наш Витя. Любит его солнышко, – улыбаясь, говорила баба Мавра.

Во дворе у нас свет всегда сплошной, одинаковый, ровный. А в густом лесу лучи от солнца веером расходятся, расширяясь по мере приближения к земле. Каждый луч делает свою дорожку между стволами деревьев. А вот самые маленькие лучики, оставляющие на земле веселые зайчики, я никак не могу отыскать. Зайчики есть, лучиков нет. Подставляю руку. На ней – солнечный зайчик. Поднимаю его от земли. Он не соскакивает с моей ладошки. Греет ее. Ах, вот он откуда появился! Лучик прячется в кроне березы, под которой я стою. Зайчик немного дрожит, потому что дрожат нежные ветви березы с молоденькими еще мелкими листочками. Взмахнула рукой. Солнечный зайчик вернулся на землю. Пусть греет ее, мне не жалко. Пусть здесь вырастут цветы!

Я прижалась к березе щекой. Мне кажется, это самое нежное и красивое дерево. Даже старое оно остается хрупким, изящным. Тонкие веточки-ниточки чувствуют малейшее дыхание ветра. Прошлогодние сережки чуть слышно шуршат-переговариваются. Я глажу белую, прохладную кору молодых веток, шершавые темные бугорки, из которых торчат сучки, глубокие морщины старой коры внизу, ближе к земле.

Вдруг на лицо мне упала капля, другая. Дождь? Вытянула вперед руки, раскрыла ладони. Нет дождя. Подняла голову. Что-то блеснуло на стволе березы как крупная искра. Хотя нет, не

искра. Она обычно бывает красновато-желтой. Опять что-то ослепительно сверкнуло и пропало. Теперь я вижу, откуда сыплются яркие звездочки. Высоко над моей головой, на стволе березы кто-то сделал надрез. Он еще достаточно свежий. Желтая древесина заметно выделяется на фоне белой коры.

Бриллиантовая слеза повисла на кончике узкого лотка, образовавшегося на срезе коры дерева. Она дрожит, как бы не желая расставаться с матерью-деревом. Но следующая, не менее ослепительная, прозрачная капля сталкивает предыдущую в бездну. Я наблюдаю за драгоценными слезами жизни до тех пор, пока лучик света не перестает попадать на них. Теперь это обыкновенные капли березового сока. Бриллианты исчезли, – сказка кончилась. Всегда немного грустно, когда необыкновенное заканчивается...

СВИНКА

О том, как я болела свинкой, у меня остались самые теплые воспоминания.

Случилось это в конце весны. Зелень вокруг росла яркая, сочная. Солнце ласковое. Птички носились меж деревьями – вжик-вжик. Меня поместили в чистый белый изолятор. (Отгородили и покрасили угол спальни.) Здесь пахло лекарствами. Это особенная обстановка, а значит – интересная. Дети, прибежавшие ко мне потихоньку от взрослых, перегибаясь через подоконник, щупали мою огромную «хрюшку» и восторгались. Свинка была почти у всех, а в изолятор поместили только меня. Мне завидовали по-доброму. Я целыми днями сидела у окна и смотрела во двор или валялась на койке. Газет мне не приносили. Наверное, чтобы я их микробами не запачкала. Вечерами мне фантазии не давали скучать. Приходил Витек. Приносил удивительное лакомство – жмых подсолнечника. Правда, съесть его не получалось, потому что я из-за «хрюшки» не могла широко открывать рот. Спрятала жмых под подушку. Свет на ночь у меня не тушили. Просто фитиль в лампе чуть-чуть убавляли.

Ужинать сегодня что-то не хочется. В комнате тишина. От слабости задремала. Сквозь дрему слышу тихий писк и шуршание. Открыла глаза. Какая прелесть! На тумбочке в моей тарелке спокойно ужинает компания мышей. Они такие симпатичные! Едят очень красиво. Берут передними лапками кусочек картошки или котлеты и старательно, аккуратно съедают.

Вдруг из всех дыр в полу стали выскакивать все новые и новые мыши. Некоторые очень осторожные. Сначала выглянут из норки, а потом медленно идут к тумбочке. Их чудесные, черные, блестящие глазки беспокойно двигаются туда-сюда. Другие – напрямик мчатся к еде. Как они ловко лазают по тумбочке! Когда их набежало слишком много, началась возня, громкий писк. Одни перепрыгивали через сородичей в середину тарелки, другие оттирали друг друга, выталкивали из плотного круга более слабых. Совсем маленькие мышата подбирали крошки около тумбочки. Одна большая мышка села на задние лапки, взяла в передние большой кусок хлеба и очень быстро его грызла. Я даже разглядела ее тонкие острые зубки. Мне не было страшно. Я не чувствовала неприязни к этим шустрим соседям. Напротив, они доставляли мне огромное удовольствие!

Теперь я каждый день оставляла на тумбочке еду, чтобы ко мне приходили маленькие гости. Я смотрела на них и придумывала истории, в которых главными героями становились мои новые знакомые. Особое место в них, конечно, отводилось самым маленьким мышатам.

Все было просто здорово! Только не нравилось мне, что старые мыши обижали маленьких, стараясь отужинать первыми. Особенно я жалела одного, горбатенького. Мышонок не уходил далеко от норки. Сидел на плинтусе и терпеливо ждал, пока все наедятся. Когда мыши разбегались, он, хромя и покачиваясь, подбирался к тумбочке, обнюхивая доски пола. Я поняла, что он слепой, и начала кормить бедняжку кусочками жмыха. Но жмых очень пахучий, и мыши опять выскочили и отняли у больного еду. Я стала приберегать хлеб, а днем засовывала еду в его норку. Мы подружились. Мышонок по ночам топал к тумбочке, и я тихонько шепталась с ним. Я даже с закрытыми глазами узнавала о его приближении. Он не боялся моего голоса,

ел спокойно, без суеты. «Кто же будет заботиться о нем, когда я вылечусь?» – каждую ночь, засыпая, думала я с грустью.

ОТКУДА ПОЯВЛЯЮТСЯ ДЕТИ

Сижу я на спортивной площадке и стучу молотком по огромному гвоздю. Мастерю себе ножичек. Дело идет хорошо. Гвоздь уже наполовину расплюсчен до нужной толщины. У меня плохо получается игра «в ножички». Я поняла, что нужна тренировка. А кто же мне свой нож надолго даст? Вот и «кую». Подходит ко мне четырехлетка, внимательно смотрит, как я работаю, потом неожиданно спрашивает:

– Откуда дети берутся?

– Из животика, – отвечаю я, продолжая свое дело.

– Расскажи, как это? – опять пристаёт девочка.

Я рассказала все, что видела и знала. Девочка помолчала и задала еще один вопрос:

– Как дети в животик попадают?

Я честно сказала, что не знаю, и решила расспросить старших ребят. Но никто из них толком мне ничего не объяснил. Один предположил, что для этого нужно, чтобы папа и мама были женаты. Тут в разговор вступил Петька. Он сказал, что жениться не обязательно, надо только, чтобы папа и мама спали вместе. При этом он горько усмехнулся. Дело в том, что ему не повезло. Он как-то провинился, а злюка-воспитательница сказала, что мать его нагуляла, потом вышла замуж за другого, а тот, другой, не захотел кормить чужого выродка. Все сочувствовали Пете, и когда он грубо говорил о своей матери, не осуждали его.

Меня удивило, что большие ребята знают меньше меня. Разговор незаметно перешел на другую тему: кто важнее – папа или мама. Пацаны стали рассказывать разные истории, дошли до крика и грубых высказываний, которых я не понимала. Но скоро ребята выдохлись. Все истории у них закончились. Тогда я спросила:

– А кого бы вы попросили себе у Бога – папу или маму?

Все как-то неуверенно, но почти одновременно сказали:

– Маму.

– Почему? – рассердилась я. – Вы же только что ругали мам. Я прошу папу, потому что он меня от злюки Валентины Серафимовны может спасти. А что мама? Ей самой нужен мужчина для защиты и помощи. Вы говорили, что детей не бывает без пап. Значит, они тоже за них отвечают... А если отец бросает детей, значит он не мужчина. Он слабак, подлец. Он – никто! И нечего о нем жалеть. Петя, отчим выгнал тебя. Отец бросил тебя и твою мать. Почему же ты мать ругаешь? Это нечестно! Из-за отца ты здесь. Может, поэтому ты о нем не вспоминаешь? – со злостью выпалила я.

– Замолчи. Не триви Петьку! – резко оборвал меня Иван.

Я замолчала. Но даже молчание мое было сердитым, взбудораженным. Я первая не выдержала гнетущей тишины и громким шепотом, будто для себя, продолжила:

– Не защищаю Петькину маму. Но мне кажется, она просто очень слабая женщина. Если бы рядом с нею был хороший мужчина, а не этот гад, твой отчим, она, наверное, никогда не отдала бы тебя в детдом. И вообще... Одному Петьке не повезло, а вы всех мам ругаете, как наши злые няни.

Иван сказал примирительным тоном:

– У нас в детдоме жили дети, которых мамы сразу после войны забрали.

– А зачем же отдавали? – удивилась я.

– Чтобы спасти от голодной смерти. Государство могло прокормить детей, а они – нет. Меня не забрали. Некому, – вздохнул Иван и обернулся к ребятам. – Хватит болтать попусту. Мы теперь взрослые и сами в ответе за свою судьбу.

Я немного успокоилась.

ЧИСТЮЛЯ ГЕНА

Есть в нашей группе Генка. Чудной он какой-то. Волосы прилизанные. Ходит медленно, важно. Руки по швам держит. Он ими даже не машет, как все нормальные дети. Генка никогда не кричит. Во время разговора внимательно смотрит на ребят сверху вниз, потому что самый тощий и самый высокий в нашей группе. Когда ему кто-нибудь говорит: «Какой большой мальчик», он всегда отвечает: «Я не большой, я длинный». Наверно, эта шутка ему нравилась. Генка – единственный ребенок, который умудряется не выпачкать одежду в любых условиях. Прежде, чем сесть, он проверит – чисто ли. Если грязно – не сядет. Какой-то он весь правильный, в общем, зануда.

Но Генка не страдал от своего характера. Он им гордился. Нянечки звали его «а-ри-сто-крат». Значит, благородной крови. Может, царской, может, княжеской. Но как-то «чистюля» поплатился из-за своей аккуратности. Ботинки ему достались почти новые. Не левые оба, как у Витька, и не разного цвета и размера, как у меня. Так он их стал смазывать кусочком сала, который прятал за обедом. Чтобы блестели.

Недолго красовался чистюля. Как-то утром хотел он обуться, а от его ботинок шнурки да подошва остались. Мыши съели. Или крысы. Бедный Генка со страху в постель намочил. Понял, что порки не миновать. Ох, как жалко мне его было! Прямо до боли в сердце. В нем я видела себя: робкую, беззащитную. Гена хоть зануда, но никого никогда не трогал. Да и что плохого в том, что мальчишка хотел быть аккуратным или красивым? Не повезло ему. Несчастный случай. А чем поможешь?

Долго кряхтел и стонал Гена после наказания, но «чистюлей» не перестал быть. Ничего тут не поделаешь. А-ри-сто-крат!

НОВАЯ ДЕВОЧКА

Прошел слух, что в нашей группе скоро появится новенькая. Мы с интересом ждали ее. И вот она пришла. Нет, она ворвалась, как черный вихрь! Девочка вела себя очень странно. Она не ходила, не бегала, а металась по двору, по комнатам, заглядывала во все углы и при этом ужасно беспрерывно сквернословила. За время проживания в детдоме мы ни разу не слышали подобных слов. Видно, такой закон был у взрослых. А новенькая говорила гадости с таким самодовольством! Подвижная мордочка излучала радость при виде, как всех шокирует ее речь. Еще всех удивило, что она бегала в уборную и подглядывала за каждым. Такое поведение вызывало брезгливое чувство к этой сумасбродной. Конечно, у нас тоже иногда возникали ссоры, но мы их вместе и быстро решали. Попытались разобраться и с новенькой. Закрыли ее в спальне и принялись объяснять, что так нельзя вести себя, что мы не хотим, чтобы нам говорили гадости. Но она не желала никого слушать, била всех ногами, царапалась, плевалась. Мы были ошарашены. Девочка бьет девочек! Это просто в головах не укладывалось. Витек предложил отколотить ее всерьез. Может, она не понимает, что делает больно! Я с ним согласилась, вспомнив урок, который он преподнес мне год назад.

У старших друзей я научилась «боксировать», и всегда использовала свои знания в играх, защищая подружек от приставучих ребят. Витек не давал проходу толстушке Вале. Стоило ей появиться рядом, он щипал ее, дергал за уши, а она визжала взахлеб. Я, как верная подруга, врезала Витьку в солнечное сплетение. Он медленно сполз по стенке на пол. А я, довольная, потащила Валюху за собой. На следующий день, когда мы в шутку дрались в столовой, Витя ударил меня в то же самое место. Все поплыло перед глазами, и я опустилась на лавку. Нет, я не редела от боли. Боль умею терпеть. Но это был урок! Я впервые поняла, что в игре бью настоящему, что делаю больно своим друзьям. «Господи, я такая ужасная. Чем гордилась? – сердито думала я о себе. – Тьфу! Боже ты мой, ведь и девчонкам иногда «любя» врезала, только,

конечно, без приемов». Я была благодарна Витьку, хотя никогда об этом с ним не говорила. Зачем? Мы понимали друг друга без слов....

Ребята бурно обсуждали свалившуюся на нас заботу. Решили, что все-таки надо проучить новенькую. Но кто будет наказывать? Наступила тишина. Мы не трусы. Но бить девчонку за то, что она дура? Да, дралась и царапалась, но она же защищалась от нас. Сама не нападала. Тогда дежурная девочка предложила для начала заставить новенькую стереть надписи, которыми она за полдня успела изгадить все вокруг. Так и сделали. Окружили виновницу плотным кольцом и приказали хорошенько смывать написанное. Она выполняла наши требования, но сопровождала работу такими возгласами, что всем становилось тошно. Некоторые девочки не выдержали, взяли тряпки и сами начали мыть стены, только бы не слышать гадости.

Новенькая была совсем неуправляемая. Попытки привлечь ее к играм, чтению, огороду ничего не дали. К концу дня мы так устали от этой девчонки, что даже говорить о ней не хотелось. Все решили, что она, наверное, все-таки ненормальная. На меня она оказала такое ужасное впечатление, что я даже заболела. Мне было ужасно жалко несчастную. Может, ей нужно специальное лечение, после которого она станет хорошей? Слезы душили меня. Я никак не могла уснуть.

Утром девочки уже не было в нашем детдоме.

КОТЯТА

Проснулась я от какого-то странного звука. Приподнялась, протирая сонные глаза. Окно серое. Значит, еще рано. Шуршание повторилось где-то рядом. Кто-то тихо-тихо заскулил, как маленький ребенок. Потихоньку слезла с постели. Моя рука коснулась теплого волосатого предмета. Я вздрогнула от неожиданности. Но тут же успокоилась, рассмотрев на койке кошку. Нам не разрешали держать животных в помещении. И как она очутилась здесь, да еще на моей постели? А еще говорят, что кошка не пойдет к тому, кто ее не любит! Но тут я поняла, почему она оказалась рядом со мной. Дело в том, что я болела, меня знобило, и медсестра заставила кастеляншу дать мне второе одеяло. Так вот кошка на нем и устроилась. Вела она себя странно: извивалась, лапки судорожно дрожали. Она все время крутила головой, показывая острые зубки. При этом еще сопела и стонала. Наверное, ей очень больно? Но почему не мяукает? Когда ребята играли ею в футбол в наказание за «уборную» под койками, она визжала очень громко. Может, боится, что ее услышат и выкинут? Или у нее не хватает сил кричать?

Смотреть на мучения кошки было неприятно. Я сначала подумала, что у нее болит живот. Может, отравилась? Вдруг поведение Рыжки напомнило мне Ярослава, которого часто увозят в черной рубашке с длинными рукавами, с деревяшкой в зубах. Господи! Неужели и кошки так болеют?

Больную кошку я не могла выбросить за дверь. Решила прикрыть одеялом. Но Рыжке такая забота не понравилась. Она выползла из него, продолжая стонать и извиваться. Вдруг кошка замерла, вытянулась как струна, из глаз потекли настоящие слезы, а из-под хвоста сначала полилась на мое серое одеяло темная жидкость, а вслед за ней вывалился белый мокрый клубочек, затем второй, третий. Потом опять потекла темная липкая вязкая жидкость. Я со страху не могла шевельнуться. В полутьме оскал кошки казался ужасным. Она полежала немного, потом подошла к одному комочку, перетащила его на сухое место и стала вылизывать. То же самое она проделала со всеми. Я поняла, что это котята, и уже не боялась, а побежала будить Витьку, чтобы первому сообщить о невиданном событии.

Минутой позже вся спальня гудела от возбуждения. Кто принес тряпочки на подстилку, кто нашел коробку. Слепых котят уложили и укутали. Мы не заметили, как мама-кошка куда-то пропала. Я побежала замывать одеяло. Мне было противно это делать, даже поташнивало, но страх перед наказанием заставлял заниматься стиркой. Чем докажу, что не я притащила Рыжку?

Утром будить нас пришла Валентина Серафимовна. Ее поразила тишина в спальне. Она сразу поняла, что у нас что-то не так, и принялась «шнырять» под койками, поднимать матрасы. Конечно, нашла котят. Все замерли. Валентина Серафимовна ухмыльнулась и коротко сказала:

– Выбросить. Такие же, как вы, подкидыши.

И вышла.

– Могла бы и промолчать, гадина, – мелькнуло у меня в голове.

Закусив до боли нижнюю губу, я перебирала в мозгу все грубые слова, пытаюсь не выпустить нахлынувшие слезы. Но, почувствовав, что это не действует, подняла подбородок кверху и выбежала из спальни. Остановить поток слез не сумела, так как слово «подкидыш» для меня было самым болезненным и мучительным. «Злюка, не может, чтобы не ужалить», – думала я, утирая слезы. Выплеснув со слезами свою боль и обиду, пошла к друзьям. Но только красные глаза и опухшие веки видела я за каждым кустом.

Котят мы отнесли в сарай и стали искать кошку с таким рвением, как будто от этого зависела наша жизнь. А тут еще баба Мавра сказала, что кошки иногда бросают котят, и нам очень хотелось, чтобы Рыжка вернулась к своим детям. Где-то глубоко в душе мы сравнивали себя с ними.

Было уже совсем темно. Мы лежали по койкам и ворочались. Соломенные матрасы шуршали под нами. Никто не спал. Я пошла в уборную, а заодно и в сарай – проведать котят. Уборная в конце двора. Как большинство детей, я боялась туда ходить по темноте. Но не потому, что скрипели полусгнившие доски. Казалось, что стоит присесть, как кто-то неведомый укусит сзади или вообще утащит куда-либо. Дверь я не прикрыла и напряженно прислушивалась к ночным звукам, вглядывалась в темные фантастические силуэты. Днем это просто дома и сараи, а ночью они бесформенные, неприятные. Крыши покрыты неровными, торчавшими во все стороны снопами камыша, они-то и делали ночью дома похожими на страшилищ.

Вдруг что-то непонятное насторожило меня. Кто там размахивает руками? Кто подпрыгивает, а потом, шурша и позванивая, опускается плавно вниз? Что за чудище? Все внутри меня затряслось мелкой дрожью. Но любопытство толкает вперед. Осторожно подбираюсь ближе. Ха! Старая рваная рубаха болтается от ветра на проволоке, протянутой через весь двор. А позванивают прищепки на ней. Вот трусиха! Тряпки испугалась! Сарай уже рядом. Коробка с котятами за дверью направо. На ощупь нахожу котят. Кошки нет. Не обрадую ребят.

Поздно вечером вернулась Рыжка к детям. Мы торжествовали, мы были счастливы! Теперь можно спать спокойно.

ПРАКТИКАНТКА ГАЛЯ

К нам в спальню вошла невысокого роста худенькая черноволосая девушка. Она молча с улыбкой рассматривала нас, а мы ее. Думаю, она сразу всем нам понравилась, но мы осторожничали. Валентина Серафимовна тоже не старуха, но ведьма. Кареглазая мягко, весело и просто сказала:

– Здравствуйте. Меня зовут Галя. Я практикантка из пединститута. Буду готовить вас к школе.

Ее глаза излучали тепло. Мгновение – и мы окружили Галю. Нам всем хотелось до нее дотронуться и многое рассказать. Кто нес ей спрятанную под матрасом «манькину радость» (конфету-подушечку), кто свою поделку – хотел похвалиться. А некоторые девочки стояли столбом и восхищенно смотрели на божественное создание.

Появление этого нежного красивого существа несказанно обрадовало нас. Уже первое занятие, проведенное Галей, убедило нас в том, что мы не ошиблись. Начала она с рисования. Откуда-то появились кисточки, краски, бумага, карта мира. Она тихим голосом рассказывала о том, что, смешивая краски, можно получать не только разные оттенки цветов, но и новые

цвета, если их нет в коробке. Я тут же соединила желтый с зеленым и получила синий. Галя, увидев мою торопливость, улыбнулась:

– Что, не доверяешь, или в тебе просыпается экспериментатор?

– А что такое экс-пе-ри-мен-та-тор? – спросила я.

Она объяснила.

– Люблю все проверять сама, – ответила я.

Каждое слово Гали было для нас открытием. Не знаю, как другие дети, а я вдруг поняла, что вообще почти ничего не умею и не знаю. Как-то, сидя на лавочке перед корпусом, я думала, что учиться в школе мне будет легко, так как сама научилась читать, считать, писать. Но после уроков Гали почувствовала себя глупышкой. Ну, вроде собачки Барсика, который целыми днями бестолково бежит по нашему двору.

На рисовании Галя рассказывала о художниках нашей страны и чужих стран. На карте мира показывала, где они жили или живут. Я и раньше знала, что есть какой-то мир за стенами детдома. Недаром у меня тревожно сжималось сердце от гудков далеких паровозов. Но я не представляла его. Был детдом, лес, поле, луг, а дальше – туман неизвестности.

Чтение по слогам и счет у меня не вызывали интереса, но, когда Галя говорила или проникновенно читала книжки, я еле дышала. А какая тишина стояла на занятиях!

Галя редко читала нам сказки. Чаще Толстого, Некрасова. Помню, как при чтении одного из рассказов я расплакалась. Она подошла ко мне, положила руку на плечо и попыталась успокоить. Я прошептала:

– Спасибо, что не гладите по головке.

«Знает ли Галя, что мы не привыкли к ласке? Она вызывает у большинства из нас истерику, потому что мы понимаем ее, как жалость. Я не хочу, чтобы мне напоминали, что я несчастный ребенок», – думала я, пытаюсь остановить слезы.

Галя постояла в нерешительности и приняла решение: начать обсуждение рассказа и объяснение новых слов.

– Что такое горница? – спрашивали дети. – А что, в семьях тоже норма еды? А если еще есть захочется? А мальчика теперь будут бить за эту сливу? Конечно, он плохо сделал, что украл, но, может быть, он очень хотел есть? А мама его пожалеет и простит?

После занятия Галя уже не спрашивала меня о причине слез.

ПОХОД ЗА ГРИБАМИ

Наша кухарка пообещала приготовить гречневую кашу с грибами, при условии, если мы сами соберем их и почистим. Мы бросились к Гале с просьбой помочь нам сделать царский ужин. Но она сказала, что боится идти в лес, так как не знает здешних мест и может растерять нас. Мы клятвенно заверили, что будем сами следить друг за другом. Она согласилась.

День был теплый и яркий. До леса добрались быстро. Сколько грибов! Шумная орава набросилась на подберезовики, выискивая самые молодые и плотные. Подосиновики не прятались под деревьями, а, как богатыри, по два и три стояли на пригорке у всех на виду, маня яркими шапочками. Под ногами мягкий ковер мха. Я наклонилась. Кукушкин лен. Цветок его похож на одинокую кукушку, сидящую на тонкой ветке и плачущую по своим покинутым детям. Мох такой красивый, что жалко наступать на него. Но он сплошным ковром покрывал землю. Сначала мы осторожно ходили по нему, выковыривая то тут, то там золотистые кудри лисичек. А потом некоторые дети так распалились, что стали с визгом кататься по пахучему темно-зеленому покрову.

Белые грибы образуют «чертовы круги», но их трудно найти. Зато много одиночек. Курятники ищем по пестрым зонтикам, видим издалека. Но зонтики не рвем, разве что только самые большие, чтобы покрасоваться. На еду собираем молодых «солдатики». Высокие, стройные с серыми касками-головками, они выстраивались в ряд по несколько штук. Я

понимаю волнение грибников. Когда находишь огромный белый гриб с приземистой мощной ножкой, и какой-то добродушной огромной тяжелой шляпкой – захватывает дух, лицо вспыхивает от возбуждения. А пристроившийся рядом «карапуз-толстячок» приводит в умиление. От нетерпения по телу проходит дрожь. Режу, а сама думаю: «Хоть бы не червивый!»

Оторваться от грибов самой невозможно. Но слышу призывный крик Гали и тороплюсь на поляну. У всех счастливые рожицы, каждый хвалится, чем может: у кого самые красивые, у кого больше всех. Витька «Светильник-Кипятильник» нашел дождевой гриб с голову человека. Он немножко перезрел, внутри пожелтел, но не принести его Витя не мог: ведь этот гриб – чемпион! Быстро проверив грибы, Галя принялась строить нас и считать. Боже мой! Двоих самых старших и самых непослушных не оказалось на поляне. У Гали сделалось такое испуганное лицо, что нам стало до слез ее жалко. Мы оставили на поляне дежурных и пошли по радиусам (так сказала Галя), непрерывно крича. Грибы собирали не более трех часов, желая вернуться к обеду, а ребят искали дотемна.

Опять собрались на поляне. Молчим. Мы не пришли к обеду. Это уже ЧП, а если вернуться к ужину без двоих ребят – кошмар!

– Что будет, что будет? – со слезами шептала Галя.

Мы окружили ее тесным кольцом. Нам было стыдно, горько и страшно. Подвели любимого человека! Вдруг самый маленький из нас, «Комардин», вечно ходивший хвостиком за старшими ребятами, закричал срывающимся от волнения голосом:

– Галя, я тебя люблю, прости меня. Я дурак!

Мы не могли понять, в чем дело.

– Галя, – продолжал он, – я вспомнил! Они недавно за сараем говорили, что Валентина Серафимовна теперь не страшна, потому что сами научились находить дорогу из леса домой.

Галя обняла мальчика, вытерла слезы, и мы двинулись обратно. У нас появилась надежда, что ей не влетит. Ребята успокоились и начали обсуждать, как врежут беглецам. А «Комардин» с надеждой в голосе спросил у Гали:

– А тебя не заберут от нас из-за опоздания?

– Будем надеяться, – ответила задумчиво Галя, крепко держа малыша за руку. Он был счастлив.

Беглецы ожидали нас у ворот.

РАНА

Что за прелесть – лето! Бегаешь в одних трусах с утра до ночи. Сплошное наслаждение! Старшие ребята теперь часто берут меня с собой. Каждая вылазка – новое место. Сегодня мы на пруду. Он порос камышом и желтыми лилиями. Я научилась жевать чакан. Это нижняя часть камыша. Вкусная, сладкая мякоть. В поле, в лесу, на реке летом всегда найдется, чем утолить голод. Особенно мне нравятся хлебники, которых много растет на лугах. Мелкие белые цветочки обрываете, а ствол с веточками съедаете. У них вкус недосоленного хлеба.

Лежу на берегу, «складываю» из облаков картинку. Утренняя прохлада приятно касается тела. Люблю это ощущение. Жара расслабляет, после нее настроение бывает скулежное. А вот таким чудным росным утром во мне столько энергии и хороших добрых мыслей! Я не боюсь будущего, мечтаю о чем-то далеком и очень хорошем. Что будет через десять лет? Окончу школу на пятерки, пойду, как Галя, в институт. Буду хорошим воспитателем. Потом выйду на пенсию, как баба Мавра. А когда это произойдет? Галя уже научила меня различным действиям с числами. Я могла решать примеры «в столбик». И все же очень долго считала в уме и на песке. Получилась красивая цифра – две тысячи. Дальше мои мысли не шли, как будто жизнь заканчивалась с уходом на пенсию.

Надоело лежать. Подняла гусяное перо, посмотрела через него на солнце. Ура! Открытие! Вместо утреннего оранжевого шара увидела яркие цветные полосы, плотно прилегающие друг к другу: красный к оранжевому, синий к зеленому. Отвела перо от глаз – солнце опять одноцветное. Рассмотрела строение пера. Ничего особенного. Просто близко расположенные тоненькие пластинки пуха. Сощурила глаза и глянула на солнце сквозь ресницы. Тоже получилась радужная картинка, но какая-то расплывчатая. Побежала к ребятам похвалиться открытием. Но они, оказывается, уже знали об этом, однако объяснить не смогли, откуда берутся красивые полосы. Зато сказали, что видели такое же изображение через разбитые стекляшки. Я потеряла интерес к перу и отправилась купаться. Набултыхавшись вволю, попыталась перевернуться на спину. Не получилось. Как топор, пошла ко дну. Иван взялся за мое обучение.

– Каждый человек должен уметь отдыхать на воде, мало ли что может случиться в жизни, – наставительно говорил мне старший друг.

Не сразу я сумела выпячивать живот и одновременно поднимать голову. Нахлебалась порядком, пока почувствовала себя на поверхности воды уверенно. Иван одобрительно шлепнул меня по животу и ушел к друзьям. А мне не терпелось сообщить девчонкам о своем успехе, и я быстро поплыла к берегу. Вдруг резкая боль прошла ногу. От неожиданности заорала так, что все ребята бросились ко мне на выручку. Из ступни хлестала кровь. Я наступила на дно разбитой бутылки с торчащим из него, как лезвие ножа, осколком. Ребята осторожно вынули стекло. Кровь потекла еще сильнее. Я, зная правило, пыталась не реветь, но слезы не подчинялись мне. Боясь презрения друзей, я наигранно захохотала. Мое поведение испугало друзей. Кое-кто решил, что я спятила от боли. Картина, конечно, дурацкая: девчонка сидит в луже крови и смеется. Сцепила зубы. Ребята успокоились и побежали за чистой водой, чтобы обмыть черную от ила ногу. Иван не разрешил зажимать рану, пока кровь не промоет ее.

– От потери крови не умрешь, а от столбняка – в три дня пропадешь, – пояснил он.

Друзья притащили целый ворох подорожника. Часть листьев размяли и приложили к ране, другими обложили всю ступню и травяными жгутами «упаковали» ногу. Потом двое ребят, сцепив руки «замком», сделали седло и отнесли меня в корпус. Мне было еще очень больно, но я гордо восседала на «троне». Девчонки даже не пытались скрыть свою зависть. А мне вдруг показалось, что нога от этого стала болеть меньше.

СНОВА НА РЕКЕ

В тайных походах на речку мы с Витьком научились неплохо плавать по-собачьи. И, когда воспитатели снова привели нас купаться, я не осталась с малышней, а пошла к крутому берегу, откуда чужие, местные ребята прыгали в воду. Головой вниз ныряли только самые смелые. Первый раз я прыгнула «солдатиком». Разбежалась, руки прижала к телу, ноги выпрямила в полете. Секунда – и они коснулись воды, сразу поглотившей меня с головой. Я быстро вынырнула и забарахтала руками и ногами. Чужие ребята плавали красиво, неторопливо меняя руки. Но страх утонуть заставлял меня суетливо махать руками. Я еще не научилась уверенно чувствовать себя на воде, но все же переплывала нашу речку.

Во второй раз я решила попробовать прыгнуть вниз головой. Пологий берег был песчаный, а мы прыгали с крутого, земляного. Чернозем от воды, стекавшей с детей, раскис под ногами. Во время разбега я поскользнулась у самого края обрыва. Толчка не получилось, и я упала совсем близко от берега. У дна ударилась головой о корягу. С трудом вынырнула. Резкая боль в шее не давала возможности двигаться свободно. Захлебываясь, позвала на помощь и камнем пошла на дно. Кое-как вынырнув, опять закричала. Но, несмотря на то, что людей вокруг купалось много, никто меня не услышал. Поняла – надеяться надо только на себя. Попробовала лечь на спину. Острая боль не позволила занять нужную позу. Руками грести не получалось. Каждое движение мучительно. Сообразила: ноги – вот мое единственное спасение! Принялась усиленно работать ими. Продвигалась медленно. После каждого вдоха глотала воду и закашливалась. Я уже слышала, как взрослые на берегу говорили обо мне:

– Смотрите, как смешно плывет девчонка!

Из последних сил закричала:

– Спасите!

Зрители дружно захохотали. Я же двигалась вперед с лицом, повернутым вправо. Наверное, они думали, что я дурачусь. Берег был уже близко, но дна еще не доставала.

– Хоть бы не потерять сознание от боли. Тогда конец! – мелькнуло в голове.

Ноги коснулись дна. Лежу на берегу. Шея горит. Голова как одна большая рана. Вода то набегает на меня, охлаждая, облегчая боль, то, плавно струясь, стекает. До меня доносятся приглушенные крики и веселый смех. Но все это где-то вдалеке, в красноватом тумане. Мне хочется одного: покоя.

Меня нашли дети и привели воспитательницу. Один взрослый дядя сказал:

– Под счастливой звездой родилась. В прошлом году здесь на коряге сломал шею «Король» – атаман местных ребят.

«Не судьба мне утонуть, – подумала я. – Но лучше поменьше ее дразнить, иначе не сносить мне головы, так говорила баба Мавра».

МОТЫЛЬ

Решили мы с Витьком сделать очередную вылазку на речку. Злюки сегодня нет. Дети с Галей украшают столовую. А у меня есть хорошая привычка – делать, что можно, заранее. Вечером вымыла пол и нарисовала за себя и за Витька человечков (мое любимое занятие), а утром отдала Гале. Теперь нас долго не будут искать.

Ура! Свобода! Выскользнули из столовой, и «давай бог ноги» к реке. Почему-то на берегу никого не было. Тишина стояла такая, что на воде ни одной морщинки. Только длинноногие

водомерки беспрерывно снуют по стеклянной глади, да стрекозы, эти голубые изящные вертолетики, на лету касаются воды так осторожно, что их росчерк мгновенно исчезает. Заораживающая картина! Всепоглощающая тишина! Я заметила, что в такие минуты не только не хочется, но и не получается говорить. Витек взял меня за руку и повел от реки к ручьям и озерам, что остались после весеннего половодья. Мы легли на живот и долго рассматривали рыбешек, мальков и головастиков. Нам даже не хотелось их ловить. Ласковое солнце, теплая вода. Уютно, безмятежно. Движения рыб спокойны, грациозны. Окраска всех живых существ неяркая, мягких оттенков. Мы ощущаем блаженство. Мы – частички этого прекрасного мира.

Вода в ручье удивительно прозрачная, в ней четко видна каждая травинка, каждая букашка. Вдруг я разглядела на песчаном дне розовые и красные водоросли. Длина их не больше моего пальца, толщина чуть тоньше вермишели, которую я терпеть не могу. (Но это другая история.) Что меня поразило? Вокруг абсолютная тишина, а эти водоросли беспрерывно колеблются. Я долго ошарашенно смотрю на странное явление. Если это трава, так она должна быть в покое. Если это животные, так почему они не двигаются с места, а только шевелятся? Показала Витьку свою находку. Он тут же выдернул из песка розовое чудо. И у него на ладони я увидела тонкого червячка, который был очень недоволен тем, что его вытащили из воды. Загадка разрешилась быстро. Одного я не могла понять, – почему они находятся на одном месте? Витек объяснил:

– Это мотыль. Червячки изображают водоросли, чтобы их не съели хищные рыбы. Они их так обманывают. Я об этом от старших ребят и рыбаков слышал. Ты знаешь, из них получаются комары.

– Те самые, которые мучают нас по вечерам? – удивилась я.

– Они. Кровопийцы, – засмеялся Витя.

Я тоже улыбалась, глядя в ослепительную синь неба.

МУЧЕНИЯ НАСЕКОМОГО

Если удастся сбежать от шумной, неугомонной толпы ребят и спрятаться в укромном месте леса, примыкавшего к саду, то большего счастья мне на данный момент не надо. Вот и в этот раз. Все играют в прятки, а я незаметно ушла. Пробралась через ягодник к старому поваленному дереву, удобно устроилась на нем между сучками и задумалась. Тишь необыкновенная. Стойкий запах земляники, зверобоя, душицы приятно дурманит, располагая к добрым, спокойным мыслям. Вдруг слышу где-то рядом странный тихий звук: не то сопение, не то вздохи. Он был какой-то особенный и мог принадлежать только живому существу. Прислушиваясь, очень осторожно двинулась в направлении предполагаемого животного, ожидая увидеть лисенка, зайчонка или лягушку. Но звук исчез. Может, существо слишком маленькое и находится там, где я сидела? Осмотрела кусты и траву. Ничего не нашла. Но я же обязательно должна найти заинтересовавший меня объект! Принялась обследовать дерево и вдруг наткнулась на удивительное создание, похожее на крупного серо-зеленого кузнечика. Оно сидело на оголенной части ствола странным образом. Между задними ножками у него торчала длинная тонкая трубка. Надежно закрепившись на дереве, насекомое углубляло ее в ствол. Видно сверлить было трудно, и букашка от натуги сопела. Я никогда не слышала, чтобы сидящее насекомое издавало звуки. Обычно пчелы, стрекозы, кузнечики молча сидят, молча едят.

Когда я нашла свое «чудо», оно уже заканчивало сверление и начиналось самое любопытное. Кряхтя, насекомое вытаскило трубку из отверстия, но так, что ее кончик оставался в дереве. Потом по трубке медленно потекла внутрь ствола белая жидкость. Я еле дышала, боясь помешать. Наверное, выталкивать жидкость букашке тоже было нелегко. Она изгибалась, напрягая животик, многократно перебирала ножками, стараясь удобнее устроиться на коре дерева. Особенно поражали меня тихие стоны. Эти звуки напоминали кряхтение старика-сторожа, когда он таскал дрова для нашей печки.

Жидкость текла долго и мучительно. Нечаянно трубка выскочила из отверстия, и часть жидкости вылилась на поверхность бревна. Закончив работу, насекомое свалилось в траву и лежало как мертвое, только ножки немного дрожали, показывая, что жизнь его еще продолжается. Оставив букашку отдыхать, я с интересом разглядывала белую жидкость. Может, она такая же, как у пауков, и из нее получатся длинные тонкие нити? Выбрала жесткую травинку и прикоснулась к вязкой слизи, пытаясь получить нить. Но к моему удивлению поняла, что это не просто жидкость. В ней плавали очень маленькие круглые живые существа. От неожиданности я даже растерялась. Здесь рождались детки насекомого? Все происходившее тут было похоже на появление котят в нашей спальне. Надо же! Букашка, а мучилась и стонала, как животное! Я отыскала в траве усталое насекомое и положила его в тень на свежие мягкие листья липы. Потом пошла по тропинке, глядя под ноги. Не наступить бы случайно на какое-нибудь живое существо!

ЗМЕЯ

Поздний вечер. Я сижу на берегу реки и читаю обрывки газет при ярком свете ночного светила. Глаза устали. Откинулась на траву. Полежала немного и опять взялась за газету. Ночитать больше не удалось. Не могла разглядеть мелкие буквы. Только заголовки четко видны. Взглянула на реку. Изображение луны умывается мелкой рябью. Камыши отбрасывают дрожащие черные тени. Пора возвращаться. Под ногами хорошо видна белеющая тропинка. Земля прохладная и упругая. И от ощущения этой живой упругости у меня под сердцем теплеет. Это очень приятное чувство, будто прикасаешься к чему-то любимому, родному. Мне кажется, что, сжимаясь подо мной, земля нежно охватывает ступни, как, наверное, обнимали бы меня руки моей доброй бабушки, о которой я мечтала, глядя на бабу Мавру. Такая земля только здесь, у реки, потому что рядом болото.

Тропинка петляет то ближе к реке, то к лесу. От деревьев падают длиннющие тени. Иду по земле, как по лестнице, перепрыгиваю тени, стараясь не наступить на них. Вдруг замерла на месте с поднятой ногой. Передо мной, высоко подняв голову, лежала... змея. Если бы я не разглядывала «ступеньки», то наступила бы на нее. От страха задеревенела. Но как только шок прошел, стала быстро соображать, что предпринять. Из своего маленького жизненного опыта знала, что реакция у зверей лучше, чем у людей, и если я начну двигаться вперед, змея обязательно укусит. Падать на спину опасно. Лучше на бок, тогда голову не зашибешь. Голова – не коленка, ее беречь надо. Пока я думала, стоя, как цапля, на одной ноге, змея, видно, немного успокоилась, даже опустила голову, но не уползла. Бросок в сторону, потом кувырок назад – и я опять на ногах. Не оглядываясь, помчалась к корпусу. Откуда-то голос прорезался. Заорала на бегу. И тут же замолкла, вспомнив, что могу получить наказание за позднюю прогулку.

Подскочила к зданию, сунула ноги в тазик с водой, быстро потеряла одну ногу о другую и нырнула в постель. Под одеялом меня некоторое время еще трясло от страха. Чудно! Если дрожу, то мысли тоже лихорадочно носятся в голове. А когда дрожь прекращается, то и мысли текут, как наша речка, спокойно. Страх окончательно прошел. Лежу и уже с улыбкой вспоминаю все, что произошло со мной.

ВЕРМИШЕЛЬ И ОГУРЦЫ

За детдомом – огород. Некоторые дети любят повозиться на нем, хотя их не заставляют. Я очень люблю огурцы. Особое удовольствие доставляет съесть первый. Я никого не подпускаю к своей грядке, сама выщипываю траву, поливаю. Прополка требует терпения. Спина от работы гудит. Но желание получить первый огурец придает мне силы. Каждый день смотрю, как подрастают и зацветают растения. Наконец появились первые опупочки. Так няня называет очень маленькие огурчики. Разрешалось огурцы рвать, только когда они станут длиной в десять сантиметров. Линейкой измеряю намеченные огурцы. Один огурчик просунула в бутылку, чтобы

потом отдать на выставку. И вот настал день, когда баба Мавра объявила, что на ужин принесет первые огурцы и вручит перед всеми тем детям, которые их заслужили. А потом уж каждый день будет делать салаты. Я волновалась, ожидая заслуженной награды. У меня немного замирало сердце, в ожидании слов, которые прозвучат торжественно. Что-то вроде:

– Этим летом лучше всех работала на грядке...

Неожиданно на ужин пришла директриса. Забегали няни, воспитательницы. Дети сели по местам. Раздали миски с вермишелью.

Вдруг директриса объявила:

– Кто первый поужинает, тот получит первый огурец.

Я не отличалась хорошим аппетитом, и от этих слов моя душа с небес опустилась в пятки. Я с ужасом смотрела на миску противной вермишели.

– Надо выдержать, – подумала я.

Закрыла глаза, собрала все свое мужество и принялась «уничтожать» ненавистную еду. Я как бы отключилась. Слезы самопроизвольно лились из глаз, но я все глотала и глотала подсоленную массу. Откуда-то издали раздавался радостный голос ребенка:

– Я первый!

Мне стало плохо. Выскочила из-за стола и в уборной освободила желудок. После этого случая огурцы перестали быть моим любимым блюдом. И есть что-либо насильно больше не получалось. Ребятишки с удовольствием забирали мою порцию, а Валентина Серафимовна ехидничала:

– Впечатлительный ребеночек!

РАДИО

Иногда по вечерам нас водят в комнату, где стоит много стульев и висит портрет Сталина. Он огромный – от потолка до пола. Рамка, фон и сам портрет темных тонов. На нем изображен во весь рост строгий человек с усами в военной форме и в сапогах. В руке он держит дымящуюся трубку. Я боюсь подходить к нему близко. Темный великан придавливает меня к полу своим тяжелым взглядом. Этот портрет я называю про себя «Черный человек». Странно, в каком бы углу комнаты я ни находилась, он все равно смотрит на меня в упор и пугает. Я чувствую себя букашкой.

Кто такой Сталин – не знаю. Это имя произносится всегда шепотом. И мы в этой комнате тоже говорим тихо и никогда не шалим. Рассаживаемся по стульям и ждем, что сегодня будет по радио. Чаще всего слушаем песни, а иногда кто-то строгим голосом что-то рассказывает. Мне очень хочется узнать, что же это такое – радио? Где находятся люди, чьи голоса мы слышим? Может, они в соседней комнате?

Сегодня Галя привела нас сюда слушать концерт симфонической музыки, который будут исполнять почти сто человек. А меня волновал один вопрос, где же мы их разместим? После занятия я все же спросила у Гали, что такое радио. Она объяснила, что это маленькая коробочка, которая издает звуки, которые мы слышим. Я совсем растерялась. Какого же размера должны быть люди и музыкальные инструменты, чтобы влезть в эту коробочку?

Меня настолько мучил этот вопрос, что я лишила себя прогулки и сама вызвалась дежурить в «тихой» комнате. Как только шаги стихли, я залезла на стул и включила радио, повернув черную ручку, как это делала Галя. Послышался разговор двух людей. Я оглянулась на портрет. «Черный человек» недоволен моим поведением. Прижалась щекой к стене, искоса глядя на портрет. О, Господи! Все равно смотрит! Холодок застыл между лопатками. Повернулась лицом к стенке, чтобы не видеть всевидящего, немного успокоилась и взялась за работу. (Из столовой я прихватила в качестве инструмента алюминиевую ложку.)

Все радио представляло собой большую черную «шляпу» из плотной бумаги и маленькую коробочку, в которой я пыталась найти странных малюсеньких артистов. Как ни стара-

лась, открыть ее не удалось. Вдруг хлопнула входная дверь. Я со страху свалилась со стула, увлекая за собой радио. На мое счастье вошла Галя. Увидев меня с дырявой «шляпой», она ахнула: «Что теперь будет!?» От ее возгласа я испугалась еще сильнее. Не за себя. За Галю. У меня началась истерика. Галя привела медсестру. Та заставила выпить лекарство, и я очень скоро заснула. Когда проснулась, то увидела, что Галя заклеивает радио, а медсестра доказывает старшей воспитательнице, что нельзя наказывать любознательного ребенка битьем. Удивительно, такая молодая, а спасла меня от наказания! Галя починила радио. Правда, после ремонта оно стало немного шепелявить.

После этого случая Галя попыталась нам объяснить, как работает радио. На следующий день за игрой одна девочка-четырёхлетка говорит другой: «Я тебя зову, зову, а ты молчишь. Что, мои волны до тебя не дошли?» А вторая ей отвечает: «Я звала тебя из спальни, а ты сидишь в коридоре и не слышишь. Куда мои волны делись? Ведь они шли к тебе!» Как радовалась Галя, услышав эти слова! Ведь даже малышня кое-что поняла.

ТАЙНЫЙ ПОХОД В КИНО

Мне уже почти семь лет. Особенно я ощущаю свою взрослость, играя с малышами. Им-то по три-четыре года. Мне хочется сделать для них что-то особенное, очень приятное. Ну, что я могу? Как и другие старшие дети, я делаю с ними зарядку, рассказываю сказки, придумки, не позволяю обижать друг друга.

Как-то Иван в разговоре упомянул, что недалеко от нас в деревне поздно вечером для взрослых по выходным и праздникам «крутят» кино. Но пробираться в зал-сарай надо, когда фильм уже начнется. Показал дорогу. Я рассказала малышам, что такое кино (со слов Ивана, сама-то его еще не видела), и пообещала сводить их туда. В назначенный час бодрствовало только четверо ребят. С ними и пошла. По своей территории они шли спокойно, но стоило нам спуститься в овраг, как они заныли, заохали. Их пугала каждая высокая пушистая кучка травы, каждый куст.

– Вон ведьма сидит, – застонал один.

– Боже мой, это вурдалак, – прошептал другой.

Я поняла, что их запугивают, как и нас, страшными рассказами. Боже! Как же я не подумала об этом! Они же поверили мне, может быть, больше, чем воспитателю, потому что я «свой человек», большой и добрый ребенок. А я заставила их дрожать от страха. Тогда я небрежным тоном сказала:

– Всякая нечисть, если она есть, боится свиста и громкого разговора.

И засвистела единственный марш, который знала. Всем своим уверенным видом я показывала ребятам, что вокруг нет ничего плохого. Я подводила малышей к кустам, и мы вместе трогали их руками. Показывала, что тени – это совсем не страшно. Дети перестали ныть, но все же крепко держались за мои руки. Я чувствовала, как они дрожат.

Мы беспрепятственно проникли в сарай. На белой простыне в глубине сарая происходили чудеса. Маленький мальчик, меньше меня, учился играть на огромном музыкальном инструменте. Ему не хотелось. Он часто отвлекался, устраивал смешные проделки. Потом вдруг его папа или дедушка (из-за бороды не поймешь) умирает и маленький мальчик с палочкой в руке руководит огромным оркестром.

Я была потрясена фильмом. Судьба мальчика глубоко запала мне в сердце. Я плакала.

Люди в зале зашевелились. Боже мой! Какая же я няня? Я ни разу не взглянула на своих подопечных, так захватил меня фильм. А они спали. Я вскочила и осторожно разбудила их. Они ничего не понимали. Потом решили, что их будят в уборную, и послушно потопали за мной, не открывая глаз. Быстро уложив детей спать, я, помянув Бога за благополучно закончившийся поход, пошла к своей койке.

На следующий день детишки рассказывали всем, как ночью ходили в кино, но взрослые не обратили внимания на очередной «брех» малышкой.

Я СЛЫШУ МУЗЫКУ

Утро. Люблю тихую погоду. Она создает не только внешний уют, но и состояние безмятежного покоя в моей душе. Сажу на грядке, выдергиваю сорняки. А мысли совсем не связаны с работой. Они далеки, легки и радостны. Это даже не мысли, а чувства.

В такие минуты я растворяюсь в окружающем мире. Я не ощущаю своего тела. Вот так иногда руки в речку опустишь и не чувствуешь ни тепла, ни холода. Вода и тело – едины, неотделимы. А сейчас слились моя душа и природа.

Встала с грядки, выпрямилась, взглянула в завораживающую глубину неба. От него тоже веяло покоем, а бесконечная глубина вызвала чувство трепетного, благоговейного восторга. Вдруг услышала в своей голове музыку. От неожиданности замерла. Да, это музыка звучала не снаружи, а внутри меня. Она была удивительной красоты! Такой я никогда не слышала. Она обволакивала меня всю, и от этого каждая частичка тела восторгалась и радовалась. В этой музыке было что-то от религиозного пения, но только она более радостная. Эта мелодия разливалась вширь и возносилась высоко-высоко. Я ощущала, как она растекалась.

Мелодия то нарастала, то затихала. Сначала приглушенно звучал один небольшой хор. Музыка доносилась как будто из глубины. Потом по мере нарастания звуков присоединялись другие группы голосов, то более высокие, то низкие. И все это удивительно гармонично сливалось воедино, образуя мощный восторженно-торжественный гимн.

Мне захотелось опуститься на колени, и стоять не шелохнувшись, впитывая каждый звук. Потом густые низкие звуки постепенно погасли. Музыка сделалась прозрачней, нежней, светлей. При этом внутри меня возникла удивительная легкость. Мне показалось, что я могу оторваться от земли и полететь, как парашютик одуванчика. Душа моя радостно трепетала.

Вдруг я подумала:

– Господи, за что ты так шутишь надо мной? Ты дал мне возможность услышать удивительную музыку, но не научил, как записать ее для друзей!

Эта земная мысль мгновенно отключила музыку в моей голове. Я заволновалась, задрожала, лихорадочно прислушиваясь к себе. Бесполезно! Ни звука! Растерянная, расстроенная, потрясенная, я села на дорожку возле грядки и заплакала. Я спугнула музыку. Вернется ли она ко мне?

ПРИВИВКА ОТ СТОЛБНЯКА

В детдоме появилась новая медсестра: худенькая, маленькая девушка со строгим лицом. Нам предстоял медосмотр. Уже прошел слух о том, что за каждую царапину все получают по уколу. Не знаю, почему мы так боимся уколов? Какой-то холодок появляется под ребрами при слове «шприц». Но я уже научилась бороться со страхом перед болью и старалась успокоить друзей своей бравадой и обещанием первой пойти на осмотр, даже вперед мальчишек.

Ребята проводили ревизию болячек, подсчитывая, сколько придется выдержать уколов. Я тоже критически оглядела свою тощую фигуру. Помню, как наш шофер коротко сказал, взглянув на меня:

– Арматура.

Все присутствующие взрослые захохотали. А мне понравилось это звучное слово, и я с удовольствием применяла его к себе. Так вот, результаты моего осмотра неутешительные. Цыпки до локтей на руках, до труссов на ногах. Колени, локти, все пальцы ног и рук в ссадинах. Некоторые уже подсохли. Из других сочилась кровь. Но меня это никогда не волновало. Я не чувствовала боли, вернее не обращала внимания на нее. А если кровь из ранок не переставала

течь, я присыпала их сырой землей. От этого боль утихала. Так все делали. «Прописав» себе два десятка уколов, я успокоилась. Ничего, выдержу!

Настал день медицинского осмотра. После завтрака все собрались перед корпусом, где в углу спальни отгородили медкабинет. Войти первой мне не удалось, вызывали по списку. Один за другим ребята выскакивали от медсестры. Было всякое: кто ревел, кто ругался. Я поняла, что ожидать экзекуцию труднее, чем первой «вкусить» лекарства. Пересиливать себя пять минут много легче, чем три часа. Ожидание выматывает, и для геройства остается мало сил. Правда, когда узнала, что в основном колют по одному уколу от столбняка, успокоилась.

Подошел мой черед. Оглядев меня суровым взглядом, медсестра коротко сказала помогавшей ей няне:

– Два кубика, слишком много ссадин.

Вышла с улыбкой. Но через некоторое время с нами стало что-то твориться. Мы не могли ходить, ползали тут же по земле и стонали. Особенно тяжело было тем, кто получил двойную дозу. Сперва ныло только под лопаткой, потом боль распространилась по всему телу. Многие из нас понимали, что укол полезный. Но ведь мы не первый год ходим с болячками, ссадинами, и никто не умер. Стоило ли мучить нас?

ЯГОДЫ

Середина лета. За железной оградой (это все, что осталось от барской усадьбы) цветет ягодник, и уже кое-где появились зрелые ягоды. Каждый день мы уговариваем воспитателей сходить с нами в лес, а им все недосуг. Сегодня дежурит ВЭЭС. Нас это, конечно, не радует. Вдруг девчонки узнают, что у нее есть ребеночек в пеленках и что сегодня мы вместе пойдем в лес. Только ненадолго: маленького надо пораньше отнести домой. И точно, вскоре на пороге появилась Валентина Серафимовна с синим кулечком на руках. Кто бы мог подумать, что у такой злойки может быть свой ребенок? Все-таки Бог не успеваешь за всеми уследить. Ну, да ладно. Ему видней. Остановились на ближайшей полянке. Ягод много. Все сначала клали их себе в рот, а потом в кружки для киселя. Тут прошел слух:

– Валентина Серафимовна просит для ребенка зрелых ягод.

Что тут началось! Дети окружили малыша и наперебой совали ягоды кто на веточках, кто по одной. Мамаша отбирала лучшие и давала сыночку. А дети в это время разглядывали его. Из-за тряпочек можно было увидеть только малюсенькое личико. Если ягода нравилась, личико улыбалось, если нет, то корчило гримасу, и Валентина Серафимовна зло отгоняла того, кто обидел ее дитяню.

Я смотрела, как дети приносят ягоды. Мальчишки большей частью дружески, по-братски совали малышу землянику. Девчонки, прежде чем отдать ягоды, заискивающе заглядывали в глаза Валентине Серафимовне. При этом чувствовалось, что носят они ягоды не только для малыша, а в основном, чтобы задобрить воспитательницу. От этой мысли мне сделалось противно. Но у меня еще не зажили раны от последней порки, и я неуверенно двинулась к кружку детей. Успела заметить, что ребенок уже не хочет ягод, часто кривится. И все же протянула самую крупную и темную ягоду. Малец вдруг разорался. Видно, моя ягода была последней каплей в его терпении. Воспитательница зло зыркнула на меня и грубо прогнала. Я сжалась в комочек. От этого кожа на ранках тоже сжалась и заныла сильнее.

– Не миновать наказания. Зачем полезла с этой ягодой? Подлиза чертова! Не умеешь быть подлизой, не лезь, куда не следует, – ругала я себя.

Мне было гадко от мысли, что я пошла против своей совести. Нельзя все время бояться. Буду учиться пересиливать себя. Интересно, как взрослые справляются со страхом?

ВСТРЕЧИ ЗА ЗАБОРОМ

За железным забором нашего сада существует какая-то особенная жизнь. Без воспитателей нам не разрешается выходить в этот неведомый мир. Однажды, гуляя по саду в поисках остатков фруктов, я услышала тихий разговор. За забором стоял неопрятно одетый, небритый, с лицом пропащего человека, мужчина неопределенного возраста. По эту сторону – малыш из средней группы. Взрослый просил мальчика что-то принести из детдома, а за это обещал научить его играть в карты. При этом он показывал картонные прямоугольники с картинками. От нянечки я слышала, что из-за карт люди погибают также как от водки.

Я знала, что подслушивать нехорошо, но когда представила себе, что Коля тоже может пропасть, решила дождаться конца их разговора. Мужчина ушел, а я догнала Колю и принялась отговаривать встречаться с чужаком. Я сразу догадалась, что мужчина – плохой. Он все время оглядывался по сторонам. Глаза его так и бегали. И ему не понравилось, что я появилась во время их разговора. Хорошие дела исполняют открыто, а плохие – тайно. Мне не хотелось, чтобы Коля стал вором. Но он не слушал меня, считал этого мужчину другом и хотел научиться играть в карты. Что же делать? Воспитателям сообщать нельзя. Как помочь?

Решила посоветоваться с тетей Машей. Я попросила поговорить с Колей, но взяла с нее честное слово, что она никому больше не расскажет об этом. Не хочу быть доносчиком. Упаси бог.

С тех пор меня почему-то тянуло в сад. Как-то раз через прутья забора я увидела мужчину средних лет, одетого бедно, но чисто. Он предложил мне пробраться к нему через потайной лаз, говорил, что у него нет дочки, а ему очень хочется иметь добрую девочку, которую можно приласкать. Я внимательно разглядывала незнакомца, пытаюсь понять его просьбу. Что-то нехорошее промелькнуло в его глазах и насторожило меня. Я привыкла верить не словам людей, а лицам, глазам, интонациям. Я не поняла, скорее всего, почувствовала, что этот человек плохой. Он был за забором, но мне почему-то сделалось жутко. А когда его рука неожиданно коснулась моей, мне стало противно, дрожь прошла по телу, и я опрометью помчалась к домам. Я тогда так и не поняла, чем был нехорош этот человек, но ощущение гадливости от встречи осталось надолго.

А вскоре я там же встретила женщину с молодым лицом и седыми волосами. Я ее сразу узнала. Однажды наша группа возвращалась с прогулки. Мы шли по пыльной дороге измученные, голодные и ели сахарную свеклу, которую надергали в поле. Все старательно обгрызали и сплевывали верхнюю, грязную поверхность корнеплода, добираясь до чистой белой мякоти. От сладкого сока наши руки и лица были в грязных, липких разводах.

Я ела свеклу и думала:

– У меня один ботинок жмет, и я всегда натираю эту ногу. А второй – очень большой, однако и другая нога почему-то тоже в кровавых волдырях.

Вдруг резкий плачущий крик заставил всех повернуть головы в одну сторону. Женщина, обращаясь к нам, говорила, что у нее сейчас была бы такая же дочка, как мы, но из-за войны и голода она отдала ее в детдом и теперь не знает, где родная кровинушка и что с нею. Странная прохожая не вызвала у меня симпатии и даже жалости. Может, меня доконали растертые ноги или мне показалось, что она сумасшедшая. А может еще потому, что она лишний раз напомнила: среди нас на самом деле есть подкидыши...

И вот судьба опять свела меня с этой женщиной у забора. У нее был жалкий вид: седые растрепанные волосы грязные, слипшиеся, сильно изношенная одежда болталась, как на колу. Худыми, костлявыми пальцами она цеплялась за прутья. Мне показалось, что она пьяная и, не ответив на ее призывы, я прошла мимо. Но мысль о седых волосах молодой женщины заставила меня остановиться. Я слышала, что такое бывает от большого горя. Женщина начала умолять меня стать ее дочкой. Говорила она торопливо, захлебываясь словами. Я внимательно слушала ее и одновременно задавала себе вопросы: «Почему я? Ей все равно кто? Зачем я нужна? Она большая? Может, у нее погиб муж и теперь ей нужна помощь? А какая от меня польза?»

Женщина сквозь прутья тронула меня за руку. Я испуганно отскочила.

– Не бойся, – уговаривала меня незнакомка. – Ты привыкнешь ко мне.

Но мой мозг сверлила одна мысль: «Как ответить, чтобы не обидеть ее?» Приблизилась к женщине и, глядя в ее печальные глаза, тихо сказала:

– Мне нужен папа.

И медленно направилась к домам. Оглянулась. Серая фигура – на месте. Срывающимся голосом крикнула:

– Тетя, вы найдете свою дочку или вас полюбит девочка, которая хочет маму.

И побежала. Сердце колотилось. В висках стучало. Как трудно отказывать несчастному человеку!

УРОК

Занятия проходят у нас в столовой сразу после завтрака. Сегодня первый урок – математика. Галя рисует на доске мелом различные фигуры и спрашивает у детей их названия.

Володя:

– Это круг.

Галя поправляет:

– Это окружность. Круг – рядом. Ясно?

Надя:

– Это фигура «три угла».

Галя:

– Почему?

Надя:

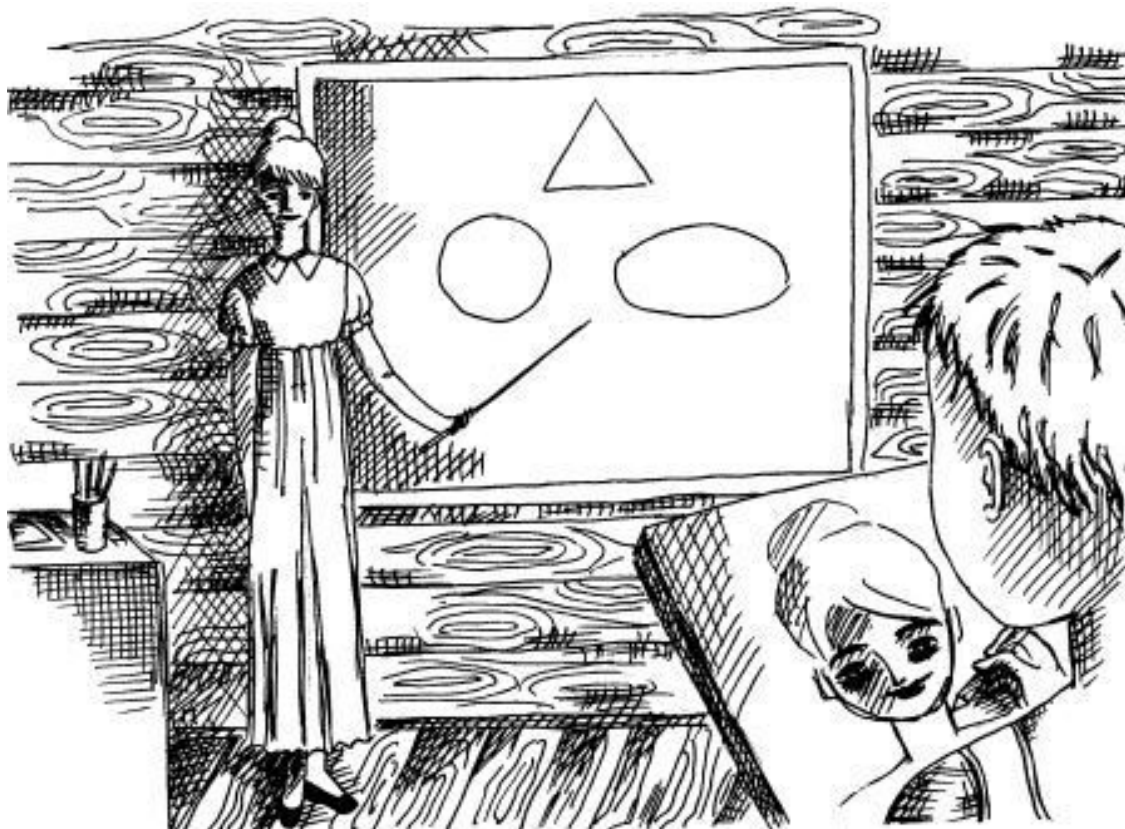
– В комнате по углам воспитатель ставит четырех детей. А на твоей картинке можно поставить только троих.

Галя смеется:

– Интересный пример. Это – треугольник. А пол в нашей комнате представляет собой четырехугольник.

Мы все старательно зарисовываем в тетради. Чтобы проверить наши знания, Галя подходит к каждому с разными картинками. Мне она показала брусок с отверстием и спросила, что я вижу. Я ответила:

– Дырку.

– А на что она похожа? – уточнила Галя.

– Ни на что, – начала я сердиться, не увидев сходства с заученными геометрическими фигурами.

– Посмотри лучше, – настаивала Галя.

– Дырка, – упрямо повторила я.

– Дырка, потому что насквозь, – попыталась я отстоять свое мнение.

Галя не понимала меня. Тогда я взяла ножницы и вырезала круг.

– Это круг, а там дырка, – объяснила я. – Она для ребенка не похожа на круг.

Галя улыбнулась:

– Я вас учу и в то же время сама приобретаю опыт работы с вами.

После урока математики мы рисуем домики и многоэтажные дома. Домики у всех получаются сразу. А вот с многоэтажными сложнее, так как дети никогда их не видели. Галя разъясняет Алене:

– Возьмем один дом без крыши и поставим на него другой дом без крыши...

Алена рисует дом, а окна разбросаны по стене то выше, то ниже. Галя задумалась, подыскивая простые слова. Тут Зина тихо сказала:

– Просто ряды окон.

Галя удивленно посмотрела на Зину и похвалила:

– Лучше и четче не скажешь. Молодец! Соображаешь.

После уроков рисуем на вольную тему. Мне хочется научиться изображать лицо человека как живое. Галя объяснила, как наносят тени на портрет. У меня уже получается старое лицо и молодое, грустное и веселое. Я заметила: если нравится человек или его внешность чем-то поразила, то портрет выходит лучше. Иногда не очень стараешься, быстренько нарисуешь, а ребята сразу узнают, кого я изобразила. Но не каждый раз получается, как хочешь. Может, от настроения зависит?

Как-то решила попробовать нарисовать портрет Гали. Но тени под глазами получились слишком темные, и я поняла, что рисунок не удался, и не хотела его показывать. Ведь Галя такая красивая! Но она настойчиво попросила отдать портрет. Посмотрела внимательно и рас- смеялась:

– Теперь знаю, какая буду через двадцать лет!

Потом похлопала меня по плечу и сказала:

– Не бросай рисовать.

ГАЛЯ УЧИТ ГОВОРИТЬ

Сначала Галя читает нам книгу, а потом мы по очереди пытаемся пересказывать.

Получается очень смешно. Кто заикается, кто ерунду говорит, а кое у кого, в общем-то, неплохо получается. Галя слушала, слушала нас, а потом удивленно спросила:

– Ребята, почему вы в каждом предложении «ей-богу» и «черт» употребляете? Мне кажется, эти два слова даже рядом ставить нельзя.

Нина возразила:

– Почему нельзя? Если есть бог, то есть и черт. А употребляем мы их потому, что все взрослые у нас так разговаривают.

Галя поинтересовалась:

– А ты веришь в Бога?

Нина задумалась:

– Наверное, нет. Но хочется, чтобы он был и помогал нам.

Потом Галя дала нам задание придумать слова, заменяющие «ей-богу» и «черт». Витек, как всегда, вперед выскочил:

– Честное Ленинское, честное Сталинское.

– Не проще ли сказать «честное слово», – улыбнулась Галя, – или применить выражение «я говорю правду»? При чем здесь Бог или вождь?

Встал Гена:

– Я вместо «черт знает» всегда говорю «кто знает». Не люблю грубых слов. Это некрасиво.

Некоторые дети презрительно хихикнули:

– Чистоплюй умничает.

Галя грустно заметила:

– Всех бы вас сделать такими чистоплюями, тогда я могла бы вами гордиться. В человеке все должно быть прекрасно: и слова, и дела. И чем раньше вы это поймете, тем лучше для вас. Вернемся к пересказу.

Галя повернула голову к «Комардину». Ваня начал:

– Девушка хотела утопиться. Дедушка ее спас. Он делал для нее золотую розу. Девушка уехала. Дедушка умер.

Галя спросила:

– А почему дедушка умер?

Ваня:

– Наверное, старый был.

Галя:

– Дети, а кто думает иначе?

Нина:

– Он умер от горя. Он старался для девушки. Она плохая. Она бросила его.

Гена:

– Девушку бросил плохой дядя. А она бросила дедушку. Это нечестно. Он же ее спас, а она все забыла. Она злая.

В комнате наступила задумчивая тишина. Галя тихим голосом нарушила ее:

– Дети, в каждой сказке, в каждом рассказе есть душа. Ее надо уметь почувствовать. Не сразу, но скоро вы все научитесь этому.

Я заметила, что лучше воспринимаю рассказ, если его читают нам вслух с выражением. Сама прочитаю, вроде ничего особенного. Но когда Галя произносит то же самое, выделяя голосом грустные и веселые моменты, то события перед глазами предстают ярче, понятней.

Еще на уроках нам хорошо читает Оля. Но почему-то пересказать прочитанное у нее не получается. Сегодня Галя дала ей газету. Первую страницу. Там было много трудных незнакомых слов. Но Оля быстро справилась с текстом, причем с выражением, с правильными ударениями. Галя спросила:

– Ты все поняла?

– Совсем ничего не поняла, – ответила Оля.

– Но ты же не допустила ни одной ошибки. Как это у тебя получается? – удивилась Галя.

– Не знаю, – растерянно пожала тощими плечиками Оля.

– Во, дает Олька! Талант! – влез со своим замечанием Витек.

– Молодец, Оля. Читать научилась великолепно! Теперь старайся больше пересказывать.

У тебя все получится. А сейчас я прочитаю вам рассказ о войне. Его проще пересказывать мальчикам. Правда? – улыбнулась Галя.

– Ну-ка, начинай первый, – тронула она мягкий кудрявый затылок Саши.

Он с готовностью вскочил:

– Солдат пошел на задание. Он убил трех фрицев. Потом опять пошел. Поймал «языка».

Ему дали медаль. Он – герой.

Галя:

– А почему он герой?

Саша:

– Он «языка» привел.

Галя:

– И все?

Саша:

– А что еще? Я все рассказал.

Галя:

– Ты, видно, будешь физиком или математиком. Тебя и на рисовании не интересуют подробности. Помнишь свой рисунок? Голова – прямоугольник. Руки – палки. Все на месте – и порядок.

Все засмеялись. Саша не обиделся, он смеялся вместе с нами.

Галя:

– Саша, а человека легко убить?

Саша:

– Так это же фрицы, а не люди!

Я пытаюсь представить себе фашиста. Он похож на человека. Голова должна быть волчья? А может, только сердце звериное?..

Галя:

– Из твоего рассказа не видно, что солдат – герой. Он как бы сходил на прогулку и по пути прихватил с собой «языка».

Ребята снова засмеялись.

Галя:

– Задумались? Ну-ка, Вова, теперь ты попробуй ответить.

Вова:

– Наверное, ему было немного страшно, хоть он и взрослый. Кругом стреляли фрицы. Умирать никому не хочется.

Витя:

– Трудно поймать «языка», не у всякого может получиться. Поэтому медаль дали. Солдатов много, а «героя» получают не все.

Галя:

– Солдат, а не солдатов. А какой человек может стать героем?

Саша:

– Он должен быть сильным, храбрым, хитрым, чтобы обмануть фрицев.

Витя:

– Я думаю, что героем может стать не обязательно сильный. Я слабый, но если бы мне дали винтовку, я всех фрицев поубивал бы.

Теперь каждый пытался высказать свое мнение о войне. Поднялся невообразимый шум.

Галя подняла руки вверх.

Это сигнал: «молчок». Мы затихли.

Галя с улыбкой сказала:

– Урок окончен. Вы все молодцы. Я вами довольна. Главное, что вы хотите все знать. А понимание разным детям приходит в разное время. Одному в пять лет, другому в семь. Одни дети сначала растут, а потом умнеют, а некоторые сразу растут и умнеют. Поэтому в школу с пяти лет не берут. Все вы у меня умные и к восьми годам хорошо подготовитесь к школе.

Я ЧИТАЮ СТИХИ

Галя дала мне книжку стихов Пушкина. Каждое стихотворение я читала по три раза, чтобы лучше понять. Понравилось мне в них описание природы. «Мороз и солнце! День чудесный!» Здорово! Мне не надо заучивать стихи. Они сами западают мне в голову и душу. А потом я повторяю их себе для поднятия настроения или просто так, если мне хорошо. «Унылая пора! Очей очарованье!» Красиво!

Читаю стихи и представляю себе автора. Наверное, он очень чувствительный, веселый и счастливый человек. А я грустный ребенок. Тетя Маша говорила, что мое сердце не готово к радости. Оно, как очень больной ребенок, чувствует только боль уколов. Поэтому, когда Галя спросила мое мнение о книге, я честно ответила:

– Не очень. Но что мне понравилось, я выучила. Жизнь совсем не такая, как он пишет. Его бы к нам в детдом, – сердито добавила я.

Галя улыбнулась:

– Когда читаешь книги, забывай про свои неприятности. Живи жизнью героев. Возьми Некрасова, он тебе ближе.

И протянула мне новую книжку.

«Железная дорога». Это название, как гудок паровоза, вызвало у меня щемящее чувство тревоги, ожидание чего-то нового, бесконечно далекого и в то же время пугающе быстро надвигающегося. Я ушла в себя, в свои грустные мысли. Галя опять подошла ко мне, положила руку на голову и прошептала:

– Отключайся, читай вот здесь.

Я прочитала: «Славная осень. Морозные ночи. Ясные тихие дни». И замерла в немом восторге. Боже! Как просто! Славная осень. Не прекрасная, не великолепная, а славная. Какая прелесть! Осень бывает дождливой, ветреной. Прекрасной ее не назовешь, а «славная» – пожалуй-ста, подходит. Славная, потому что любишь, какой бы она ни была. «Славная осень. Морозные ночи. Ясные тихие дни», – бормотала я про себя. Ни одного украшающего словечка! Каждое слово стоит на месте, и его нельзя отодвинуть, чтобы добавить другое. Этот человек говорит то, что я чувствую, но не могу выразить. А если и выражаю, то лишь восклицаниями. Он так

расставляет простые слова, что сердце переполняется удивительным чувством. Его строчки пробуждают во мне что-то новое. Они как бы трогают то одну, то другую струну моего сердца.

Я задумалась о том, что делает человека плохим или хорошим. И решила, что внутри каждого из нас уже заложено, каким он должен быть. Души людей, как сложные музыкальные инструменты, настроены по-разному. А жизнь дергает за эти струны. Одного она жалеет, нежно играет, подбирая все более сложные мелодии. Другим рвет струны, калечит душу. Если инструмент сделан хорошо, надежно, то, даже если часть струн и оборвется, все равно человек выдержит все трудности и сыграет свою красивую мелодию жизни до конца. У иного человека струны настроены и на плохое, и на хорошее. И его жизнь будет очень сильно зависеть от того, куда он попадет. Вот порвет жизнь много хороших струн, – и пропал он. А повезет, – может, выйдет неплохой человек. Но струны страха и других слабостей все равно будут мешать ему жить. Дай бог, чтобы реже трогала жизнь струны плохих чувств... У плохого дяди за забором душа – поломанная балалайка, а у хороших людей – сложный орган. Галя про него красиво рассказывала!..

Опять меня куда-то занесли фантазии. Надо читать, пока книжку не забрали. Жизнь крестьян и их детей меня совсем выбила из нормального состояния. Галя снова подошла ко мне и успокоила, сказав, что такое было до революции, а сейчас все иначе. Слезы вмиг высохли. И я стала думать, что не так уж плохо живу. А если бы ни ВЭЭС и ее компания, вообще жизнь была бы прекрасна и удивительна. Но это если бы, да кабы...

Потом я читала в этой книге отрывок «Родная земля» и представляла себе наш сад, лес, бабушку Мавру с ее усталыми руками, сторбленного деда Панько в засаленной кепке, которую он носил весь год, кроме зимы. Видела его больные полусогнутые колени, добрую усмешку, а также молчаливых женщин из соседней деревни, которые часто ходят мимо нашего забора, нагруженные мешками и сумками...

В книжке не было картинок, и я решила сама придумать портрет автора. Это должен быть пожилой, очень грустный и добрый человек. Наверное, кто-то рвал ему в детстве струны души. Я нарисовала на листке портрет старого человека. Голова его опиралась на руки, потому что была тяжелая от грустных мыслей. А в глазах – глубокая скорбь за всех обиженных и несчастных. Наружные уголки глаз и губ опустила, потому что только когда у человека все хорошо, концы его губ торчат вверх. Рисунок Гале понравился.

– У Некрасова была борода. А идея правильная, – улынулась она.

Я рассказала Витьку про свои впечатления о книге.

– Много умничаешь. Когда вырастешь, наверное, будешь занудой, – пробурчал он.

От его слов я загрустила. Не хочу быть занудой. Побежала на кухню помочь бабушке Маврушке мыть посуду и поделиться переживаниями. Она, как всегда, внимательно выслушала меня и добродушно высказалась:

– Думаешь, ты, детка, много, потому что боишься всего вокруг. Страхи пройдут, а привычка размышлять останется. Это хорошо. А Витек не дорос еще тебя понимать. Мальчишки умнеют позже. Помиришься с ним. Он душевный.

Мне сразу полегчало.

ПРОЗА

Я заметила, что Галя часто приносит книжки только для меня. Сегодня она дала мне новую, с названием «Дети подземелья». Это не стихи. И хотя строчки в ней длинные, смысл их доходит даже быстрее, чем в стихах. Мне понравилось читать прозу. Но само слово «проза» вызывает у меня неприятные чувства. Я избегаю его, так как мне кажется, что оно таит в себе непонятную угрозу. Галя заметила это и строго сказала, чтобы я не усложняла себе жизнь фантазиями. Я из упрямства мысленно с нею не согласилась. Ведь трудно бросить игру, в которую привыкла играть. Вот слово «шуршать». Оно понятное и не страшное. Пройдись по осенней

поляне, глубоко погружая ноги в опавшую листву. Что услышишь? «Шур-шу, Шур-шу». «Греметь, крошить» – сразу представляешь ломку, разрушение. «Стук» – «тук-тук» – дятел долбит дерево. А слово «проза» – не созвучно ни с чем. Оно просто в рифму со словом «угроза». Вот и все.

Снова погрузилась в чтение, и детдом для меня уже не существует. Я вместе с ребятами ношу по улицам, плачу с Соней, дрожу от жалости, когда держу на руках умирающую Марусю, горжусь мужеством ее маленького защитника. Я живу жизнью каждого из них. Это меня обнимает за плечи отец, понявший, что его сын – настоящий человек. Это я краду из дому куклу для больной девочки, пытаюсь спасти ее от «серого камня». Я представляю, как тайком ношу свои обеды в подземелье и спасаю крошку. Конечно, кукла, наверное, радость в жизни. Не знаю. У меня не было настоящей куклы. Но я бы сначала кормила ребенка и лечила. Хотя радость тоже, наверное, лечит. Почему богатые не помогают бедным? Не могут же все они быть злыми, плохими людьми? Почему одни бедные, другие богатые? Что-то в жизни есть такое, чего я никак не могу понять.

Книга заставила меня снова посмотреть на мою жизнь как бы со стороны. Я решила, что мне, пожалуй, еще повезло. От голода не умираю. Правда, иногда кажется, что лучше бы голодать, чем терпеть незаслуженные издевательства.

ГРУСТНАЯ ДЕВОЧКА ЗИНА

Зина у нас самая тихонькая. Она никогда не дерется, не участвует в шумных играх. А если ее пытаются затащить силой, то поднимает такой рев, что хоть из комнаты убегай. Сидит она обычно молча в углу и внимательно смотрит за всем, что происходит. А то вдруг встанет, возьмет мячик и протянет воспитательнице со словами:

– Какой он?

Та удивляется, но, подумав, отвечает:

– Синий.

– Еще? – просит Зина.

Воспитательница задумывается:

– Мягкий, упругий.

– Еще? – продолжает допрос Зина.

– Маленький, легкий.

– Еще, – настаивает Зина.

– Отстань, – сердится воспитательница и уходит.

Зина кладет мяч на место и идет в свой угол. Потом вдруг подходит к Витьку и тихо, но твердо требует ответить на ее вопрос:

– Почему колеса у машины крутятся?

Витек что-то толкует ей насчет осей, мотора, бензина. Она очень внимательно слушает, потом также тихо говорит, что не все поняла и уходит. Кукол и зверюшек она не признает, отбрасывает их подальше от себя. Обычно дети, когда играют, фантазируют на ходу, представляя себя летчиками, врачами, мамами. Делают «уколы», нянчат «детей». Зина только наблюдает за играми. Дети считают ее плаксой и не замечают. Воспитатели ее не любят за то, что она делает им замечания. Подходит, например, к воспитательнице, смотрит ей прямо в глаза и говорит:

– Нельзя детям давать холодной воды. Они ели горячее и могут заболеть.

Или:

– Нельзя наказывать ребенка, если он не виноват.

Или еще:

– Кричать можно на непослушного ребенка. А хорошему нужно просто тихо сказать, и он все сделает.

Замечания злят воспитателей. Но Зина все равно указывает на их несправедливость. С одной няней она не здоровается с четырех лет. Галя попыталась объяснить девочке, что надо всегда и со всеми быть вежливой. Но Зина ответила твердо:

– Она не заслуживает. Она щиплет меня, бьет. Я веду себя очень хорошо. Я послушная. Нечестно обижать маленьких!

Галя, чтобы пробудить жалость у Зины, рассказала ей, что у воспитательницы тяжелая жизнь, поэтому она такая нервная. Зина строго ответила:

– Я ребенок, но понимаю, что ей плохо и не обижаю ее. А она взрослая, но не хочет понять, что мне и другим детям плохо. Она просто злая. Не буду с нею здороваться.

Вот тебе и тихоня! А ведь трусиха вроде бы. Когда ее вызывают к доске, она, не вставая со скамейки, начинает плакать. Галя попыталась узнать, почему неглупая девочка ведет себя так странно? А все оказалось на удивление просто. Когда-то давно Зине не досталось стульчика. Она целый день ходила и стояла. Сесть на пол боялась, так как за грязные штанишки наказывали. К концу дня она устала, не выдержала и села на пол. Последовало достаточно жестокое наказание. С тех пор она боится остаться без стула и поэтому на уроках не встает и не играет с детьми.

А еще ей трудно целый день ходить, когда хочется в уборную. Балуюсь, дети прищемили Зине пальцы дверью так, что из-под ногтей пошла кровь. Руки долго не заживали. С тех пор она ходит в туалет только ночью, когда все спят. Вот и все. После разговора с Зиной, Галя пересчитала лавки и стулья. Потребовала от директрисы добавить. Следила, чтобы дети не устраивали игр в уборной, на несколько минут уходила с урока и оставляла Зину старшей по группе со словами:

– Почитай, пока я приду, выручи меня.

Мы впервые узнали, что Зина-плакса великолепно читает, знает наизусть все детские стихи, которые были в наших книжках, решает любые задачи по арифметике и что она нормальная, добрая девочка. Галя устроила выставку наших рисунков и пригласила взрослых незнакомых людей. Один толстый дядя, положив руки на живот, долго разглядывал картинки. Потом сказал:

– В основном дети срисовывают. А вот в этом рисунке чувствуется настроение. Серый дом, поникшие ветки деревьев, размытые фигуры людей на сером фоне дождливого дня. Покажите мне этого грустного ребенка.

Привели Зину. Попытка поговорить не удалась.

– Ребенок весь в себе, – пробормотал дядя и ушел вслед за остальными.

Вскоре произошел случай, который заставил детей перестать называть Зину плаксой. Не помню точно, что вызвало у нее истерику. Зина понимала, что реветь – плохо, но ничего не могла с собой поделать. Тогда она взяла ремень, который висел на гвозде у двери, подала его няне и, захлебываясь слезами, сказала:

– Три раза сильно, но не очень.

Потом спустила штанишки и легла на край кровати. Няня от такого предложения даже растерялась. Наказывать, конечно, дело привычное, но что делать, когда ребенок сам требует наказания? Она машинально взяла ремень и легонько ударила. Зина попросила:

– Сильнее.

Няня ударила. Розовый след с красными прожилками отпечатался четко.

– Еще также, – всхлипывая, сказала Зина.

Няня опять ударила. Зина надела штанишки, сказала няне спасибо и извиняющимся тоном объяснила ребятам:

– Без ремня не могла остановиться. Не мучить же мне всех своим ревом?

В комнате стояла тишина. Няня быстро вышла. Мы с Витьком зачем-то пошли за нею. В приоткрытую дверь кухни увидели, как тряслись пухлые плечи няни, а крупные ладони прикрывали рот, заглушая рыдания.

МАЛЕНЬКИЙ РЫЦАРЬ

Саша – особенный мальчик. Слабый здоровьем, он большей частью лежит на полу. Но руки и голова его всегда заняты. Он все время мастерит самолеты, машины и фантастические малопонятные вещи. Я заметила, что он не играет готовыми игрушками. Если уберут все его «детали», он все равно разберет другие игрушки на части, а потом обязательно из них сделает что-то свое. Работу выполняет с великим усердием, часами колдует над всякими «проектами». И если его не уводили обедать, то мог возиться до темна.

Когда у нас проходят занятия с Галей, он часто сидит в нашей комнате. Ребята старательно думают над задачками по арифметике, а Сашок потихоньку подсказывает ответы. Некоторых это злит, других смешит, но все удивляются тому, как он быстро соображает. Занятия по пересказу для большинства детей сложнее арифметики. Ребята «экают», подыскивая слова, чтобы закончить фразу. Сашок, не отрываясь от игры, помогает каждому. Тогда Галя сама начала задавать вопросы мальчику. Его ответы приводили ее в восторг. А когда Саша составлял рассказ по картинке, дети слушали его фантазии, раскрыв рот, или «умирали» от смеха. Если он начинал говорить, то остановить его было трудно. Про него шутили:

«Он как радио, только не выключишь».

Саша не выговаривает «р» и «л», но все равно все с удовольствием слушают его. Говорит он взрослым языком. Употребляет и грубые слова. Я догадывалась, что он не понимает их значения, хотя всегда правильно применяет. Когда сердится на кого-нибудь, то обязательно их произносит. На Сашу не обижаются, потому что очень смешно, когда малыш, от горшка два вершка, со строгим серьезным видом говорит взрослые слова. А еще он любую ссору детей может превратить в шутку. Саша непослушный. Вот скажет ему няня:

– Не открывай кран самовара, там кипяток.

Он обязательно откроет, сунет палец в воду и обожжется. Его побьют, а он только пробурчит:

– Снова открою.

Воспитатели считали, что он хулиганит. Но Галя объяснила, что мальчик ничего не принимает на веру. Все познает сам, на собственном опыте, потому что по характеру исследователь, и, если ему повезет, – «далеко пойдет». Она назвала его «профессором». Я радуюсь, когда Галя защищает Сашу, чтобы его меньше били.

Как-то она обратилась к Сашку:

– Что ты целый день железки крутишь? Иди с группой рисовать.

Он недовольно пробурчал:

– И почему все ко мне пристают? Я создаю машины, а меня заставляют заниматься всякой ерундой!

Саша так серьезно произнес «создаю», что рассмешил практикантку.

– Где ты такое слово отыскал? – весело спросила она и добавила уже строго: – Ты не умеешь рисовать и должен учиться.

Она подала ему гребешок, которым закрепляла свою косу и приказала:

– Нарисуй его!

Сашок сердито вскочил, схватил карандаш, положил гребень на лист бумаги, быстрым движением обвел его и протянул рисунок Гале со словами:

– Все! Нарисовал. Пойду работать.

Широко раскрыв глаза, Галя долго стояла у стола. Потом восхищенно прошептала:

– Как он в три года до такого додумался? Вот голова!

Позже она спросила у тети Маши:

– Как Вы думаете, у Саши особенные способности или я ошибаюсь?

– По-своему необыкновенный, замечательный человек! Очень умный, храни его Господь, – подтвердила тетя Маша.

Сашу часто наказывали за вранье. Когда Галя пыталась добиться от него признания, он тоже становился навтыжку, и огромными карими круглыми глазами так честно и преданно смотрел на нее, что она терялась, не зная, что с ним делать. Она знала, что он обманывает. Ведь Саша всюду оставлял «улики»: то спички, то обгоревшие самолетики из серебрянки, то проволоку.

После очередного наказания Галя решила еще раз побеседовать с ним по душам. Саша очень внимательно слушал ее, как всегда лежа, в самой удобной для него позе. Вдруг он как ужаленный подскочил с пола и завизжал так, что Галя оторопело заморгала глазами и умолкла. Слезы фонтаном полились из Сашиних глаз. Он весь трясся, размахивал руками и, задышавшись, кричал:

– Я же не знал, что это называется «обманывать». Я вообще не понимал, что такое врать. За что меня наказывали? Так нечестно! Объяснять надо. Вы обязаны понимать детей!

Чтобы остановить истерику, Галя обняла Сашу и крепко прижала к себе. Он постепенно угомонился, сел за игрушки, но долго еще из угла слышалось его недовольное бурчание. Саша очень добрый и отходчивый мальчик. Но, очевидно, сильно потрясло его то, что взрослые наказывали его напрасно.

Сашок различал, когда человек ему по обязанности что-то делает, а когда – по душе. Я наблюдала его трогательную привязанность к тем няням, которые хоть иногда были немного добры к нему. Как же он бывал благодарен за крохи доброты, которые ему перепадали! Он целовал, обнимал доброго человека, кто бы им ни был, называл его самыми ласковыми словами, говорил комплименты. Да, комплименты. Не грубую прямую похвалу или лесть, а именно комплименты. Делать это он умел ненавязчиво, как бы вскользь. Вот прибежала на занятие радостная Галя. Сашок взглянул на нее и, не отрываясь от «деталей», тихо, восхищенно сказал:

– Ну и глаза!

А Валентина Серафимовна однажды пришла в мятой юбке, заколотой большой булавкой, так Сашок поднял невинные глаза кверху и прошептал:

– Наша модница явилась.

Раз лежали мы на берегу реки. Мимо пробежала молодая красивая тетя с двумя маленькими детьми. Сидевший рядом с нами мужчина крикнул им вслед:

– Детки, крепче держите маму, а то я уведу ее!

Зина сердито фыркнула:

– Хулиган приставучий.

А Саша поправил ее:

– Он ей комплимент сделал. Сказал, что красивая.

Дети любили Сашка за добрые шутки. Но случалось, что и ему доставалось от ребят из группы. Нечаянно. Во время баловства. Саша никогда не давал сдачи, если даже ему что-либо разбивали до крови. Меня это сердило и возмущало. Я решила научить его драться. Саша выслушал меня внимательно и вдруг ответил:

– Не стану бить. Раз мне больно, значит, и ему тоже будет больно. Не могу делать человеку плохо.

– Но ведь ты должен защищать себя, – сердилась я на его, как мне казалось, бестолковость.

– Ничего, потерплю, а драться не буду, – упрямо ответил Сашок.

«Наверное, он трусишка, надо как-то помочь ему стать смелым», – подумала я.

Но случай, происшедший во дворе удивил, озадачил и обрадовал меня. Дети, спускаясь с ледяной горки на штанах, четко соблюдали очередь. И вдруг появился незнакомый мальчишка лет двенадцати. Он скатывался, когда ему хотелось, расталкивая маленьких и в первую очередь девочек. Смотрю, Сашок заковылял на вершину горки. Взобрался, вцепился сзади одной рукой за брюки «чужака», а другой принялся бить его кулачком по пятой точке. Выше достать не мог. Чужой мальчик попытался его оттолкнуть. Но Сашок на удивление крепко висел на нем и кричал:

– Не обижай маленьких, большой дурак!

Все-таки сбросил «чужак» нашего юного защитника и покатился вниз, разметая малышей. Когда он опять оказался наверху, Сашок тут же схватил хулигана за штаны, с визгом требуя не трогать младших и соблюдать порядок. На шум пришла няня и прогнала нахала. А у меня потеплело на сердце: «Не трус Сашок, а добрый сказочный рыцарь».

СПОРТИВНЫЕ «ПОДВИГИ»

С восхищением наблюдаю, как занимаются старшие ребята на тройном турнике. Лазая по деревьям, я немного накопила сил, и теперь одолеть большой турник стало моим заветным желанием. Вершина умения на турнике – «солнышко». Только Иван мог его крутить. Высокий, худой, светловолосый парнишка. Жесткие волосы на затылке не приглаживаются. Над высоким лбом справа странный непослушный завиток. Он придавал Ивану задорный вид. Мой друг старательно прятал его под длинным чубом, но нахальный хохолок все равно просовывался между прядей волос. Баба Мавра смеялась: «Корова языком зализала. Бесплезно причесывать».

Голубые крупные глаза Ивана обрамлены длинными, густыми ресницами. Черные, широкие сросшиеся у переносицы брови, длинные, прямые. Когда Иван сердится, они, как стрелы, устремляются друг к другу, образуя четкий угол. Нос прямой. Широкие скулы усеяны оспинками. Нижняя пухлая губа капризно выдвинута вперед. Его лицо совсем не вяжется с его постоянно строгим поведением.

Иван спокойно с достоинством подошел к турнику и, сделав для разминки несколько несложных для него упражнений, перешел во вращение на вытянутых руках. Потом красиво спрыгнул и неторопливо отошел от турника. Я люблю и горжусь им. Ведь он немножко и мой друг!

Я внимательно слежу за упражнениями ребят, запоминаю их. Неоднократно залезаю на маленький турник и выполняю простые кувырки, перевороты. Но большой турник опять притягивает как магнит! Когда ребята закончили тренировку, я, как белка, залезла по столбу на самую высокую часть турника и начала осторожно выполнять простейшие упражнения. Они получались так же легко, как и на маленьком. Это подбодрило меня, и я решила сделать сложный переворот. Он получился удачный. Я, как и положено, повисла на вывернутых руках. Но, когда попыталась вновь опустить ноги на перекладину и вернуться в исходное положение, то ничего не вышло. Не хватило сил. В плечах появилась острая боль. Я с ужасом смотрела вниз. Под турником земля утрамбована, и падать с трехметровой высоты вниз головой, конечно, не могло доставить мне удовольствия. Позвала на помощь. Но никто не обратил внимания на мои крики, тем более что игры на спортплощадке всегда шумные. Старшие ребята, увлеченные разговором, хотя и стояли в пяти шагах, тоже не услышали меня. Сначала я мужественно терпела боль, но боязнь упасть головой и сделаться калеккой выжала из глаз слезы. Что делать? Руки слабели, пальцы с трудом сжимали трубу турника. Вдруг вспомнила, как Иван учил меня падать на бок расслабленным телом, чтобы кости сохранить. И я решилась:

– Господи, помоги!

Во время падения я не закрыла глаза от страха, а старалась привести тело в нужное положение. Шлепнулась и лежу. Больно всему телу. Слезы льются сами собой.

Боюсь даже попытаться встать. Тут один из мальчиков подошел к турнику.

– Кыш, малышня, – буркнул он мне.

Я не шевелилась. Он сердито толкнул меня ногой в бок. Я взвыла. Мальчишка позвал старших ребят. Пришлось рассказать о своем «подвиге». Иван ощупал мои «мощи», подергал за конечности и сказал:

– Повезло. Ушибы. Кости целы. Будешь жить, дуреха! Пovoобразать захотела? Опять «котелок» отключила? Или вообще не включала?

Я молчала. Мне было стыдно. «И почему он такой умный? Он вообще умный или потому что большой?» – думала я, преданно глядя на друга.

Иван отнес меня в спальню и попросил няню не трогать «больную» дня два.

Я ВЕРЮ В СУДЬБУ

Турником мои «полеты» не закончились. Желание все испытать и познать постоянно толкало меня на безрассудство. Мне казалось, если кто-то может что-то делать, то чем я хуже? Я тоже должна это суметь. Так вот, на площадке у нас стояла труба метров двадцать высотой. По ней поднимались ребята, соревнуясь, кто выше. А некоторые залезали наверх по лестнице до перекладины, а потом, обхватив трубу ногами и руками, на большой скорости спускались вниз. Это выглядело великолепно! Мне не удавалось высоко взобраться по трубе, но скатиться с нее, казалось, может любой. Самое трудное – по лестнице взобраться наверх. Целый день я тренировалась, каждый раз, поднимаясь все выше и выше. Дрожали ноги, трепетало сердце. Наконец, мне удалось достичь перекладины.

«Ура! Вершина! Передохну, а потом перелезу с лестницы на трубу». Это трудная и опасная процедура. Нечаянно посмотрела вниз. О, Господи! Под нижним левым ребром заныло. Ноги стали ватными, руки ослабели. «Конец», – мелькнуло в голове.

Внизу меня уже заметили, и кто-то кричал:

– Возвращайся по лестнице!

Но то ли дух противоречия, то ли желание доказать, что смогу, привели меня в бодрое состояние, и я перебралась на трубу. Удачно закрепились на ней, как это делали ребята, и начала спуск. Я не знала, как положено спускаться, когда притормаживать, и с восторгом скользила очень быстро. Вдруг руки и ноги обожгло, будто раскаленным металлом. Все произошло мгновенно. Я не успела ничего сообразить, только почувствовала, что лечу. Меня подхватили внизу сразу несколько ребят, и все мы свалились на кучу песка около трубы. У меня – ни царапины, но один из моих спасителей вывихнул большой палец руки. Он подошел ко мне и сердито сказал, что если бы не Иван, то отстегал бы меня крапивой. Я опустила голову и молчала. Понимала свою вину.

Через пару месяцев один малыш упал с трубы и повредил позвоночник. После этого лестницу убрали. Я видела, как мучился мальчик, и с ужасом думала, что могла бы оказаться на его месте. К счастью, лечение его прошло удачно.

Все-таки есть судьба, как говорит баба Мавра. Значит, мне не утонуть и не погибнуть от «полетов». Такая моя линия жизни.

ВШИ

Сегодня – опять профилактика против вшей. Бесплезно все это, но не увильнешь. Все идут по списку. Приятного мало: обсыпают голову дустом, обвязывают тряпкой – и гуляй. Тетки-санитары в намордниках, а нам три дня нюхать гадость, маяться. И за шиворот сыплется дуст, и в рот попадает. Чихаешь. Тряпка не спасает. Ночью редко кто спокойно спит. Я, например, ложусь головой в одну сторону, а просыпаюсь в другой. Дерусь с кем-то во сне, кричу. Иногда утром оказываюсь на полу. Упаду и продолжаю спать. Разве тряпка на голове удержится? Эта дурацкая чалма может только у «чистюли» Генки на голове остаться. Ему кружку с водой поставь на голову, – не разольет при ходьбе. Словно красна девица из сказки, не идет

– плывет. И ночью он тихий, как мышонок. В общем, «хлебаем» мы этот дуст, а по большей части, через неделю опять всюду вши. Зачем нас мучить? Мы же их не замечаем. Привыкли.

Девчонки захотели вывести блох у наших кошек. Мы с Витьком отстояли Кыса. Я его спрятала, а Витек заявил:

– Не позволю издеваться, раз его в списке нет. Кто Кыса тронет, руки оторву!

На пушку брал, конечно. Желаящих отыгаться на Кысе не нашлось. Угроза подействовала. Зато малютке Ваське досталось сполна. Девочки горстями черпали дуст из ведра и осыпали котенка. Бедняга беспрерывно чихал, вырывался, жалобно мяукал. Из черно-серого Васька превратился в серо-белого. Его старательно забинтовали тряпками и выпустили. Он лег на спину, пытаясь сорвать «одежду» когтями. Потом, по привычке, стал отряхиваться и вылизывать себя. Ваське не нравился дуст. Он злился, смешно раскрывал рот, как будто хотел сплюнуть горькую гадость. Но плевать он не умел. Его раздражали тряпки. Он сердито кусал их, крутился волчком. Первые минуты это развлекало детей. Но, поняв, что кот мается, а не играет, многие пожалели, о своей невинной шалости. Но не снимать же с него тряпки? Девочки решили, что он теперь, как и мы должен лечиться. Васька покатался на траве и вдруг стремглав помчался в сад. Детвора разбрелась по двору. О Ваське забыли.

На следующий день котенок не прибежал к завтраку. Девочки, «лечившие» его, первые заволновались и сразу начали поиск. Нашли Ваську у железной ограды в конце сада. Он лежал на куске тряпки, которую не смог полностью стащить с себя. Странная была у него поза. Задние лапы и хвост вяло лежали на земле. А две передние – застыли, приподнятые кверху, как бы прося помощи. У меня сжалось сердце. Кошки не спят в такой позе. Они всегда расслабляются. Что-то тут неладное. Мы стояли кружком и в растерянности молчали. Первый раз мы видели мертвое тело. Вчера Васька бегал, развлекал нас. А сегодня лежит неподвижный, страшный и жалкий одновременно. Эти просящие помощи лапки заставили девочек почувствовать себя виноватыми.

– Тряпкой задушился? – шепотом спросила одна из них.

Нет, тряпка была привязана к ноге. Другая девочка испуганно предположила:

– Наверное, умер от дуста. Ой! Смотрите, он опять черный! Всего себя вылизал.

Всех потрясло это открытие. С минуту мы стояли молча. Думали. И вдруг, не сговариваясь, бросились во двор к рукомойникам. Сбросили с себя тряпки и стали яростно мыть голову, лицо, тело холодной водой. Потом подскочили к огромной бочке с водой, что всегда стоит у ворот, и начали обливать друг друга, черпая воду, чем попало. Из спальни выбросили во двор подушки и матрацы.

Пришла директриса, чтобы выяснить причину бунта. Старшие дети вышли вперед, маленькие спрятались за ними. Мы твердо и дружно сказали, что не желаем умирать, как котенок. Но директриса в ответ сердито утверждала, что Васька сдох по другой причине, что дуст не вреден.

– Так и сыпьте его себе на голову при нас. Ведь вши есть и у взрослых, мы слышали, – вышел вперед Иван.

Директриса не ожидала такой резкости от Ивана. Фыркнула, как лошадь, и ушла к себе. Видно сильно испугался за нас Иван, раз так грубо говорил с начальницей. Он усмехнулся ей вслед:

– Мне терять нечего. Все равно скоро в город заберут, в ремесленное.

Похоронили Ваську на месте его гибели. На могилку поставили крест. После похорон не расходились. Все думали об одном: «Значит, умереть, в общем-то, нетрудно. Раз – и нет тебя, как будто и не было никогда».

От такой мысли я почувствовала себя одинокой, маленькой, беззащитной.

ТУМАН

Проснулась рано. Вышла на крыльцо. Какое свежее утро! Мурашки побежали по телу. Посмотрела за калитку на дорогу. А ее не видно. Белая, чуть голубоватая дымка укрыла ее и придорожные кусты.

Подошла Люда, потянула меня за майку:

– Пойдем спать, а то влетит.

– Не бойся, сторож и кухарка меня любят, а воспитатели еще спят. Иди, глянь. Ведь чудо, а?

Я приоткрыла калитку. Люда просунула голову в щель:

– Ой, дым! – удивилась она.

– Туман это, – улыбнулась я.

Люда выскочила на дорогу. Я никогда не видела такой восторженной нашу молчунью и тихоню. Черные глазки ее заблестели, личико похорошело, засветилось. Она широко расставила ножки-спички, раскинула руки, будто хотела охватить, обнять это красивое, незнакомое, чудесное. Потом она возбужденно зашептала:

– Идем, потрогаем его. Он холодный, как снег, или горячий, как пар на кухне?

Люда вприпрыжку побежала к кустам. Но чем ближе подбегала, тем дальше уходил от нее туман. Она повернула ко мне растерянное личико и неожиданно произнесла:

– Туманчик, туманчик

На улице лежал.

Туманчик, туманчик

Куда-то убежал?

Вернулась Люда к калитке, смотрит, а туман тоже вернулся. Тогда я решила побегать с нею подальше, где туман плотный-плотный. Уж там мы его потрогаем, как первый снег! Бежим, бежим, а он все редкий и редкий. Оглянулись назад. Что такое? Вокруг – плотный туман, а в том месте, где мы находимся в данный момент, нет тумана. Он в догонялки с нами играет? Живой он, что ли?

Люда зовет меня в спальню. Она замерзла. Я легла, а спать не хочется. Перед глазами – туманная дорога. Туман вблизи полупрозрачный. Он нежной вуалью окутывает траву, кусты. Стелется ровно-ровно. Ни складочки, ни морщинки, ни бугорка на нем. Только верхушки деревьев торчат из молочного, земного облака. Небесные облака – как кучи легчайшего, тончайшего сказочного пуха. Глядишь на них, и появляется желание скатываться с фантастических горок. А к туману мне хотелось только трепетно, осторожно прикоснуться, не нарушая его идеальной гладки.

Но ни туман, ни облака не даются в руки, только манят и дразнят своей красотой.

Утром Люда повела подружек похвалиться туманом, а его уже след простыл. Совсем расстроилась Люда и со слезами закричала вслед скрывшемуся беглецу:

– Туманчик, туманчик

На улице лежал.

Туманчик, туманчик!

Зачем ты убежал?

Девчонкам так понравились эти слова, что они, забыв, зачем пришли, принялись с восторгом петь, подпрыгивая, размахивая руками. Люда предложила игру: пусть девочки первые строчки придумывают, а она будет заканчивать. Получилось интересно! Что придумывали, сразу заучивали. Мальчишки тоже подхватили затею. Правда, слова они употребляли резкие, грубые, и все больше про войну, вроде того:

– Я фрица в морду кулаком...

Под дых я врезал сапогом...

Все так развеселились, что, не сговариваясь, бросились к любимому холму у забора. Какое блаженство лечь на живот в пахучую густую траву и катиться к самому подножью! А

внизу не сразу вскочить, а чуточку полежать с легким головокружением от быстрого вращения тела и дурманящего запаха разнотравья, если, конечно, в тебя не врежется кто-либо из друзей. А еще лучше, если внизу под холмом образуется куча мала! И писк девчонок, и восторженные крики пацанов сольются в единое, радостное, счастливое!

ПЕПЕЛИЩЕ

Однажды мы пошли искать оружие. Его много валялось по оврагам и полям. Война закончилась не так давно, и каждый год люди выпаживали, выкапывали из земли то, что напоминало о проходивших здесь военных действиях. Я упростила Ивана взять с нами Витька, но с условием его полного послушания.

Поход получился неудачным. В основном попадались мины, осколки снарядов. А нам нужны ружья, пистолеты, сабли, чтобы в войну играть. Наш путь пролегал мимо небольшой деревушки. Домишки низкие, крытые соломой и бурьяном. Маленькие окошки почти касались земли. Некоторые избы настолько ветхие, что напоминали наши детские шалаши, которые мы строили во время игр из любого попавшегося под руки материала.

– Почему эти дома не похожи на наши, детдомовские? В них, наверное, даже во весь рост человек не сможет встать? – спросила я Ивана.

– Землянки, – уточнил Иван, – выкапывают яму глубиной два метра, а сверху – крыша-шалаш. И живи. Настоящие дома нам строить придется, когда подрастем. Я в строительное ремесленное пойду. Уже решил.

– И детдом красивый, как дворец, построишь? – осторожно влез в разговор вездесущий Витек.

– Зачем детдом? Вы к тому времени вырастаете, а если не будет войны, то и детдома не нужны будут. Я хочу, чтобы колхозники из землянок выбрались в красивые, большие, теплые дома. Чтобы пол был деревянный и большая печка. А еще, чтобы поросята и телята отдельно от людей жили. А что сейчас? Поросята под печкой, телята на кухне. О каких тут дворцах речь вести, – усмехнулся Иван.

Витек насупился, почувствовав себя последним несмышленьшим.

Кудахтали куры за плетнями. Возились в огородах бабуси, окруженные голопузой малышкой. Мимо промчались пацаны вдогонку за единственным колесом, управляемым куском жесткой ржавой проволоки. Рои мух преследовали нас от одной навозной кучи до другой. У плетеного сарая с осыпавшейся глиной чумазый голый ребенок лет трех-четырёх старательно выбирал в траве «калачики» (семена придорожной травы). «Если их целый день есть, так вроде и голода не чувствуешь», – подумала я, глядя на малыша. Витек опять влез с разговором:

– Почему нигде нет яблонь около домов?

– В войну сгорели. А теперь налог, – вздохнул Иван.

– Не приставай с вопросами, малый, – сердито оборвал Витька друг Ивана Николай.

Что такое или кто такой «налог», я уже не решилась спросить.

За дереушкой дорога пошла круто в гору. Мы лезли, цепляясь за кусты желтой акации, крепкие стебли чернобыльника, серебристую полынь. Нарвали стручков акации. Вернемся домой, вытряхнем семена, сделаем дудочки-пищалки и устроим концерт для малышей.

Еще нам встретила полянка «мыльников». Набрали их крупных белых цветов, чтобы на речке помыться. Тело станет пахучим, не то что после нашего черного вонючего мыла. Я отбежала в сторону за моей любимой дикой полевой гвоздикой. Ее яркие красно-малиновые брызги среди полыни и крапивы как подарки, как лучики солнца в хмурый день. Много на свете цветов. Но гвоздику я ни на что не променяю. Она для меня – как добрая, нежная, улыбка... Увижу одну, – сердце радостно дрогнет, а когда их много – душа переполняется чистой, мягкой, спокойной радостью. Не пойму, почему именно гвоздика так на меня действует? Она не восхищает как розы. Взгляну на нее, а она смотрит на меня, широко раскрыв свои глаза с мох-

натymi пушистыми ресницами... И в душе появляются светлые, теплые малиновые мысли, которые прогоняют, вытесняют грустные темно-зеленые и тоскливые синие. И сразу становится радостней...

Тропинка резко повернула вправо, и мы увидели страшную картину развалин... Я дернула Ивана за руку.

– Пепелище. Фрицы-сволочи сожгли всю деревню дотла, – прошептал он. Подошли ближе. Перед нами открылось то, что осталось от домов. Трубы стояли, как безмолвные солдаты, а черные зевы печей пытались что-то сказать редким прохожим о своей недавней жизни... Черные памятники ужасной войны...

Около остовов домов пробивалась редкая чахлая трава. А вокруг – яркие цветы, изумрудная зелень луга. Все улыбалось, искрилось от недавно прошедшего дождя.

Мы молчали, потрясенные увиденным...

Иван встал на колени. Мы сделали то же самое. Легкий ветерок пробежал по пепелищу, на мгновение прикоснулся к нашим вихрастым головам и заспешил куда-то дальше.

Мы прошли между печальными рядами, потрогали печи, обугленные пни и молча повернули назад.

О железках не вспоминали.

ВЗРЫВ

Как всегда, перед тем как заснуть, вспоминаю прошедший день. Кто о чем говорил, что делала я, и как другие вели себя по отношению ко мне? Не помню, когда появилась такая привычка. Давно, очень давно. Ведь надо же что-то делать, если долго не засыпаешь.

Вчера был страшный день. Я даже не могу вспомнить, что происходило сегодня. Одно перед глазами стоит – взрыв и кровь. Не дай, Господи, никому никогда увидеть такое!

Старшие ребята вчера вечером не взяли меня с собой гулять. У них секретное дело. Мне приказали: рот на замок. Я, конечно, «могила». Но преодолеть любопытство не смогла. А так как все мы, большие и маленькие, девочки и мальчики спали в одной комнате, то я всегда могла слышать, когда ребята удирают. Лежу тихонечко, прислушиваюсь. Окно открылось без шума, и один за другим старшие скрылись в темноте. Тут я вскочила и, как бельчонок, юркнула за ними. Догнать ребят ничего не стоило. Они шли, не торопясь, обсуждая виды мин и патронов. Странно, почему Ивана нет с ними? Их было только трое: Николай, Виктор и Слава.

Светила луна. Четкие тени рисовали причудливые изображения предметов. Я длинная-длинная и тощая. Головка малюсенькая. А руки, как ноги пауков, которых у нас в спальне через глаза хватает. Моя тень движется враскачку, она мне не нравится.

Не глядя по сторонам, по теням определяю: это дерево, это куст. Тихо. Во всем мире только шорох от наших ног. Небо темно-синее, почти черное. Низко над головой висит ковш Большой Медведицы. Я уже научилась его находить и полюбила. Он мне родной. Вот и бабу Мавру я люблю, – значит, она мне тоже немножко родная. Я так считаю. Как-то я ей сказала об этом. Она засмеялась и, пригладив мой непослушный вихор на затылке, прижала к себе. Значит, согласна со мной...

Спустились в овраг. Пошли по его дну. Остановились. Ребята быстро собрали сухие ветки, траву, и скоро затрещал небольшой веселый костерок. Я не решилась приблизиться к нему. Старшие не любят непослушания. Получать заслуженную затрещину не хотелось. И так издали все хорошо видно.

Ребята долго раскладывают боеприпасы по кучкам. Я от скуки уставилась на луну. Круглая серебристая тарелка притягивает меня. Я всегда с интересом разглядываю на ней пятна. Вот сейчас хорошо видны. Они складываются в доброе улыбающееся лицо, – значит, завтра не будет дождя. Если «лицо» хмурится, то жди дождливой погоды. Я заметила. Всегда совпадает.

Внезапно меня привлек шум у костра. Ребята спорили: снаряд стреляный или нет. Младший из компании, Виктор, предложил проверить, бросив его в костер. Старший не соглашался: – Опасно.

Виктор обозвал Николая трусом. Началась драка. Слава, предложил начать с пороха и патронов. Мне очень понравилось, как яркими звездочками вспыхивают мелкие кусочки пороха. Потом ребята бросили патроны в костер и быстро отбежали. Патроны почему-то не стреляли. Мина тоже не взорвалась. Тогда они высыпали в костер все, что принесли с собой. Но ничего не стреляло. Они уже не отскакивали от костра. Виктор взял палку и стал ковырять ею в золе. В тишине слышался его недовольный голос:

– Дерьмо. Одни пустышки. Пойдем завтра в огороды. Вот где разживемся!

Мне надоело сидеть в укрытии, и я уже собралась идти спать, как началось что-то невообразимое: сначала несколько выстрелов, как автоматная очередь, рассыпались в тишине. Потом грохнул сильный одиночный взрыв. В первый момент от страха я прижалась к земле. Но, когда услышала дикий крик, поняла, что произошло ужасное. Осторожно выглянула из-за куста. Виктор стоял с дикими глазами. Из его вытянутой руки в костер текла кровь. Пальцев, ладони не было. Коля корчился на земле, зажав лицо руками. Кричал Слава. От страха.

Виктор первый пришел в чувство. Зажав рубашкой окровавленную руку, он заорал Славке:

– Гони к дежурной, зараза!

Тот с воплями помчался. Кровь на меня не произвела никакого впечатления. Но обрубок руки, освещенный ярким пламенем костра, шокировал меня. Я застыла на месте. Лица Николая не было видно. Кровь текла по подбородку и между пальцами, закрывающими глаза. «Боже мой, Боже праведный...» – стонал он.

Я не видела, как прибежали дежурная воспитательница и конюх. Что было дальше, не знаю. Не помню, как вернулась в спальню. Я лежала с открытыми глазами и ничего не соображала. Уснула, когда стало светать.

Наутро весть о несчастье разлетелась по всему детдому. Коля остался без глаза. Обоих ребят увезли в больницу. Нам сказали, что они больше не вернутся к нам. На следующий день я рассказала Витьку о том, что видела. Он разозлился:

– А если бы тебя убило? Дура!

Все молча корили себя за несчастье. Баба Мавра вздохнула:

– Уже седьмой год, как война закончилась, а люди продолжают погибать и калечиться.

СЕРЕЖА

Сережка у нас самый скромный и тихий из мальчиков. Когда с ним разговаривают дети, он опускает голову и только иногда мельком позволяет себе взглянуть на говорящего. А если взрослый беседует с ним, он никогда не поднимает глаз. И чем громче и строже говорят с ним, тем ниже опускает он голову, так что плечи и спина его становятся круглыми. Сережа пришел к нам четырехлетним, но никогда не рассказывал о своей прошлой жизни. Он всегда молчит, никогда не участвует в шумных играх. «Он тише воды, ниже травы», – говорит о нем Галя, пытавшаяся расшевелить тихоню.

Сережку не назовешь красивым. Нескладный, тощий, как большинство из нас. Лицо длинное, худое, с большими грустными глазами и белесыми ресницами. Мне казалось, что он очень похож на молодого жеребенка, который еще боится отойти от матери. Я видела такого у деда Панько на конюшне. Белесые ресницы почти у всех ребят. А вот таких грустных, пугливых, светло-серых, почти бесцветных глаз нет ни у кого. Когда к нему прикасаются, он вздрагивает, лицо принимает растерянное выражение. От этого он кажется еще более тощим и несчастным. Я мало замечаю обыкновенных детей. Меня всегда тянет к тем, кто старше, умнее, интереснее или несчастнее.

Я думала, что если Сережка многому научится, то станет смелее и веселее, поэтому взялась за его воспитание. В силу своего характера я сразу принялась им командовать. Он подчинялся. Но при этом смотреть на него было тошно и грустно. После общения с Сережкой на меня напала такая зеленая тоска, что я сразу начинала орать свою любимую песню! Эх, дороги», плавно переходившую в «Казак лихой».

Однажды мне взбрело в голову научить Серегу маршировать. Дело в том, что когда нас водили парами, он всех с ритма сбивал, бестолково перебирая длинными тощими ногами. Казалось, он запутывался в них. Чтобы Серега не смущался, я утащила его в лес. «Раз, два, левой, правой», – командовала я. К моему удивлению Серега на счет «раз» странно дернулся, одновременно выставив вперед левую руку и левую ногу. На счет «два» – правую ногу и правую руку. Я обалдела. Мне это понравилось. Я решила пошагать сама таким способом. Честно говоря, далось мне это с большим трудом. «Здорово у тебя получается, Серега!» – похвалила я его. – «Ну, а теперь не дури, правильно ходи под мою команду! Раз-два, раз-два!» Сережка повторил свой «цирк» и, растерянно взглянув на меня, опустил голову. Я все поняла и молча села на пенек, не зная, что делать дальше. «Я боюсь начальников, – вдруг еле слышно выдавил мальчик, – когда приказывают, я всегда так...»

А вскоре произошло ужасное. То, чего Сережа боялся больше всего на свете. Валентина Серафимовна в порыве злости обозвала его фрицем. Он упал на пол и безутешно заплакал. Мы разозлились на воспитательницу. Нерасторопного, бестолкового, беззащитного Серегу нельзя наказывать таким ужасным словом! Я кого угодно из детей отлупила бы, если бы меня так оскорбили. А Валентине Серафимовне устроила бы какую-нибудь бо-о-льшу-ю пакость. Когда воспитательница ушла, мы подскочили к Сереже и стали его успокаивать. Он, казалось, ничего не слышал и не чувствовал, только стонал и лил слезы. Няня, очевидно, подумав, что мы теперь все знаем, уточнила:

– Мать у него русская. Это отец – немец.

Серега на самом деле фриц? Наступила жуткая тишина. У меня даже мозги застыли на какое-то время. Тут до няни дошло, что мы поняли Валентину Серафимовну иначе, что именно от ее слов у нас столбняк, и потихоньку убралась из столовой.

Вдруг одна девочка закричала истошно: «Фриц, гад! Это твой отец убил моего папу!» Пацан, только что успокаивавший Сережу, пнул его ногой и сплюнул зло и брезгливо. Все вскочили с мест и окружили скулившего на полу мальчишку. На него посыпался град грубостей. У нас существовал закон: лежащего не бьют, поэтому ребята подняли Сергея за шиворот, пытаюсь поставить на ноги. Но они не слушались, болтались, как тряпки. Мальчишку бросили на пол, не зная, что делать с ним дальше. Я растерянно прошептала Ивану:

– Он же не убивал, он маленький. Но он фриц. Что делать?

Иван, похоже, тоже не мог справиться с собой. «Если бы не фрицы, я жил бы сейчас в Курске, не погиб бы отец, не умерла бы с голоду мать...» – пронеслось в голове моего друга.

Крики продолжались, а Иван думал. Он был в комнате самый старший, а главное – самый уважаемый. По движению его лица я поняла, что он ищет слова, чтобы сообщить детям свое решение. И он сказал:

– Мальчишка не виноват. Мать его, я думаю, родила не по своей воле. Фриц, наверное, стал отцом насильно, может, когда она была больная или умирала от голода. Такое бывало на войне.

Конечно, никто из детей не понял подробностей невиновности матери. Но, что Серега не виноват, поверили Ивану все.

Позвали няню. Она отнесла больного в постель. Месяца через два он начал ходить. Мы не обижали его. Не вспоминали о случившемся. По его глазам я понимала, что он благодарен нам за это. Но все равно он был самым несчастным из нас. Мы поверили, что Сережа не виноват. Он – не поверил.

Не могу врать себе. Другом Сережа мне никогда не станет. Для меня он останется немцем. Потому что сердце каждого из нас тяжелым свинцовым ужасом сжимает слово «война».

МЫ ВОСПИТАТЕЛИ

Сегодня Галя предложила мне стать постоянной помощницей в группе малявочек.

– К малявочкам не хочу, – смущенно пробормотала я.

Галя строго посмотрела на меня и спросила:

– Горшки убирать неприятно?

– К этому можно привыкнуть. Не хочу потому, что дети бестолковые. Я совсем не понимаю, что они лепечут. Лучше Вали с ними никто не справится, – убедительно ответила я.

– И все же попробуй, всем надо поучиться, – настаивала Галя.

На следующее утро после завтрака мы с Валею пошли одевать детей на прогулку. Я-то не очень разговорчивая. А вот Валя беспрерывно щебечет:

– Милые мои воробушки, лапочки любимые. Сядем-ка все дружно. Начнем одевать шаровары. Дорогусенькие мои зайчики, давайте попрыгаем, поскачем...

Детвора облепила ее. Каждому хотелось, чтобы именно Валя подтянула ему штанишки и поправила ботинки. Я тоже взялась одевать одного малыша. Подняла его за ножку, желая зашнуровать ботинок, а он не удержался на одной ноге и упал. При этом, конечно, заревел во весь голос. Я принялась его успокаивать, применяя Валины слова, но он все равно кричал. Тогда я подняла его и закружила на вытянутых руках. Тут малявочка не просто закричал. Заорал. Я испугалась. Подскочила Валя, обняла малыша, напевая привычные слова. Он успокоился. А я стояла столбом и чувствовала себя лишней. Молча вымыла горшки. На коленках протерла пол. И больше в эту группу не вернулась. Вечером пожаловалась Вале:

– Не могу с малявочками возиться. Я с ними дурой себя чувствую.

Валя засмеялась:

– Наверное, у тебя терпения мало и любви.

– Неправда! Я люблю их и жалею, – рассердилась я.

– Не кипятись, – как всегда спокойно сказала Валя. – Тетя Маша говорила, что я люблю ласково, весело, а твое добро внутри тебя сидит, ты его не можешь никак достать. Что, оно у тебя присохло там?

– А может, моего добра на всех не хватает? – предположила я. – Вот у тебя и у бабы Мавры хватает. Может, Витек прав, что я зануда?

Мне захотелось плакать. Валя обняла меня, ласково посмотрела в глаза и сказала:

– Иди к малышам. Если тебе будет интересно с ними, то и им будет интересно с тобой. Галя говорила, что ты умная. Вот и учи их. Ладно?

От ее мягкого голоса и ласкового прикосновения, я успокоилась. «Какая удивительная девочка! Весь мир добрым может сделать», – с любовью подумала я о подруге и пошла к Гале. Она не одобрила моего «бегства», так как считала, что надо долго поработать, чтобы понять свои возможности. Я снова попросилась к малышам. Она согласилась, но без удовольствия. И вот я у малышей. Они встретили меня радостно и сразу потребовали: «Читай!» Я им читала и рассказывала, что знаю, а в перерывах играла с ними и думала: «Жаль, что у меня не было детей-воспитателей».

Но тут малыши начали задавать мне вопросы:

– Что такое праздник?

Я сначала растерялась. А потом решила объяснить это слово так, как сама понимаю:

– Праздник – это что-то хорошее, радостное. Вот дали тебе конфету, – значит у тебя праздник, пожалел кто-то, если ты ногу в кровь разбил, – опять праздник.

Малышам понравилось объяснение. А одна девочка воскликнула:

– Ты у нас сегодня тоже праздник!

Но тут ко мне подошел Паша. У него удивительные глаза: темно-синие с легким фиолетовым оттенком. Густые черные ресницы делают их еще темнее. От зрачков по синему фону расходятся светлые лучики. Не глаза, а майские фиалки! Но Боже! Какие они грустные! Давящую тоску подчеркивали темные круги под глазами. Паша медленно, нечетко выговаривая слова, спросил:

– А почему взрослые люди бывают плохие, а иногда хорошие?

– У вас дежурят Валентина Серафимовна и ее подруга? – задала я встречный вопрос.

Он кивнул. Я честно сказала, что не знаю ответа.

– Думаю, что так в жизни устроено: бывают большие – маленькие, черные – белые, злые – добрые.

Паше мой ответ не понравился, и он опять спросил:

– А почему нас никто не может защитить?

От его слов у меня заныло сердце. Я испугалась, что заплачу. Как всегда в этих случаях, подняла глаза к потолку и стала думать о другом. Паша снова тронул меня за шаровары.

– Нам, наверное, не повезло с директрисой, – задумчиво ответила я.

– А что же делать? – упавшим голосом пролепетал мальчик.

Я почувствовала, что он надеялся на мою помощь или хотя бы на хороший совет. У меня дрогнуло сердце. Но не смогла придумать ничего такого, чтобы успокоить его в один миг.

– Мне тоже раньше было трудно. Все плохое проходит, а хорошее остается. Баба Мавра всегда так говорит, когда мне грустно. Хочешь, я буду каждый день приходить к вам? – перевела я разговор на приятную тему.

Паша улыбнулся одними губами. Глаза его оставались грустными. Паша не умел доверчиво улыбаться людям. Он не верил им. Я посадила его на колени и попыталась отвлечь.

Тут две шустрые девчушки прилипли ко мне:

– А почему няни все время кричат на нас?

Я объяснила:

– Они все замученные, усталые, нервные.

– А мы тоже станем такими, когда вырастем? Мы не хотим! Мы будем добрыми, – затараторили малышки.

– Ну, раз хотите, значит, будете добрыми! – уверенно сказала я.

Девочки засмеялись и убежали играть тряпочками.

А я задумалась над их вопросами.

Я и раньше замечала, что дети детей лучше слушают. Вот тащит няня малыша на укол. Он ноет, вырывается, а то и вообще ревет на весь двор. А когда старший мальчик ведет младшего? Он его даже за руку не держит. Малыш тихо льет слезы и понуро идет. Если он начинает оглядываться на старшего мальчика, тот спокойно скажет: «Врежу». И малыш безропотно подчиняется. А когда попадает очень непослушный ребенок, старший мальчик шлепнет его. Но почему-то малыш не визжит, а побурчит что-то и выполнит все, что от него требуют.

А как дети друг друга слушаются во время игры! Вот Зина зовет Сашу. Он быстренько встает и ковыляет к ней. Я спросила ее как-то, почему Саша или кто-то другой подходят к ней сразу, а воспитателю приходится кричать раза по три-четыре? Зина ответила сразу и уверенно:

– Воспитатели не понимают, что ребенку надо сначала игрушку положить, потом встать, надеть сандалики или ботинки, а потом еще идти. На это надо много времени. А они раз позвали – и через минуту уже снова кричат. Дети все равно быстрее не смогут прийти, кричи – не кричи. Даже наоборот, когда на тебя орут, совсем не хочется быстро идти к этому человеку. А дети друг друга понимают и спокойно ждут. Мы никого не оскорбляем. А вот некоторые взрослые не упустят случая, чтобы не тронуть твое самое больное место. Слышала, как Ване достается за мокрую постель? А разве он виноват?

И тут мне вспомнились слова Ивана:

– Не было бы злоки Валентины Серафимовны, не стала бы Светка предателем.

Значит, все плохое у детей от плохих взрослых? А почему не все мы становимся плохими? Может, потому что есть баба Мавра, дед Панько, Галя?

Галя, милая Галя. Я люблю тебя, потому что любой день ты начинаешь с улыбки. А ведь тебе тоже бывает плохо. До нас доходят разговоры взрослых. Достается тебе от директрисы. Тебя только не бьют. А иной раз лучше бы меня побили, чем стегать оскорблениями. Душа чувствительней спины...

Ссора девочек из-за тряпочек отвлекла меня от мыслей. Я успокоила их, села на скамейку, разглядываю всех. Мало говорят малыши, но я-то знаю, что они очень много думают! И так остро чувствуют! Почему взрослые забывают об этом? Я – грустный, неулыбчивый ребенок. Может, мне не надо ходить к малышам? Нет, надо. Буду искать у Гали в книжках что-нибудь веселое, чтобы каждый день читать им о хорошем, интересном. Тогда они меньше будут думать о грустном.

От этих мыслей мое сердце немного оттаяло. На душе стало светло и тепло.

Я сегодня впервые поняла, что радость можно получать, делая хорошее для других. На следующий день Галя прислала Витька помочь мне возиться с малышами. Он сразу начал командовать:

– Мне – ребят, тебе – девчонок. Не хочу с тряпочками возиться!

Я твердо возразила:

– Делать зарядку и учиться защищать себя должны уметь все. Всех веди на луг.

Витька, привыкший верховодить, растерялся и неожиданно для себя согласился со мной. Не драться же с девочкой, да еще со своей названной сестренкой? Он с удовольствием взялся за дело. Командовать малышами было просто. Они глаз не сводили со своего нового воспитателя. Но им надолго не хватило терпения заниматься «военными действиями»: кто устал, кому надоело. Витек занервничал, раскричался. Тут я пришла на помощь со своими книжками. Он обрадовался. Я улыбнулась ему одобрительно.

– Приходи завтра опять, – попросила я его.

Я не критиковала Витю, и он был благодарен за это. А мне хотелось, чтобы он почувствовал, что от него тоже есть польза.

Витек – хороший мальчишка, но самолюбивый. Когда его воспитанники перестали слушаться, он от обиды и неуверенности в себе стал кричать. Ему было стыдно перед собой и передо мной. Еще бы, командир, а с малышкой не справился. А все потому, что самонадеянный. Чуть что: «Я, я!» У него сначала слова выскакивают, а потом мысли появляются. Он и у Гали на уроках такой же. Галя еще до конца вопрос не успеет задать, а он уже руку тянет. И часто говорит ерунду. Все смеются. И ему неловко. А мне в эти минуты особенно его жалко. Он же не глупый. Просто еще не научился думать. Если я не уверена, что права, никогда не подниму руку. Не могу себе позволить опозориться. Я осторожная, потому что очень боюсь показаться глупой. А Витек быстро забывает, что говорил ерунду, и опять тянет руку, не подумав. Наверное, баба Мавра права. Умнеть он будет позже.

ВАЛЯ

Валя. Милая Валя. Тихая, добрая, терпеливая. Куда мне до нее! Я – шило. Валя всем во всем помогает. А как ее любят малявочки! Приласкает, носы утрет, оденет аккуратней всех. Золото, а не девочка! Но когда начались занятия с практиканткой Галей, что-то произошло с нашей Валею. Не слышно ее звонкого смеха. Начала сторониться всех. И только с малышами оставалась прежней.

Мы не приставали к ней с расспросами. Захочет – сама расскажет. Я скучала на чтении и арифметике и от нечего делать разглядывала друзей. Меня поразило лицо Вали во время урока. Оно напряженное, почти неподвижное. Подняв подбородок кверху, Валя судорожно

повторяла что-то в уме. Мне казалось, что она бубнит одно и то же. Пот выступил у нее на лбу. Вдруг она замерла, как бы отключилась, потом снова исступленно взялась за работу. Она даже не шепталась с соседками по парте, не отвлекалась, как все дети. Галя тоже заметила странное поведение девочки. В ее глазах я увидела сочувствие и еще что-то такое, чего не могла себе объяснить. Посмотрит на Валю, опустит голову и долго не поднимает. Потом переключается на других детей.

– Почему она к ней не подходит? Это же обидно, – думала я.

Я ни с кем из друзей не поделилась своим наблюдением. Но непонятное всегда мучает, и я все же выложила Гале свое беспокойство. Она с грустью сказала:

– У меня предположение, что девочка слабоумная, и ее придется отправить в спецшколу. Но я не хочу этого. Попробуем ей помочь.

– Отчего она такая? – спросила я.

– Трудно сказать. Может, наследственность или война виновата, – задумчиво произнесла практикантка.

На следующий день Галя сама подошла ко мне с просьбой позаниматься с Валею, но только в виде игры.

– Ты фантазерка, сумеешь! – подбодрила она меня.

Я и не собиралась отказываться. С тех пор, как начались уроки, мы только тем и занимались, что играли в школу. И я, как правило, выполняла роль учительницы. Мне это очень нравилось. Хотя еще полгода назад всех «лечила».

Я сообразила, что с Валею надо заниматься один на один. Как всегда, нашла ее у малявочек и с большим трудом увела от них. Для начала я попросила ее объяснить, что надо делать, чтобы малыши меня слушали и не шумели. Валю удивил мой вопрос.

– Не знаю, – растерянно ответила она. – Они сами затихают, когда я прихожу.

Теперь пришла очередь мне удивляться. Наверное, они ее любят за что-то, чего у меня нет. Восторгаясь Валиным талантом работать с малявочками, я постепенно перешла к птичкам на деревьях и начала с удовольствием их считать, пытаясь заразить подружку игрой. Но она все сразу поняла и заплакала. Я обняла ее. Мы вместе поплакали, а потом я решительно сказала, что хочу помочь ей. Боже мой, с какой радостью она взялась за дело! У меня уже в голове шумело, а она все повторяла от десяти до нуля и обратно. А на следующий день она мне такое насчитала, что я оторопела! Я раньше думала, что головы у всех одинаковые, но одни дети – лодыри, а другие старательные. Вот и все. Однако на занятиях с Валею поняла, что одного трудолюбия мало. Пожаловалась Гале на свою неудачу. И она сделала мне интересное предложение.

– У Льва Кассиля есть книжка «Швамбрания». Там дети лучше запоминали правила, когда их сначала превращали в простенькие стихи. Попробуй зарифмовать свои задачки. У тебя получится, я замечала за тобой эту способность.

Мне понравилось такая игра, и я с удовольствием взялась за дело. Прежде чем идти к Вале, проверила рифмовки на других детях. Они приходили в восторг, и сами пытались сочинять. Конечно, это были ерундовые стишки. Но главное, что они хорошо запоминались. И Валя их запоминала, правда с трудом. Но стоило мне остановить ее на полуслове, она уже не могла закончить фразу, и приходилось начинать все сначала.

Как-то на урок к Гале пришли воспитатели и директриса. Валю вызвали к доске. Она старательно, красивым почерком написала: два плюс три равняется, потом повернула к нам растерянное лицо и заплакала. В комнате наступила мучительная, пронзительная тишина. Ребята не выдержали и стали подсказывать. Валя лихорадочно писала мелом то «семь», то «десять». Стирала дрожащей рукой и опять писала ерунду. Дети все поняли. Я боялась, что теперь они начнут дразнить ее. Напротив, многие, особенно девчонки, стали опекать ее. И делали это мягко, ласково, терпеливо.

Мы знали, что ожидается комиссия из города, и старательно к ней готовились.

И вот директриса привела группу пожилых женщин. Нам они не понравились, потому что выглядели хмурыми и очень строгими. Мы понимали, что они приехали только из-за Вали. У меня дрожали колени и руки. Я даже немного заикалась, что бывало редко, только в моменты сильного волнения.

Первой к доске вызвали Валу. Потупив голову, она медленно, как во сне, побрела к доске. Плечи ее были опущены. Спина согнулась. Маленькая старушка. «Господи, а какая она красивая с малышами», – мелькнуло у меня в голове. Комок подкатился к горлу. Перед глазами поплыло. Я не слышала, как отвечала подруга. Душераздирающий крик привел меня в чувство. Две чужие женщины пытались вывести Валу из комнаты.

– Не забирайте меня в дурдом, я нормальная! Я все выучу! Я здесь буду мыть полы, нянчить маленьких. Они меня любят! Оставьте меня здесь! Я там пропаду, – надрывно кричала Валя.

Мы подались вперед и застыли. Лица у всех детей напряжены и бледны. Вырываясь, Валя с надеждой оглядывалась на нас. Но что мы могли? Она перестала кричать и в последний раз взглянула в нашу сторону. Этот прощальный взгляд, полный безысходности, отчаяния, тоски поразил меня в самое сердце. Разве может слабоумная так глубоко чувствовать?

Валу выволокли за дверь. Тихие слезы полились на столы. Никто нас не успокаивал. Нам надо было выплакаться.

Проститься с Валею не дали. И к малявочкам ее не пустили. Мы из окна видели, как грузовик увозил ее по пыльной дороге в неизвестное.

ЯРОСЛАВ

Прошмыгнула в «келью» Ярослава. Он, как всегда, лежал на койке с книгой.

– Давно тебя жду, – с улыбкой приподнялся навстречу мне Ярослав.

– Няня мелькала перед дверью, – объяснила я, и села по-турецки у его постели.

– Что читаешь?

– Географию за седьмой класс.

– Интересно?

– Очень. Сегодня про тайфуны узнал.

– Что это такое?

Ярослав объяснил.

– У нас тоже ветер иногда пыль вместе с мусором на дороге волчком закручивает и уносит столбом в небо. Деревенские ребята говорили, что если нож бросить в середину этого вихря, то он окрасится кровью и бурун прекратится.

– Сказки это. Смерч не живой. Это просто ветер такой особенный. Он деревья вырывает с корнем, дома разрушает. Может, болото вместе с лягушками поднять в воздух, а потом в другом месте на землю сбросить.

– Интересно как! Значит, буду я гулять как-нибудь, а мне на голову лягушки посыплются!?

Эта мысль так развеселила меня, что я безудержно захохотала и замахала руками, как бы разгоняя лягушек. Ярослав тоже встал и начал подпрыгивать на койке.

– Залезай сюда, – предложил он мне.

Взявшись за руки, мы с восторженными криками скакали по постели. Лицо Ярослава находилось близко, и я впервые увидела, что он красивый. Белый кудрявый чубчик порхал в такт прыжкам. Темно-серые глаза радостно сияли. На бледном лице появился румянец. Тонко очерченные брови набежали на очень высокий лоб. Нос, губы – как нарисованные. «В сказках пишут «девица-красавица», а Ярослав – «мальчик-красавец», – подумала я. И от этой мысли мне стало еще веселей.

Вдруг Ярослав наступил ногой на свою длинную почти до пят рубаху. Послышался треск разрываемой старой ткани. Мальчик бросился под одеяло, но я успела заметить, что живот его забинтован. Ярослав отвернулся к стене, поправил повязку и лег.

– Тебе, наверное, нельзя прыгать? – заволновалась я.

– Ничего, ерунда, – улыбнулся он.

Но в этот момент мне показалось, что глаза его потемнели еще больше. В «келью» вбежала няня. Наверное, шум услышала. По ее лицу я поняла, что натворила что-то ужасное, и быстро выскочила за дверь. «Сегодня добрая няня дежурит, и из-за порванной рубашки у нее не было бы такого испуганного лица. Что плохого в том, что я немножко развеселила Ярослава? Ведь ему скучно одному. Со мной он такой радостный. А может теперь у него живот сильнее заболит?» – тоскливо размышляла я.

Как только няня ушла на кухню, я снова пробралась к Ярославу. Он лежал побледневший, притихший.

– Тебе очень больно из-за меня? – осторожно спросила я.

– Я почти не чувствую боли. Просто устал.

«С чего было уставать?» – удивилась я, но спрашивать не стала.

Молчание нарушил Ярослав:

– Знаешь, мне скучно одному. Читать целый день я не могу. Хорошо, если бы ребята чаще играли у моей стенки. Я бы все слышал, и получалось бы, что будто я сам играю с вами. Стенка тонкая, но когда вы в другом конце спальни, я слышу только шум.

– Запросто! Мы с Витьком всех ребят перетащим поближе, – с готовностью пообещала я.

– Спасибо, – коротко поблагодарил он.

– Отдыхай. Я побегу, пока няня опять не захватила меня здесь.

Ярослав кивнул в ответ.

И вроде бы я немного успокоилась, но что-то тревожило меня так, что я не могла играть с ребятами. Одинокó послонялась по двору и направилась на кухню к бабе Мавре. Она выслушала меня внимательно. Лицо ее сделалось задумчивым, сосредоточенным. Оно потемнело, морщинки углубились. Плечи опустились. Руки она то опускала на колени, то сжимала на груди. И сокрушенно качала головой. Я поняла, что сильно обеспокоила хорошего человека и разревелась.

– Что я натворила? Я же не хотела плохого. Объясните мне, пожалуйста, отчего он болеет? – взмолилась я.

– Ты тут не причем, – сказала баба Мавра после долгого раздумья. – Понимаешь, когда Ярослав был у мамы в животике, она получила две похоронки: на мужа и брата – и от этого тяжело заболела. Мальчик родился раньше времени. Все думали, что Господь его приберет. Но ребенок проявил удивительное желание выжить. Он с такой жадностью ел, что все только дивились. Мама его умерла скоро... За девять лет рана на животе Ярослава так и не зажила... А тут еще эти приступы... Они повторяются все чаще. Ему нельзя ни волноваться, ни радоваться...

Только теперь я поняла, почему Ярослав сказал мне однажды, что никогда не будет счастливым.

Ночью мы все проснулись от шума в «келье». А утром первым делом я бросилась к бабе Мавре с криком отчаяния:

– Живой? Сегодня это из-за меня?

– Бог с тобой. Не волнуйся! Его увезли жить в больницу. Там ему будет лучше, – сказала баба Мавра и отвернулась к своим чугункам.

Ярослав к нам больше не вернулся.

ПРАЗДНИК

Галя устроила нам в лесу прощание с летом. Девочки собирали цветы, плели венки. Мальчики расчищали от веток площадку для выступлений. Никто никого не заставлял. Пришли даже старшие ребята. Когда все приготовили, Галя объявила начало праздника. Какой поднялся гвалт! Каждый хотел выступить первым. Но Галя подняла руку. Все замолчали.

– Как вы думаете, ребята, начать концерт должен самый старший или самый младший?
– Маленьких вперед, – было общее мнение.

Смешно смотреть, как выступают малявочки. Кто в носу ковыряет пальчиком, у кого трусики до колен спустились, кто зареветь готов, потому что его место заняли. Но все они с таким усердием приседали и вращали ручками, изображая танец, что у меня навернулись слезы. В конце танца один малыш до того наприседался, что свалился в траву, чем вызвал общий хохот, который тут же перешел в аплодисменты и крики:

– Мо-лод-цы!

Упавший малыш заревел, но одна девочка его подхватила и давай тискать. Он вмиг успокоился. Каждый ребенок участвовал в празднике. Мальчики большей частью выступали в пирамидах. Девочки пели песни, рассказывали стихи, танцевали. Отличился «Комардин». Он, исполняя матросский танец, лихо подпевал себе. Жаль, что не было музыкальных инструментов. Но нас это не волновало. Подошла очередь Гоши. Обычно он безразличен ко всему. Маленький рост, тихий голос делали его неприметным. Вообще-то, дети всегда красивые. У каждого есть что-то свое, особенное. Но у Гошки, сколько не ищи, во внешности ничего интересного не разглядишь: тощенькое лицо, подбородок-треугольник, нос длинный, худой, глаза маленькие, серые. Я с огромным любопытством ожидала его выступления. Что он может? Гоша тихо сказал:

– Муха-цокотуха.

И принял позу. Все с удивлением увидели в нем огромную муху. Детвора захлопала от восторга. Но что было дальше, описать словами трудно. Гошка метался по поляне, очень точно изображая каждое животное. Он подражал голосам зверей и говорил текст с таким упоением и жаром, что мы все обалдели. Сказка-стих была длинная, но дети смотрели представление до конца без писка. Когда Гоша закончил и убежал в лес, вслед ему неслось:

– Молодец! Талант! Ура!

Алик рассказывал стихотворение о войне. Сначала он стоял навтыжку, руки держал строго по швам и произносил важные серьезные слова звонко и громко. Потом весь подался вперед, будто сам собирался ползти на помощь раненому солдату. Голос его понизился, задрожал тонкой струной. Кожа лица на худеньких скулах от напряжения натянулась. В глазах появилась безысходная тоска, понимание безнадежности, отчаяния. Вдруг звук его голоса снова окреп, и в нем зазвучала надежда. Теперь на высоких нотах звенела отвага и уверенность. Я уже не слышала слов большого мальчика, а по интонации голоса и выражению лица представляла себе: идет бой, горят танки, как копы соломы, много хороших людей стреляет по врагам и кричит «Ура!»...

Мальши так старательно и громко хлопали в ладоши, что без сил валились на траву. Подошла моя очередь выступать. «Наверное, мне тоже стоило выучить про войну? – подумала я. – Ничего, буду рассказывать отрывок «Родная земля» из поэмы Некрасова «Железная дорога». Вышла на середину площадки. В первую минуту охватило волнение. Как бы не ошибиться! Но уже после первой строчки успокоилась. Я не вспоминала, что надо было говорить, а как бы бессознательно произносила слова, которые выходили откуда-то изнутри меня: то ли из головы, то ли из души. Говорила негромко, но с каким-то тоскливым надрывом. Закончила. Стояла звенящая тишина. Никто не хлопал. Все сидели как замороженные. Пауза была такая долгая, что я испугалась. Меня не поняли или плохо прочитала? Но тут гром аплодисментов нарушил тишину. У меня на глазах появились слезы. Понравилось!

Мои старшие друзья тоже выступали: ходили на руках, делали «колесо». После концерта они устроили катание на санях из веток деревьев. Кого первого повезут по кругу? Выбор старших ребят пал на меня. Думаю, на их решение повлияло не столько мое выступление, сколько наша дружба. Где-то в глубине души мне было неловко от этой мысли. Но я все равно с гордостью и восторгом восседала на ветвях. Я захлебывалась от счастья!

Круг почета совершен. Теперь катали всех детей на четырех «саниях». Мне захотелось еще раз проехать, просто так, а не в награду за выступление. И я вспрыгнула на «сани», которые тащил Иван. Возница остановился, строго глянул на меня и сказал:

– Опять тормоза не работают? Пока всех малышей ни покачаем, не подходи.

Я почувствовала, что краска заливает лицо, опускается ниже шеи. Я убежала с поляны. Убежала с позором. Вот так всегда: несдержанность и слабые «тормоза» портят мне жизнь! Даже можно сказать, отравляют.

ПРОЩАНИЕ С РЕБЯТАМИ

Для меня отъезд ребят в город не был неожиданностью. Полгода я готовилась к этому тяжкому событию. То забывала, то вновь вспоминала. И вот пришел этот день. Завтра. А сегодня я не нахожу себе места. То плачу, то хохочу, то лезу драться по пустякам. Есть отказалась. Грублю всем подряд и тут же реву. Измаялась к вечеру. Лежу на кровати поверх одеяла, что не по правилам, и скулю. Витек просунул голову в спальню, но войти не решился. Я ждала Ивана. Уже пора ложиться спать. Дети заполнили спальню, а я, наоборот, выскочила из нее и села на крыльце.

Вскоре пришел Иван, тихо расположился рядом, положил руку мне на голову и начал долгий разговор. Он рассказал о том, что директриса использовала старших ребят для работ по детдому и позволяла им жить, как хочется. Ребятам это нравилось. Они чувствовали себя самостоятельными, взрослыми, радовались спокойной и вольной жизни, легкому хлебу. Но однажды он, Иван, вдруг понял, как много потеряли они за эти годы. Сознался, что, сравнивая жизнь Гали со своей, вдруг ощутил себя ничтожеством. Жил в маленьком мирке, как животное. Ни о чем не думал, не мечтал, ничего не знал, гордился своей силой, верховодил. А на самом деле – ноль, полный ноль. Поденщик, неуч.

– Но ты поверь мне: я все равно выучусь, получу специальность и буду не хуже других, а может – и лучше многих. Учиться нужно всю жизнь. Прошу тебя, запомни, что я скажу. Не мне, дураку, тебя учить, но я старше и кое-что понял в жизни. Первое: не попадай никому в зависимость. Второе: учись, сколько голова позволит. Третье: держись хороших людей, будь преданной им. Верь в лучшее и не надейся ни на кого. Ты все сможешь сама... Вряд ли мы когда-нибудь встретимся. Судьба разводит нас. Наверное, так надо, – закончил Иван.

Слезы полились сначала у меня. Потом отвернулся Иван. Я уткнулась в его широкую, костлявую спину. Он сдавленным голосом сказал:

– Утром не приходи нас провожать. Мне нельзя опозориться. Я взрослый. Мне почти четырнадцать.

От слез и переживаний я заснула на пороге. Потом, говорят, Иван отнес меня в постель. Утром все дети высыпали на площадку перед детдомом проводить ребят в город. Их пришло трое. «Значит еще двое поумнели», – подумала я, глядя через окно. Няни по очереди обняли, поцеловали ребят. Младшие дети крутились под ногами, пытаясь потрогать на прощание старших. Директриса сказала напутственные слова, которые я не смогла расслышать, и передала пакет с документами шоферу. Ребята натянуто улыбались. И в последний момент те двое не выдержали. Слезы полились по их растерянным лицам, и они, скрывая их, бросились к полуторке.

Няни подали им коричневые чемоданчики с блестящими железными уголками. Иван стоял спокойный, потом, махнув рукой, крикнул с улыбкой: «Прощайте», – и вскочил, не обо-

рачиваясь, в кузов. Машина укатила. Я застыла на подоконнике, обхватив колени руками. Я не плакала. Мне казалось, что сегодня уехал не только друг, но и какая-то часть меня самой. Я почувствовала, что стала меньше ростом. И в груди было пусто. Часть моей души улетела за грузовиком.

Вывел меня из этого состояния Витек. Он теребил меня за майку и уговаривал пойти обедать. «Я не пойду без тебя есть, – бубнил он.

Я молча поплелась за ним.

ВОСПОМИНАНИЯ

Как самому задиристому и бойкому дед Панько подарил Витьку настоящую пилотку и попросил беречь ее:

– От меньшого память осталась. Пятеро было сынов, теперь я один на этом свете.

Теперь Витек по праву считал себя командиром. Никто и не спорил. Его стремительный натиск не выдерживали пацаны, которые выглядели покрепче. С деревянной саблей и обломком настоящего ружья он мужественно водил своих друзей в «бой».

Устав бороться с крапивой и бурьяном, ребята садились в кружок и начинали мечтать и в который раз рассказывать друг другу о своих отцах.

– Мой отец с саблей мчался наперерез врагу на белом коне... – начал Сашка.

– Брешешь! Ты же говорил, что он в танке сгорел, – возразил дотошный Витька.

– Ей-богу, не вру. Это же раньше было, до танка. Танк ему потом дали, – выкрутился Сашка.

– А... – примирительно произнес Витек.

– А мой отец на самолете летал. У него медаль за храбрость есть. Мамка говорила, когда я маленький был, – вступил в разговор Коля.

Тут вскочил Женька. Когда он рассказывал об отце, его голос срывался, становился писклявым, как у девчонки. Он размахивал руками, брызгал слюной, глаза его блестели. Говорил он быстро-быстро, глотал окончания слов, будто боялся, что ему не поверят или прервут, не дадут высказаться. Понимали его с трудом. Но догадывались, что Женя считал своего отца самым смелым, самым умным и добрым, потому что он был большим начальником.

Гошка возражал:

– Не начальники на войне главные, а разведчики. Без моего папы ни одно сражение не начиналось. Вот! Он ползком половину Земли прошел. Эх, если бы не мина!...

Помолчали.

– Тебе хорошо, Витек, у тебя сестра здесь. А моя где-то. Я даже не помню ее. Может, она когда-нибудь найдет меня, – задумчиво произнес Гена.

Молчун Гена удивил нас, впервые открыв свою тайную мечту, свою последнюю надежду.

Звонкий голос Витька вывел меня из задумчивости:

– ...Меня все равно найдут. Это точно...

Мне бы его уверенность! Мы, девчонки, в похвальбе скромнее, осторожней. У нас все больше:

– Папа погиб. А мама была самая добрая, самая красивая. Может, она не умерла с голоду и найдет меня...

А вот Лиле повезло. Она попала к нам, когда ей было почти четыре года, и помнит бабушку и дедушку. Мы как замороженные в который раз слушаем ее рассказы о том, как они ее баловали, какая красивая была у них квартира. Лиля даже помнит лицо своего папы, хотя видела его очень редко, потому что он был моряком. После таких разговоров мы долго молчим.

Мне нечего вспомнить, нечем поделиться, и от этого я чувствую себя несчастней других. Но это внутри меня. Для девочек у меня всегда имеется в запасе несколько хороших историй

из жизни моих родителей. Всем хочется быть нормальными. Никто из нас никогда вслух не сомневался в правдивости рассказов друзей. Это было святое.

Но, чем ближе к школе, тем меньше в голосах надежды, и чаще слышится желание попасть в хорошую семью. А с началом подготовки к школе и эта надежда стала угасать, так как больших детей редко берут на воспитание, потому что их трудно перевоспитывать. А зачем нас перевоспитывать? Разве мы плохие? Не поймешь этих взрослых.

ЛЕДЕНЯЩИЙ УЖАС

Мне идет восьмой год. В это последнее лето перед школой я превратилась в какую-то сумасбродную, абсолютно неуправляемую. У меня появилось много энергии, и я не знала, куда ее девать. Носилась по детдому. Облазила все в округе. Я понимала, что делаю плохо, но чесались руки, ноги ерзали сами собой.

Галя уехала в институт. Практика ее закончилась. Ивана отправили в город готовиться в ремесленное училище. Витек был такой же заводной, как и я. Вечером, ложась спать и по привычке вспоминая прожитый день, я ужасалась своему поведению, уговаривала себя с рассветом начать новую жизнь. Но приходило утро, – и я опять срывалась с цепи.

Сегодня обнаружила в конце сада необследованный объект: огромную шейную яму для хранения картофеля. Вход в яму узкий, выложенный кирпичом. В глубине яма расширялась. Там было темно, и я не могла разглядеть, что внутри. Стала искать лестницу. Нашла две. Одна огромная, тяжелая. Мне не удалось ее даже с места сдвинуть. А вторая старая, маленькая, березовая – всего несколько ступенек. Я приволокла ее к яме и опустила так, что верхняя, самая длинная перекладина, легла на камни шейки ямы. Начала спуск. Вдруг нижняя ступенька хрустнула под ногой. Лестница перекосилась и соскользнула с шейки. Я полетела вниз. В какое-то мгновение в слабом свете раннего утра на дне ямы блеснул трезубец вил. Я с ужасом поняла, что падаю прямо на него. Насколько хватило сил и времени, падая, я судорожно вильнула телом и свалилась в солому рядом с вилами. Некоторое время лежала неподвижно. В голове пусто. Полный тормоз. Никаких ощущений. Когда очнулась, то поняла, что могло со мною случиться. Схватила вилы, воткнула их рожками в солому и заорала неизвестно кому:

– Какая дрянь поставила вилы вверх рогами?! Кто здесь такой ненормальный?!

И только тут меня охватил ужас. Я металась по дну ямы, вновь и вновь переживая случившееся. Странно. Все обошлось, а я никак не могла успокоиться. Наконец, поняла, что в яме мне не избавиться от страха. Я закричала, моля о помощи. Меня никто не слышал.

– Какого черта я полезла в яму? Зачем меня сюда занесло? – психовала я.

У меня все дрожало внутри. Руки и ноги похолодели. В пятках начались колики. Я, не обращая внимания на такие мелочи, начала подпрыгивать, пытаюсь зацепить лестницу за край шейки ямы. Но яма оказалась слишком глубокой. Собрала всю солому себе под ноги. Не помогло. Что предпринять? Схватила вилы, насадила на них лестницу и попыталась поднять ее кверху. Лестница упала. Я проделала это много раз. Выбилась из сил. Свалилась на солому. Глянула вверх. Кучевые облака медленно плыли по ярко-голубому небу. Щемящая боль сжала сердце.

– А вдруг я больше не увижу неба? – мелькнула страшная мысль.

Новые многочисленные попытки установить лестницу ни к чему не привели. Что еще придумать? Осмотрела яму, ощупала стены, приподняла солому. Ни-че-го. Обратила внимание, что круг неба над головой посерел. Боже! Уже вечер! Остаться тут на ночь?! Ни за что! Страх придал силы. Появилась злость на себя. Подохнуть здесь – значит опозориться перед детьми. Не допущу позора! Схватила вилы и принялась с остервенением сдирать землю со стен ямы, чтобы сделать под ногами холм. Кровавые мозоли горели. В голове шумело. Примерила. Пойдет! Отдышалась. Опять схватила вилы, стиснула зубы и осторожно, как жонглер, приподняла лестницу. Она дошла до половины шейки и сорвалась с вил. Тогда сняла с себя

майку и трусы, сплела жгуты и привязала лестницу к вилам. Еще попытка. Верхняя перекладина скользнула по кирпичам шейки, и лестница снова загремела вниз.

– Спокойно, спокойно, – шептала я себе.

Удалось! Лестница удачно «села» поверх ямы.

– Господи, не дай ей сорваться, – помолилась я на коленях.

Перекрестилась. Собралась с силами и очень медленно, на одних руках начала подниматься по ручке вил. Появилась надежда, но я боялась спугнуть удачу.

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... – бормотала я, еле дыша, и тянулась к следующей ступеньке.

Две осталось. Я засуетилась, задрожала. Лестница задрожала вместе со мной и заскользила по шейке ямы. Я замерла, в глазах потемнело.

– Господи, помоги еще чуть-чуть.

Успокоилась. Посветлело в глазах. На одном вдохе преодолела последние две ступеньки и свалилась рядом с ямой. Вместе с выдохом из горла вырвался крик. Полежала. Отвязала трусы и майку, машинально надела.

Как дошла до корпуса – не помню. Спала сутки..

После этого случая по ночам на меня иногда нападают приступы страха. Падение длилось секунды, а ночные кошмары продолжались долго и мучительно. Во сне холодный блеск трезубца вил приближался ко мне очень медленно. Странно, я не только чувствовала жуткий страх, но и видела ужас в своих глазах, как бы со стороны.

Видела, как мое тело, извиваясь, падает на вилы...

Опять просыпаюсь от страха. На меня накатывает странная волна страха, которая заставляет страдать от ужаса каждую клеточку тела. Следующая, еще более мощная – приносит жуткий холод. Когда волна нестерпимой болью распирает голову, мне кажется, она вот-вот лопнет. Мозг я начинаю ощущать, как миллион измученных дрожащих частиц... Мое тело – кусок льда. Руки болят от непрерывных ледящих уколов. С трудом делаю судорожный вдох. А выдох не получается, так как волнообразная, стискивающая боль, медленно поднимаясь от живота к горлу, сжимает его, как удав. Потом боль на секунду отпускает. Я успеваю выдохнуть и, захлебываясь, снова вдохнуть... Волны боли и страха то накатывают, то опускаются вниз тела. Мне кажется, это никогда не кончится...

Боль постепенно слабеет и, наконец, отступает. Я начинаю согреваться. Измучена до предела. Отдыхаю. Еще долго вздрагивает сердечко.

Вдруг до меня доходит, что все происходящее называется «ледящий ужас», о котором я слышала в сказке. Там говорилось, что от страха кровь стынет в жилах. Но это у взрослых, а у меня леденело все тело. Может, на самом деле «умирают со страху»? Умереть в момент опасности, наверное, можно, но «протянуть ноги» во сне – совсем глупо!

Я никому не рассказывала о ночных ужасах. Поймет меня только тот, кто сам испытал подобное. Не дай Бог никому такого!

После первого приступа я боялась повторений. И, ложась спать, с замиранием сердца молилась:

– Господи, отведи от меня беду!

Но страх приходил, когда я уже забывала о нем. Он встряхивал мое существо до основания и заставлял о многом задумываться. Почему меня преследует страх смерти? Я же не боюсь ее. Мне только не хочется долго страдать. В жизни мало хорошего. И если бы кто-то сказал, что одним выстрелом, без мучений, убьет меня, я бы не испугалась. Кому я нужна? Может, только Витек заплачет. Я – незаметная, никому не нужная пылинка, исчезновение которой никто не заметит и ничего не изменит.

Как-то Галя сказала нам, что человек создан для счастья, как птица для полета. А где оно, счастье? Счастье – это когда тебе хорошо. Годы, прожитые в ежедневном ожидании наказаний,

не назовешь счастливыми. Правда, в последнее время, с Галей, стало светлее, радостнее. Но страх, поселившийся в душе, трудно выгнать.

СТАРШИЙ БРАТ

После завтрака мы с Витьком и нашими деревенскими друзьями Петей и Пашей пошли собирать луговую клубнику. С нами увязался четырехлетний Сашок.

Утро баловало нас прохладным легким ветерком и россыпью бриллиантовой росы. На щире, лебеде и лопухах, что в изобилии росли вдоль дороги, – капли большей частью крупные. Лучи солнца, окунувшись в них, выходили мощным звездным пучком. А когда пушистое облако прикрывало солнце, капли блестели мягким светом лунного камня. Длинные узкие листья пырея и просяника обрамлены мелкими капельками, как алмазной крошкой, поражающей тончайшей огранкой истинно дорогого украшения.

Обильная роса охлаждает босые пыльные в цыпках и ссадинах ноги. А у Сашка вымокли трусы, которые ему почти до пят.

– Смотри, штаны не потеряй, инкубаторский, – засмеялся добродушный, медлительный Петя.

Любопытный Сашок тут же потребовал объяснить новое слово. Петя деловито, по-крестьянски начал:

– Когда домашняя курица высиживает цыплят, то они получаются разные: желтые, черные, пестрые, а из ящичка-инкубатора – только желтые. А вы, детдомовские летом все ходите в одинаковых трусах. Да ты, Сашок, не обижайся. Вон Павлушке куртку и брюки мать сшила из шинели, так прилипла к нему кличка «Кутузов». А меня «Меченым» прозвали из-за черных иностранных букв на штанах, сшитых из трофейного мешка. Просила мамку сшить брюки из папиного довоенного праздничного костюма. Не хочет. Пусть, говорит, висит... Вроде бы как папка дома... А может, и правда придет. У нас на селе одним пришла похоронка, а муж вернулся жив-здоров. В бою на нем шинель загорелась, он ее и сбросил. А в штабе не разобрались и по документам из обгорелой шинели прислали страшную весть.

Петя умолк. В тишине раздавался крик суетливой сороки. Ее длинный хвост непрерывно мелькал в зарослях терна. Высоко в небе над нами зависал жаворонок. Стрекотали кузнечики, шуршали юркие ящерицы. Басистый шмель деловито обследовал клевер. Сашу заинтересовала норка под деревом, и он, конечно, сунул туда палку. Из-под корней начали медленно выползать огромные пчелы.

– Бежим отсюда, – забеспокоился Павлушка, – это рой шершней. Если нападут, до смерти зажалят! Это вам не простые пчелы!

Пришли на луг. Спустились в низину. Клубника сплошь покрывала землю. Я сначала наклонялась за каждой ягодой, а потом встала на коленки, как Саша. Наевшись, принялась рвать ягоды с веточками для малявочек.

Солнце уже припекало так, что больше не хотелось ползать по лугу. Друзья предложили зайти в лес: «Там не жарко и можно попробовать лесной ягоды. Она мельче, зато ароматнее. А заодно хорошо бы перекусить в тени». Упоминание о еде вмиг заставило меня согласиться с ребятами. Выбрали уютную поляну. Сели под развесистым кленом. На платке появились: вареная картошка, хлеб, лук, чеснок, соль, огурцы. Хлебу мы рады больше всего. Картошки у всех вдоволь, а вот горбушка хлеба, да еще натертая чесноком, вызвала такие спазмы в желудке, что я невольно сжалась в комок. Петя разломил хлеб так, чтобы каждому досталось немного корочки. Сашок первый управился со своим куском и произнес:

– Вкуснотища, а!

Петя улыбнулся:

– Бабушка печет.

Потом посмотрел в голодные, откровенно просительные глаза малыша, отломил от своего куска половину и молча протянул. Сашок оглянулся на меня, спрашивая разрешения. Я кивнула.

Этот кусок он ел, не торопясь, опустив глаза в землю. Я заметила слезы. «Маленький, а уже стыдится просить», – подумала я с грустью.

Часть своего хлеба я припрятала под резинку трусов. Пир продолжался. За обедом Витек рассказывал разные истории из жизни детдома, а домашние – из своей.

Потом запили еду колодезной водой из военной Петиной фляжки и углубились в лес. Ягод попадалось много, но одолели комары. Только наклонишься, десятки «пернатых» впиваются в лицо. Над каждым кустом клубились несметные полчища насекомых.

– Болото близко, – объяснил Павлик.

Долго выдерживать нападения писклявых недругов мы не захотели. Решили возвращаться. Вдруг где-то совсем рядом прозвучал гудок паровоза. Он вызвал у меня бурное желание увидеть, наконец-то, поезд своими глазами. Витя долго уговаривал ребят отвести нас на станцию.

– Не разрешают нам ходить к поездам, с тех пор как Варьке руку на рельсах отрезало, когда она под составом проползала, чтобы сократить дорогу, – возражали наши друзья.

– Мы не полезем под поезд, только посмотрим на него, – заверил Саша.

Павлушка, старший из нас, (ему двенадцать) уступил. За разговором не заметили, как вышли на полустанок. Мы увидели два ряда бесконечных рельс. Вскоре появился состав. Лязг, грохот, огромные колеса напугали меня. Сашок от страха прижался к Вите. Но когда замелькали груженные вагоны, я успокоилась, и с интересом разглядывала, что в них везут. Следующий состав мы встретили более спокойно. А когда стал приближаться третий, у меня совсем пропал страх. Вдруг с другой стороны полустанка появился еще один поезд. Что взбрело Сашке в голову, непонятно, только вдруг он сорвался с места и побежал через рельсы. Мы с Витьком в три прыжка оказались у рельс.

– Стой там, – крикнул Витек.

Но в глазах Сашка не просто страх, в них ужас при виде приближавшихся с двух сторон поездов. Сашок готов был броситься назад, к нам. Он не мог остаться один. Что угодно, лишь бы быть с большими мальчиками! Один прыжок – и Павлушка рядом с Сашей. Мы с Витей – за ним. А Петя даже не успел сообразить, что произошло.

В следующую секунду первый поезд дал предупредительный свисток, и вагоны загромыхали мимо нас. А несколько мгновений спустя второй поезд стал надвигаться на нас с другой стороны, как черный Змей Горыныч. Саша заревел. И тут началось что-то жуткое. От лязга и грохота у меня отключились мозги. Но самое страшное было то, что мы оказались в воздушной трубе. Мощный ветер то тащил меня под колеса, то подбрасывал вверх и гнал вдоль вагонов. Стегал песком и мелкой галькой. Я задыхалась. Меня трепало и закручивало, как осенний листок. Я ничего не видела и не слышала. Вдруг мысль о Саше пронзила меня. С трудом приоткрыла глаза и стала лихорадочно искать малыша сквозь вихри пыли. Павлушка, прикрыв собой Сашу, махал рукой. Я поняла его требование лечь на землю. Как только вжалась в гальку, сразу стало намного легче. Витек вцепился в шкворень (металлический штырь), которым укрепляют шпалы, но его все равно подбрасывало. Я села на Витины ноги, а руками, что было сил, охватила столб, оказавшийся, на мое счастье, поблизости. В эти минуты, казалось, что ужас полностью поглотил меня. Не существовало ни времени, ни пространства, только грохот и лязг. Ад. К страху примешивалось странное чувство нереальности, ощущение бессилия, проглоченности бешено несущимся потоком, смутное осознание происходящего...

Отгромыхало. Уже не слышен даже отдаленный стук колес, а мы никак не можем прийти в себя. Все еще звенело в ушах, и медленно возвращалось сознание. Первым встал Павлушка. Сашок лежал, зажав уши. Его отнесли за рельсы. Когда он пришел в себя, то сказал беззаботно:

– Павлик, а мне с тобой было почти не страшно.

Павлушка процедил сквозь зубы:

– Отстегать бы тебя.

– Я потерял на рельсах ягоды, которые собирал для ребят из группы, – виновато пролепетал малыш.

Назад шли молча. И только когда вошли в лес, нас как прорвало. Мы стали бурно делиться впечатлениями.

– Я чуть от страха за вас не помер, потому что мы с Павлушкой от его дяди слышали, как опасно быть между поездами, когда они движутся на большой скорости. Может под вагон затянуть, – воскликнул Петя.

Я с благодарностью взглянула на нашего спасителя.

– Павлуша, ты теперь Сашку как брат. И нам тоже, – серьезно сказал Витек.

– Старший брат, – засмеялся Павлушка. – Вы только моей маме не проболтайтесь про станцию. Нельзя ее волновать.

– Могила, – хором заверили мы.

ЗАЩИТНИК

Сегодня дождливая погода и холодный ветер. Воспитатели не повели малышей на прогулку, поэтому я отправилась за книжкой в «тихую» комнату. Там встретила Витька, и в группу мы пришли вместе. Но читать я ребятам не стала, они хорошо играли. Вдруг наше внимание привлек громкий смех малышей. Подошли ближе. Дети окружили Люсю и Васю. Люся обвязала себя одеялом. На голову надела наволочку и сделала на лбу узелок, как носит платок Валентина Серафимовна. Вася подошел к Люсе и невинным голосом произнес:

– Валентина Серафимовна, вы болеете когда-нибудь?

Люся:

– Нет.

Вася:

– А жаль.

Дальнейших слов «артистов» уже не было слышно. Мы смеялись вместе с малышами. Уж очень похоже передразнила Люся ВЭЭСку!

Неожиданно из-за моей спины выскочила воспитательница, схватила за шиворот Люсю и поволокла к двери, где висел ремень. Я знала, что маленьких тоже бьют, но это никогда не происходило при мне. ВЭЭСка стегала, распаяясь все больше и больше. Я застыла на месте. Малыши заплакали. Вдруг Витя изогнулся, как наш Кыс, подскочил к воспитательнице и вырвал у нее ремень. ВЭЭСка схватила Витю за уши и стала бить ногами. Я подскочила к ним с криком: «Отпустите!» Воспитательница тут же врезала мне по лицу кулаком. Кровь из носа полилась на майку. Ярость застлала мне глаза. Почти одновременно с Витьком мы вцепились зубами ВЭЭСке в руку. Вскрикнув, она выпустила Витю и выскочила из спальни.

Витя предупредил меня:

– Когда вызовут к директорше, молчи. Я сам буду говорить. Ты – девчонка и ни в чем не виновата. Пусть меня наказывают.

Только утром следующего дня нас отправили к директорше. Она даже не спросила, что произошло и как. Обращаясь к Вите, зло процедила сквозь зубы:

– Жаль, что тебе скоро в школу, а то отправила бы тебя, подкидыш чертов, в тюрьму.

– Неправда, – пробурчал Витя в ответ, – маленьких не берут в тюрьму.

– В детскую колонию могу усрать, – не сдавалась начальница.

Витя не сдержался:

– За что? За то, что ВЭЭСка маленьких бьет? Правильно я сделал, что укусил ее. Пусть знает, как бывает больно! А если ее маленького ребенка кто-нибудь изобьет, ей понравится?

Знает ведьма, что нас некому защитить. Это ее надо посадить в тюрьму! А еще я слышал по радио про счастливое детство и про Сталина. Меня теперь не обманешь. Нельзя бить детей! Вот!

Директриса ответила с усмешкой:

– Запомни, глупый мальчишка, быть тебе в колонии для малолетних, если не устроишь свой характер. Не умничай.

На меня она даже не взглянула. Странно. Нас не наказали. Только тетя Маша попросила не ходить к малышам, когда дежурит Валентина Серафимовна, чтобы деткам хуже не было, потому что плетью обуха все равно не перешибешь.

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ НА ЗАПАД

По детдому прошел слух, что на учебу в школу нас будут отправлять в различные города и села. Именно в эти дни стали заметны все неявные привязанности детей нашей группы. Во всех углах собирались кучки по два, три и больше человек. Что они говорили, что обсуждали – одному богу известно. Отовсюду слышались слезы вперемежку со смехом. Как-то после ужина собралась вся группа. Решили послать к директрисе самых смелых и напористых с просьбой не разлучать друзей. Директриса встретила нас спокойно, выслушала горячие, не очень связные речи и ответила, что ждет разнарядки. Мы не знали, что означает это слово. Витек спросил. Она ответила, что сделает так, как прикажут «сверху». Мы молча разошлись по двору. Но вскоре опять оказались вместе. Витек закричал:

– Не могут «наверху» нас знать. Они напишут на бумаге – два человека сюда, три – туда, и все. Директриса хитрит, чтобы мы не устроили бунт. Пусть покажет бумагу, когда пришлют. Мы не котят, которых раздают, как попало!

На следующий день снова пошли к директрисе. На этот раз она резким, четким голосом сказала:

– Будете бузить – так вместо хороших школ загоню вас туда, где Макар телят не пас.

Угроза подействовала. Мы были уверены, что она распределяет детей, поэтому притихли. Нам оставалось только ждать. Наверное, впервые мы поняли, как мучительно ожидание. Слонялись по двору. Ничего не хотелось делать, все валилось из рук. У меня ныло под ребрами, плечи и руки отяжелели. Все время клонило в сон. Все потускнело вокруг. Мы с Витьком не плакали. Просто часто сидели, взявшись за руки, и молчали. Спать ложились рано. Слишком медленно, томительно тянулись дни.

В ту памятную ночь Витя, как всегда, пожелал мне спокойной ночи и ушел к ребятам. Что-то беспокойно было у меня на душе. Не спалось. Тяжелая дрема то прижимала веки, то отпускала. Вдруг какой-то внутренний толчок встряхнул меня. Я вскочила. Странно, никто меня не будил. За окном еще темно. Тишина. Но сердце мечется в груди, как ласточка в закрытом сарае: то вверх, то вниз, то вдруг замрет, сожмется, а потом расправится ноющей болью. Пошла к койке Витька. Он спал. Все в порядке. Но тут появились няни и начали осторожно будить Витю словами: «Иди в уборную». Он, не открывая глаз, пошел. Мое сердце заколотилось сильнее. Я почувствовала, что уборная – это лишь предлог, чтобы потихоньку увести из корпуса шумливого Витька. В одних трусах и босиком я шмыгнула во двор. Все ясно. У ворот стояла полуторка. Заглянула за борт. Двое ребят уже лежали в кузове. Опрометью бросилась в спальню за одеждой. «Только бы успеть, только бы не заметили, – стучало в голове. Успела. Залезла в машину и спряталась в соломе. «Не получится у вас разлучить нас», – преодолевая нервную дрожь, думала я.

Витька стали осторожно подсаживать в кузов. Тут-то он и проснулся. До него дошло, что происходит. Он вырвался и закричал, что не уедет без меня. В темноте он упал на пороге. Няни схватили его, упрашивая не шуметь. Потом, зажав рот, поволокли к машине. Он извивался своим худеньким телом, кусался. Я не выдержала и закричала: «Витек, я здесь». От нежиз-

данности няни отпустили Витю. Он вмиг оказался рядом, так как решил, что меня отправляют вместе с ним, и замолк, прижавшись рассеченным лбом к моему плечу. Няня и какая-то незнакомая женщина сели рядом с нами. Машина тронулась. Мы с Витьком оделись, укрылись соломой, потому что ночная прохлада мурашила кожу, и заснули блаженным крепким сном.

Когда я проснулась, то увидела, что лежу на траве рядом с няней. Солнце высоко. Лес безмолвной стеной стоит по обе стороны дороги, которая сужающейся лентой уходит вдаль. В неизвестность.

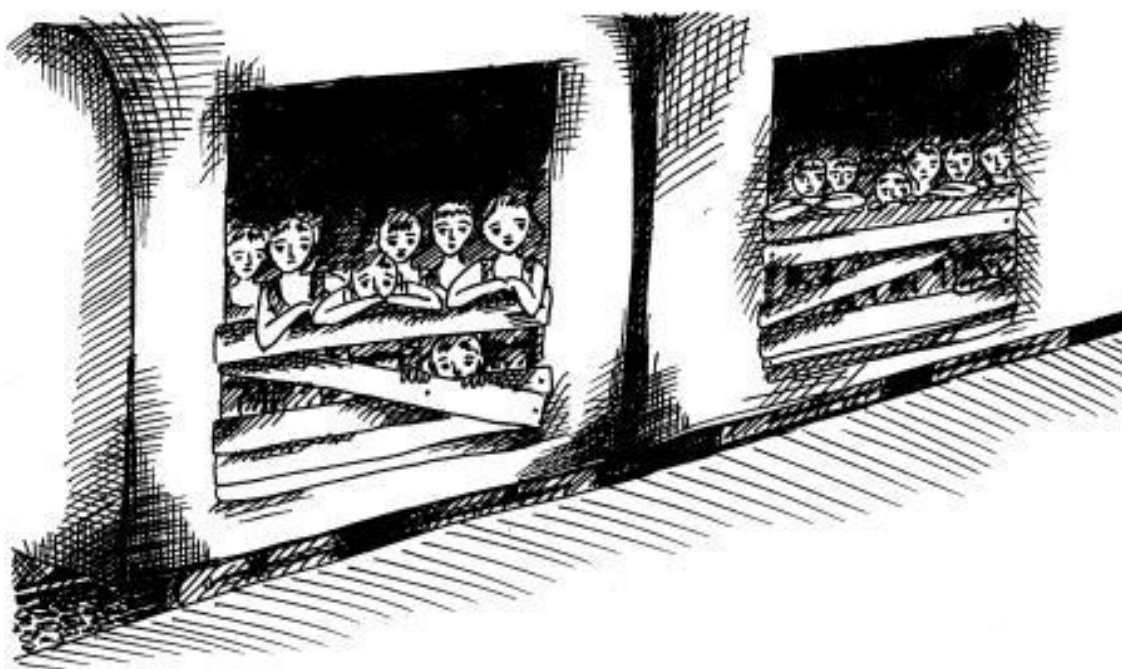
«Обманули. Сонную сняли с машины. Так вот зачем поехала няня», – мелькнуло в голове. Я не плакала. Я медленно побрела назад. Только острая льдинка при каждом шаге колола меня в сердце.

ЕДУ В НОВЫЙ ДЕТДОМ

В группе остались втроем. Почему нас не отправляют? Может, мы «не такие» и никому не нужны? У директрисы спрашивать бесполезно. Разговаривать не станет. Пошла к бабе Мавре. Милая толстушка спокойно пробасила:

– Черед не пришел. Успеешь на городские харчи перейти. Еще наголодаешься. На, горячей картошки поешь. Вон лопатки торчат, как крылья ангелочка. Там тебе лишнего куска не дадут.

После таких слов я перестала беспокоиться, а задумалась с еще большей грустью: как-то там, на новом месте будет?

И вот пришел день прощания. О нем мы узнали только утром. Наверное, директриса боялась какого-либо фокуса от нас. Зря. Не до баловства. За последний месяц мы очень повзрослели, посерьезнели. Чувствовали, что предстоит другая, взрослая жизнь. Здесь мы росли, как сорная трава. И в этом я видела для себя много хорошего. У меня было время видеть, думать.

Пока сидели в коридоре, ожидая сопроводительных документов, вспоминалось все доброе и хорошее, что было за годы проживания в лесном детдоме. Галя. Что было бы с нами без тебя? Взрослые говорили, что директриса не разрешила ей перед отъездом попрощаться с нами. «Завидки берут, когда других любят», – решили мы.

Слезы наворачивались на глаза. Мы старалась сдерживать их, разглядывая во дворе толпу ребятшек. Но когда вышли на крыльцо, они хлынули таким мощным потоком, что мы уже ничего не видели перед собой. «Лучше бы вчера сказали об отъезде, тогда мы не выглядели бы сейчас ревами», – смущенно думала я.

Меня окружили малыши, которым я читала книжки. Они так дружно плакали, что мое сердце зануло еще сильнее. Я боялась опозориться перед малышами истерикой. Страх немного подавил слезы. Попыталась улыбаться, тербя пацанов за чубчики. И в этот момент вспомнила Ивана, и его слова напутствия. Собрав все силы, срывающимся голосом торопливо заговорила:

– Тише, ребята. Запомните, что скажу.

Малыши быстро затихли, преданно заглядывая мне в глаза.

– Дружите с хорошими, добрыми людьми. Надейтесь только на себя. Учитесь всему. Вы очень хорошие. Я вас всех люблю.

Больше я не могла говорить и побежала к тете Маше и бабе Мавре, которые стояли около грузовика. Они сжали меня своими теплыми руками и стали целовать в макушку. Баба Мавра забормотала сквозь слезы:

– Господи, помоги сиротке, наставь ее на путь разума, не обойди ее благостью своей всемогущей... Да святится имя твое. Аминь!..

Подошел шофер и потянул меня за руку.

– Я никогда не забуду вас! – крикнула я им, захлебываясь слезами.

И вскочила в грузовик.

Директриса что-то говорила, напутствуя моих друзей. Я не слушала. Я могла бы пересилить себя, сказать ей хорошие слова, если бы знала, что они помогут малышам, которые остаются здесь. Но понимала, что «бессмысленно долбить осклизлый камень словами доброты. Искры не получишь». Так говорила баба Мавра.

Мальчики тоже залезли в кузов машины.

– Прощай детдом! – крикнула я под шум мотора. Сомкнулись деревья, скрыв от глаз привычные силуэты, как будто зеленой ширмой отделили старую жизнь от новой.

На вокзале нас посадили в вагон. Окошками нам служили щели между досками. Сидели на полу, застеленном грязной соломой. Детей набралось много. Видно, собрали из разных детдомов. На перроне толпился народ с сумками, мешками, чемоданами. Мы слышали, как они говорили о нас:

– Детдомовских перевозят как скот – в грузовых вагонах. Ироды!

Я высунула свою любопытную рожицу из двери. Какая-то женщина, увидев меня, почему-то перекрестилась и сказала: «О, Господи!» И, оставив свои мешки, стала бросать мне яблоки. Целую корзину перекидала. Я отстранялась от летящих яблок, чтобы они все попадали в вагон. Ребята их тут же подхватывали. А женщина кричала:

– Девочка, девочка, поймай хоть одно!

Поезд тронулся. Мы облепили все «окна», чтобы увидеть новый мир, который открывался перед нами гудком паровоза. Замелькали поля, села, городки, меловые горы, речки, мосты. Щемящее чувство, вызванное необъятными просторами, охватило меня. Это был восторг, смешанный со страхом неизвестности...

Теплый ветер дул в лицо. Я прижимала к груди спрятанную под рубашкой пилотку – память о Витьке – моем детдомовском «солнышке».

КНИГА ВТОРАЯ -

УРОКИ НА СКАМЕЙКЕ

Не любви, – доброты жду я...

НОВЫЙ ДЕТДОМ

Едем в неудобном поезде день и ночь. А утром нас пересадили в товарный вагон, до половины наполненный морскими ракушками. Мы купаемся в них, закапываемся по шею, выбираем самые красивые и прячем по карманам. За играми время летит незаметно.

Я гляжу в небо и представляю море круглым, как тарелка. А вокруг – остроконечные горы, высоким забором отделяющие море от остального мира. Вдоль берега белые, как летние облака дома, окруженные садами и цветочными клумбами. И пускают туда через золотые ворота самых добрых, умных и смелых людей... Я улыбаюсь своим мыслям. Шуршание ракушек, гомон ребят, стук колес уносят меня в дальние страны моих фантазий.

После больших остановок нас становится все меньше и меньше. Пришла и моя очередь покинуть интересный вагон.

Снаружи новый детдом не произвел на меня приятного впечатления. Здание в пять этажей показалось серым, скучным. После наших едва видимых из-за деревьев сараев эту громадину я назвала казармой.

В новом детдоме меня встретили весело. Увидев узел с одеждой, сравнили с цыганкой и повели в баню. Когда я разделась, няня подошла к моим вещам. Я схватила Витину пижамку, плащ, который мне сшила на прощанье баба Мавра, прижала их к себе и зверьком глянула на женщину в белом халате:

– Не отдам! Это память.

– Не бойся, никто их не возьмет. Я прослежу. Завяжи все в рубашку и повесь вон на тот крючок, в жарочном шкафу. С инфекцией боремся. Понимаешь? А когда помоешься, сама возьмешь из шкафа.

Я успокоилась.

За приоткрытой дверью услышала тихое бормотанье:

– Странная девочка. Господи, да кому такое тряпье нужно?

После бани шла по бесконечно длинному коридору, по обе стороны которого выстроились одинаковые двери с номерами. Еще одно колено коридора – и поворот на широкую лестницу. Моя комната на пятом этаже. Она чистая, с большим окном. Шесть кроватей, шесть стульев, стол. На кроватях простыни и пододеяльники настоящие, белые. Одеяла розовые с синими полосками. Потрогала свое: мягкое, не колется. Матрац толстый, ватный. Стены комнаты до половины окрашены светло-зеленой краской, а выше – меловые. Шторы белые в цветочек. Красиво, как в больнице!

ЗАБЛУДИЛАСЬ

Подошло время обеда. Дети торопливым ручейком потекли в столовую. Я влилась в общий поток. Столовая оказалась огромной: стоя в дверях на цыпочках, я не увидела, где она заканчивается. На обед дали немного жидкого борща, две ложки картошки, размазанной по тарелке, половинку яйца, кусочек хлеба и компот. «В деревне скатертей не было, а кормили лучше», – подумала я. Поела, вылизала тарелку и вышла на крыльцо. Сквозь прутья железной ограды увидела, как по тротуару идут люди и едят вареную кукурузу. По ту забору стоит домашняя девочка. Я вежливо спросила:

– Скажи, пожалуйста, почему они едят на улице? У них нет дома или им некогда?

– Мода такая. Раньше семечки на улице грызли, а теперь кукурузу покупают и едят.

– Кукурузу покупают? Ее же в поле о-го-го сколько!

– Самим рвать нельзя. Это, значит, своровать, – объяснила домашняя.

– А собирать грибы в лесу – тоже воровать?

– Грибы можно. Их никто не сеял. А кукурузу сначала выращивают в поле, потом привозят в магазин и продают.

– А ты что-нибудь продавала?

Девочка скорчила недовольную гримасу:

– Этим бабушки и нищие занимаются по бедности.

– А если я захочу, то смогу заработать денег?

– Попробуй. Ваши бутылки и пузырьки в аптеку сдают. Все свалки облазили, – насмешливо хмыкнула девочка.

Меня задел ее пристальный, жалостливый взгляд и, резко повернувшись, я пошла в сторону двухэтажных домов.

Запах кукурузы щекотал ноздри. Сама, не замечая того, пошла за женщиной, у которой из сумки торчали золотистые кочаны. Руки сами собой потянулись к початкам, но я сцепила пальцы за спиной, рассуждая, словно уговаривая себя: «Дурочка! Ведь все равно не смогу украсть. Украду, а кто-то, значит, останется голодным. Меня хоть как-то накормили».

Женщина подошла к одноэтажному дому и открыла калитку. Навстречу ей выскочила девочка моего возраста и трое мальчиков постарше, одетые в рубашки на вырост. Ремни поддерживали широкие брюки, шитые на взрослых. У девочки длинные косички. Я машинально

провела рукой по своему стриженому затылку. Дочка бросилась на шею матери, поцеловала и попросила кукурузину. Старшие занесли сумки в дом, а потом тоже сели на крыльцо.

– Устала сегодня, – сказала женщина, разминая плечи. – Пришлось задержаться на работе. Мастер попросил.

Старший сын принес матери попить, снял с нее туфли и надел мохнатые тапочки. Я остро почувствовала, что дети ждали маму. Не кукурузу, а маму. В груди защемило. Стало неловко, что подглядываю за чужим счастьем, вроде как ворую его. Но уйти не могла. Отступила за деревья, что росли у калитки, и оттуда смотрела на дружную семью.

Вдруг опомнилась. Я шла за женщиной и совсем не думала, куда иду! Огляделась: впереди – дома в два и три этажа. Они желтые, серые, розовые. Сзади – одноэтажные. Туда попробовала идти, сюда и поняла, что сама отыскать дорогу назад не смогу. Испугалась, но заставила себя преодолеть смущение и спросила у проходившей мимо женщины, где находится детдом.

– Какой? – уточнила она.

– Серый, пятиэтажный, – ответила я.

Женщина грустно усмехнулась и взяла меня за руку.

– Потерялась?

– Я шла, шла и...

– Давно здесь живешь?

– Первый день.

– А раньше где жила?

– В деревенском детдоме.

– Долго?

– Всегда.

– А где лучше?

– Не знаю. Этот внутри красивый, но здесь после обеда есть хочется.

– По-французски вас кормят...

– Я знаю: у французов мало еды, потому что у них тоже была война. А они какие? Как немцы или как русские? Они за нас или за немцев?

– Ты вопросы хоть по одному задавай. Французы?.. Они – за себя, – проговорила спутница и усмехнулась.

– Разве так бывает? Они плохие как немцы или хорошие как мы?

– Разные они. А ты дотошная не в меру. Подрастешь – все и узнаешь.

– Немцы не могут быть хорошие. Они фрицы! – не унималась я.

– Ладно, ладно. Пусть будет по-твоему, – улыбнулась женщина.

Тут мы подошли к узорной металлической ограде.

– Твой детдом?

– Наверное.

– Тебя проводить до крыльца?

– Нет! – вскрикнула я испуганно. – Может, не заметят, что я долго гуляла.

– Боишься наказания?

– В деревенском детдоме нам за все доставалось.

– А тут?

– Не знаю. Я по привычке испугалась.

– Тогда торопись. Счастья тебе.

– Большое спасибо. Вы – хорошая тетя.

И я проскользнула во двор.

ПОРЯДОК

С девочками познакомилась быстро. Я не воображаю, ни перед кем не заискиваю, держусь со всеми запросто. С желанием выполняю любые поручения, потому что сама не люблю, когда другие отлынивают. Обязанности надо выполнять. Это я давно уяснила, еще до школы. Мыть полы в комнате и драить кирпичом в коридоре и холле нетрудно. Воду ношу из огромного бассейна, облицованного коричневыми камнями. Тащу треть ведра, а если с кем-либо вдвоем, то половину. С дорожками сложнее. Не хватает сил их поднять. Я придумала скатывать каждую дорожку с обеих сторон в два рулона. Развешу на штaketнике, вытряхну каждую половину, сверну и прошу старших ребят отнести или хотя бы взвалить мне на плечи. Самое сложное – поднять и взвалить. Дети всегда помогают.

Мне нравится, что жизнь здесь построена разумно. Существует естественный порядок. Нянь нет. За чистотой следят сами дети. Никто не опекает, не лезет по мелочам. Воспитателей почти не видим. Мелькнет какая-то женщина и пропала. Иногда мужчина по коридору пройдет. Кто-то белье на койках сменит, пока гуляем. Взрослые сами по себе, мы сами по себе. Некого бояться.

Но в первые дни я все время ожидала чего-то страшного, не верила тишине, особенно, когда просыпалась утром. С удивлением встречала спокойный вечер. Теперь привыкла, не жду плохого. Удивительная легкость в теле. Безмятежное состояние души. Здорово! Разве может быть жизнь лучше? Вспомнились слова практикантки Гали: «В детстве ребенок должен открывать только радость, а не задумываться над взрослыми жизненными проблемами». На сердце сразу потеплело.

Ночью, как бывало и раньше, лежа в постели, оцениваю прошедший день, мысленно разговариваю с Витьком, сообщаю ему, что происходило со мной, советуюсь и тихонечко вздыхаю: «Где ты сейчас? Как живется в твоём новом детдоме? Здесь хорошо, только тоскливо без тебя. Пусть Бог даст тебе много счастья...»

Незаметно засыпаю.

ОБМАН

Сидим на хозяйственном дворе позади корпуса и на металлических терках превращаем куски мела в порошок для побелки. Сначала у меня не получалось. Сдирала кожу на пальцах и по привычке зализывала ранки. А потом придумала, как закрепить терку, чтобы не «прыгала», и дело наладилось. Теперь с удовольствием смотрю, как белый порошок мягкими слоями ложится на тряпку.

Вдруг между кусков мела что-то блеснуло. Раскопала. Настоящая денежка в двадцать копеек! Оглянулась по сторонам и быстренько – ее за щеку.

Несколько дней играла с монеткой, а потом спросила у второклассниц, что вкусенького можно за нее купить? Оказалось, этих денег хватит только на четыре конверта с марками.

Одна из девочек тут же сообщила, что любимая бабушка давно ждет от нее письмо. Сказала и переглянулась с подружкой. Глаза ее хитро сузились. Я заподозрила обман, но особого значения этому факту не придавала. Не поверила своему наблюдению. Может, на самом деле ждет? Я протянула монету девочке и сказала: «Порадуй бабушку».

Перед сном зашла в уборную. Вдруг слышу через дверь:

– Откуда у тебя деньги?

– Новенькая дала.

– Так и поверила! Отняла?

– Да нет, она дурочка. Добренькая. Ей стало жалко мою бабушку, которая все плачет и плачет, не получая от меня писем.

– У тебя же нет бабушки.

– Зато денежка есть. Завтра конфет куплю.

Я выскочила из уборной и кинулась на обманщицу:

- Ты что, не понимаешь, что доброта, а что глупость?
- Это одно и то же, – наглым издевательским тоном возразила она.
- Ты злюка! Злой человек не может быть счастливым.
- Почему ты знаешь, сопля?
- Бабушка Мавра говорила.
- Нет у тебя никакой бабы Мавры, и такого имени не бывает. Есть Марфа.
- Много ты знаешь! Имя есть и бабушка есть. Пусть не родная, но самая хорошая. А обманывать людей – нечестно. Всем расскажу про тебя!
- Послушают и скажут, что ты дура.
- Умные поймут, а на глупых я внимания не обращаю. Зато ты больше никого не обдурить!
- На мой век дураков хватит, – ухмыльнулась моя обидчица.
- Отлупить тебя надо, чтобы ума добавилось.
- Я и так умная, тебя-то, видишь, перехитрила.
- Не умная, а хитрая. Умный не может делать гадко. Вот! А ты подлая. Ты лиса. Мне денег не жалко. Как нашла, так и потеряла. А ты воровка! Краденое на пользу не пойдет. Когда-нибудь тебе это боком выйдет.

Девочка удивленно вытаращила глаза:

- Как это «боком»?
- Вырастешь, – поймешь, а пока тебе мозгов не хватает.
- Глупости это!
- Не глупости. Я от дедушки Панько слышала.
- Иди ты со своим дедом куда подальше!
- Сама хочу от тебя быть подальше. А дедушку не трогай, не то худо будет! Не смотри, что меньше тебя. Поколочу!

И я уверенным шагом прошла мимо девочек, молча следивших за нашим разговором. Перед сном я думала: «Почему я поверила хитрюге? Ведь чувствовала, что говорит неправду. Почему молчали остальные? Она их тоже обманывала? Боятся ее? Задача сложнее арифметики!»

ФАНТАЗЕРКА

Ходить нормально я не умею. Ношусь как угорелая. Спускаться по лестнице не люблю, мне легче съехать по узкой спирали перил. Скользить с верхнего этажа – это же такой восторг! Девочки называют меня хулиганкой. За что? Хулиган обижает других. Я же никого не трогаю. Они просто трусихи. Как-то предложила им:

– Попробуйте сами. Вы что, на санках с горы никогда не катались? Плохо вам, городским! Как же можно так жить? Если скучно, я обязательно что-нибудь придумаю.

И принялась рассказывать о своих фантазиях, в которых со мной происходят чудесные приключения. Увлечшись, уже ничего не видела вокруг себя. Не замечала ироничных взглядов девчонок и того, что в комнату через распахнутую дверь набежало много старшеклассниц. Они даже в коридоре стояли. Вдруг очнулась от странной тишины и звука своего голоса. Сразу замолкла, будто меня отключили от электричества. Стою, растерянно хлопаю глазами. Как это получилось, что меня прорвало? Зачем разоткровенничалась с девчонками, которые меня и понять-то не хотят?

– Чокнутая, – услышала я позади себя.

«И правда глупая», – подумала я, увидев, как второклассница показывает на меня и крутит пальцем у виска.

Потом, когда осталась одна, горестно вспоминая происшедшее, размышляла: «Тормоза отказали? Только Витек, понимал меня! Разве фантазировать плохо? Сами не умеют, вот и завидуют».

И я снова погрузилась в добрый мир своих грез. Вот вырасту, и на самом деле посажу около детдома много красивых деревьев, и наше серое здание сразу похорошеет. Сошью себе шикарное платье. Еще у меня будет свой дом и выложенные цветными камешками дорожки. Со мной в этом доме будут жить самые лучшие друзья, и Витек обязательно. А из этого детдома никого с собой не возьму!

НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Поздним вечером сижу в парке и задумчиво гляжу на закат. Неожиданные сочетания красок поражают меня. Сквозь громадные красно-бурые слои облаков пробиваются голубые, чистые полосы. Потом они обволакиваются и тонут в темных, угрюмых тонах. А через некото-

рое время уже ярко-красными слоями выплывают из-под хмурых, неприветливых нагромождений тяжелых облаков.

Не сразу замечаю, что ко мне на лавочку подсел мужчина. Его неприятный вкрадчивый голос вывел меня из задумчивости. Зализанные вперед, желтовато-седые волосы делали его лоб низким. Блеклые глаза, еле заметные под опухшими веками, были видны лишь потому, что как-то странно бегали. Когда он приподнимал голову, то противно облизывал бесцветные губы и ухмылялся. Мужчина с приторно-ласковой улыбкой обратился ко мне:

– Девочка, сколько тебе лет и где твоя мама?

Откровенничать мне совсем не хотелось, и я хмуро ответила:

– Одна гуляю.

Он оживился и положил руку на мое колено. Я испуганно отпрянула и отодвинулась на край скамьи. Мужчина не смутился и, протягивая конфету, снова приблизился ко мне. Я не взяла конфету. Тогда он неожиданно схватил меня за плечи и коснулся холодными, мокрыми губами шеи. Я со злостью толкнула его в грудь и пересела на другой край скамьи в надежде, что он поймет мое нежелание общаться и уберется подобру-поздорову. А он не уходил, продолжая облизываться и потирать бледные в голубых прожилках руки. Я с отвращением вытерла шею рукавом. Мне было гадко от такого соседства, но из упрямства продолжала сидеть. Я же первая нашла это уютное местечко!

Пытаясь усмирить в себе волну возмущения, достала из кармана самодельный ножик и принялась обрезать сучки на липовой ветке, которую подняла у лавочки. Тонкое лезвие мелькало в моих руках, отблескивая в последних лучиках солнца. Сосед, подозрительно поглядывавая на ножик, заерзал, а потом, пробурчав что-то о странных девочках, не понимающих радостей жизни, ушел, семеня тощими ногами.

Оставаться в парке расхотелось. Раздражение не проходило. Сердито хлеща себя веткой по ногам, направилась в детдом. При одном воспоминании о противном дядьке, меня передергивало, холодная дрожь пробежала между лопатками, и почему-то все время хотелось сплевывать набегающую слюну.

ЛИВЕНЬ

Мне грустно без старых друзей. Ложусь спать рано, укрываюсь с головой одеялом и, едва сдерживая слезы, перебираю в памяти маленькие радости той бесконечно длинной прошлой жизни. А при мысли о Витьке, слез остановить не могу. Через одеяло долетают обрывки разговоров девочек, но я не вникаю в них.

Мне трудно долго находиться в комнате. Тянет на улицу, в парк. Потихоньку убегаю. С каждой прогулкой ухожу все дальше.

Наш детдом стоит на возвышении. Из окна своей комнаты вижу несколько рядов двухэтажных домов, стоящих в строгом архитектурном порядке. За ними – совсем маленькие домики. Их хаотичная панорама сверху напоминает мне взрыв мощного снаряда. Дальше – темные заплатки низин, разноцветные поля, между которыми узкой прерывистой полосой отблескивает река. А еще дальше – зеленая завеса лесов.

Не прошло и двух недель, как добралась до места, где чувствую себя просто отлично! Это лес. Сегодня, осматривая расположенное рядом с лесом овсяное поле, обнаружила ярко-белые цветы. Осторожно раздвигаю растения, пробираюсь вглубь. К великой радости, белые цветы оказались горохом. Он так густо перевил овес, что, пока не разорвешь стебли, и шага не сделаешь. Я не стала далеко заходить. Горох собирала в майку, концы которой связала в узел. Сверху растения еще цветут, ниже висят гирлянды пустых стручков, а еще ниже, у земли, стручки самые тяжелые и плотные. Они хрустят под моими руками, а во рту не прекращается удивительный, свежий, ароматный вкус зелени. Я, кажется, объелась. Присела отдохнуть. Нещадно

печет солнце. За полем – полупрозрачная дымка-мареву, придающая отдаленным предметам расплывчатые формы. Горячий воздух насыщен травными запахами и влагой.

Пора возвращаться. Прижимая к себе полную «сумку», выбираюсь на дорогу. Откуда-то набежала тучка. И тут же – прохладный ветер. Редкие крупные капли дождя полетели в песок, оставляя на нем маленькие лунки. Поспешила к лесу под зеленые своды сосен. Но вдруг непреодолимо захотелось попрыгать под теплым дождем! Сняла одежду и спрятала под ветки огромной ели. Одинокие крупные капли приятно шлепали по плечам. Я ловила их руками. И тут хлынул ливень, какого в жизни не видела. Вокруг – сплошные потоки воды. Но даже они не охлаждали разогретого солнцем тела. Захлебываясь радостью, я кружилась, скакала и как сумасшедшая кричала в небо: «Дождик, дождик, посильней, будет травка зеленей!»

Потом бросилась в высокую траву и стала кататься по ней в невообразимом восторге. Вскочила, подставила упругим струям облипшее травой тело. Я ощущала блаженство, прилив сил, небывалую бодрость! Господи! Какое счастье мне досталось! Подняла руки и лицо к небу, принимая его. Я чувствовала, как оно вместе с дождем входит, втекает в меня. Замерла, погрузилась в приятное оцепенение. Не хотелось двигаться.

Между тем дождь начал стихать. Струи истончились и уже падали отдельными каплями. Прояснился горизонт. Исчезло мареву. Вокруг – прозрачный, свежий воздух, умытый лес, искрящаяся трава! Мне совсем не холодно, как бывает, когда вылезает из речки. Выжала трусы. Легко и радостно дышит тело! Одеюсь у крайнего дома. Здесь тоже светит яркое солнце. В зеркальных лужах отражается небо. А еще в них – автобусы, люди, деревья.

Восторг распирает мне грудь! Радуюсь лужам, не успевшим уйти в землю, и быстрым ручейкам. Я безмерно счастлива!

ГРИБЫ

Скука. Игры надоели. Каждый день одно и то же. После обеда, засунула кусок хлеба в карман и выбралась за ограду. Хочу в березы!

Удивительное ощущение легкости испытываю всегда, входя в летний березовый лес! Он прогоняет грустные мысли, очищает душу, как апрельский дождь смывает прошлогоднюю грязь. Дышится в нем хорошо. Я кажусь себе голубой прозрачной стрекозкой: изящной, воздушной, беззаботной. В березняке света больше, чем в любом другом лесу. Он будто светится изнутри. Воздух пронизан золотящимися лучами. И трава здесь особенная – светло-зеленая, невысокая, бархатистая. Не видно грубых корявых ветвей. Даже старые, гниющие на земле деревья, сохраняя белую кору-оболочку, не нарушают ощущения чистоты и свежести.

Когда после березового леса захожу в смешанный или дубняк, будто в подвал попадаю. Сумрачно, влажно. Ощущаю тяжесть и беспокойство. Потом привыкаю и начинаю замечать разнообразие, своеобразную красоту. Но березовый лес ни с чем не сравнится – это рай!

До леса не близко. Устала. Села отдохнуть под ближайшим деревом. Прислонилась к стволу и почувствовала: дышит! Дерево чуть колеблется и вздрагивает, хотя ветра вовсе нет. Когда к электрическому столбу прижмешься, то слышишь: гудит и дрожит он, как трансформатор, что стоит во дворе детдома. А дерево скрипит и стонет иначе, потому что живое существо. Под сердцем вдруг возникло грустное и одновременно радостное чувство, и я словно потеряла ощущение себя и времени.

Очнулась, огляделась. У дороги – деревянный сруб до окон, куча красного кирпича, листы шифера и железа, сложенные, как тетрадки, ровными стопками. Над ними трепещут листья берез. Они притягивают, завораживают взгляд. Зачем все так красиво устроено? Для кого? Бабушка Мавра объясняла, что красота от Бога, а гадкое от плохих людей. А дедушка Панько спорил с ней и доказывал: «Бог – сама Природа и Любовь людей. Не будет Любви, не будет и жизни...»

Похоже, я опять слегка задремала. Проснулась оттого, что низом прошел прохладный ветер. Пошелестел травой, потом поднялся до ветвей деревьев, пошуршал листьями и умчался.

Над ближними огородами поднимается дрожащий воздух. И почему воздух-невидимка иногда становится заметным? Ведь он же прозрачный! Порывы ветра усилились. Березы теперь размахивали ветвями, раскидывая кудри в разные стороны. Небо быстро сделалось неприветливым, серым. Капли дождя заставили меня подумать об укрытии. Подскочила к строению. Потянула на себя лист шифера. Каши мало ела, – он даже не шелохнулся. Попробовала столкнуть железный. Острым краем оцарапала руку, но лист послушно соскользнул на землю и образовал подобие шалаша. Залезла под него. Все бы хорошо, но крупные капли так барабанили по железу, что мне едва дурно не сделалось. Дождь набирал силу, его шум слился в сплошное монотонное шуршание. Блеснула молния. Я увидела ее свет даже с закрытыми глазами. Тишину расколол раскат грома. Потом сухой треск завершил его работу, дробя ее на мелкие осколки. Оглушенная, прижалась к земле. Но к следующему «удару» уже подготовилась. В комнате я не боюсь грозы. Даже с интересом высовываюсь из окна. Здесь другое дело: громы хает прямо над головой. Заткнула уши пальцами. Не спасает.

Когда я уже устала от раскатов, дождь посыпал мелкий и густой, как пыль. Ветер удалился. Гром стал реже и тише. Высунула голову. Через дорогу виден лишь первый ряд огородов, дальше – плотный туман. Опять гром. И вдруг за ближайшим огородом, длина которого шагов пятьдесят, возникло странное зрелище: на сером полотне дождевой дымки танцевали и беспрерывно меняли свой рисунок десятки тонких молний! Они были высотой с куст. Маленькие молнии не пугали меня, я с любопытством разглядывала их. Долго не могла оторвать взгляда от прекрасных сияющих змеек. Но тут сообразила, что если красиво извивающиеся стрелы приблизятся ко мне, то я могу сгореть! На мое счастье, они стали удаляться вместе с туманом и дождем.

Сквозь тучи пробилось солнце и быстро растворило серость неба. Только у горизонта оставались небольшие черные тучи. Из них вытекали ровные, серые полосы дождя. Небо улыбалось голубым светом. Сиял умытый придорожный бурьян, весело плясали листочки осин. Справа от огородов над оврагом колыхались водопады ив.

Возвращаться в город не хотелось. Вошла в молодой березняк. Капли падали на лицо, но не раздражали. Отводя ветви руками, медленно иду, наслаждаясь прохладой и охватившей меня радостью. Неожиданно споткнулась о пенек. Растирая ушибленную ногу, увидела перед собой крепкий молодой подберезовик. Забыв про боль, достала ножик и осторожно срезала. Ура! Не червивый. Это подарок от прежнего дождя, который был на прошлой неделе! На дорогах – пылица, а здесь, под одеялом из листвы, влага сохранилась. Ах, красавец! А запах! Вот удивлю девчонок! Не прошла и пяти шагов, как увидела еще три гриба. А дальше еще, еще... Дух перехватило! Самые маленькие не трогаю. Может, они еще кого порадуют?

С восторгом осмотрела великолепную гору грибов. В чем нести? В майку не поместятся, из кофты высыплются. Сложила в шаровары и туго завязала резинки. Попыталась поднять ношу на плечи и поняла: не осилю. Срезала три ветки, положила на них драгоценный груз и потащила, с радостью вспоминая, как в старом детдоме с друзьями каталась на таких «санях».

В общем, кое-как добралась до остановки. Добрая тетя помогла внести мою смешную «сумку» в трамвай.

– Вот рады будут родители, что дочка такая хозяйственная, – похвалила меня попутчица.

Только тут я поняла, что не смогу принести грибы в детдом. Мне же влетит за отлучку, если отдам их на кухню.

– Тетя, я детдомовская. Можно, я вам подарю грибы?

Женщина растерялась, сначала не хотела брать. Я добавила:

– Грибы я собирала в удовольствие, их все равно надо кому-то отдать. Уж лучше вам.

Вы добрая.

Лицо женщины погрузнело. Я испугалась, что она начнет меня жалеть, и поспешила с разговором:

– У вас есть дети?

– Взрослые, на заводе работают.

– Пусть и взрослые. Им же приятно будет? Ведь будет, да?

– Конечно.

Женщина полезла в сумку.

– Чем же отблагодарить тебя?

– Не надо ничего. Мне и так приятно.

Но она достала батон, отломала половину и протянула мне.

– Бери. Вот еще и сладкая булка. Проголодалась в лесу?

– Вы грибы в сумку сложите. Как-нибудь поместятся.

– Может, зайдешь к нам? Я тебе шаровары выстираю и жареными грибами угощу? – предложила растроганная тетя.

– Нет, поздно уже. А вот и моя остановка. До свидания, тетя. Я буду вас вспоминать...

Тетя улыбалась мне грустными глазами. А мне бы так хотелось ехать и ехать с ней, и все бы говорить, говорить...

ПЕТЯ

Сегодня впервые добралась до хвойного леса. Сразу у дороги – треугольник соснового молодняка. Пушистые деревца посажены густо, а между рядами – глубокие канавы, сплошь заросшие высокими травами. Я тону в них и начинаю задыхаться от желтого марева цветочной пыльцы. Вылезаю на высокий отвал земли подышать свежим воздухом. Не спасает. По шее и позвоночнику бегут ручейки. С трудом пересекаю соснячок и ныряю в спасательную тень гигантских сосен. Отдышалась. Осмотрелась. Мое внимание привлекло розовое покрывало, устилавшее промежуток между молодым и старым лесом. Туда и направилась. Высокие, по грудь, дегтярники с черными липкими стеблями и розовыми цветами преградили путь. Раздвигаю цветы руками и выбираюсь на простор. Здесь море душицы сиреневыми волнами огибает редкие кусты бересклета, орешника, тощие осинки. Золотистые пятна зверобоя, подобно раскаленным солнечным шарам, возвышаются над темно-зеленой резучкой. На склоне оврага, примыкающего к поляне, нашли себе место бессмертники. Их светло-желтые головки, пахнущие медом, плотно прилегают друг к дружке, и стеблей почти не видно. А рядом высятся ярко-синие цветы-свечки и колокольчики. По краю поляны – малиново-розовая кайма моей любимой гвоздики.

Здесь нет тени, и опять приходит желание спрятаться в старом сосняке. Приятно в нем дышится! Растянувшись на перине из иголок, гляжу, как редкие облака пытаются протиснуться между ветвями пушистых верхушек. Снизу стволы кажутся нескончаемо длинными, и там, вверху, венчаются сказочными шатрами. Во мне – умиротворение, спокойствие, и ничего-ничего больше не хочется! Это и есть настоящее счастье! Беды кажутся маленькими по сравнению с огромностью счастья видеть, чувствовать, не воспринимать себя букашкой, а напротив – ощущать человеком, в большей степени человеком, чем там, в людском муравейнике.

У меня приятное легкое головокружение от качающихся шапок могучих сосен, от смолистого аромата, от запаха разогретых грибов. Прислушиваюсь к шорохам. Снуют вездесущие ящерицы, не смолкает стрекот кузнечиков. Приземлился на травинку «десантник». По шелесту крылышек узнаю – стрекоза. Затарахтел в ветвях беспокойный клест. И все-то его тревожит! Неподалеку на красноватом стволе появилась темно-рыжая белка с пушистым, большим, чем она сама, хвостом. Я затаила дыхание, боясь спугнуть ее. Послышались шаги. Мальчик лет тринадцати медленно подошел к дереву. На вытянутой руке он держит кусочек хлеба. Белочка соскочила ниже и замерла, разглядывая гостя. Черные бусинки её глаз выражали любопытство.

Мальчик приложил ладонь к стволу. Белка мгновенно схватила хлеб и помчалась наверх. Села на ветке, передними лапками обхватила кусочек и принялась быстро есть. Справившись с угощением, опять спустилась вниз. Мальчик отодвинул руку от ствола. Секунда, другая, – и... белочка на ладони. Схватила кусочек – и снова устремилась к вершине. Мальчик достал конфету. Откусил, остаток завернул в обертку и положил на ладонь. На этот раз белка не убежала с подарком. Черные, острые кончики ушек дрожали от нетерпения, но лапки двигались уверенно. Развернула конфету и быстро заработала зубками. Потом подобрала крошки, обнюхала пальцы «кормильца» и вспрыгнула на дерево.

Я изумленно смотрела на доброго волшебника. Он улыбнулся:

– Санаторий тут рядом. Белки ручные, привыкли, что их кормят и не обижают. Говорят, что они больным души лечат.

Мы вместе пошли в глубь старого леса. Из грибов попадались поганки, да вездесущие разноцветные сыроежки высывались из-под хвойника.

– Гляди-ка, – сказала я, – кузов грузовика. Старый, весь проржавел.

Но не успела преклонить колени, как кто-то прыгнул на меня из укрытия. От неожиданности упала на спину. Вскочила. В чашу стремительно убежал крупный серо-бурый заяц.

– Спугнула беднягу. Задал стрекача! – смеясь сказал мальчик.

– Ещё неизвестно, кто больше испугался, – фыркнула я, ощупывая царапину на лбу. – Выскочил, как бесенок... Ты тоже из санатория?

– Нет, я живу у самого леса. А ты?

– Я... детдомовская.

И вздохнула, не совсем уверенная, что об этом стоило говорить.

– Знаю детдомовских. Дружные. Меня Петей зовут, у меня есть сестренка Зоя. Хочешь, познакомлю?

– Хочу.

Я очень обрадовалась, что новый знакомый сразу пригласил меня домой.

Зоя, голубоглазая, черноволосая, по-деловому серьезно познакомила меня со своим огородом, садом, коровой Женькой, поросенком Васькой, кроликами и всякой домашней птицей. Потом себе, мне и брату намазала черничным вареньем по огромному куску хлеба. Мы ели с удовольствием и показывали друг другу темно-лиловые языки.

Провожая меня до асфальтовой дороги, Зоя твердила:

– Не забудь, мы – Шубины, нас тут все знают и помогут найти, если заблудишься.

Громко распевая песни, я направилась в детдом.

БАБУШКА ДУНЯ

С первого дня знакомства я подружилась с Петинной бабушкой Дуней. Она меня внучкой называла, из-за этого я поначалу даже слез не могла сдержать. Случалось, что она кусок побольше подкладывала мне на тарелку и ночью на сеновале вторым одеялом укутывала. А как-то, улыбаясь, назвала меня солнышком. Наверное, потому, что я беленькая, а Петя с Зоей – черноволосые. Мне на душе сделалось так хорошо, что я заулыбалась и, может, впервые в жизни почувствовала, как вместе с улыбкой внутри у меня появилась радость.

– Бабушка Дуня, расскажите, пожалуйста, про свое детство и молодость, – как-то вечером попросила я. – Вы еще не старая, а успели при царе пожить.

Бабушка в это время собиралась пряхть овечью шерсть.

– Ладно, слушай, – согласилась она. – Родители мои друг в друге души не чаяли. И меня страсть как любили. И баловали. Одна я у них была. Подружки в пять утра гонят скотину в луга, а я высыпаюсь часов до семи. Как будто чувствовали, что за эти годы нанежусь на всю оставшуюся жизнь. А в двенадцать лет осталась одна-одинешенька. Холера не обошла родителей. Все хозяйство легло на мои плечи. Дядя, конечно, помогал огород вспахать, забор почи-

нить. А остальное – все сама. В церковно-приходской школе отучилась только два класса. А помещик в наших краях был злющий-презлющий. Если по его тропинке кто пройдет, так обязательно поймает и сечет до полусмерти. А уж чья скотина попадет на его поле, так ни скотину, ни хозяина не пожалеет. Пока его свеклу да картошку не уберем, – на свои огороды не заглядываем. Убьет. Бывало, колокола к заутрене зовут, а мы ещё в речке моемся. При луне да звездах работали. Так жила до двадцати двух лет. Тут приглядел меня вдовец-фельдшер тридцати лет. Красивый собой, высокий, грамотный. И я по молодости хороша была, под стать ему. Он нравился мне, еще когда жена его была жива. Но виду не показывала. Насчет этого в деревне у нас строго. Блюла себя, чтобы уважали. Мужики даже побаивались меня. Ни рук, ни языка при себе не позволяла распустить. И сама лишнего слова не уроню. Не терплю пустозвонства, а пуще всего – пьянства. Сватались ко мне, но дядя чего-то выжидал, да и я не рвалась за нелюбимого идти.

Но только заикнулся дядя про вдовца-лекаря, – вмиг согласие дала: «Коль любя, пусть засылает сватов». Два года прожили душа в душу. Дочь родилась. Яша сам роды принимал. Чищу хлев и чувствую, – поплыло перед глазами. Оперлась на вилы, добралась до крыльца, а взойти не могу, так и свалилась тут же. Январь был, за день до Рождества. Луна светила неяркая, как изморозью присыпана. Еле освещала наш двор. Ковыряюсь у крыльца, встать пытаюсь. Боюсь застудиться перед родами. А у Яши сердце предчувствовало. Ехал от больного, лошадь стегал нещадно. Подскочил, в хату меня занес. А на утро принял дочурку на руки. Радовался. Счастлив был.

А через год случилась эпидемия, уж не помню чего. Уехал мой Яша в дальнее село. Дали ему в услужение девицу семнадцати годков. Кто знает, что правдой было, что наговором, но не возвратился он домой. Встретили его в лесу десять её братьев, избили, отвезли к сестре и пригрозили: «Не женишься – приедем». Сбежал он оттуда. Вернулся ко мне. Клялся, что не виновен. Хотят, мол, братья бесприданницу сбыть с рук. И вошла беда в наш дом. Как Яша по деревням с объездом, так подлавливают его разбойники, бьют и привозят к своей сестре. Года два так продолжалось. Переезжать на новое место – дело сложное. Это теперь от родного очага дети уезжают, а раньше из поколения в поколение на одном месте жили. Земля держала.

Всякий раз убегал Яша ко мне. Сыночка Петеньку принесла ему. В поле родила. Судьба у Петеньки, видно, такая на роду была написана: на хлебном поле родиться, на бранном поле жизнь положить.

– Бабушка, а как же вы без врача? Кто помогал?

– Один Господь Бог. Три юбки на мне было. Сняла самую чистую, завернула сыночка, отдохнула и домой потихоньку пошла.

А через год мой Яша и вовсе не вернулся. Не смог больше побой терпеть. А мне все обещал уйти от той женщины. Я верила. Сколько хороших мужиков сваталось, не смотрели, что дети! Всем отказывала. Яшу ждала. А перед войной пошла в сельсовет и сменила фамилию. Дети – на него, а я по батюшке родному записалась. Яша потом приезжал ко мне, уговаривал ехать в Польшу. Туда его военную часть переводили. Не поехала. Привыкла на себя надеяться. «Ты, – говорю, – хвостом вильнешь, а я куда денусь? Мне детей доучивать. Бог тебе судья, ты перед ним ответчик, а не передо мной. Прощай». Он и уехал. Та женщина, конечно, за ним бегом. Она бездетная. У неё всю жизнь одна забота – нос поутру попудрить. Ей терять нечего. Ни тот, так к другому пристанет. Цепкая бабенка. В начале войны склад разбомбили. Так она натаскала домой соли и до самой победы торговала. За стакан соли в деревне мешок картошки давали. Себя она очень любила и берегла. Странно жизнь устроена: душу мужу отдаешь, стараешься, так нет, не ценит, а попадетса вертихвостка, – и он уже на крючке. Жизнь прожила, а понять этого до сих пор не могу.

И усмехнулась печально. Потом добавила серьезно и как-то очень душевно:

– Если человеку дано полюбить по-настоящему – это уже счастье. Только слишком трудное.

Бабушка Дуня задумчиво теревит овечью шерсть, вытягивая бесконечную, темную, как одинокие зимние вечера, нить. А я сижу у окна, слушаю и думаю. Мне тоже грустно.

СЕНОКОС

У Петинной мамы есть двоюродный брат – Коля. Сегодня он везет нас в деревню Лопуховку на сенокос.

Дорога тянется вдоль поросшей камышом речушки. Низенькие хатки окружены садами, сиренью и жасмином. Только трубы высовываются из зелени. Перед каждой хатой палисадник с цветами.

Входим во двор, где живут старички дяди Коли. Заливистым отчаянным лаем встретила нас шустрая рыжая собачонка. Опомившись, она виновато завилыла хвостом и миролюбиво заскулила, в надежде поживиться долгожданной косточкой. Дядя Коля незамедлительно побаловал ее припасенным «подарочком». Дедушка Вася и бабушка Глаша гоняются за цыплятами. Бабушка – седая, грузная, не позволяет птицам убежать в огород, а сухонький, лысый дедуля с цветом лица похожим на молодую еловую кору на полусогнутых ногах загоняет их в сарайчик. Цыплята разлетаются, проскакивают у него между ног, а он с усмешкой бурчит:

- Беги не беги, хоть одного, да поймаю.
- Петушка лови, курочек на развод оставь, – просит бабушка.
- Понятное дело – незлобливо огрызается дед.

Через минуту старики, согнувшись над цыпленком, уже ощипывают его. Я подумала: «Наверное, это и есть счастье: прожить семьдесят лет вместе и теперь вдвоем щипать цыпленка для правнуков».

Потом дедушка хлопотал около хаты над длинными рядами кирпичей. Отбирал и аккуратно складывал под стреху сарая сухие, готовые. Перед забором, рядом со свежим замесом глины, лежала деревянная форма на четыре кирпича. Я хотела поднять ее, просто так, посмотреть – сколько весит. Да где тут! Даже от земли не оторвала. «Дедушке скоро девяносто, – а он ещё такой сильный», – удивилась я. Глядя на мои бесполезные потуги, дед усмехнулся в седые усы:

- Штаны у тебя редки на такую работу.

Дядя Коля расхохотался. А до меня не дошло, что такого смешного сказал старик. При чем здесь мои шаровары?

- Не обижайся. Заходи в хату перекусить, – позвал дедушка.

Бабушка возилась у русской печи: ухватом поднимала чугушки и расставляла их ближе к жару.

- Можно войти? – робея, пробормотала я.
- Заходи, детка, сидай к столу.
- Может, чем помочь? – предложила я.

– Уже управилась. Покамест голодная, нахожу силы у печки колдыбаться, а уж как поем – ложусь на кровать. Раньше легкая на ноги была. Дело спорилось в руках. А теперь вот скупая печальная старость. Эх, кабы здоровья да силушки прежней, – со вздохом ответила бабушка, немилосердно коверкая русский язык.

- Вам надо к детям в город переезжать, – посоветовала я.

– Дед не хочет бросать хозяйство. А я хоть бы сейчас поехала. Только вот свой уклад у них – всюду дорожки, чистота. А нам и сапоги не каждый раз есть силы снять.

- А вы поселитесь во времянке, там у них в обуви ходят.

– Спасибо за приглашение, детка. Добрая у тебя душа, – улыбулась пустым ртом бабушка Глаша.

Сели за стол.

– Почему хлеб в детдоме вкусней? – удивилась я.

– В деревню везут, что похуже, – объяснил дядя Коля.

– Почему?

– Так издавна повелось: в город – все лучшее, а нам, что останется. Бывает, и ничего не остается. Тогда люди едут в город за гречкой, подсолнечным маслом, макаронами.

– Сами все выращиваете, а потом это же в городе покупаете? Смешно.

– Грустно, – пробурчал дедушка.

– А что ты больше любишь, конфеты или колбасу? – спросил меня Петя.

– Колбаса?.. А, помню, из мяса делают...

– Конечно. Из чего же еще? А скажи, – снова обратился ко мне Петя, – если тебе дадут тарелку конфет и тарелку мяса, что выберешь?

– Да кто ж мне целую тарелку конфет даст?

– Просто представь.

– Мясо возьму. А ты сам-то колбасу ел?

– Дядя Коля на праздники привозит. В магазине что угодно есть. Даже икра и крабы.

– А что это – «крабы»?

– Похожи на наших раков. Я не ел, от мамы слышал, что до войны папа приносил на Новый год, чтобы счастье весь год было, – вздохнул Петя.

– А ты когда-нибудь ел столько котлет, чтобы наесться и больше не хотелось?

– Нет. Мама поровну делит – по одной.

– И у нас в детдоме дают по одной. Когда вырасту и заработаю много денег, то куплю много мяса, сама от пуза наемся и накормлю всех своих друзей. А после могу и без него потерпеть.

Бабушка поставила яичницу-глазунью с нежным пахучим салом и пояснила для меня:

– Такое сало только у свиньи бывает. Колготы с ней много, зато вкусно. У хряка сало жесткое, вонючее. Мы их не держим.

– Хватит лясы точить. Роса сошла. Пора на сенокос, – заворчал дедушка.

– Деда, погоди минутку. Я – к соседям, молока и хлеба отнесу, – сказал Петя.

– Беги, да поживее... – разрешил дедушка.

Мы зашли в полутемную комнату. На железной кровати с закрытыми глазами лежал крупный, полный старик. По нему ползал мальчик лет трех и канючил:

– Папа-деда, вставай, есть хочу.

Петя поставил на стол кувшин с молоком, взял мелочь с тумбочки и, показав мне жестом «подожди», скрылся в дверях.

Дед, кряхтя, приподнялся на постели и, увидев меня, скрипучим голосом спросил:

– Ты чья?

– Я с Петей, – пробормотала я.

– А... – одобрительно протянул старик. – Налей Ванюшке молока.

Я осторожно наполнила кружку и поднесла малышу. Он все выпил и полез ко мне на руки. Я обрадовалась такому доверию и с разрешения деда понесла мальчугана во двор.

Тут прибежал Петя, и я спросила:

– А почему Ваня так смешно называет деда?

– Он ему вместо отца. А Светка, наша соседка, называет своего «мама-деда», потому что родители её целый день работают, да ещё вечером подрабатывают. Дед с ней и днем и ночью, – тепло ответил Петя.

Дедушка и дядя Коля шли впереди с косами, а мы с граблями и вилами – сзади.

Тропинка вела огородами. У городских на участке – все больше картошка, огурцы, помидоры, капуста. А здесь – репа, редька, высоченная узорная конопля по краю огорода и проса чуть-чуть, и горох, и всякие травы: мята, кориандр.

– Дедушка! А конопля зачем? – спросила я.

– С конопляным маслом любая каша в рот сама прыгает. А из стеблей я веревки выделываю.

Идем мимо высоких рядов мака, стоящих навтыжку, как солдаты в строю. Он отцвел, и огромные головки с мой кулак притягивают меня. Хотела сорвать одну, Петя остановил:

– Не переводи добро. Семена ещё белые, противные.

Наконец подошли к делянке. Луг сплошь покрыт кочками, между ними хлюпала вода.

Дядя Коля возмутился:

– Вот как старость у нас уважают!

Дед отмахнулся:

– И на том спасибо. Все ноги посшибал, пока выпрашивал.

Потом добавил:

– Это старое русло реки, оно называется старицей. Отсюда и кочки, и влага. Чуть подале ежевика растет в изобилии. Обвивается вокруг всего, к чему только прикасается. Опутала весь берег. Не успеешь обернуться, как время собирать подоспеет.

Дедушка не разрешил мне работать босиком, хоть я и пыталась объяснить, что ступни у меня, как асфальт.

– Распорешь ногу, столбняк хватит, что тогда?

Я молча натянула резиновые сапоги бабушки Глаши. Дядя Коля с дедом «стригли» кочки, а мы граблями собирали траву в кучки, перетаскивали на сухое место и раскладывали тонким слоем для просушки. Дедуля на полусогнутых ногах шустро скакал с кочки на кочку. Дядя Коля чертыхался, то и дело соскальзывал в воду и поминал председателя колхоза всеми ему знакомыми эпитетами. Для меня вилы и грабли оказались тяжелыми. Я работала руками.

Солнце распалось, но белый платок бабы Глаши спасал меня. Дядя Коля не выдержал и тоже покрыл голову носовым платком, завязав его по углам в узелки. Наконец и дедушка попросил сделать ему пилотку из газеты. Раскаленный знойный воздух дрожал горячим маревом. У меня перед глазами плыли желто-красные блики, и чуточку пошатывало. Ничего страшного. Это от малокровия.

Сели перекусить, что бог послал, под единственный куст полусгнившей ракиты. Зоя зачерпнула воды в кринице. Студеная, зубы сводит!

– Не пей много, утка. Перетерпи, а то целый день воду хлестать будешь, – посоветовал мне дедушка. – Время послеполуденное. Всем отдыхать! Сейчас без четверти два. Встаем в половине третьего.

Дядя Коля глянул на свои старинные часы. Без десяти два. Я вслух удивилась тому, как дед по солнцу точно определяет время.

– Привычка, – буркнул он.

– День год кормит, и, пока нет дождей, надо с сеном торопиться. Потеряешь час, потом наплачешься. Гнилым сеном скотину не накормишь, – бормотал полусонный дядя Коля.

Снова взялись за работу. К шести часам пекло стало ослабевать. Рубашки у мужчин со спины мокрые. А я сбросила платок и принялась лить воду себе на голову.

– Надень платок, – приказал дедушка.

– А как же на речке городские дети целый день бултыхаются? – заупрямилась я.

– Речка – одно, а водой из криницы даже летом мозги можно застудить и подхватить менингит.

Я послушалась и теперь лишь время от времени увлажняла лицо. Стук наждачного камня и визг косы при точке отмеряли метры покоса. Я понимала, что помощь моя невелика, но очень

старалась. К вечеру порядком устала и стала чаще спотыкаться о кочки. Дед отправил меня ворошить подсыхающую траву. Часа через два он взглянул на небо, смочил рот водой, вытер усы и сказал:

– Отбой.

Назад шли медленно и молча. Деда, разбитого усталостью, шатало, заносило то вправо, то влево. Он стал ниже ростом, и коса теперь служила ему опорой.

Дома дядя Коля убрал инструмент в сарай, и все сели вечерять. Я быстро съела борщ, картошку и запила коричневым густым взваром (компотом из сухофруктов). Заглянула в чугунок и обнаружила огромные груши, каких сроду не видела в столовских обедах.

– Бабушка, можно мне груш? До чего ж люблю их! Каждый день бы ела, – попросила я как можно вежливее.

Бабушка положила груши в тарелку и предупредила:

– Вы там привыкли: щи – редкие, взвар – прозрачный, кисель – как вода, поэтому груш много не ешь. Мне не жалко, да как бы живот не схватило.

Груши были бесподобные: душистые, сладкие. Я вмиг все умяла и опять заглянула в чугунок. «Ого, сколько осталось! Если возьму ещё чуть-чуть, то старикам все равно хватит. Груши им привычны, а для меня они – праздник. Я – гость. Мне можно», – подумала я.

Бабушка Глаша расстелила постель и пригласила:

– Отдохни. Намаялась с непривычки.

– Бабушка, а как вы такие простыни стираете? Они же толстые, почти как байковое одеяло?

– Очень просто. Вода в бочке на солнце греется. Я высыпаю в нее из печки пару ведер березовой золы и замачиваю белье на несколько дней, а потом выполаскиваю.

– Но оно ещё грязнее станет от черной золы! – не поверила я.

– Нет, детка, зола так отбеливает, что мыла не требуется, – улыбнулась бабушка.

Я улеглась на высокой в три матраца кровати, жую помаленьку груши и прислушиваюсь к разговорам за столом. Дело в том, что сначала мы ужинали вшестером, но потом пришел один сосед, затем другой, а за ним – его жена, чтобы позвать домой, и, в общем, вокруг стола собралось много народа. Обсудили колхозные дела, поругали молодого бригадира овощного звена, пожурили деда, что отказался заниматься овощами. Дед разобиделся:

– Я же садовод! На мне и старый сад, и молодой. По осени на коленях возле каждого дерева ползал, обвязывал еловыми ветками от зайцев, а по весне обрезку один сделал. Знаете, сколько у меня стволов? А председатель ни школьников не дал, ни лошади, чтобы лапник привезти. На себе таскал. Он и огородной бригаде так же вот будет помогать. Стар я два воза везти. А он что сделал? Перестал платить за работу в саду. Двенадцать рублей в месяц пожалел старику! Я всю жизнь для колхоза старался. Бог ему судья. Он мне во внуки годится, а разговаривать уважительно, хоть и закончил институт, не научился!

Потом разговор пошел о политике, о событиях за границей.

Вдруг мне стало плохо. Дыхание перехватило. В животе острая боль. Хотела позвать бабушку, а голоса нет, один писк. Кое-как сползла с кровати, перекатилась к столу, стучу по ножке лавки. Не слышат. Разговором увлеклись. Выкатилась на крыльцо. В глазах то просветление, то опять темно. Пытаюсь стучать обломком кирпича. На мое счастье из подвала вылезла бабушка с глечиком (кувшином) молока. Увидала меня, закричала. Соседи выскочили во двор, подхватили меня, попытались поставить на ноги. А у меня сил никаких, голова свесилась на грудь. Наконец выговорила:

– Живот...

Бабушка сразу все поняла.

– Ох, дитятко, стубила тебя взваром! – запричитала она и торопливо потопала в хату.

Мне влили в рот три ложки подсолнечного масла и положили в сарай на попону. Через час все прошло. Дедушка пошутил:

– Недаром говорят: «Дорвалась как Манька до груш».

Мне было стыдно. Я принялась благодарить бабушку за помощь, извиняться, но она зама- хала руками:

– Слава богу, что жива осталась. Тут случай был с девушкой, как раз на свадьбе у подруги. Выпила она вина, наелась взвару, а когда все пошли танцевать, ей пары не нашлось. Она возьми и сними икону со стены. Только начала танцевать, как плохо ей стало. Заворот кишок. Может, груши виноваты или еще что. Так и не спасли...

Я стала собираться в детдом. Бабушка забеспокоилась:

– Может, останешься? Ведь только больная была. Не боишься?

– Я обещала девочкам вовремя вернуться. Во время завтрака меня могут хватиться.

– Не пуцу одну! Коля, возьмешь лошадь в колхозе и отвезешь ребенка рано поутру, заодно фляги с молоком в город доставишь.

– Не волнуйтесь, маманя, сделаю, – пообещал он.

Спать легли на сеновале. У меня болели руки и ноги, но я радовалась, что работала почти наравне с Зоей. Засыпала, счастливо улыбаясь черному звездному небу и любопытному месяцу, который заглядывал в открытое окошко на крыше сарая.

ЖАЖДА

Две недели стоит тишь и жара. Живем будто под прозрачным колпаком из густого непо- движного воздуха. Рисунок неба один и тот же: чистый нежно-голубой шелк, в бесконечной высоте которого плавают несколько небольших редких облачков. Одно из них висит над нашим детдомом. Долго вглядываюсь в его плавные изгибы, и мне кажется, что белый кудрявый мед- вежонок, блаженствующий на ворохе белых перин и подушек, не поменял позы за день.

С пятого этажа я вижу, как ветер нехотя шелестит листвой тополей, потом замирает, задумываясь о неземном, а очнувшись, вспоминает о своих обязанностях и начинает более рьяно играть в вершинах тополей. А у самой земли он совсем затихает, поэтому не вздрагивают даже травинки на газонах. Солнечные ковры одуванчиков давно сменились пуховыми покры- валами. Но воздушные легкие белые шарики не облетают, ждут ветра или дождя. Раскаленный воздух вечером остывает и становится еще более неподвижным, плотным, застывшим.

Вчера вечером Петя с Зоей снова позвали меня с собой на сенокос. Я с радостью согла- силась, но мне не удалось убежать из детдома рано, потому что утром проводилась проверка порядка в комнатах. После комиссии я все же помчалась к друзьям.

Воздух в городе насыщен всевозможными запахами. Проехала поливальная машина, и горячий смрад мокрого асфальта добавил в гамму уже имевшихся противных испарений.

Закончились большие дома. Идти легче мимо маленьких домов, погруженных в зелень деревьев и цветочных палисадников. Наконец показался дом друзей. Во дворе их мама вози- лась с цыплятами.

– Дети с дядей Колей пошли по этой тропинке, – показала тетя Зина рукой в сторону колодца, не отрываясь от желтых писклявых комочков.

– Иди по правой стороне, не сворачивай, – вдогонку крикнула она мне.

Шагаю бодро, под маршевую песню, которую распеваю от хорошего настроения, ощущение свободы и широких просторов. Тропинка узкая, в два следа, утрамбованная. Её окайм- ляет чахлая трава-мурава. Я размечталась. Мои мысли далеко и высоко. Они восторженны, радостны и красивы. Не знаю, сколько так шла, только почувствовала вдруг, что ноги нестер- пимо жжет песок.

Остановилась, огляделась. Стою на широкой дороге, по обе стороны от которой, сколько ни смотри, только выжженная серая степь с желтыми и бурными пятнами. Ни деревца, ни

кустика, ни строений вдали. Редкая трава низкая, с вкраплениями из колючек и бурьяна. В низинах – злая и «глухая» крапива. Цветов не видно. Даже чахлые ромашки и васильки не украшают пыльного придорожья. Глаза задерживаются только на ажурных шарах перекапти-поля небо будто вышвело от яркого солнца. Оно бледно-голубое, пронизанное ослепительно белыми мощными горячими потоками.

Стараюсь смотреть на блеклую зелень, чтобы не резало глаза. Почувствовала жажду. Попробовала жевать траву, но она, испепеленная жарой, оказалась шершавой, сухой, как сено. Только горечь осталась на липком языке. Губы и ноздри покрылись коркой. Кузнечики надоедливо свистят, кусают настырные оводы, пахнет пылью, полынью, тысячелистником. Эх, дождя бы!

Села у дороги. От голода заныло в желудке. Ни клевера, ни хлебников поблизости. Заколото под нижним ребром левого бока. «Сейчас бы поесть молодых липовых листочков или хотя бы коры пососать. Когда же я свернула на эту проклятую дорогу?» – сердилась я на себя, принимая решение возвратиться назад.

Долго бреду по монотонной дороге. Развилка. Какая из двух тропинок моя? С какой стороны находилось солнце, когда я уходила от дома друзей? От жары голова как пустой котелок. Выбрала наугад более узкую тропинку. Куда-нибудь да выведет. Есть уже не хочется. Бреду без всяких мыслей. Душно. Пот собирается даже на веках и, стекая в уголки, щиплет глаза. Вытираю соленую влагу подолом платья, но это мало помогает. Умыться бы лицо холодной водой! Тяжело дышать, подгибаются колени. Стучит в висках громко и тревожно. Дойду ли? Надо.

Падаю, с трудом встаю. Появился страх, что если не получу глотка воды, то больше не поднимусь. Опять упала. Не заметила, как сомкнула тяжелые веки и погрузилась в небытие. Надолго? Не знаю. То ли вздрогнула, то ли просто очнулась. Открыла глаза. Облегчение удивительное! Будто ночь проспала. Ноги легкие, в голове порядок. Только нестерпимая жара не уменьшилась. По тени предположила, что уже около трех часов. Бодро двинулась дальше. Хоть бы увидеть электрические столбы. По ним добралась бы до какого-либо жилья.

Опять мучительная сухость во рту, слабость в теле и состояние неуверенности. А вокруг только серые волны степи. Дорога пошла в гору. Эх! Ошиблась в выборе тропинки! Нет сил возвращаться к развилке... «Сама виновата. Размечталась... дуреха! Все равно дойду!» – упрямо твержу я.

Еле волоча ноги, цепляясь за жесткий бурьян, преодолела бугор. Господи! Остановка автобуса! Не спустилась, скатилась с пригорка, обдирая ноги и руки. Легла у столба. Автобусы ходят редко, но все равно это спасение. Время тянется медленно. Состояние мое ухудшается. Подошла женщина с ребенком. Появилась слабая надежда. Облизывая шершавым языком пересохшие губы, низким, шипящим голосом попросила:

– Мне плохо, дайте, пожалуйста, воды.

– Я только что выпила, – сказала женщина усталым голосом.

От ее слов внутри меня что-то захлопнулось. Видно на моем лице выразилось мучительное состояние, и она с сочувствием добавила:

– Вон старики идут. Они всегда с собой компот берут. Уж его-то они не выльют на землю.

Тут к остановке подошла молодая женщина, вытаскала из сумки бутылку и стала громко пить. Каждый глоток отдавался у меня в ушах как выстрел. Я вскрикнула: «Не выливайте!» И у меня поплыло перед глазами.

Открыла глаза. Хозяйка бутылки улыбается и говорит ласково:

– пей детка.

Я схватила бутылку двумя руками, сделала глоток, потом другой. Мир мгновенно переменялся. Я почувствовала, как по телу потекла влага. Это была живая вода! Два глотка сделали меня нормальным человеком! Как будто и не было измученного жаждой ребенка, ожидающего самого худшего.

Раньше я не могла пить кипяченую воду. Она вызывала тошноту. А сегодня мне показалось, что ничего слаще и вкусней теплой кипяченой воды не может быть на свете.

– Большое спасибо! Вы спасли меня, – бормотала я сквозь слезы, протягивая женщине бутылку.

– Пей всю.

– Правда? – спросила я неуверенным голосом.

В этот момент я не могла представить, что человеку не нужна вода.

– Пей, а то вылью на землю, – пошутила женщина.

Я схватила бутылку и, не уронив ни капли, единым духом осушила ее. Потом поблагодарила женщину, вскочила в автобус и села на полу возле заднего сидения. Автобус вздрогнул и, сопровождаемый струей сизого дыма и шлейфом густой тяжелой пыли, медленно двинулся в сторону города. Под размеренную качку и шуршанье шин задремала. Редкие тихие фразы людей доносились до меня откуда-то издалека, а улыбающееся лицо женщины ласково предлагало попить еще... Мне было уютно и радостно.

РЫБАЛКА С НОЧЕВКОЙ

Тетя Зина разрешила Пете и его двоюродному брату Вадиму взять меня на ночную рыбалку. С девочками из комнаты я договорилась: «Меня не выдавайте. Еду поделите. Если воспитатели вдруг хватятся, вы ничего не знаете. Могила. Сама за себя отвечу. Не бойтесь. По выходным проверок не бывает».

В обед ребята оседлали трофейные велосипеды. Меня Вадим посадил на багажник, и через час мы были на месте. Река здесь особенная. У самого берега – обрыв. Дна не достать. Вода прозрачная, ледяная. Плаваю я плохо, к тому же боюсь, что от холода сведет ноги. Поэтому одна в воду не лезу. И пока братья разбирают пожитки, разглядываю окрестности.

Ивы низко склонили над рекой мощные ветви. Их кудри струятся зеленым многоступенчатым водопадом. Пытаюсь рукой коснуться водорослей. Но даже с помощью палки не могу их достать, хотя кажется, что они растут совсем близко от поверхности. В местах, где нет растений, вижу на дне каждый камешек, каждую ракушку. Солнце искрится в воде ярко-зелеными лучиками. Река поражает массой воды. От нее веет древностью, загадочностью.

На лужайке трава нежная, мягкая. Хожу как по ковру. Здесь нет лопухов, чернобыльника, полыни. Все растения как-то нежно, изящно подобраны. Невольно мои движения стали плавными. Куда девался сумасбродный, подвижный пацаненок? Теперь я паинька, тихая девочка. Здесь даже братья говорят шепотом.

Удобно пристроилась у самой воды. Листок ивы, как утлое суденышко, медленно перемещается в легкой волне. Он то долго колеблется в одной точке, будто раздумывая, под какой гребень нырнуть, то вдруг совсем скрывается из виду.

Всматриваюсь в глубину. Тенью промелькнула большая рыба. Еще одна, еще. А вот медленно, с достоинством плывет сом. Я узнаю его по длинным усам. Стайка мальков, кувыркаясь, меня направление туда сюда, резвится у самого берега. Вдруг вскипела вода, и в одно мгновение испуганные рыбешки умчались, как растаяли. И тут же передо мной появились ряды серых спинок – уклеи. Я вытащила из кармана хлеб и осторожно положила несколько кусочков на воду. Что началось! Рыбёшки хватили хлеб и сбоку, и снизу. Иные выпрыгивали на поверхность, сверкая серебристым брюшком. Они не боялись меня. Я зажала между пальцами корочку и осторожно опустила ее в воду. Рыбешки сначала – врассыпную, но тут же вернулись и принялись отрывать крошки, щекоча мне руку.

Подожел Петя и молча поманил меня от берега.

– Ты что, как немой? – спросила я шепотом.

– Голавль должен быть у берега. Он чувствительный. Всего боится. Не спугни.

– Не видела я голавлей. Только сом огромный проплыл да уклеи.

– Увидишь. А пока налови серых мелких кузнечиков. Это их любимая еда.

Кузнечиков ловить я мастер. Три спичечных коробка наполнила. Из коробка их легко доставать – не успевают выскочить. Ребята поставили ореховые удочки у берега так, чтобы их тень не выходила за тень от деревьев. Лежим, молчим. Ждать пришлось недолго. Длинные, черные, юркие, как змеи, рыбы закружили вокруг поплавков. Вот и первые рыбки затрепыхались на крючках. Ребята осторожно вытаскивали их, бросали в ведро и насаживали новых кузнечиков. Стайка уменьшалась на глазах. Вдруг у меня защекотало в носу, и я чихнула. Все! Ловля закончилась. Ребята были недовольны, но ругать меня не стали. Я переложил рыбу в садок, опустила его в реку и укрепила веревку на иве.

– Готовься на перетяжку ловить, – позвал Вадим Петю. – Заодно искупаешься.

Я осталась на берегу, а ребята поплыли заносить второй конец снасти на другой берег. Охая и ахая, они выскочили на песок, как ошпаренные.

– Такого холода ни разу не встречал! Фу! Тут – жарынь! А там – северный полюс, – стонал Петя, бегая по берегу, растирая гусиную кожу. Согревшись, он взялся помогать Вадику. А тот только усмехался над неловкими движениями брата, потому что человек опытный. Родители ему все позволяют. Пете тоже тринадцать лет, но он – под маминым контролем.

Ребята приплыли назад и стали следить за перетяжкой. На двадцати крючках висела разная наживка: хлеб, черви, мухи, кузнечики и молодые пескари для щуки.

Уже начинало темнеть, а клева особого не было: всего несколько плотвичек. Рванул снасть большой окунь. Когда его сняли с крючка, обнаружили во рту пескаря. Значит, пескарь кинулся к червяку, а окунь к пескарю, и оба попались.

Сверчки дружно пели вечернюю песню. Не умолкали лягушки.

– Надо же, лягушки в такой холодной воде живут! – удивилась я.

– Нет, тут озеро рядом, там карасей полно. Захочешь много рыбы поймать, – иди туда в пять утра, – предложил мне Петя. – А мы здесь останемся. В реке «жидкий бульон», зато ловить интересней. Нам процесс важен.

Место для костра приготовили заранее. В низине срезали дерн, чтобы костер не выходил за круг, натаскали сушняка.

Лежим на фуфайках, жарим над костром рыбешку. Огонь жадно набрасывается на тонкие ветки, слизывает пучки сухой травы. Костер то вспыхивает сотнями огненных улыбок, то печально дымится в зависимости от того, что мы в него подбрасываем. Свет от него мигающими пятнами ложится на загадочный ночной луг. Безмолвные тени то скользят, то пляшут на наших лицах. До черного неба – рукой достать. Ковш Большой Медведицы прямо надо мной. Бесконечность неба чувствую, рассматривая Млечный Путь. Наверное, куда-то ведет эта таинственная дорога? Если в никуда – это неинтересно. Все должно быть не само по себе, а для чего-то. Картошка – для еды, красота – для души. Значит, и звездная дорога чему-то или кому-то служит. Почему-то привиделась пленительная нежность кротких усталых глаз бабушки Дуни...

Почувствовала запах печеной картошки. Выкатили парочку. Вадим разломил одну:

– В самый раз!

Я расстелила самотканый рушник Петинной бабушки, порезала хлеб, очистила лук. Соль положила в спичечном коробке. Поели. Разве сравнишь печеную картошку с вареной?! Вадим распорядился:

– Спички спрятать в карман. Газету под рубашку. Накрывайтесь дерюжкой. Утром роса может быть такая, что сухого места не найдете.

Лежу, тело приятно расслаблено. Слушаю бархатную ночную тишину. Сон сморил незаметно.

Встали, как только начало светать. Сандалии мокрые. Роса стекает по голым лодыжкам. Хорошо, что рубахи и подвернутые выше колен шаровары сухие. Сырость все равно пробирает до костей. Вадик занялся костром. Я ушла посмотреть перетяжку. Наживка вся съедена, но лишь три нетерпеливых окуня вздрагивали на крючках.

Когда затрещал костер, попросила Вадима показать озеро. Сто метров – и я у цели. Озеро – почти правильный овал. Удобный подход к берегу. Оседлала мощную ветку ракиты, далеко вытянувшуюся над водой. Вадик распустил на берегу «резинку» с десятью крючками, привязал к концу снасти камень и с силой, как мог далеко, забросил в воду. Резинка с леской со свистом полетела над водой, расправляясь в полете.

– Нанизывай хлеб. Да сама не забудь поесть. Чай тебе Петька принесет попозже. «Резинка» – женская удочка. Я рыбак, для меня подсечка – важнее всего.

– Не получается у меня подсекать, хотя реакция, вроде, хорошая, – пожаловалась я.

– Спешись, не даешь рыбе заглотить наживку. Шило ты. Сказано, женщина!

Спорить не стала. Что попусту болтать? Не собираюсь сейчас утверждать свою независимость, но как-нибудь на деле обязательно докажу, что я не хуже мальчишек. Еще посмотрим, кто скорее преуспеет в «мужских» делах! Не позволю бесцеремонно осаживать себя. А пока надо поскорее освоить новый способ ловли! Главное, чтобы леска не запуталась. Замучаешься «бороду» распускать. Так Вадик объяснил. Леска еще не вся ушла под воду, а конец ее уже задрожал в руках! Выждала немного, резко подсекла и стала «выбирать» снасть. Чувствую – есть! Подрагиваю от нетерпения. Тяну. Хоть бы не сорвался! Первый крючок пустой, второй... Мелькает серебристое тело карася, потом еще золотистое, и еще... Снимаю первого, бросаю в ведро, оно тут же, на суку. Тяну руку к золотистому, а он падает в воду! Как я теперь докажу, что видела особенного карася!?

Снасть редко приходит с одним карасем. Ого, сразу семь! Маленьких рыбешек выпускаю. «Расти дурачок. Не спеши в уху...»

После девяти часов клев прекратился, и я с трудом притащила ведро к братьям. Они, растянувшись на берегу, смотрели в небо.

– Ребята, глядите, солнце и луна видны одновременно! Луна не успела спрятаться? – спросила я.

– Нет, луна все время на небе, только при ярком солнце её не видно, – объяснил Вадим. Позавтракав, усталые, но довольные, отправились в обратную дорогу.

ПРАДЕДУШКА

Заболел Петин прадедушка, свалился с повозки, высоко нагруженной сеном. Видно, придремнул от усталости, а на повороте воз накренило. Повредил дедуля позвоночник. Кричал бедный сильно. Люди с работы шли, услышали и домой принесли его на попоне. Дядя Коля попросил у директора школы лошадь и собрался поутру ехать в Лопуховку. Я увязалась с ним.

– Половина пятого. Пора, – будит меня тетя Зина.

Вскочила, протерла глаза у рукомойника. Проглотила парного молока и прыгнула в телегу. Бабушка Дуня на бегу бросила мне заношенный пиджак и белый платочек. Телега затарахтела по полусонному пригороду. Тепло постели улетучилось, и я накинула на плечи поддеву, помянув в мыслях добрым словом всезнающую бабусю.

Лошадь бредет, как бы с трудом пробираясь сквозь плотный туман речной низины. Вокруг вязкая тишина. Даже камыш не шуршит в болотцах у дороги. Колеса застучали по мосту с полусгнившими бревнами. Страшновато стало, – не провалимся ли? Белый туман скрывал от глаз все, что находилось на расстоянии двух-трех шагов. Казалось, что плывем в облаке. Вдруг из него показалась голова человека. Она медленно приближалась к нам, то окунаясь в молоко, то появляясь снова. Я восхитилась: «Надо же! В городе такого не увидишь!» Проехали ложбину, поднялись на бугор. Туман исчез.

Я болтаю ногами и разглядываю пыльный, чуть уплотненный утренней росой след от колес телеги. Солнце высушило росу с травы. А под ветвями кустов еще мелькают яркие хрустальные звездочки. Роса в лесу будет до обеда, потому что поросль в три этажа: дубы и ели, ниже – березы с осинами, а еще ниже – кустарник с мощным травостоем. Придорожные лопухи мокро лижут мне ноги. Зябко передергиваю плечами и глубже забираюсь в пахнущий русской печкой пиджак. Шуршание колес убаюкивает меня. Сквозь полудрему слышу пение птиц.

Открыла глаза. Теперь едем мимо полей, окаймленных васильками. Коричневое гречишное поле соседствует с желто-зеленым подсолнечником и золотистой трехметровой красавицей-кукурузой. Поникшие метелки овса давно просят на зимовку в склады. Нахальная сурепка заполонила каждый нераспаханный огрех, оттесняя к краям поля скромные желтоглазые лютики, синие «топорики», малиновые и желтые бархатные цветы львиного зева.

Приближаемся к лесу. Он начинается огромным оврагом, по склонам которого стекают неровными рядами кусты орешника, белой акации, терна.

Дядя Коля голосом подгоняет Вороного:

– Ну, дорогой, поторапливайся!

– Почему кнутом не бьете? – удивляюсь я.

– Жалко. Старый. Много на своем веку сделал хорошего. Один раз даже спас человека.

– На войне?

– Да нет. Позапрошлым летом случилось. Затеял мой сосед строиться. Денег на деревянный дом не нашлось – семеро детей. А сейчас поветрие: из шлака дома строить. Дешево и сердито.

– Почему сердито?

– Шлаковый дом – это тебе не деревянный! В нем летом жарко, а зимой холодно. Не живой он. Ну, так вот. Выстлал сосед огромную кошулю (плетеную из лозы) тряпьем, бумагой, заполнил на заводе цементом и накрыл сверху куском дерюги. Погода с утра стояла тихая, теплая, а к вечеру разыгралась буря. Ветер сорвал попону и давай цемент по степи разметать.

Сосед пытался спасти его... Вороной сам вернулся в колхоз. Смотрят люди, – нет хозяина. Нашли, привезли. Успели спасти. В легкие цемент попал.

– Он глупый что ли? Из-за какого-то цемента чуть жизни не лишился?

– Не подумал. Кровью и потом каждая копейка доставалась в колхозе. Сколько лет копил, мечтал о доме... Видно, спохватился, да поздно. Болел долго, а дом этим летом все ж построил.

Дорога пошла на спуск. Дядя Коля нервно заерзал.

– Вы чего? – удивленно спросила я.

– Погодь, – он туго натянул поводья.

Конь чуть не остановился, задрал голову и приседая на задние ноги. Так, с поводьями «внатяг», и сползли с крутого холма. Вздохнув с облегчением, дядя Коля без моей просьбы начал рассказ.

– В тот день я детей на лето отвозил своим старикам. Утро такое же было. Красота! Ребята в кошелке, как котята, дремали. Малышня: два, да три года. Ехали шагом. Я, может, немного придремнул. Конь сам дорогу знал. Вдруг он на дыбы поднялся, заржал и заметался из стороны в сторону. Затрясся всем телом. Я очнулся, хватился поводьев, а они – между колесами, по пыли волокуются. Вороной через кусты понесся вниз. Я одной рукой держу корзину, где дети, а другой хочу до вожжей дотянуться. Не дай бог, думаю, наматываются на ось колеса, тогда телегу разнесет в щепки. Побился весь, а все ж подцепил их. Зажал корзину между ног, натянул поводья. Вороной вроде, замедлил бег, но телегу продолжало трепать. Треск, грохот, у коня пена на губах... Сердце напряглось, – вот-вот разорвется. «Господи, помоги!» – молю. Вывез на дорогу Вороной. Странно, что дети не кричали. Так вцепились в края корзины, что с трудом разжал их ручонки. Я лежал на телеге и плакал. Потом мы заснули. Воронок мирно пощипывал траву на обочине. Когда приехали, бабушка ахнула:

– Что приключилось, милоч?

– Уснул и в кювет свалился, – ответил.

– Мои правнуки в порядке?

– В порядке! Вороной умный, остановился и подождал меня, – пошутил я.

– Поверила?

– Конечно, – спокойно ответил дядя Коля.

Лес остался слева. Глазам открылся огромный старый сад – до самого горизонта.

– Этот сад сажал наш дед Вася. Ещё до войны. Сейчас он брошенный, дикий. В войну погорело много деревьев... Сортовые были. Дед с Мичуриным переписку вел. Ездил к нему. Опыты вместе ставили. У деда на одном дереве по десяти сортов яблок росло. До сих пор экспериментирует. То грушу к яблоне привьет, то вишню к сливе. Руки у него такие: что ни посадит, – все растет! Письма от Мичурина до сих пор аккуратно на полочке лежат. В последнее время о Мичурине говорят, что подход у него был не научный. Может быть. Дед мой тоже в академии не учился, а лучше него никто на селе дерево не понимает, не чувствует. Ему от природы дано. Сейчас мимо молодого сада поедем – это его послевоенное детище. Знаешь, как он леса сажает? Одному уже трудно, так он созовет по селу ребятшек и на повозке в лес везет. Они семена собирают, желуди. Дед ватрушками их кормит, что бабушка Глаша печет, угощает салом с хлебом и чесноком. А по весне учит выращивать саженцы. Сестра Зина и моя жена девчонками тоже помогали ему... Дед наш многое в жизни повидал. В четырнадцатом году был в германском плену. Языку выучился.

Перед моими глазами лицо деда Васи.

– А почему ваш дедушка летом усы носит, а зимой ещё и бороду? Я на фотокарточке видела его с бородой.

– Так теплее. Говорит, подбородок мерзнет. А усы для солидности. На старости лет стал он сухой, согнутый и мал ростом, как подросток. Да еще лысиной светит. Вот и носит усы в

память о былой стати. Он рассказывал, что корни его в Запорожскую Сечь уходят. За работой дед не забывает о душе. Детей деревенских на балалайке учит играть. «Вот, – говорит, – забогатеет колхоз, купит председатель вам пианину, а моготь быть, роялю, скрипков всяких, и будете вы не тень-брень играть, а симхвонии». Поэт он в душе. Только жизнь не дает ему развернуться в радости: то одна беда, то другая.

– А деревенские могут понимать серьезную музыку? – поинтересовалась я.

– Народ наш все понять может, потому что талантливый и душевный. Только как ту музыку услышать, если руки-ноги болят и голова тяжелая? Тут хоть бы выспаться. За всю жизнь мои старики ни одного выходного не имели, не знают, что такое отпуск. Хозяйство крепко держит.

– А дедуля выживет? – осторожно спросила я.

– Нарочный из сельсовета сказал, что, может, даже и ходить будет. Порода крепкая.

– Я молиться за него буду.

– Что ж, помолись, если умеешь и веришь. Хуже от этого ему не станет, – задумчиво сказал дядя Коля.

Из-за поворота показались знакомые хаты.

ПОМОЩЬ СОСЕДЕЙ

Сегодня тетя Зина и дядя Коля пошли помогать соседям. Те сделали пристройку, и ее надо обмазать глиной. Зоя, Петя и трое соседских детей месили ногами глину. Мужчины скатывали ее в шары и носили к стенам и на потолок, а женщины мазали. Мои друзья, как цапли, переминались в вязкой глине, высоко поднимая колени. Подошла тетя Зина, растерла в руках кусок глины из замеса, сказала, что связки маловато и высыпала ребятам под ноги ведро конского навоза, а потом еще ведро жидкого коровяка. Я брезгливо отскочила. Тетя Зина засмеялась:

– Чтoб в тепле и сытости жить, надо не бояться любой работы. Пересиль себя. Для начала помеси глину без добавок.

– Ну, это я с удовольствием.

– Наступай осторожно. В глине могут быть кусочки стекла. Выбирай все колючее, что попадет под ноги.

Сначала я поплясала на своем «чистом» участке раствора, а потом преодолела отвращение и пошла по кругу рядом с друзьями. Вытаскивать ноги из вязкой глины трудно, но с песнями и шутками – ничего, даже интересно. Взрослые улыбались нам и подбадривали: «Помощники, труженики».

После работы стали по очереди умываться из бака с водой, нагретой солнцем. Петя сливал всем из кружки. «Кучней, дружней лей водицу, не жале!» – весело советовали женщины. А Вика, старшая дочь дяди Тимофея, очищая обросшие глиной ноги, посмеялась над ним:

– Воду лей, дуралей.

Тот не остался в долгу:

– Воду лей, дура, лей.

– Ого! Да ты взрослеешь, – засмеялась она и больше не дразнилась.

А потом мы ужинали во дворе за одним большим столом со взрослыми.

Хозяйка налила мужчинам самогона, женщинам – домашнего яблочного вина и торжественно произнесла:

– За крепкие стены и хороших соседей.

Несколько минут слышался стук алюминиевых ложек.

– Петя, почему не доел? Забыл, жениха за столом выбирают? Как ешь, так и работать будешь, – пошутила тетя Тамара.

Петя покраснел и из-под ресниц глянул на Вику. Она тоже смутилась и опустила глаза к тарелке. «Жених и невеста объелись теста», – всплыла в моей памяти дразнилка.

Меньшие дети уже слезли с лавки и возились в траве-мураве. Вдруг четырехлетняя Рита подошла к дяде Тиме и спросила:

– А почему мама называет меня доченька, а вы свою Вику – по имени?

За столом воцарилась тишина. Я видела растерянность взрослых. Дядя Тимофей не находил ответа. Вика побледнела. Верхняя губа ее чуть вздрагивала... Я знала, что она не родная дяде Тиме и что он не был рад ее появлению в семье. Вика все понимала и была всегда тиха, послушна...

Обычно бойкая и говорливая хозяйка тоже молчала. Не знала, как разрядить обстановку. А мне вдруг пришло в голову простое объяснение:

– Рита, ты же одна у мамы с папой, вот они и называют тебя доченькой, а у дяди Тимофея – четверо. Как же их не звать по имени?

– Все равно называйте их доченьками, – серьезно попросила Рита.

Взрослые облегченно вздохнули. А Петя благодарно взглянул на меня. Вика все еще сидела, опустив голову. И мне случалось страдать от вопросов взрослых. А что с Риты возьмешь? Счастливая малышка.

Дотемна протяжные песни неслись над тихим пригородом...

ПЕРВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Первый раз пришла в школу. В светлом классе рядами стоят парты, покрашенные черной с блеском краской. Все строго, аккуратно.

Вдруг в класс вошла девочка: упитанная, но не толстая и вся такая чистенькая, чистенькая. На коричневом платье складочки так заглажены, что трудно было представить, как в нем можно сидеть за партой. Фартук у девочки белый, с кружевами. И портфель настоящий.

А на нас обувь не по размеру, кофты до колен, пиджаки, подвязанные веревочками и черные сатиновые шаровары. Тетрадки в матерчатых сумках.

Мне все же захотелось познакомиться с новенькой, и я спросила:

– Как ты успела перед школой косы заплести? И банты у тебя такие сложные.

– Я завтракала, а мама косы мне заплетала. А папа...

Я так вздрогнула, что она осеклась. Разговаривать больше не хотелось.

Девочки отнеслись к «домашней» настороженно. Некоторые почувствовали себя несчастным. Мы считали, что живем нормальной жизнью. Нам в голову не приходило, что наши воспитатели идут после работы домой к семье, моют полы, стирают, имеют своих детей.

Мы старались не разговаривать с новенькой. Ее нечаянно брошенные слова: «Мама купила, папа сделал», – ранили нас. Раньше было хорошо. Все были равные. Относились к нам одинаково. И на душе было спокойно. Я загрустила. Не подумали взрослые, посылая «домашнюю» (ее звали Мила) учиться с нами. Она теперь каждый день будет напоминать о том, кто мы?

Присмотревшись, я поняла, что Мила тоже «не в своей тарелке», не смотрит в глаза, сдержанная, напряженная. Ей, наверное, тоже нелегко?

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Моя учительница – седая, но не старая, высокая, прямая, черты лица мелкие. Говорит спокойным голосом. Глубоко запавшие глаза смотрят сухо, без эмоций. В походке, в повороте головы чувствуется достоинство. Не улыбается.

Ее внешность не удивила меня. Ведь именно так и должна выглядеть учительница! Относится она ко всем одинаково хорошо. Когда мы выходим на улицу, Анна Ивановна обязательно проверяет, застегнута ли у нас одежда, есть ли веревочки на шапках. В плохую погоду прово-

жает нас в детдом, старательно обходя лужи и грязь, или разрешает сидеть в классе, пока дождь не закончится, а сама в это время проверяет тетрадки в дальнем углу класса. Мы сидим тихо.

Ее слова для нас – закон. Раньше девочки часто называли друг друга дурами. Как-то я услышала в коридоре грустный голос учительницы:

– Нельзя человеку часто говорить «дурак», а то он может в это поверить. Не забывайте себя ставить на место другого. Думайте: понравилось бы вам то, что собираетесь сделать товарищу?

Нотаций она не читает, а просто разговаривает с нами. И при случае говорит:

– Не докладывайте мне друг на друга, учитесь мелкие проблемы решать сами. Не получится, – тогда обращайтесь. Жалейте друг друга, не ссорьтесь по пустякам.

А когда Анна Ивановна внимательно смотрит на какую-то девочку, мне кажется, что она читает ее мысли. Достаточно ей только глянуть в сторону расшалившейся ученицы и та сразу утихает. Мне не хочется баловаться на уроках. Я боюсь обидеть учительницу.

И все-таки в ней есть что-то непонятное. Тайное. Иногда кажется, что Анна Ивановна просто боится много говорить. Часто она задумчиво сидит у окна, ее плечи опущены. Она будто ничего не слышит. А недавно я остановилась в коридоре у портрета Сталина и спросила у Анны Ивановны:

– Он тоже был маленьким?

– Да.

– А как его звала мама?

Учительница зачем-то оглянулась по сторонам, наклонилась к моему уху и тихо сказала:

– Наверное, Еся. Только ты никому не говори. Поняла?

– Конечно, – ответила я и отчего-то разволновалась.

«Может быть, у Анны Ивановны было много горя, и наши маленькие неприятности совсем расстроят ее, и она заболит? Вот недавно в коридоре услышала, как она говорила с техничкой о каком-то «тайном трауре в каждой второй семье». Вдруг я больше не увижу учительницу?» – переживаю я.

На занятиях я впитываю все, чему она учит. Мне нравится ее слушать, поэтому прихожу на все дополнительные занятия, хотя меня не заставляют. Мне хорошо с учительницей. Намного лучше, чем в комнате с девочками.

УРОКИ

Учиться в школе легко. Стоит кому-то на самоподготовке сделать арифметику, – все у него переписывают. Когда мне хочется скорее пойти погулять, я тоже списываю. Первый раз стыдно было. Но успокоила себя тем, что для меня задачки и примеры – не проблема. Делать уроки детям разных классов в одной комнате очень сложно. Шум, гам – не сосредоточишься. Устные стала учить в парке. Брожу одна и пересказываю прочитанное в классе. Потом начинаю мечтать, как бывало в деревенском детдоме.

У меня – свой мир. Чужих я в него не пускаю. «Витек, где ты теперь? Ты всегда рядом – в моем волшебном, стеклянном шаре. Я из него все вижу, а другие не могут заглянуть внутрь».

Уроки – не главное. Самое-самое – это мои мечты, фантазии. В них все удивительно и прекрасно. В них – мое счастье.

КРОТ

Из школы иду тополиной аллеей. Ее посадили взамен сгоревшей первые послевоенные выпускники школы. Мы называем ее «аллеей друзей», а старшеклассники – «аллеей любви».

Деревья разрослись, ветви вверху касаются друг друга, словно протянутые руки. Я выбрала низкорослый, кряжистый тополь, по наростам ствола влезла на длинную, крепкую ветвь, удобно устроилась на ней и размечталась, тихонько покачиваясь на упругом лежбище.

Желто-бурые плешины не портят луга, что лежит передо мной, даже украшают. На них цветут ярко-малиновые колючки и репейники. По краям дороги растут хилые, низкорослые кустики аптечной ромашки. Серебристая полынь отбеливает бугры. Луг продолжается полем, а за ним, у горизонта, – ряд маленьких, будто игрушечных, домиков. И над всем этим – ворохи облаков. Они такие громадные, что Земля мне кажется маленькой, беззащитной.

Солнечные лучи не жгут, не слепят. Они скользят по коже рук, лица. Я вдыхаю аромат цветов, прислушиваюсь к негромким разговорам птиц, трепету листьев. Я расслабляюсь, отдыхаю, наполняюсь тишиной – мелодией ранней осени.

У ближайшего озера шумно. Я слезла с дерева и направилась туда. Трое чужих ребят бросали в озеро камни и палки. Моя одноклассница Шура азартно кричала:

– Бей крота, посмотрим, что с ним будет!

Крот кружил недалеко от берега.

– Почему он так странно плавает? – спросила я.

– Он же слепой, – небрежно ответил большой мальчик.

– Все слепые кругами плавают?

– Дурак, – вмешался второй. – Ты ему камнем в голову попал и мозги повредил.

– Сам ты мозгами «тронутый»! Крот сразу так поплыл. Я только хотел узнать – сумеет он выплыть из-под обстрела или нет?

– Ребята! Отпустите его, – робко попросила я.

– Теперь уж лучше прибить, чтобы скорее отмучался, – возразил самый старший.

Краска залила мое лицо. Я вспомнила, как в старом детдоме мы «футболили» кошку, которая пачкала под кроватями. Может, ребята не понимают, что делают плохо? Я тогда тоже думала, что кошка заслуживала наказание.

Круги становились все меньше, а мне делалось все тоскливей.

Неожиданно Шура предложила похоронить крота. Ребятам идея понравилась. В куче мусора нашли коробку из-под обуви. Обернули лоскутами неподвижное черное тельце с белыми крепкими лапками, похожими на лопатки, положили в «гроб» и закопали в прибрежном песке. Потом поставили крест, и Шура тихо пропела над бедным кротом зауспокойную молитву.

Ребята разошлись по домам, а я с «домашней» Катей осталась сидеть на бревне у берега. На душе было скверно.

– А что бы взрослые сказали? – в пустоту произнесла я. – Учителя поругали бы?..

– Моя бабушка наверняка бы рассердилась: «Вот ироды! Живую тварь им не жаль. Боженька за это накажет», – сказала Катя.

Мы помолчали.

– Катя, ну зачем они так?

– По дурости, наверно. Не со зла, – шестилетняя Катюша обняла меня за шею и, заглядывая в глаза, добавила: – Не переживай. Они больше не будут.

РИСУЮ

День сегодня теплый, серый, тихий. Медленно иду по знакомой аллее парка. Протарахтела сорока. Грузно оседлала ветку ворона. Я села на лавочку. У самого уха завела нудную мелодию узкокрылая букашка. А вот противный комар. Мошкара тучей вьется над скамейкой. Значит, быть теплу еще долго. Прогнала от себя непрошенных «гостей» и занялась рисованием.

Я всегда ношу в кармане шаровар кусочек мела. Я не просто рисую. Сначала долго рассматриваю трещины, царапины на асфальте или на сухой земле, потом соединяю их таким образом, чтобы получилась картина. Иногда взгляну под ноги и сразу вижу интересный сюжет. Вот голова лошади, туловище... Она вздыбилась. А где хвост? Ах, вот же! Лошадь чуть присела на задние ноги. Поскользнулась? Может, раненая или здесь крутой склон оврага? Солдат

крепко держится за гриву одной рукой, а в другой – ружье. Лошадь без седла. Он почти лежит на ее шее. Так вот почему другая лошадь тоже на задние ноги припала: пушку тяжелую везет в гору. Солдат натянул вожжи, так она, бедная, на дыбы встала. С солдата шапка слетела. Пуля зацепила?..

Почему из облаков у меня складываются хорошие, добрые картинки – про зверей, про дворцы и радостную жизнь, а на земле все больше войну рисую, усталые лица? Потому что на небе солнце, звезды, радуга, а на земле столько всяких несчастий и войн. Может, поэтому веселые и счастливые люди часто в небо смотрят, а грустные – в землю?

Вспомнила, как недавно рассматривала в книжке картинку «Куст сирени». Цветы так располагались, что я четко увидела лицо красивой женщины. Я сказала об этом учительнице. Она, оказывается, тоже обнаружила женское лицо в сирени на картине Врубеля. Я обрадовалась: «Слава Богу! Значит я нормальная». После этого случая рисую спокойнее и с еще большим удовольствием.

Мне нравится рассматривать людей. Гляжу на человека и пытаюсь понять, какой он – злой, добрый, хитрый, умный. А еще представляю его лицо, когда он был маленьким. Моя баба Мавра была, наверное, толстушкой с курносим носиком. А брови тоненькие, как ниточки. Это на старости лет они стали мохнатые и желтые.

Ветер принес на мой рисунок сухие листья. Я внимательно изучаю их. Они дополняют или украшают мою картину? Она оживает от них!

НЕПОНЯТНЫЕ ДЕВОЧКИ

Когда меня привели первый раз в комнату, то указали место справа от двери. Мне понравилось, потому что когда дверь открывается, видна только часть моей койки. Но тут подошла одна из девочек и вежливо попросила:

– Может, ты переберешься к окошку? Какая тебе разница?

Мне стало жаль «тихого» уголка, но я подумала: «Пережду, раз ей хочется». Но все же спросила:

– Почему ты не хочешь спать у окна?

– Глаза от яркого света болят, – бойко объяснила девочка.

В ту же ночь я узнала, что причина была другая. Из щелей в окне сильно сквозило. Я повернулась головой в другую сторону, но там «свистело» еще сильнее. Может, поменяться назад? А почему она должна все время здесь спать? Честнее уж по очереди. Но потом сообразила, что девочки добровольно не переселятся, а жить в ссоре – себе дороже. На следующий день я заткнула щели обрывками бумаги.

Когда начались занятия, девочки поняли, что ссориться со мной не стоит. Училась я хорошо, а они нуждались в моей помощи. Мне нравится помогать. Я всерьез играю роль учительницы, проверяю у девочек тетради и устные предметы. Тоне не дается чтение. Вернее, она не любит читать. Как-то я решила проверить у нее задание по букварю. Тоня наморщила лоб и старательно, с выражением «прочитала»: «Вок-ны... дро-бы-на». Я рассмеялась:

– Ах, обманщица! Ты просто смотришь на картинку и называешь предметы, да еще на украинском языке!

Тоня смущенно заулыбалась и с глубоким вздохом принялась за чтение.

В свободное время любимым занятием девочек из моей комнаты было обсуждать поведение и дела других. Они говорили обо всех, кроме себя:

– Ну и вертихвостка эта Нинка! Зубрила, мнит из себя невесть что, а сама дура дурой.

Я молча слушала и думала: «Нина – нормальная девчонка. Почему они так плохо о ней говорят? Интересно, а когда я уйду, то они меня тоже хают?» Решила проверить. Выходя из комнаты, обернулась и увидела, что две девочки тут же склонили головы друг к другу и

насмешливо глядят в мою сторону. Под моим укоряющим взглядом они отскочили друг от друга, как ошпаренные.

Их раздражает, когда человек хоть в чем-то лучше их? Но за хорошее надо хвалить. Значит, они ругают не только за плохое, но и за хорошее? Как-то раз я похвалила Виту. Девочки тут же «вылили на нее ушат грязи». Припомнили все мелочные обиды, не так сказанные слова, о которых Вита и сама, наверное, не подозревала или просто забыла. «Хочешь узнать у злых и завистливых людей о другом человеке плохое, похвали его», – сделала я грустный вывод. Но мне этого не надо.

Но еще более противными кажутся мне выяснения отношений между девочками. Из-за какой-то ерунды поднимался тарарам, неслись грубые оскорбления. Подруги быстро забывали, с чего начинали ссору, вспоминали прошлое, и это длилось бесконечно долго. Сначала они и меня пытались втянуть в свои споры. Я пробовала разводить их. Но в результате оказывалась виноватой перед всеми. Поэтому, как только начинались пересуды, я уходила из комнаты. Не повезло мне с соседками!

Когда девочки ругаются, то похожи на старых, сварливых ведьм из сказок Андерсена. А иногда я вижу в них сердитых собак, лающих друг на друга. Эх, если бы они читали интересные книжки, наверное, не было бы таких скучных и противных вечеров!

Раньше мне больше нравились грустные стихи Некрасова. А теперь, перебирая в памяти все, что читала нам Галя, я стала находить радость в убаюкивающих, добрых сказках. В моем маленьком мире появлялись веселые, смешные, безобидные друзья.

...Витек, мне не хватает в разговорах с девчонками твоего острого слова. Мне просто не хватает тебя...

ИРИНА

Иду с девочками из школы. Туманно. Накапывает тихий, мелкий, как водяная пыль, дождь. Здесь его называют ситный, будто через мелкое сито пропущенный.

Роса мельчайшими капельками покрыла растительность и изменила ее цвет. Поздний золотистый лютик стал светло-желтым, лепестки ромашек – матовые.

Неожиданно солнечные лучи пробились сквозь толпу облаков, и трава засияла миллионами радостных огоньков. Я присела на корточки и рассматриваю цветы, листочки, засохшие былинки. Я – на празднике в царстве эльфов, куда улетела Дюймовочка! Всплеснуло солнце яркими лучами и скрылось. Я бросила взгляд на померкший, теперь уже не сказочный ковер и вприпрыжку побежала в парк. Дождик сошел на нет.

Сижу на любимой скамейке. Вдруг она слегка дрогнула. Еще не отключившись от мыслей, перевожу взгляд на девочку, которая нарушила мое уединение. А та уже сидит с полужакрытыми глазами и шевелит губами. На коленях – толстая книга в коричневом переплете. Потом девочка глянула в посветлевшее небо и стала осторожно листать книгу. Вытянув шею, я старалась разглядеть картинки. Даже плечи заныли, но позы не меняла, боясь спугнуть незнакомку. Она заметила мой напряженный взгляд и предложила:

– Садись ближе.

Я тут же придвинулась.

– Видишь, какие люди изображены? Противные, на зверей похожие. Правда, странный художник?

– Наверно, его часто обижали, – предположила я. – Одна воспитательница казалась мне волчицей, когда ругалась, а если молчала – то змеей. А этот художник был старый или молодой, когда рисовал эти картины?

– Старый и больной.

– Тогда понятно. «Старэ как малэ», – говорила моя бабушка Мавра. Наверно, он рисовал свои страхи.

– У тебя все так просто! – удивилась незнакомка.

– Наоборот, сложно. Если бы все люди были добрыми, то жизнь была бы простой и легкой. Вот объясни, зачем дяди пьют водку, а потом бьют своих детей? Я вот люблю лазить по деревьям. Может, это и плохо, но вреда же от этого никому нет, и меня можно простить. А злых пьяных нельзя прощать.

– Их надо наказывать, – согласилась девочка.

– Недавно один дядька ругался матом на маленького сына, а я заступилась. По лицу взрослого понимала, что не надо встречать, что достанется мне от него, но не могла пересилить себя. Жалость к малышу была сильнее страха за себя. «Зачем, – говорю, – так разговариваете с ним? Он, когда вырастет, тоже на вас будет кричать». Я потом пожалела, что влезла в разговор, потому что дядька еще больше разозлился на мальчика, даже ударил.... Неужели и я когда-то стану такой... бесчувственной?

– Не станешь, – серьезно заверила девочка.

– Смотри, эта тетя на картине воображает! – рассмеялась я.

– Она красивая, гордая. И богатая, наверно. У богатых воспитывали уважение к себе.

– А разве у бедных его нет? У меня, например, есть. Правда, гордиться-то особо не чем.

– Как ты учишься?

– На пятерки, – ответила я.

– Вот и гордись! Знаешь, ты тоже красивая, только одета плохо.

– Мне на следующий год форму сошьют! Даже мерки снимать будут, – торопливо сообщила я, смущенная последним замечанием девочки.

И осторожно добавила:

– У тебя дома есть еще такие книги?

– Много.

– А мне можно будет их посмотреть? Книги я очень берегу, – поспешила я успокоить новую знакомую.

– Приходи в субботу с двух до пяти. У меня режим, все дни расписаны: музыка, художественная школа, танцы.

– Спасибо. Очень большое спасибо, – забормотала я, еще не веря счастливому случаю.

Ирина дала мне адрес, и мы пошли в разные стороны.

Я была внешне спокойна, а внутри все тряслось от радости. Мне понравилась Ирина. Я познакомилась, может быть, с самой лучшей, самой интересной девочкой на свете! Ирина ни слова не сказала о своих родителях, но я сразу поняла: такая не может жить в плохой семье. Боже мой, хоть бы меня не прогнали!

В ГОСТЯХ

Люблю смотреть вдаль. Когда хожу по улицам, глаза спотыкаются о дома, и я не вижу простора, к которому привыкла в деревне.

Сегодня удивительно яркий октябрьский день. Вид из моего окна – как застывшее прекрасное мгновение! Уже время обеда, а белесый туман полностью не рассеялся. У горизонта дома, трубы заводов и река сливаются в блеклую неровную полосу. Лес погружен в дрему. Нечеткие силуэты деревьев таинственны. Рядом с детдомом, в сквере, мне хорошо видны шарики колючих каштанов, пучки семян городского клена, гроздь рябины. Золотые березы и пламенеющие кроны мелколистого клена даже не вздрагивают. Безмолвие изредка нарушается шуршанием шин. Мне не хочется двигаться. Подставляю лицо солнцу и думаю о семье Ирины. Я жду двух часов...

С трепещущим сердцем постучала в красиво обитую дерматином дверь. Ирина открыла сразу. «Значит, ждала», – обрадовалась я.

Вошла в широкий длинный коридор. На полке для обуви аккуратно расставлены тапочки и ботинки. Кроме взрослой вешалки, пониже – крючки для Ирины. На полу дорожки точь-в-точь как у нас в холле детдома.

Я разулась, и мы прошли в комнату Ирины. Кровать, стол, книжный шкаф, шкаф для одежды, картина. На ней изображены: лес, луг, болотце. Вдали сарай. Через ручей переброшен полуразрушенный мостик. Запустение. Тишина. Мне тоже захотелось говорить тихо.

– Кто выбирал картину? – поинтересовалась я.

– Мы вместе с мамой.

– Мне всегда хотелось иметь такую же спокойную, задумчивую. Только голубое небо я сделала бы немного нежней.

Ирина предложила мне стул, а сама пошла в кабинет отца.

В открытую дверь я увидела стену шкафов. А в них книги, книги...

– Ух! Какое богатство! – не сдержала я восторга.

Ира сняла с полки большую тяжелую книгу и положила передо мной. Я взглянула на свои руки и спросила, где умывальник. Ира отвела меня в белую ванную комнатку.

– Этими игрушками ты играешься? – спросила я, заметив в углу комнаты ящик, из которого торчали головы кукол и зверей.

– Не играюсь, а играю, – с улыбкой поправила Ира, – частица «ся» – это сокращенное «себя».

– Откуда ты знаешь про это?

– У меня мама лингвист. В институте работает.

– И папа в институте?

– Да. Он в Гражданскую войну был сыном полка, хотел стать военным, но потом увлекся историей.

Мне понравилось, как просто Ирина рассказала о родителях, и я поддержала разговор:

– Папа моей подружки тоже был сыном полка. Где только ни воевал! Но в школе не учился. А невесту из пединститута приглядел. Три раза ее выкрадывал. Но она хотела учиться и возвращалась. Но институт так и не окончила. Дочка родилась. Первое время они нормально жили. Теперь старшая дочь в университете учится, меньшая – в первом классе, а их папа при доме культуры подрабатывает тем, что плакаты пишет. Он заставляет жену идти работать, чтобы дети в обносках не ходили. А она не хочет. «Стара, – говорит, – учиться, а в уборщицы не пойду». Из ученой семьи была. Не повезло ему, да?

– Не знаю. Может, наоборот. Трудно за чужую семью решать, – рассудительно ответила Ирина.

Мы сидели рядом. Моя новая подруга рассказывала истории создания картин и интересные случаи из жизни художников.

В комнату вошла высокая, голубоглазая блондинка в строгом черном костюме. Я испугалась, вытянулась по струнке и пробормотала:

– У меня руки чистые, и я... веду себя хорошо.

Женщина улыбнулась светло и мягко:

– Не отвлекайтесь, я вам бутерброды сделаю.

Вскоре Ирина мама позвала нас на кухню. Передо мной сидела не строгая, научная дама-лингвист, а добрая тетя в длинном голубом халате. Я обратила внимание, что движения рук у нее грациозные, голос приятный, богатый оттенками звучания. Я смотрела на ее красивое лицо и удивлялась, почему со мной, чужой девочкой, она ведет себя как с равной ее дочери? Я все еще продолжала смущаться, судорожно подбирала со скатерти крошки. Булку съела, а колбасу потихоньку спрятала в карман. Альбина Георгиевна заметила и сказала, что даст бутерброды с собой. Я испугалась, что меня больше не пригласят, и заплакала. Альбина Георгиевна успокоила:

– Не волнуйся. Все в порядке. Мы гостям всегда рады. Приходи к нам. Ты хорошая девочка.

«Какая она понятливая!» – подумала я. В носу снова зашекотало. Чувствую, не могу успокоиться. Попросила разрешения уйти. Ирина проводила меня и на прощание, дотронувшись до плеча, сказала:

– Жду тебя в субботу, обязательно приходи.

МУЗЫКА

Сегодня мы с Ириной слушаем пластинки. Я так рада! У нас для младших классов даже радио нет. Мне без него скучно.

– Ирина, а частушки тебе нравятся? – спросила я.

– Не всякие.

– А я их не люблю. Слова в них какие-то глупые, и мелодия сердце не трогает.

Недавно видела на улице свадьбу. Невеста красивая, с цветами, в белом штапельном платье, а гости пели «солёные» и матерные частушки «Ой, Семеновна!» Она, бедная, глаза боялась поднять. Мне так было стыдно за ее родню! Я спросила молодого дядю:

– Разве нельзя без ругательных слов?

А он засмеялся:

– Пускай привыкает. Женщины грубую любовь больше любят.

– Неправда! – возмутилась я.

– Телячьи нежности! Ты с чьей стороны родня?

– Не родня, – создалась я.

– Ну и дуй отсюда! Не порть компанию, – рассердился на меня дядя.

Я и ушла.

– А какая тебе музыка нравится? – с интересом спросила Ира.

– Песни о родине люблю. Еще люблю грустные или военные. Детские – сю-сю – нет. И скрипку не люблю. Она словно плачет. Сердце так и разрывается. Практикантка Галя приучала нас слушать трудную музыку. Но я не понимаю такой, от нее настроение разное делается.

– Значит, понимаешь. И в народной музыке есть замечательные моменты, великие композиторы используют их. Глинка, например. Мы как раз в музыкальной школе его проходим. Я пятый год учусь, – с гордостью сказала Ирина.

– Как это? Тебе же всего десять лет!

– С пяти лет пошла.

– Я как-то вечером попала в актовый зал, там старшеклассник на пианино играл. Хороший. Даже разрешил клавиши потрогать. Я спросила его: «Чтобы играть, надо ноты знать?» «Не обязательно, – ответил он. – Можно подбирать на слух. Вот попробуй. . .» Но у меня ничего не получилось. Я испугалась, что у меня нет музыкального слуха, а он успокоил: «Не всем же быть музыкантами. У тебя, наверное, к чему-то другому есть способности». «Рисовать люблю», – радостно заверила я мальчика. Понимаешь, мне очень не хотелось быть бездарной. Ира, проиграй мне свое домашнее задание.

– Тебе скучно будет слушать этюды. Лучше спою мою любимую песню. Очень трогательная.

И она запела: «Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий. Баюшки, баю-баю. . .» У меня сами собой потекли слезы. Я вздохнула:

– Сыграй что-нибудь веселое или торжественное.

– Пожалуйста: «Славься, ты славься, Русь моя. . .»

– А скажи, ты слышишь в голове музыку?

– Конечно, постоянно. Ту, которую выучиваю. Иногда пытаюсь сочинять этюды. Но пока не очень получается. Прокручиваю их в голове и все переделываю, переделываю.

- У тебя талант?
- Талант – это труд, терпение. Так папа говорит, – очень серьезно ответила Ирина.
- Не скучно учиться музыке?
- Нет. Иногда устаю, и тогда хочется все бросить. Нагрузка у меня большая.
- Я от чистописания тоже устаю и злюсь... Ой, говорю, говорю. Может, я тебе мешаю?
- Нисколько. Да и «разгрузочные часы» у меня должны быть.
- А у меня нет «загрузочных».
- Будут и у тебя, – засмеялась Ирина, – тогда иначе «запоешь!»
- Давай вместе споем «Горе горькое по свету шлялося...»? – неожиданно предложила я. Ирина удивленно подняла брови, но согласилась.

Возвращаясь в детдом, я размышляла, подходит эта песня для совместного исполнения или лучше грустить одной? Так и не поняла.

ПАПА ИРИНЫ

Иду к Ирине взбудораженной. На остановке какая-то мама кричала на дочку лет четырех. Та споткнулась. Загляделась на птичку. А мама дернула ее за руку: «Под ноги смотри, разиня!»

Некогда маленькой объяснить, что не виновата. Бросилась к коленям матери, прижалась... А мама шлеп, шлеп ее по попке. Да так сильно! У девочки – слезы градом... Теперь торопливо перебирает она ножками, понукаемая резкими окриками. Обида еще трясет маленькое сердечко, но на личике уже тупое безразличие ко всему вокруг. Только бы успеть, только бы не рассердить мамочку. Любимую. Единственную... А слезы все текут в три ручья...

Я пытаюсь отвлечься: смотрю в небо, на мое спасительное царство белых облаков. Вошла в парк. Настроение стало улучшаться. Слышу шелест листьев, пение птиц. Лучи солнца, проходя через пушистые облака, заливают парк рассеянным спокойным светом. Облака – небесные корабли – сегодня величественны, неподвижны. Они чистые, без темных прослоек, отчего кажутся еще более легкими, воздушными. И только края их чуть золотятся, придавая сказочным громадинам нарядный, праздничный вид.

Мощные тополя разбросали огромные ветви вширь и ввысь. Трогаю янтарный мрамор стволов сосен. У дуба кора темно-серая, пропаханная глубокими рытвинами. Почему у него корявые ветки и шишकाстый ствол? В низине сиротливо толпятся молодые осинки. Но нежней березы ничего нет. Ажур ее кроны прозрачен, тонок. Я вдыхаю прощальный запах лета, восхищаюсь оранжевыми брызгами рябины.

Попала на незнакомую длинную аллею, в конце ее – странное, серебристое, будто сказочное, видение. В его середине – искрящийся столб. Подошла ближе. Да это же настоящий, живой фонтан!

Легкий туман стоит над «хрустальным столбом». Малыши ходят по плоскому обрамлению мраморной чаши фонтана. Водяная пыль осыпает их. Детям радостно. Я тоже подставила лицо влажному облачку.

К подруге пришла умиротворенной. Ирина достала с полки книжечку «Маленький принц». С первых строк мне показалось, что это сказка для малышей. Но, когда Ирина принялась читать громко, с выражением, я заслушалась. Трогательная любовь доброго мальчика к Розе напомнила о моей любимой лесной гвоздике. Главный герой словно читал мою душу, и все происходило не в сказке, а на планете моей мечты. Сердце трепетало, вздрагивало от каждой фразы. Слезы текли по щекам.

- Почему ты плачешь? Это же хорошая, добрая книжка, – удивилась Ирина.
- Нет. Она очень печальная и честная. А плачу потому, что так много грустного вокруг! Наверное, во всем виновата война. Люди из-за нее злее стали?
- Папа говорил, наоборот, война сплотила людей, сделала сильнее.
- А как сделать, чтобы все люди на Земле стали добрыми?

– Не знаю. Мама на родительском собрании в моем классе объясняла, что детей надо учить и воспитывать, чтобы не росли как в поле трава.

– Как ты думаешь, у того мальчика из книжки может быть счастливая судьба?

– Конечно!

– А мне кажется, он всегда будет грустный, потому что всем на свете хорошо не бывает.

– Когда-нибудь будет! Надейся на лучшее! Почему ты часто употребляешь слово «судьба»? Как ты его понимаешь?

– Судьба... это когда от меня ничего не зависит. Вот как учиться в школе – я решаю. А почему в детдоме оказалась – судьба. Может, мои родители были такими же умными и красивыми как твои. Только вот судьба...

Я вздохнула и добавила шепотом:

– Когда вырасту, постараюсь, чтобы у меня была семья, как ваша.

Пришел папа Ирины. Весело потирая руки и поглаживая черную с легкой проседью бородку, он пошутил:

– Нашего полку прибыло. Будет с кем вести дебаты. Будешь моим оппонентом?

Я понимала, что плохого такой человек не предложит, и, хотя не поняла его слов, кивнула утвердительно. Он благодушно засмеялся и стал расспрашивать, чем я интересуюсь, как отношусь к природе, урокам, друзьям. Вопросы ставил простые, безобидные, несерьезные, но к концу разговора я почувствовала, что он словно вывернул меня наизнанку, узнал обо мне все самое сокровенное, важное. Присматривался исподволь, копался в тайнах, мне самой не доступных, и все понял про меня.

Сели к столу. Петр Андреевич улыбнулся:

– Ты, вижу, умеешь радоваться успехам подруг. Это хорошо. Не всякому дано побороть в себе ревнивого, злого зверя зависти.

– Такого зверя во мне не водится, – подтвердила я.

– Прекрасно! И уж если ты хороший человек, то веди себя с достоинством.

Кстати, ты любишь себя?

– Не знаю...

– А уважаешь?

– Конечно! Я не терплю, когда меня обижают, обманывают. А еще не люблю безразличных. И лица у них какие-то плоские, не запоминаются.

– О! Да ты философ! – рассмеялся Петр Андреевич.

Я сделала обиженное лицо:

– Опять вы дразнитесь!

– Я по-доброму. Но в каждой шутке есть доля правды.

– Шутки я плохо понимаю, сразу ежиком становлюсь, – созналась я грустно.

– Хорошо сказала. Молодец!

– А знаете, наши мальчишки задаются, считают себя умнее девчонок. Я на это злюсь. Вы, наверно, не думаете, что Альбина Георгиевна глупее вас? Она какая-то особенная. Правда? Плавная. Или грациозная. Как лучше сказать?

– Пожалуй, к ней и то и другое подходит, – улыбнулся Петр Андреевич.

– Она тоже доцент или профессор?

– Доцент. А ты права: девочки нисколько не глупее мальчиков. Но женщина часто не имеет возможности проявить свой ум в полной мере. Забота о маленьких детях, о домашнем хозяйстве – это почти все на ней. Хранительница семейного очага! Девочек с детства воспитывают в таком духе. Но что мы, мужчины, без женщин? Да ничего! Я полагаю, совсем пропали бы. Достойный мужчина не позволит себе унижить, тем более оскорбить женщину. А скажи-ка, мой юный друг, какую книгу ты считаешь интересной для себя?

– Которая не надоедает. Некрасова. Еще сказки люблю. Но нам сейчас никаких книг, кроме учебников, не дают.

– Это плохо. Без книг интеллекта не накопишь. Вращаясь большей частью среди детей, много не получишь в смысле умственного совершенствования. Обучение – взаимодействие интеллектов. Что ж, будем с Альбиной Георгиевной помогать тебе. Познакомим, как говорится, с лучшими образцами литературы. Не забудем и про искусство.

Я с трепетным благоговением смотрела на Петра Андреевича. Душа моя замирала.

– Впрочем, хватит соловья баснями кормить. Ну-ка, бери нож и вилку!

Я смотрела, как ест Ирина, и старательно повторяла ее движения.

– А мы с Петей недавно в гастроном ходили! – снова заговорила я, не выдержав долгого молчания. – Он показал мне на витрине самую дорогую и самую вкусную рыбу на свете – осетра холодного копчения. Аромат от него по всему магазину! Нанюхались всласть, будто на самом деле рыбы поели. А хотите, еще историю расскажу про...

– Все истории – после обеда. Ешь, не торопясь, не отнимаем, – засмеялся Петр Андреевич.

Я тоже улыбнулась ему. Настроение у меня было солнечное.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА

Теперь я стараюсь не пропустить ни одной субботы. Даже на обед не хожу, чтобы не опоздать в гости. Знаю: у Ирины без чая с бутербродом не оставят. Прихожу, и каждый раз на столе уже лежат несколько книг по истории живописи. Это для меня. Книги толстые и тяжелые. Цветные картинки проложены полупрозрачной папиросной бумагой. Я осторожно переворачиваю страницы и разглядываю репродукции. Вглядываясь в лица, понимаю, что эти люди из другой, не нашей жизни. И не только потому, что одежды их яркие, шикарные и сильно отличаются от наших серо-черных, простых. В них – незнакомое мне самодовольство, чувство превосходства, любование собой. А лица окружающих меня людей в основном добрые, грустные, усталые.

– Наши люди лучше. Они не наглые, – поделилась я с Ириной.

– На портретах – богатые и знатные люди. Людей из народа писали редко. А простые люди везде одинаковые: озабоченные и одеты бедно.

Продолжая разглядывать картины старых художников, я подумала, что люди с тех времен не очень изменились. И тогда были умные, интересные, и их произведения ничуть не хуже нынешних авторов. Художники эпохи Возрождения мне даже больше нравятся. Может быть, люди тогда меньше знали, но ощущали окружающий мир так же ярко.

– Смотри, это портрет жены артиста Щепкина, – обратила мое внимание к рисунку Ирина.

– Как нарисовать живые глаза, я понимаю, но как художник смог доброту передать? Доброты этой женщины хватило бы на весь мир! Мне хочется, чтобы моя мама была похожа на нее. Пусть это будет портрет моей мамы? Можно?

– Конечно, – улыбнулась Ирина.

Она заторопилась. У нее доклад в художественной школе: «Великая эпоха Возрождения». Ирина впервые взяла меня с собой.

Доклад мне понравился. Некоторых слов я не знала, но поняла, что художники тех времен были удивительно талантливы, изобретали новые методы письма, а жизнь некоторых была очень тяжелой.

Руководитель – молодая, красивая, с плавными линиями рук и шеи, одетая в строгое черное платье, – спросила Ирину:

– Ты все понимаешь, о чем здесь говорила?

– Естественно, – подтвердила девочка. – Иначе не стала бы выступать.

Я не выдержала:

– Вот я здесь в первый раз, но мне тоже все понятно!

Преподавательница взглянула на меня удивленно. В ее голосе прозвучала ирония:

– Я много лет занимаюсь искусством, но не могу утверждать, что все понимаю.

А я уже завелась:

– Так не говорю, что все знаю и понимаю! Доклад поняла, и мне тоже нравятся эти художники! Часами готова смотреть их картины! В них – и радость, и еще что-то хорошее, чего не могу выразить словами. Есть картины, которые мне совершенно не нравятся: на них – толстые тетки. А у Микеланджело женщины красивые. Мадонны – вообще прелесть! А Христос-ребенок не везде красивый. Вот здесь он задохлик какой-то. И не пропорциональный. Но я художника не критикую. Может, кому-то и такой рисунок по душе. Мы же все разные.... Природу теперешние художники плохо рисуют. Я думаю – они в основном городские. Если бы Леонардо да Винчи, про которого мне рассказывала Ирина, в детстве не гулял на свободе, не жил на природе, вряд ли стал бы гением. В нашем детдоме городские дети просто не замечают природу! Они понимают, но не чувствуют ее. Она их не радует. По-моему, это ужасно... А вот этот рисунок... даже не верится, что его написал взрослый. Будто какой-то школьник.

– Нет, – возразила преподавательница, – это картина взрослого, знаменитого художника.

– Снежная королева мир видела неправильно из-за кривого зеркала, которое попало ей в глаз, а этот дядя, видно, смотрел на все через калейдоскоп. Игрушка такая детская. Где он встречал квадратный нос или глаз на коленке? Я, например, не видела. Больше мне нечего сказать, – закончила я свою длинную, путаную речь и только тогда с тревогой взглянула на Ирину. Не подвела ли?

Дети смотрели на меня с любопытством и удивлением. Преподавательница подала мне картину. На ней было изображено красное поле и красные деревья. Она спросила:

– Почему здесь преобладают красные тона? Что художник хотел этим сказать?

– Мне кажется там – жарница. Все солнцем пропитано. Этим летом мы шли с прогулки. Солнце пекло невыносимо. Я еле ноги переставляла, язык не ворочался. А перед глазами плыли цветные круги. Поле, дорога, небо – все было розовое. Хотелось упасть на землю и ничего не видеть... А еще я думаю: «Не были ли люди прошлого более скованными в проявлении, в выражении эмоций? Мне кажется, много чувств они прятали внутри своих произведений. Не получалось у них рисовать так, словно душа нараспашку, а может, не хотели. Наверное, глупость говорю, но я так чувствую.

В комнате стояла тишина. Она испугала меня. Я нервно переминалась с ноги на ногу. Потом, не сдерживая слез, выбежала из студии. Опять тормоза подвели! Что теперь скажу Ирине, как у нее появлюсь? Мне стало холодно, неуютно, одиноко...

Ирина догнала меня:

– Успокойся, преподавательница послала найти тебя. Она совсем не сердится.

– Но я же урок сорвала, – всхлипнула я.

– Ты понравилась ей. Она сказала, что у тебя поэтическое восприятие жизни, что у тебя есть свое мнение, и ты смелая.

Похвала тотчас высушила слезы.

– Прости меня. Я научусь быть воспитанной, честное слово, но сразу не получается.

– Да все хорошо. Ты молодец! Я побегу на урок? Ладно?..

И мы расстались.

СЕРДЦЕ В ТВОИХ ЛАДОНЯХ

Снова сбежала к подруге.

– Ирина, я принесла тебе подарок.

– Спасибо! Это символ? – спросила она, внимательно рассматривая рисунок.

– Я не знаю такого слова.
– Что означает сердце внутри наполовину распустившегося цветка?
– Это твое счастье.
– Хорошо придумала! У тебя и другие рисунки есть?
– Конечно. Только на день рождения грустных подарков не дарят.
– Покажи, пожалуйста.
– Ладно, вот они, только плохо нарисованы. Белой бумаги у меня нет, я в магазине выпросила эту, оберточную. Чернила на ней расплываются. Сначала я нарисовала, будто баба Мавра меня обнимает. Потом подумала, что она любого ребенка может прижать к себе и что добрых бабушек может быть много, вот и оставила на рисунке только мозолистые в трещинках руки. А когда на уроке Анна Ивановна сказала, что сердце у человека размером с его кулачок, то нарисовала маленькое сердце ребенка в больших ладонях. Как выглядит оно на самом деле, я точно не знаю. У старших девочек на открытке про любовь видела, но мне то сердце не понравилось. На пряник похоже. Вот и придумала нарисовать его вроде кулачка.

– Но у тебя мое сердце выглядит, как два прижатых кулачка.
– Потому что у доброго человека оно большое. Еще сердце в груди ширится от радости, и тогда оно представляется мне распускающимся бутонем розы. А вот здесь оно перетянута черной змеей-удавом. Мучается чье-то сердце, потому что злом сдавлено, как клещами. Видишь, оно маленькое, худое? А на этом рисунке – мое сердце, когда мечтаю. Оно плавает в море счастья, в лучах солнца... И тут – тоже мое сердце. Но в оболочке. Когда мне хорошо, то где-то здесь, около сердца теплеет. Значит, душа не в голове, а в груди. Если я беспокоюсь или волнуюсь, то в груди болит, я задыхаюсь, вроде как душе тесно там. Она мечется, рвется наружу.

– А зачем у тебя здесь роза за колючей проволокой, на которой сидит птичка?

– Так ведь поникшая роза – это сердце детдомовца.

– А что ты хотела рассказать этим рисунком?

– Ничего. Просто, когда один раз шла к тебе через парк, то наблюдала, как всходит солнце. Облака у горизонта были белые и волнистые. Солнце выплыло наполовину. Над ним красно-оранжевый отсвет потихоньку растворялся в голубом небе. На моем пути оказалось дерево со спиленной кроной – обрубок такой огромный. Как человек без головы. Из него веером росли зеленые веточки. Они на фоне солнца, как живые лучики! Меня поразила эта картина. Словно с восходом солнца начиналась новая жизнь взамен прошлой, черной. Мне показалось, что я сама в новом детдоме прорастаю, как это дерево на солнце.

– Можно я покажу твои рисунки в художественной школе?

– Хочешь, насовсем отдам.

– Ой, спасибо! Я их в альбом для фотографий положу.

– Так они тебе, правда, понравились?

– Еще как!

– И ты мне свой подари. Тот, где костер и еще одинокое дерево на ветру. Подаришь?

– С удовольствием! – воскликнула Ирина.

И мы обменялись рисунками.

Возвращалось в детдом в прекрасном настроении.

ЛЕТАЮ

Я летаю во сне! Легко подпрыгиваю, делаю пару взмахов руками-крыльями и лечу вдоль длинного коридора. Если хочу подняться выше, на другой этаж, то чуть напрягусь и плавно взмываю вверх. Ощущения незабываемые! Тело подчиняется малейшему движению рук и ног. Двигаюсь стремительно, но плавно.

Сначала летала только по детдому. Потом захотелось большей свободы. Выпорхнула из окна первого этажа и стала осторожно подниматься на уровень второго, третьего. Выше, выше! Чувство трепетного восторга переполняет меня. Упоения счастьем не передать! Попробовала пикировать вниз головой, вовремя выныривая у самой земли. Получилось! Это совсем не то, что прыжки с крутого берега реки. Там сжимало горло, стучало в висках, перехватывало дыхание. А сейчас грудь распирает от радости и блаженства!

Утром проснулась в мечтательном настроении, мир показался мне удивительно чудесным!

Вскоре сон повторился, вернее, продолжился. И я опять плавала в океане счастья!

Так продолжалось долго.

Но потом счастье от полетов закончилось. Больше во сне я не плаваю на волнах радости. А как хочется! Может быть, когда-нибудь такое явление еще вернется ко мне?

Теперь я лишь пытаюсь сохранить в себе ощущение счастья, вновь и вновь проигрывая в памяти каждое движение.

ПЕЧАЛЬНЫЙ КОРТЕЖ

Дорога к вокзалу шла мимо нашего парка, и почему-то именно в эту сторону постоянно двигались безногие инвалиды войны на своих деревянных каталках (тележках с маленькими железными колесиками). Они с трудом преодолевали бугор, отталкиваясь от земли руками в рабочих рукавицах или короткими деревяшками с петлями для рук. Кому-то с первого раза не удавалось взобраться по крутому склону, и его опять уносило к парку. Случалось, что каталка переворачивалась. И тогда долго слышались стоны, бранные слова. Но человек вновь пытался преодолеть препятствие. Наверное, другие дороги к вокзалу были еще хуже. Труднее всего

было взбираться человеку, у которого вместо левой руки болтался пустой рукав. Когда он проехал мимо меня, я отворачивалась. Душа моя стонала.

Что притягивает меня сюда? Сердце разрывается, но я снова и снова прихожу к парку и смотрю на странную вереницу людей. Одеты они в изношенные ватники, из которых торчат ключья ваты, в зашитые на култях ватные брюки, в шапки-ушанки с красной пятиконечной звездой. За плечами – солдатские вещмешки.

Особенно меня интересовали двое. Один, самый старый, с короткими култями, всегда улыбался, наяривал на гармошке и орал песни, приправляя их забористой матерщиной. Они звучали весело и, казалось, беззаботно. Он был вроде как за главного или просто душой этого печального коллектива. Второй – молодой, голубоглазый, с плотно сжатыми губами и неподвижным, будто из дерева, лицом. Его взгляд проходил сквозь людей, не задерживаясь. Он редко поднимал глаза к лицам прохожих. На вокзал не ездил. Оставался в парке. Прислонится плечом к скамейке и уставится долгим отсутствующим взглядом в одну точку. А иногда подолгу растирает красивые тонкие пальцы рук и тихонько постанывает.

Мне захотелось узнать, для чего по утрам эти люди, словно на работу, отправляются на вокзал. Путь оказался дальний. Не меньше часа следовала за ними. Теперь поняла, почему тот молодой оставался в парке: не мог он просить милостыню у пассажиров проезжающих поездов.

А веселый солдат вытащил из рюкзака маленькую, на вид игрушечную, гармошку и начал петь громко, разухабисто. Люди выходили из вагонов и давали сначала ему, а потом и остальным мелкие деньги, еду. Солдаты, опустив голову, молча принимали людскую жалость, слушали сочувственные вздохи, тихую, сквозь зубы, брань в адрес тех, кто обязан помогать героям. При этом пассажиры с беспокойством оглядывались по сторонам и быстро скрывались в вагонах.

Уже собралась уходить, измучив свое сердце жалостью и обидой, но тут к перрону подошел эшелон с солдатами. Новобранцы заполнили окна неподвижными, словно неживыми лицами.

Вдруг из вагона вышел суровый генерал с золотыми погонами и красными полосками на брюках. Он подошел к гармонисту, снял красивую фуражку, аккуратно положил на траву,

встал на колени и обнял солдата. Мне показалось, что оба заплакали. Потом генерал вытер лицо и, пожав руку каждому солдату, молча направился к вагону.

Когда поезд тронулся, гармонист зарыдал в голос. Он что-то кричал. Но я уже не могла разобрать слов – убежала. Сердце стонало и разрывалось на части.

ДЯТЕЛ

Наш путь в школу пролегает мимо сквера. Редкие молодые деревья, аккуратно постриженные аллеи – все как-то по-городскому, неуютно. По прямым асфальтовым дорожкам холодный ветер гоняет обертки от конфет, шелуху семечек. Тети с маленькими детьми торопятся скорее попасть на детскую площадку, окруженную высоким ажурным забором из железных прутьев, увитым диким виноградом. И, хотя листья опали, плотная вязь тонких лиан задерживает порывы ветра. Он, если и пробирается сквозь мелкие ячейки переплетений, то уже усмирный.

И вот этот потускневший осенний сквер по утрам стал просыпаться под звонкий барабанный стук. Мы с девочками вышли в школу пораньше, чтобы найти этот странный «будильник». Стук разносился непонятный: звонкий, металлический, неритмичный. То, что «концерт» устраивало живое существо – ни у кого не было сомнений.

– Дятел, – решили все дружно.

– Когда дятел работает, звук глухой, а здесь, будто ребенок стучит по железу, – возразила я.

Мы осмотрели все деревья на расстоянии слышимости. Ничего не нашли. Вдруг девочка, которая стояла, опершись на электрический столб, обрадованно закричала:

– Дятел! Вон, над лампочкой сидит и стучит по железному кожуху фонаря.

Мы вмиг собрались вокруг нее и с восторженным любопытством замерли. Дятел не обращал на нас никакого внимания.

– Привык к шуму на детской площадке.

– Что же он, глупый, без толку стучит по железке?

– Ему просто нравится музыка. Смотрите, с каким удовольствием он стучит.

– И делает это только по утрам. А потом улетает и обедает на деревьях, – радостно галдели девочки.

Теперь мы уже не представляли себе дороги в школу без музыкального сопровождения нашего друга. Скоро о нем узнала вся округа. Люди, спешащие на работу, останавливались на минутку у знаменитого столба, отыскивали глазами нашего любимца и продолжали свой путь, улыбаясь.

ДНЕВНИК И «ВОЛНА»

«Здравствуй, Витя! Сегодня начала вести дневник. Меня научила этому мама моей подруги Ирины. Буду писать про свою жизнь, а когда встретимся, подарю его тебе.

Мне не нравится писать прописные буквы. Очень устаю. Зато печатными могу «строчить» хоть целый день. Я по-прежнему держу карандаш в кулаке. Так легче. На уроках, конечно, беру его как надо.

Бумаги на дневник у меня нет. Выпрашиваю в магазине оберточную. Добрые тети дают по листочку, потому что я разговариваю вежливо. Письма буду складывать между двумя фанерками, и прятать под матрац. Это моя почта.

У одной воспитательницы на черной кофте я увидела большую белую перламутровую пуговицу. И вдруг представила, что каждый день вижу на ней тебя, как в зеркале. Внутри пуговицы, наверное, какая-то умная штучка ловит волны. Ну, те, о которых рассказывала практикантка Галя. Только у нее они речь передавали, и получалось радио, а мои новые волны

изображают все, что происходит с тобой. Я нажимаю на экран-пуговицу и, пожалуйста, можно смотреть и разговаривать с тобой!

Теперь перед сном я всегда вижу тебя и советуюсь, особенно когда мне плохо. Ты же все слышишь, правда? Я называю нашу пуговицу «волна».

Витек, мне здесь хорошо и спокойно, но я часто вспоминаю наш детдом. Помню морщинистые руки няни. Она кормила меня в больнице. Мне тогда было меньше трех лет. Помню, как кривились воспитательницы, когда говорили о наших мамах. Никогда не забуду тетю Машу. Это она привела меня в царство белых облаков. Помню, что и как говорили мне люди, которых люблю. До сих пор стонет сердце, когда вспоминаю жестокую Валентину Серафимовну. Почему я не желаю ей плохого? Не умею ненавидеть? Каждую ночь потихоньку реву, тебя вспоминаю. С тех пор, как тебя увезли, в уголке сердца остался кусочек льда, там всегда холодно и пусто».

УРОКИ НА СКАМЕЙКЕ

Сажу на скамейке матрешкой: колени прижаты к груди, поверх них натянут мой любимый плащ. Он почти до пят и согревает не только тело, но, кажется, и душу.

Подошел парень, по виду деревенский. На руках грудной ребенок кричит. Молодой человек то неловко прижимает его к широченной груди, то размашисто качает и глухим голосом поет колыбельную. Ребенок не унимается. Отец нервничает. Вдруг он остановился и, сменив темп, запел громко и выразительно «Вихри враждебные». Малыш почему-то сразу умолк. Но ненадолго. Теперь он залился еще громче и пронзительней. Из магазина выбежала женщина, выхватила орущего ребенка. И тут-то малыш, наконец, успокоился. Молодая пара удалилась.

Следом появилась новая семья: статный папа с сыном, интеллигентная мама и бабушка. Женщины остались беседовать, а мужчина ушел играть с мальчиком. Они катались на каруселях, лазали по лестнице, гоняли мяч. Между играми отец находил время учить ребенка говорить букву «р». Это происходило интересно и весело. Их смех заставили меня улыбнуться. Но когда мужчина снова подошел к женщинам, то как-то изменился: сделался напряженным, неестественным, а говорил словно заискивая. Потом «мужская половина» опять помчалась в спортивный городок, а женщины улыбнулись друг другу, и бабушка сказала:

– Старается. Это хорошо. Понимает, что из грязи вытащили. Так и держи его, пусть чувствует: кто – он, а кто – мы. А когда образование дадим, совсем «ручной» будет.

Мне стало жалко дядю. Ни за какие коврижки не захотела бы становиться ручной! И зачем мать так учит дочь? Разве от этого они будут счастливее?

Я загрустила и перебралась на лавочку, что стояла напротив почты. Сквозь стеклянные двери вижу, как к окошку «до востребования» подходят люди, получают письма и тут же их читают. Подбежали две девочки-школьницы. Взяли письмо и отчего-то долго хохотали. Потом мое внимание привлек очень полный мужчина. При ходьбе его грузное тело тряслось и колыхалось как холодец. Он шел медленно, тревожно озираясь по сторонам. Тяжело поднялся по ступенькам. Получив письмо, дрожащими руками разорвал конверт. Что с ним произошло! Серое лицо засветилось, порозовело, он не мог сдержать улыбки. Толстяк рухнул на мою лавочку. Она жалобно заскрипела. Выпучив глаза, он жадно читал. Потом прижал письмо к груди и зашептал: «Она меня любит, любит!» Наконец, он спрятал письмо в карман и едва не танцующей походкой ушел.

Его место заняли две женщины. Я слышу их разговор:

– Мать умерла, отец погиб, мачеха своего ребенка увезла, а этот не нужен – отказалась. Хотела оформить опеку. Вдруг он спрашивает: «Я ничей?» Тут я поняла, что не смогу иначе. Усыновила. Конечно, привилегии потеряла, его право на ту квартиру, но не жалею. Мы счастливы с ним.

Подбежал мальчик в голубой матроске, прижался к ее плечу и спросил:

– Мама! Ты уже отдохнула? Не опоздаем в цирк?

– Не опоздаем.

Женщина погладила сынишку по светлым волосам и подняла тяжелые сумки.

Теперь на скамейке два молодых веселых дяди. Из карманов торчат бутылки с водкой.

Тут другой разговор:

– ...И дети есть?

– Наверно.

– Хоть сколько их, знаешь?

– Разве упомнишь, сколько желторотых по свету разбросал.

Я ошалела: «Не может такого быть! Или не поняла?»

– Дядя, а кто – желторотые? Птички? – спросила я с надеждой.

– Дети, дети, глупышка, – засмеялся дядя в полосатой майке, что выглядывала из-под не застегнутого ворота рубашки.

– Тебя застрелить надо! Я вот в детдоме из-за войны, а твои дети страдают, потому что ты калека, – зло изрекла я.

– Почему калека? Здоров как бык, – сказал мужчина и с удовольствием расправил плечи.

– Бабушка Мавра говорила: «Ума нет, – считай калека». Умный не бросит своих детей!

– А ну, брысь отсюда! Я мужчина!

– Мужчина должен защищать детей, – насупилась я.

– Маленький взрослому – не указ, на всю жизнь запомни! – пригрозил мне хвастливый дядька.

– Ты хуже немца. Они чужих детей мучили, а ты – своих, – набычившись, упиралась я.

– Заткнись, дрянь! Прибью!

– Не убьешь. За это в тюрьму посадят, а там, в камере тебя убьют те, у кого дети на воле.

– Гляди, нахваталась! Откуда такие познания?

– На этой же лавочке слышала, как парень девушку любил, а она его – нет. Тогда он ее в лесу поймал. А она позора не испугалась и в больницу побежала. Пятнадцать лет ему дали. Только не вернулся он. Вот.

– Видно, часто на лавочке сидишь? – удивленно вскинул брови мужчина.

– Сижу. Когда хорошая погода. А с тобой не хочу больше разговаривать. Я люблю нормальных людей слушать.

– Не «тыкай» мне!

– Учительница сказала, что «вы» надо говорить тому, кого уважаешь, а ты противный.

Ты дядя-кукушка.

– Вот такого сволоченка вырастишь, а он потом будет указывать, как жить!

– Так ничего не понял? Глупый, значит?

– Откуда взялась такая разговорчивая, гнида? – спросил второй, до сих пор молчавший.

– Из детдома.

– Сколько тебе лет?

– Девять будет.

– Ты невоспитанная девочка, со взрослыми нельзя так разговаривать.

– А кто его детей будет делать воспитанными? – огрызнулась я.

– Заткнись! Я своему давно бы врезал! – опять завелся первый.

– За что?

– Чтобы знал, как с отцом разговаривать!

– Как ты с ним, так и он с тобой будет. Лучше бы ему конфет купил. А ты – водку себе.

Может, и твой сын таким же противным будет.

– Вместе пить будем. Третьего не придется искать, – расхохотался неприятный собеседник.

Мне стало гадко. Я соскочила с лавочки и побежала в другой конец сквера.

ЧЕМ ЖИВУТ ЛЮДИ?

В этот раз рядом со мной на лавочку присели две женщины: одна совсем молодая, другая постарше.

– ...Развод, только развод! Сил больше нет. Отрезать раз и навсегда!

– А дети? Безотцовщина?..

Я прислушалась.

– ...А ведь какая любовь была! Вся деревня завидовала.

– Знаешь, для меня было безмерным счастьем видеть его, просто прикасаться к нему.

Утром за завтраком улыбнется, – я счастлива до вечера. Нежность великая к нему была. Ведь как трудно одной с четырьмя маленькими, да еще хозяйство, огород. Но все не в тягость было, когда любил. Пять лет в раю. И одним днем все пропало, будто и не было! Не живу, существую. Как машина: включили, и работаю. Три года в таком состоянии. Раздражение растет. Теперь все мне не так, во всем вижу плохое. Я молчу, сдерживаюсь, чтобы мое настроение не сказывалось на детях. Терплю. Но вижу: надо кончать! Иначе с ума сойду.

– А ты ему тоже измени.

– Не могу, нутро не позволяет. Тогда презирать себя стану.

– Ну, хоть влюбись в кого-нибудь.

– Не получается, пустая какая-то стала, бесчувственная.

– Но тебе и тридцати нет. Что ты хоронишь себя?

– Живу только ради детей. Жаль их. А то давно бы...

– Не дури! Пробуй смотреть на жизнь иначе. Купи себе что-нибудь красивое.

Мне помогает.

– Как я ошиблась, – продолжила молодая. – Говорил красивые слова. Я верила, чувствовала то же самое. После той истории... Он обокрал нас обоих. Почему все так несправедливо устроено?!

– Ты до сих пор живешь в мире грез? Проснись! Где ты видела справедливость?

– Надеялась, что в моей семье все будет хорошо.

– Для тебя главной в жизни была любовь, а теперь будет долг. Женщины живут не радостью, а терпением.

– Как же без радости? Чем тогда жить?

– Надеждой.

– Надеждой на что? На радость опять же. А где она?

Молодая женщина закрыла лицо руками.

– Поплачь, легче будет. Твой хоть домой возвращается, – говорила вторая женщина.

Она гладила худенькие плечи подруги, закусив губу, чтобы не зарыдать в голос. У нее по лицу текли слезы ее горя, ее беды. Скорбные складочки в уголках губ вздрагивали.

Я встала со скамейки и побрела к детдому с тем, чтобы завтра опять прийти сюда.

ТОЛЯН

Девочки живут в левой половине здания, а мальчики – в правой. Учимся тоже порознь. Даже в столовой нас кормят отдельно. И все-таки с одним из мальчишек я познакомилась на хозяйственном дворе. Его Толяном зовут.

В мусоре, под остатками разломанного грузовика, присмотрела я красивую золотистую пластинку. На животе подлезла под машину и самодельным ножом попыталась выковырнуть ее из земли. Не получилось. Упрямство заставило опять прийти сюда. Тут и заметил меня этот мальчик. Подошел какой-то странной, в раскачку, походкой и спросил сквозь зубы:

– Маешься? Золото ищешь? Это латунь.

– Я золото никогда не видела. Просто красивая штучка. Может, куда применю. Сгодится на что-нибудь!

– Бредятина! Под матрас спрячешь, вот и все применение, – усмехнулся Толян.

– Мое дело, куда положу, – недовольно буркнула я.

Он попал в точку. Все свое богатство по привычке я хранила именно под матрасом.

– Не злись. Больше нам негде прятать. Давай помогу.

Мальчик отыскал деревянный кол и железную трубу.

– Подсовывай под машину и дави на конец, – скомандовал он.

Я послушалась. Кабина вздрогнула, но не подвинулась. Мальчик взял половинку кирпича и подсунул под трубу. После этого мы принялись раскачивать кабину. Напряглись, поднатужились, и, когда она чуть приподнялась, Толян ногой затолкал под нее камень. Теперь моя рука уже могла протиснуться, и я, изловчившись, достала золотистую пластинку. Вытерла подолом кофты и прочитала надпись: «Профессор Изюмченко Яков Александрович».

– Такие таблички раньше имели знаменитые люди. Видишь, дырочки по краям – это чтобы к дверям прибивать.

– А как ты догадался, что с трубой легче поднять кабину? Мне бы такое в голову не пришло.

– Видел, – буркнул мой помощник.

– Где? – простодушно поинтересовалась я.

– Отстань, – зло огрызнулся он. – Иди отсюда!

Я не поняла причины столь разительной перемены и сказала примирительно:

– Не сердись. Спасибо за помощь.

И убежала, не оглядываясь. А в комнате, спрятав сокровище в наволочку, задумалась: «Чем его обидела?» В голову ничего не приходило.

После этого случая мне почему-то снова захотелось увидеть Толяна. Но наши дорожки никак не пересекались.

ДОТ

Выполнила уроки и отправилась в парк. Я уже знала все его закоулки, но мусорную свалку в низине всегда обходила стороной. А сегодня, проходя мимо, неожиданно разглядела в бурьяне странную круглую площадку. Принялась обследовать ее. Один камень у самой земли легко отделился. Он не был обмазан цементом. Вытащила еще несколько камней и сунула палку в дыру. Глубоко. Может, это тайный ход под церковь, купола которой видны вдалеке? Или блиндаж с войны? Старательно уложив камни на место, помчалась добывать спички. Я заметила: просить лучше у молодых мужчин. Старые целый час будут выяснять: «Куда? Зачем? Кто ты?» Выбрала парня с папирсой. Он отсыпал мне спичек и оторвал от коробка кусочек серной бумаги.

– Ты не поджигатель? – спросил он, улыбаясь.

– Нет. Бабушка в подвал послала. Я все спички потратила, а банку с вареньем так и не нашла, – бойко сочинила я причину.

– Смотри, все не съешь, – засмеялся щедрый парень.

Зажгла спичку. Передо мной открылось чистое помещение, стены которого выложены кирпичом. Залезла внутрь. Земляной пол в виде квадрата. Стена шириной в пять шагов, высотой в мой рост с поднятыми руками. Прохладно, могильная сырость. Сразу потянуло к солнышку. Вылезла, заложила камнями вход и, стараясь не ломать бурьян вокруг «дома», вышла на асфальтовую дорожку, которая вела к каруселям. «Здесь буду хранить свои секретные вещи», – решила я.

Мне захотелось поделиться с кем-нибудь радостью находки. С девчонками? Нет! Разболтают на весь свет. Увидеть бы нового знакомого.

Я занялась изготовлением ножичка из длинного гвоздя, а сама держу в поле зрения крыльцо ребячьего корпуса. Толян наконец появился и той же странной походкой направился на хоздвор. Я – за ним. Он влез в кабину разбитого газика и затих. Немного выждав, решила нарушить его уединение. Бесшумно, как кошка, взобралась на ступеньку, заглянула внутрь: мой знакомый развязывал на ногах окровавленные бинты. Невольно отшатнулась и свалилась с колеса машины. Толян высунулся из кабины.

– Не подходи, – сквозь зубы произнес он.

– Все равно уже видела, – тихо ответила я.

Моя настырность ему не понравилась, но он смирился:

– Черт с тобой. Лезь. Только дверцу закрой.

Залезла. Не от вида крови, от жалости мне чуть не стало дурно.

– Кто тебя так? – спросила осторожно.

Толян не ответил.

– Тебе надо сделать укол от столбняка и раны зеленкой смазать. Когда я недавно посчитала ступеньки с четвертого этажа, нога загноилась. А с зеленкой за неделю все прошло!

– Еще стрептоцид помогает, – сказал Толян.

– А где ты взял такие цветастые тряпки вместо бинтов?

– Мама дала, – сказал он и осекся.

– Я – могила, запомни. Жди меня здесь. Я быстро!

Медсестры в воскресенье не бывает. Если случается что-то серьезное, ее вызывают. Я обвязала тряпками колени, подошла к дежурному воспитателю и, скорчив плаксивую рожицу, попросила бинт и зеленку. Он нехотя отложил книгу, подошел к аптечному шкафчику и отомкнул его.

– Медсестра мне стрептоцидом засыпала ранки, – подсказала я.

– Не много ли хочешь? – усмехнулся он. – Садись, лечить буду.

– Мне не так больно, когда сама себя зеленкой мажу. Еще я должна с мылом вымыть колени.

– Ты, вижу, специалист не только калечиться, но и лечиться. Ладно, займись сама, а остатки зеленки завтра обязательно верни медсестре. Не разлей, – предупредил дежурный и снова открыл книгу.

С женщиной-воспитателем было бы сложнее. Она разохалась бы, потребовала бы показать раны. Сто раз спросила бы, как себя чувствую.

Когда прибежала на хоздвор, Толя уже отодрал присохшие бинты. Кое-где они снялись вместе со струпами.

– Раздави стрептоцид на чистом месте, – попросил Толя.

Я вложила таблетку в подол рубахи и растерла куском кирпича. Раны Толя накрыл бинтами и сверху замотал тряпками. Слезы текли по его щекам, но он даже не пикнул.

– Умеешь терпеть боль, – заметила я, – не скулишь.

– И ты, похоже, не рева.

– Привыкла, – ответила я. – В другом детдоме часто били.

Мы помолчали.

– Спасибо. Ты – молодец, – тихо, немного смущаясь, сказал мой новый друг, надел шаровары и враскачку пошел к корпусу. «Так вот почему он так ходит!» – дошло до меня.

НАШ ДОМ

В следующее воскресенье ждать Толю мне пришлось недолго. Он вышел на крыльцо сразу после завтрака и огляделся по сторонам. Мы встретились около машины. Поздоровались. Он был немногословен и угрюм.

– Пойдем в парк, – неуверенно попросила я, – свой секретный дом покажу.

Он вздрогнул, еще больше нахмурился, но быстро согласился. Разозлился? Подумал, что в моей затее кроется подвох? А когда мы подошли к тайнику, поникшим голосом промолвил:

– Это мое пристанище, когда сбегаяю.

У меня чуть не сорвалось с языка: «Откуда сбегаете?» – но сдержалась, боясь опять разозлить друга. Сама не люблю, когда в душу лезут. А вслух сказала:

– Раз ты первый нашел этот дом, он твой. Разреши мне иногда приходить. Я бы перетаскала сюда сиденья от газика. Не очень-то удобно сидеть на голой земле. Еще срезала бы с верха газика материю. Вместо одеяла была бы.

– Ну, вот! Как девчонка, так сразу разговор о тряпках.

– При чем здесь тряпки? Не в куклы зову играть! Не хочу мерзнуть. Может ты здоровый, а я чуть что, кашляю. Дыхалка у меня слабая. Так дед Панько говорил.

– У тебя был дед?

– Не родной. После войны он один на белом свете остался, вот и любил всех детей. А меня и Витька особо.

– А бывает, что родные, да не любят.

– Разве такое может быть? – удивилась я.

– Может, – вяло произнес Толя.

Помолчали.

– Пожалуй, стоит натащить сюда барахлашка. Только по темноте, – вдруг согласился мой друг.

– У нас настоящий дом будет! – радостно подхватила я.

– Настоящий – это когда в нем папа и мама живут, – жестко закончил разговор Толян и направился к корпусу.

Мне Толя показался сжатой пружиной. Молчит-молчит, а потом что-то резкое, даже грубое, как брякнет, так «хоть стой, хоть падай!» Так у нас в лесном детдоме говорили.

А я представляю настоящий дом таким, чтобы в нем был хороший друг. А родители мне редко на ум приходят, даже в мечтах. Чаще думаю о том, какая у меня будет семья, когда вырасту.

ПОМОГИТЕ!

Целую неделю благоустривала дом. Приносила только полезное. Выбила камни для окошка. Ох, и намучилась! Осколок стекла вставила. Светло сделалось.

Подошло воскресенье, а Толян не вышел гулять. Не пришел он и на следующий выходной. Мне было тоскливо и беспокойно.

Как-то после занятий не хотелось идти в свою комнату, и я в задумчивости бродила по классам школы. Неожиданно внимание привлек спор взрослых. Прислушалась. Крики доносились из учительской. Речь шла о мальчишке Толе Зайченко, который опять сбежал к матери. Учительница говорила резко:

– Ну, что ему еще надо?! Одет. Обут. Накормлен. Школа хорошая. Из комнаты в комнату переводим. Лучших ребят подсаедем. Живи, учись. Так нет! Домой бежит! В эту убогую, антисанитарную, криминальную обстановку. Что с ним делать? Может, передать в колонию? Сколько еще с ним мучиться? Пошли вчера с милицией его забирать. Но у матери не нашли. Сама лежит пьяная. Ругань на всю квартиру. Сожитель при ней совсем лыка не вяжет!

Я поняла, о ком речь. Может, он в нашем доме? Помчалась в парк. Огляделась и нырнула в бурьян. Не увидела, но уже почувствовала: он там. Было еще светло. Я отбросила ворох травы, затыкавшей вход. Свет упал на распростертое тело моего друга. Лицо – сине-желтое, волосы слиплись, рубашка разорвана. Он то ли спал, то ли был в забытии. Ужас вдруг сменился во мне злостью. Захотелось орать, крушить все подряд!

Я выскочила из подземелья и стала бегать вверх-вниз по спуску, чтобы как-то снять дикое возбуждение. Меня трясло. Спазмы сжимали горло. Наконец я обессилела, свалилась в бурьян и заплакала. Почему такие гадкие и жестокие взрослые? Потом я встала и медленно пошла в дот. Толян заворочался, открыл глаза и застонал: «Дай попить». Нашла в мусоре консервную банку, помыла и набрала воды в фонтанчике. Толя пил жадно. Из еды смогла предложить только черствый кусочек хлеба. Я всегда ношу в кармане хлеб, потому что когда очень хочется есть, меня тошнит. А хлеб помогает.

Размочила сухарь в воде. Толян долго сосал его.

– Кто тебя так? – спросила я участливо.

– Отец.

– За что?

– Мать защищал.

– Зверь он.

– Пьяный был, ничего не соображал.

– Оправдываешь?

– Отец, какой ни есть. Хахаль (сожитель) еще хуже.

– Таких убивать мало.

– И самому зверем стать?

Я сняла с себя рубашу и протянула Толяну, а кофту надела на голое тело.

– Одежда еще из дошкольного детдома, – заметила я. – На следующий год новую дадут.

– Мне-то, может, и не дадут. Могу не вытерпеть.

– Пойдем в корпус?

– Куда я такой? Всем объяснять придется...

– Скажешь, что чужие ребята побили. Брехать – не пахать. Соври для своей пользы.

Главное, чтобы никому не во вред. Пошли, пока медсестра на работе. Помрешь еще, а я буду виноватой себя считать. Раз видела, значит, отвечаю за тебя.

– Не пойду. Воспитатели душу вымотают.

– Зря обижаешься. У них работа такая – беречь нас. Когда не получается, они злятся. А ты бы не злился на их месте? Пойдем. Скорей вылечишься, скорей к матери попадешь.

На Толяна мои последние слова подействовали. Он молча кивнул. У корпуса мы разошлись в разные стороны.

Перед сном я думала: «Ругать человека за то, в чем он не виноват, не честно. Почему из-за плохих родителей его хотят отправить в колонию для бандитов? Кто может помочь Толику? Директор, милиционер? Господи! Помогите моему другу».

НЕ ПОНИМАЮ!

Жду Толяна на хоздворе. Гляжу вверх. Его окно на четвертом этаже. Неожиданно вздрагиваю от жуткого крика. Перед глазами, кувыркнувшись, метнулось, как большая тряпичная кукла, человеческое тело. Тупой удар об асфальт. За кустами ничего не вижу. Знаю, что упал мальчик. Старшекласник.

После ужина ко мне подошел Толик и тихо сказал:

– Он воровал у ребят и был доносчиком. Его много раз предупреждали. Не одумался.

Лицо Толяна выражало красноречивый гнев и одновременно страх.

– Он разбился? – прошептала я.

– Да.

Толян сделал страшные глаза.

Меня будто по голове стукнули. Бессвязно, путая буквы, рассказала Толе об увиденном.

– Я не понимаю, не понимаю этого, – бормотала я, заикаясь.

– И не надо. Забудь. Вычеркни из памяти. Я тебе ничего не говорил. Ты ничего не видела.

– Постараюсь, – шепчу я в ответ.

Но как же забыть? Неподвижно сижу на подоконнике, прижавшись горячим лбом к прохладной раме, и тупо смотрю на то место, куда упал мальчик. Мозги отключаются, когда пытаюсь думать о нем.

ТАНКИ

Сидим с Толяном на заднем дворе детдома, рисуем животных.

– Жаль, что ты девчонка, а то пошли бы сейчас смотреть ученья солдат за городом, – сказал мне Толян.

– И чем же девчонка от мальчишки отличается, интересно мне узнать? – рассердилась я. – Ты что, лучше меня по деревьям лазаешь? А может, подсечку лучше делаешь?

И я тут же свалила его на землю.

– Ну! Получил?

– Ты же неожиданно! – попытался оправдаться Толян.

– А что, враг будет предупреждать о нападении? Ваше Величество, сделайте бойцовскую стойку, прикройте личико, сейчас в челюсть врежу! Так, что ли?

– Ладно, сдаюсь, пошли.

– Не злись. В лесном детдоме я дружила с большими мальчиками. Они обучили меня защите, – вздохнула я от набежавшей грусти воспоминаний.

Солнце укутывалось в розовое пуховое одеяло облаков. Изрытая асфальтовая дорога закончилась, идем по гравию, потом по пыльной грунтовой дороге. Мы у высокого кирпичного забора, оплетенного по верху рядами колючей проволоки. У маленькой калитки – два солдата с винтовками.

– Полезем на бугор. Сверху лучше будет видно, как они возвращаются с учений в казармы, – предложил Толя.

– А что в этом интересного? – отозвалась я.

– Сказано: девчонка! Как ты не понимаешь?! Поразмысли чуток! Рассмотреть вблизи настоящее оружие – это же фантастика! Может, еще танк или пушку увидим.

– И танк можно будет руками потрогать?

– Танки здесь не останавливаются. Я сам не знаю, где они ночуют. Из своего окна только недавно их приметил. Вот бы внутрь залезть!

– А я про самолет и огромный корабль мечтала. К танкам меня не тянет, но «живьем», конечно, интересно их рассмотреть. Ох, и завидно будет девчонкам! – обрадованно воскликнула я.

Облюбовали самый высокий холм, вскарабкались то неисхоженному, не истоптанному крутому склону. Только заняли удобное стратегическое положение, устроившись на дереве, что росло на бугре, как появилась большая группа солдат. Они нестройно и не очень громко пели маршевую песню. На меня колонна не произвела особого впечатления. Молодые дяди устало несли на плечах скатки-шинели, котелки, какие-то ящики. Понурая лошадь, которую нехотя подстегивал старый солдат, медленно тащила пушку.

Толян подпрыгивал на ветке, восторгался длиной ствола орудия, какими-то рукоятками, которые умудрился разглядеть. Я вижу измученных солдат, а он с ума сходит от какой-то железяки с длинным дулом. Или стволом. Какая разница!

Когда солдаты прошли, мы слезли с дерева и отправились домой. Быстро темнело. Сзади послышался шум мотора. Звук усиливался, обрастая лязгом, скрежетом о камни, треском ломаемых кустов. Я ощутила в сердце быстро нарастающую тревогу. Ее предвещала шедшая из темноты непонятная угроза. Из серой мглы на нас надвигались две огромные, бесформенные машины. Я уцепилась за рубаху Толяна, не зная, что делать, куда бежать. Он тоже оцепенел. И вдруг обрадованно закричал:

– Танки!

Но уже в следующее мгновение он заметался, бросаясь то к дороге, то за кусты. Ревущая железная масса неслась по ямам, ухабам, ломая придорожные деревца, перемальвая гусеницами траву, швыряясь кусками земли. «Танкист же в темноте не видит, несется напролом. Ему ничего не стоит раздавить нас, как букашек!..» – мелькнуло у меня в голове.

Танки прогромыхали мимо, а я все тряслась от страха. Шум стоял в ушах. Мы с Толей сидели на обочине и молчали. Потом он тихо сказал:

– Знаешь, я первый раз в жизни так испугался. А как же тот солдат... из кино... который из-под танка... гранатой?..

– Там же была война, – отозвалась я.

В ГОСТЯХ У СТАРШЕКЛАСНИЦ

По вечерам я часто брожу по комнатам старшеклассниц. Иногда меня бесцеремонно выпроваживают, а в некоторых комнатах встречают миролюбиво, пусть немного иронично, но ласково.

– Зачем пришла? Ума набираться или взрослой жизни понюхать?

– Не хочу быть взрослой. Мне интересно узнавать про новые игры.

– О, так ты у нас серьезная или умная?

– Обыкновенная, – обижаюсь я.

И тогда какая-нибудь из девочек сажает меня к себе на кровать. На бумаге появляются чудесные игры. Я благодарно прижимаю к себе драгоценные листочки с записями, картинками и бегу обучать своих подружек. Старшие девочки придумали карты со своими картинками, а я сделала из картона домино и даже нарисовала на нем рожицы девочек, мальчиков, фрукты, овощи и машины. Так интереснее было играть. Проигравшему давали задание рассказать что-нибудь. Вот тут и услышала я сказку «Синяя борода». Она не понравилась мне, потому что в ней убивали людей. Дети стали пугать друг друга «синей бородой». Подойдет кто-нибудь сзади в темном коридоре или в туалете и прошепчет: «Синяя борода!» Сразу жутко делается, мороз по коже... Такие игры мне неприятны.

Еще старшие девочки научили меня игре в слова: «повесь проигравшего». У всех первоклашек она стала любимой. «Наказания» за проигрыш давали при помощи «фантов», поэтому они тоже превращались в веселые развлечения.

Как-то раз пришла в комнату, где меня хорошо встретили:

– Заходи, заходи путешественница! Сейчас будем новую игру разучивать.

Я обрадовалась. Меня посадили на почетное место – на стол, чтобы все было видно. Одна из девочек стала объяснять правила. «Мы позовем любую девочку и предложим сыграть в нашу игру. Она на минуту выйдет в коридор, а когда вернется, то вместе с нами закричит: «Я – осел!» Потом пусть угадывает, кто из нас осел! Хитрость состоит в том, что мы на самом деле только откроем рты. Кричать будет одна новенькая, которая еще не знает, что мы хотим «подловить ее».

Так и сделали. Пришла девочка из соседней комнаты, ей объяснили ход игры, и она вышла из комнаты. А когда вернулась и закричала в тишине: «Я – осел!», то в первую секунду растерялась, и слезы на глазах навернулись. Но она все-таки не заплакала, взяла себя в руки и вскоре со всеми хохотала: «Ах, черти! Провели воробья на мякине!»

А мне стало жалко гостью. Я соскочила на пол и пошла к двери. Одна из девочек догнала меня и обняла за плечи:

– Ты обиделась? Глупышка! Это шутка, розыгрыш, на это нельзя обижаться. Подрастешь, и сама будешь шутить над другими.

– Никогда не буду! – дернула я плечами. – Так не честно...

ПРИДУМКИ

«Витек, пишу тебе о своих фантазиях, потому что только ты можешь их понять и оценить. Как-то гуляла на хоздворе и нашла две толстые пружины. Встала на них, раскачиваюсь и представляю, что это мои скороходы. Нашла веревки, привязала пружины к ногам и принялась ходить. Падала, спотыкалась и все же научилась передвигаться более-менее сносно. Представляешь, как здорово! Идешь и подпрыгиваешь! Ходить трудно, а когда бежишь, то быстрее получается. Но потом пришли старшие ребята, и я «добром» отдала пружины. Глупо драться, все равно отнимут. А так вроде как подарила. Ох, и устроили они тарарам! Вечером в постели «конструировала» новые скороходы. В них пружинки спрятаны в каблуках и выскакивают только во время бега, когда мне потребуется».

Недавно перемерзла в парке и придумала одежду из особой материи. Если бегу и мне жарко, она собирает тепло, а потом когда холодно, согревает меня. А еще внутри одежды обязательно должны быть проволочки с электричеством. Такие, как в лампочке. Ведь от нее столько тепла идет! У тебя в детдоме есть электричество?

А вчера видела на небе сразу две радуги. Представляешь, над самым горизонтом висит разноцветная дуга, а рядом – вторая, точно такая же, только цветные полосы в обратном порядке расположены. Вот чудо! Бабушка стояла рядом, крестилась и говорила, что за всю жизнь впервые такое видит. А мне повезло! Я нарисовала эти радуги для тебя».

ЛЕША

Я волнуюсь. Сегодня Толя поведет меня в семью своего друга Леша, который учится в четвертом классе. После ужина короткими перебежками преодолела двор. Толя уже ждал.

– Смотрел, как ты пересекала двор. Сразу видно, что удираешь. Нельзя оглядываться. И поза при ходьбе напряженная. Думаешь, если согнешься, то не увидят? В гнома все равно не превратишься. Двигайся так, будто никуда не спешишь. Изображай подобие беззаботности. Обманывать надо убедительно.

Толя идет быстро. Я стараюсь не отставать. Подошли к длинному, одноэтажному дому, похожему на барак. Постучали в квартиру с номером два. Дверь открыла маленькая старушка. Её лицо испугало меня. Точь-в-точь Баба-Яга. Нос горбатый, глаза цепкие, темные, щеки обтянуты желтой кожей, руки тонкие, длинные. Серые волосы из-под платка выбились, развеваются. И так странно было услышать ее тихий спокойный голос! Я с дрожью в ногах переступила высокий порог и вошла в темный коридор, где и двоим-то разойтись трудно.

Открылась маленькая кухня с замусоленными обоями, плитой, кучкой сухих веток в углу и самодельным столом. Леша позвал нас в зал. Мы прошли через узкую спальню с тремя железными кроватями. В углу из стены чуть выдавалась вторая печурка. Зал – небольшая комната с квадратным столом и стульями. Там же стояла ещё одна железная кровать и самодельная деревянная раскладушка. Тесно.

Вошла бабушка Леша, похожая на прабабушку, только лицом полнее. Женщина была в темно-синем платье с белыми вертикальными полосками. Из-за них она казалась мне тощей-тощей, высокой-высокой. Появился низенький мужчина. Брюки мешком висели на полноватой фигуре, ремень – ниже живота. А лицо доброго усталого человека.

На голубую клеенку в цветочках бабушка поставила граненые стаканы, хлеб, масло на блюдечке и сахарный песок в пол-литровой банке.

– Ешьте, детки, ешьте, небось, голодные после детдомовского ужина?

Я боялась взять хлеб. Он был нарезан квадратиками без корки. Кусочки тоненькие, почти прозрачные. Их было мало. Я одна могла бы съесть все. Наконец Леша взял кусочек, но масло не тронул.

– Ешьте с маслом. Что, не любите масло? Не стесняйтесь, – упрашивала прабабушка.

Я положила сахару одну ложку, как Леша, и съела один кусочек хлеба. Потом, поблагодарив хозяйку, мы ушли гулять на улицу.

– Зачем у вас в квартире две плиты? – поинтересовалась я у Леша.

– Строители на фундамент толь не положили, поэтому стены мокрые и в комнатах всегда холодно. Завод эти бараки еще до революции строил.

– А зачем у вас столько кроватей?

– Так девять человек. А метров – двадцать.

– Зато весело, наверно.

– Не дай бог, как весело, – усмехнулся Леша.

– А бабушки у тебя приветливые, заботливые, – отметила я.

Леша не откликнулся на похвалу.

Мы с Толиком стали частенько забегать к Леше. Он жил близко от нас. Но от угощений отказывались. Не хотели чужой кусок есть.

Его семья привыкла к нам и уже не замечала, когда мы тихо играли картонными цветными картинками и деревянными игрушками, которые делал отец Леша. Тут-то я невольно окунулась в семейную жизнь. Скандалы начинались спонтанно: кто-то споткнулся о чью-то ногу или подвинул на плите свою кастрюльку ближе к огню, кто-то из взрослых детей не послушал бабушку. Иногда я вообще не могла понять, с чего поднимался сыр-бор. Неслись проклятья, оскорбления, начиналось рукоприкладство. В этих случаях я, замирая от страха, забивалась под стол. Намаявшись от ругани, семья пила лекарство. Потом все клялись друг другу в любви и обнимались.

Такое происходило раза два в неделю. Лешу расстраивали эти потасовки. Приходя к нам, он с грустной усмешкой говорил:

– Пойдемте в парк, мои опять «резвятся», выясняют, кто кому жизнь испортил.

– Леша, – спросила я, – а нельзя им жить как-то просто, по-человечески?

– Они и так все делают по-человечески! В зоопарке иначе: не послушается детеныш мамашу, та ему подзатыльник отвесит, и он – молчок. А людям покричать надо, показать, что умные. Это для тебя их вопросы простые, а для них – ребусы. В нашей семье сражения как на Курской дуге – до полной победы бабушки.

– Почему я никак не могу понять твоих взрослых?

– А ты не старайся, легче жить будет.

– Так ведь жалко их.

– И мне жалко, особенно папу. Да разве сладишь с кучей женщин?

– А почему ты не попросишь, чтобы не ссорились?

– Чудная ты! Дети взрослым не указ. Я это давно понял. Лучше молчать и заниматься своим делом.

Я вздохнула:

– Тебе даже хуже, чем мне. Каждый день от жалости страдать приходится.

– Не усложняй. Побесятся и помирятся, родные же.

– А разве после ссор они не станут меньше любить друг друга?

– Что ты все – «любить, любить»! У них и без любви забот хватает, – грубо закончил разговор Леша.

Я смутилась и умолкла.

ПОЧЕМУ В СЕМЬЯХ МАЛО РАДОСТИ?

Сегодня Леша позвал нас с Толей поиграть деревянным ружьем, которое папа сделал ему ко дню рождения. Когда мы вошли в спальню, прабабушка стучала о пол клюкой, и кричала на старшую дочь Люду:

– Перестилай постель, негодная!

– Мама, я уже три раза перестилала, – терпеливо объясняла дочь.
– Сколько скажу, столько и будешь работать... И про клизму опять забыла.
– Я вам сегодня два раза ставила. Вредно часто делать.
– Молчи... и живо готовь воду!
– Маманя, я не девочка, на пенсии десять лет, а вы все помываете мною. Не любите меня! – сердилась баба Люда.

– Я тебя родила, поэтому хочу – люблю, хочу – убью, – отвечала ей старуха.
Я с изумлением слушала эти речи. Значит, и моя мать могла бы меня бить, издеваться?
Слышу крик бабушки Люды:

– О, Господи, зачем мне эти мученья? Забери меня поскорее.

Теперь прабабушка схватилась за голову:

– Дура! Прекрати свару! Замолчи!

Тут прибежала баба Варя и давай бить сестру.

Мы прошмыгнули в зал и прикрыли за собой дверь, из-за которой несло: «Помогите, убивают!»

Я в ужасе закрыла уши ладонями: «Ну, зачем, зачем они так?! Почему такие жестокие? За что бабка издевается над родной дочкой?»

С работы пришла мама Леша и, тихо проскользнув на кухню, сразу взялась за посуду. Она старательно мыла ее горячей водой, ополаскивала кипятком из чайника и расставляла сушить на горячие кирпичи. Ей осталось помыть миску, в которой лежала грязная мясорубка, но не хватило воды. За ней надо идти в колонку.

Пришлепала прабабушка Ира, взяла ещё не остывшую ложку, пополоскала её в грязной миске и села пить чай. Я удивленно посмотрела на старуху, потом повернулась к Леше. Он все видел. Когда мы вышли на улицу, Леша сказал:

– Думаешь, моя бабуля чокнутая? Просто она ненавидит мою маму и выказывает ей свое презрение.

– Но твоя мама хорошая, добрая, тихая. Чем она провинилась?

– Тем, что любимый внук женился на девушке, которая ей не понравилась.

– Твой отец любит маму?

– Любит.

– Почему тогда не защищает?

– Папа и свою родню тоже любит. Он «меж двух огней».

– Что же вы не уйдете?

– На квартиру? А знаешь, сколько денег надо платить? Да и бабушка не позволяет.

– Почему?

– А над кем ей тогда издеваться? У прабабушки для этого – баба Люда, а у бабы Вари – моя мама.

– Дурдом какой-то! – вспыхнула я.

– Зря ты так. Соседи тоже без передыху ругаются. Там бабка внуку кушать не дает. А у других пьют беспробудно и дерутся. Это еще хуже.

– А хорошие соседи есть у вас?

– Не знаю. В пятой квартире всегда тишина. Но бабушка говорит, что в тихом омуте черти водятся. Я как-то попросил бабу Варю не ругаться, а она ответила, что «пар выпускает», а то у нее злость скапливается и здоровье портит.

– А про здоровье других она не думает?

– Себя бережет. Говорит, для нас старается.

– Не надо было твоей маме в такую семью замуж идти.

– От нищеты глухая жестокая рознь в семье. Папа так говорит.

– Твоя же мама не скандалит? От характера человека все зависит.

– Не все! Не хочу про это думать!

– Тогда станешь как твой папа. Ты должен жалеть и защищать свою маму! Я бы защищала.

– Не получается, – вздохнул Леша.

Толян не вмешивался в разговор. Он машинально крутил в руках деревянный автомат.

А мне вспомнился огромный городской аквариум. Я с Ириной ходила в зоопарк. Меня тогда поразила спокойная совместная жизнь рыб разных пород. Камбала улеглась на хвост красноперой рыбе, а та даже не вздрогнула. Краб неторопливо перелез через рыбу-змею. Она тоже не заволновалась. И две рыбешки – пестрая и красная – рядом откусывали улиток со стены аквариума и не ссорились. Почему же люди в семьях ругаются?

ЛЮБОВЬ

Уже полторы недели не вижу Толика. Сегодня опять вытащила из шкафчика любимый плащ, накинула коричневую шальку и вышла на крыльцо. Вертикальный дождь плясал на тротуаре, высекая пузырьки на мгновенно образовавшихся лужах, отчего их поверхности казались скачущими. Пузыри плавали, лопались, вздрагивая, ныряли и навсегда скрывались под водой. Кипящие потоки неслись по асфальту вдоль бордюра. Вскоре сетка дождя поредела, капли стали мельче. Дождь прошел. В одном углу под навесом ребята играли в «ножички», в другом в «пристенок». Скучная игра, однообразная. Но мальчишки обсуждают каждое падение монеты с таким азартом, что дело доходит до ссор. Что они находят в этой игре? В «ножички» и то интересней. Тут ловкость вырабатываешь. Девочки у крыльца в кучку сбились. Шушукуются. Тоска.

Толя все же вышел, но не один, с воспитательницей.

– Запомни, – донеслось до меня, – только на два часа и ни ногой в город, понял?

Мой друг в ответ кивнул. Я обрадовалась и побежала на хоздвор. Толя пришел туда же. Он был в чистой вельветке (курточке из вельвета) и фуражке. Лицо бледное, от этого черные круглые, как у плюшевого медвежонка, глаза казались еще темней.

– Все нормально? – спросила я.

– Порядок. Сейчас за нами следят из окна. Поняла? Давай залезем в кабину грузовика, а когда им смотреть надоест, потихоньку выберемся, пройдем вдоль забора, и я «слетаю» в город.

– Ты же обещал не убежать?

– Я быстро. Гляну, все ли у мамки в порядке, и вернусь.

– Может, не надо?

– Надо!

– Давай вместе.

– Нет! – решительно возразил Толян.

Но я все равно пошла за ним, только так, чтобы он не видел. Несколько минут Толя с видимой скукой слонялся по двору, а потом неожиданно быстро поднырнул под доску, висевшую на одном гвозде.

Дорога то и дело виляла и наконец привела на окраину города. Всюду потрепанные домишки, поломанные штaketники, пыльные обочины. Осенняя листва, гонимая ветром, перебегала мне дорогу.

Толян юркнул в распахнутую, висевшую на одной петле калитку, осторожно заглянул в окно, затем быстро прошел внутрь. Через минуту и я таким же манером – за ним. Спряталась в узеньком коридорчике и сквозь щель в дверном косяке стала наблюдать, что происходит в комнате.

На ржавой железной кровати покрытой цветастым лоскутным одеялом сидела молодая пьяная женщина. Толян склонился над ней, прижался головой к плечу. Она обнимала его, гладила неверными движениями рук, целовала лицо, голову и, рыдая, повторила:

– Толечка, любовь моя, радость единственная. Прости меня, глупую, несчастную.

А он тоже гладил ее по волосам, плакал и сбивчиво говорил:

– Мамочка, потерпи еще немного. Я вырасту, пойду работать и заберу тебя. Мы будем жить вместе, и никто нам не нужен. Потерпи, не пропадай совсем. Ты будешь со мной счастливая. Я тоже потерплю.

Я застонала сквозь зубы и сползла на пол. Ноги не держали. Слезы залили глаза. Вспомнились слова учительницы: «Почему убегает? Одет, обут, накормлен... Что ему ещё надо?»

Да разве только это ему нужно! Он знает, что мама его любит, и бежит к ней, потому что для него ее любовь – самое главное. Ради нее он согласен терпеть холод и голод. А еще он стремится сюда, потому что тоже любит, жалеет и искренне верит, что спасет маму.

Я выбралась из дома и, спотыкаясь, побрела по улице.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ТОЛЯНА

Толяну десять лет. Третьеклассник, учится плохо.

– Думаешь, только тебе не хочется учиться? – сказала я как-то другу. – Вот послушай, что старшеклассница мне рассказала. У ее учительницы дочка в девятом классе была, а учиться не любила. Говорила: буду работать, буду самостоятельной! И отец ее уговаривал. Бесполезно. Тогда мама отправила ее на лето со знакомыми геологами в поле – глину какую-то особую искать. И просила не жалеть девочку, а спрашивать с нее как с простого рабочего. Пусть на всю экспедицию обед готовит или глину целый день копает. Геологи так и сделали. К сентябрю вернулась дочка и говорит: «Спасибо, мама, я окрепла, научилась многому и поняла главное – работать головой я могу лучше, чем руками». Теперь на инженера учиться.

– В четырнадцать лет меня все равно сдадут в ремесленное. Я в профессора не лезу, рабочие всюду нужны, – безразличным тоном сказал Толян.

Я умолкла. Не хотелось терять друга.

Сегодня созналась Толе, что видела его маму. Он сражен. Почему? Стесняется ее? Я чувствую себя виноватой: влезла без разрешения в чужую тайну.

– Прости, у меня совсем никого нет. Я хотела увидеть, какая у тебя семья. Ну, папа, мама... Как это бывает... – оправдывалась я.

– Зря ходила. Мне не повезло с родителями, – скрежетнул зубами Толян.

– Расскажи, пожалуйста, о семье. Она сразу была плохая? Тогда зачем ее заводили?

– Мои родители смешно познакомились. Папа был студентом. Направили его в село на практику. Вскочил он в автобус, а на его месте – пожилая и очень полная женщина. Ее муж стал спрашивать моего папу пересесть. Папа рассердился и стал доказывать, что не для того за неделю брал билет, чтобы теперь два часа трястись на заднем сидении. Мужчина поднялся и пошел в конец салона. Прямо с дороги папа появился в кабинете биологии и увидел там красивую черноглазую пухленькую девушку. Она работала лаборанткой. Он поговорил с ней полчаса и, уходя, представляешь, что сказал? «Через неделю будешь моей женой». Каждый день после уроков он приходил в кабинет и обхаживал понравившуюся девушку. А потом напросился в гости.

Дверь ему открыл грузный, огромного роста мужчина. У папы чуть букет не выпал из рук. Родители у мамы интеллигентные, виду не подали, что узнали его, но не советовали выходить за папу. Говорили, что с ее добрым характером такого мужа в руках не удержать. Но у мамы была первая любовь. Через год я появился. Папа меня сначала тоже очень любил. А потом познакомился с плохой тетей. Они стали вместе пить водку. Мама плакала, просила, чтобы он не ходил к женщине, но папа стал злиться и бить маму. Она меня прятала у соседней, а сама убегала. Мама жалела папу. Чтобы удержать его дома, начала пить с ним, а меня оставляла в детсаду неделями. Потом ее прогнали с работы. Папа все-таки ушел к чужой тете, и у меня появился отчим. Часто они пили вчетвером, а потом дрались. В первом классе меня сдали

в детдом. Когда я жил дома, отчим и папа меньше издевались над мамой. А теперь, как ни приду, – она вся побитая.

– Как же можно бить своего, родного, любимого.

– Для пьяного нет родных, ему – все враги.

– Терпеть не могу, когда сильные обижают слабых! Они хуже зверей.

– Звери не пьют. Если отец трезвый, он добрый. Говорит, что не помнит себя, когда бьет.

Плачет, прощения просит. А отчим не просит. Он кремень и трезвым может ударить.

– Что же делать?

– Вырастать скорей.

– Не боишься, что таким, как папа...

– Нет, я в маму: жалостливый, молчаливый. Я за всю жизнь столько не говорил, как с тобой.

– Значит доверяешь. К тому же мы похожи. Не лицом, – засмеялась я, – увидев его удивление. – Невезучие мы с тобой. Вот и все.

«АВАРИЯ» У НАТАШИ

После обеда задержалась в столовой: дежурила, посуду в моечную переносила. Вернулась в комнату и по привычке глянула в окно. Толян ждал меня. Показалось, что нервничает. Мигом слетела вниз.

– Что случилось?

– Бежим к Оле, что-то с ее подругой произошло. Через «пионерский» вход пойдем, где в ограде прутья раздвинуты.

– Откуда такое название? Разве пионером быть плохо?

– Это юмор. Вход на верхние этажи по пожарной лестнице старшеклассники называют «комсомольский».

– Глупо так называть.

– А маленьких обижать не глупо? – завелся Толя. – Понимаешь, когда со смехом, с шуткой, то и порядок как-то легче нарушать. Мне самому хотелось бы жить по правильному. Да не получается.

Я согласилась:

– Мы не хулиганим, по необходимости так поступаем.

Со всевозможными предосторожностями выбрались со двора. Прибежали к Оле. А от нее до подруги Наташи – миг. Постучали в калитку. Тишина. Подняли резиновую петлю и прошли во двор. Обогнули сарайчик. У дома – резное крыльцо, ставни окон с узорами. Их до войны делал Наташин папа. Оля постучала в окно. Наташа отодвинула шторку и кивнула нам. Через минуту мы сидели на черном дерматиновом диване.

Наташа худенькая, сероглазая, вздернутый носик усыпан веснушками. По лицу, по выражению глаз и по тому, как она сидела, сложив руки на коленях, было видно: девочка тихая, скромная. Что произошло с ней?

Оля начала первая:

– Пойдем гулять?

– Мне сегодня не хочется.

– Мама не пускает или заболела? – будто ничего не знает, допытывалась Оля.

– Настроение плохое. А мама не запрещала. Я виновата перед ней, даже на улицу не тянет.

– Может, чем помочь?

– При чем тут вы? Просто я глупая.

– У нас у всех ума не палата. Расскажи, что приключилось? – попросил Толя.

– Мама притащила из леса мешок груш-дичков. Зрелые плоды засыпала в бутылку и поставила в ведре с водой на электрическую плитку. И что меня в сарай потянуло? Зачем в ведро

сунула палец? Всего на секундочку опустила! И тут.... Помню только, как стекло зазвенело, ведро с грохотом упало, и что-то ярко вспыхнуло. Очнулась на куче угля. Он у другой стены сарая сложен. Как туда попала, сколько лежала, не помню. Мама бросилась ко мне, оцупала, во двор вытащила. Тут я совсем пришла в себя и заревела. А мама тоже ревет и по попе меня лупит.

– Как это – ревет и лупит? – удивилась я.

– Ревет от радости, что жива осталась, а бьет от нервов. Усталая пришла из лесу... Перебирала груши, радовалась, что зимой чай с вареньем будем пить.... И чего я такая глупая?

– Не глупая, а любопытная, – объяснил Толян. – Давай, мы груш твоей маме натаскаем из лесу. Я знаю, где растут. Ух, они вкусные!

– А вам не нагорит от воспитателей?

– Мы вольные казаки!

– А не страшно в лесу без взрослых?

– Днем-то? Ерунда!

– Тогда и я пойду с вами.

– Зачем тебе лишний раз маму волновать? Сюрприз ей сделаем. Сами пойдем в лес. Да? Толян глянул в мою сторону. Я кивнула.

УЧИТЕЛЬНИЦА ТАНЦЕВ

Зашла в актальный зал. Старшеклассники разучивали песни, придумывали пирамиды. Приятная обстановка. Сажу и как бы сама участвую во всем: болтаю ногами в такт музыке, в пирамидах мысленно стою на самом вершине.

В дальнем углу увидела полноватую девочку со странными неуклюжими движениями. Она пыталась сделать изящный жест рукой, но растопыренные пальцы смешно торчали во все стороны. При низком поклоне, спина становилось выпуклой, круглой. Худенькая женщина терпеливо объясняла ученице, как правильно выполнять упражнения.

– Зачем ее мучить? – удивилась я. – Столько других девчонок кругом! Наверное, и меня в танце можно сравнить с козой на мокрой глине?

Девочка присела отдохнуть. Женщина обняла ее за плечи и поцеловала в затылок. А когда толстуха ушла, я подошла к учительнице и спросила:

– Не получается у нее?

– Мне хочется из Лидочки сделать принцессу.

– Она тоже хочет?

– Иначе не взялась бы, – улыбнулась учительница. – Лидочка – моя племянница по линии мужа. Содержать ее мне не под силу, а помочь сделать из нее человека я обязана.

– Ничего у вас не получится. Знаю ее. Учится плохо. Девочки рассказывали, что мозгов у нее маловато.

– И вы ей об этом напоминаете?

– Нет, что вы! Такое нельзя говорить. Она же не виновата. Ей помогают уроки делать.

– Вот и я стараюсь помочь. Возможно, многого она не сумеет достичь, но чему научу, очень понадобится ей в жизни. Каждый что-то должен уметь делать очень хорошо, лучше других. Тогда сам себя будет ценить и к нему станут относиться с уважением. Поверь! Через меня столько всяких детей прошло! Иногда из менее талантливых замечательные танцоры выходили. А некоторые, даже с божьей искрой, ничего не могли достигнуть – не умели и не хотели трудиться. Не ценили свой талант.

– Если бы каждому ребенку так повезло с учителем, то плохих детей не было бы?

– Возможно.

– У меня тоже очень хорошая учительница Анна Ивановна, – сообщила я радостно.

– А кем ты хочешь стать?

– Не знаю. Наверное, воспитателем в нашем детдоме. Но я больше взрослых люблю. Только злых, хитрых и глупых не понимаю и боюсь.

– А как ты отличаешь: умный человек или нет?

– Так видно же! Один говорит, и сразу все в голову и на сердце ложится. Всю жизнь слушала бы. А другой – все попусту. Еще к лицам приглядываюсь, поведение наблюдаю.

– Ты ко всем обращаешься с вопросами?

– Что вы, я больше слушаю! А спрашиваю, если только что-то непонятно или удивительно. И в основном у интересных людей, таких как вы.

– И все отвечают?

– По-всякому. Случается, что и обругают, но я не обижаюсь. Люди разные. Я и сама, то молчу целый день, а то как «прорвет» – не остановишь. На скамейке в парке люблю сидеть. Такого наслушаешься! Мне кажется, мужчины или совсем умные, или совсем непутевые, те, которые только о водке и футболе говорят. А женщины, если даже не очень умные, то все равно с ними интереснее.

– Скамейки в парке – твои своеобразные университеты. У многих людей нет времени для прогулок по паркам, и ты с ними не общаешься. А вообще-то, запомни: хороших людей больше.

– Я про Лиду спросить хочу. Почему она учит цыганский танец, а не русский?

– Ей захотелось что-нибудь особенное.

– На летней эстрадной площадке я видела аргентинский танец. Вот уж особенный! И очень красивый.

– Аргентинский ей не одолеть. В нем много пылкости, темперамента. Я подбираю детям танцы близкие им по духу. У Лиды русская душа. В наших народных танцах много юмора, бесшабашности. Они чем-то схожи с цыганскими... А ты любопытный экземплярчик. С тобой бы особо заняться. Люблю эксперименты! Изучать детей, их психику – мое хобби. Что ж, девочка, желаю тебе найти себя.

Учительница танцев улыбнулась мне и ушла. А я продолжала сидеть, переполненная впечатлениями от разговора.

НЕ СМЕЮ МЕЧТАТЬ

Рядом с почтой находится больница «скорой помощи». Я не люблю смотреть в ее сторону. Крови не боюсь. Видеть боль и страх в глазах больных и родственников не могу. Но два случая, происшедшие в один день, не прошли мимо меня.

Случилось это до завтрака. Мне не спалось, и я, проشمывнув мимо дежурной, отправилась в парк. Было прохладно, сыро, серо. Мое внимание привлек странный человек, быстро взбиравшийся по крутому склону. Невысокий, худой. Лохматые, светлые волосы клоками торчали во все стороны. Он в нижнем белье и босиком. На ладонях вытянутых неподвижных рук лежал ребенок. Белая пеленка развевалась на бегу, то оголяя, то прикрывая маленькое синюшное тельце.

Меня поразило каменное лицо человека с выпученными стеклянными глазами. В них застыл жуткий страх. Верхняя половина тела была почти неподвижна, только ноги стремительно несли его к больнице.

Я долго не решалась подойти к железной ограде больницы. Во дворе было тихо, сонно. Лишь дворничиха монотонно чиркала обтрепанной метлой по асфальту.

– Тетенька, вы видели здесь дядю в исподнем (нательное белье) с ребенком на руках? Что с маленьким? Он выживет?

– Приснул его отец. Слава богу, откачали доктора, с того света возвели.

– Что значит «приснул»?

– Во сне придавил. Чуть не задохнулся малыш. Разве можно отцам доверять грудных? Они же спят как чурбаны.

– А мама как спит?

– Как птичка. Она вскакивает даже от неровного дыхания своего ребенка. Знаю. Сама троих выходила. Отец, бедняга, чуть мозгами не сдвинулся. Ему укол сделали. Спит.

У меня отлегло от сердца, и я пошла к детдому. Жуткие белые глаза неотступно следовали за мной... Вдруг мимо пронесся высокий мужчина с детской коляской. Полы белого плаща разлетались, как крылья огромной испуганной птицы. Светлые с проседью волосы разметались по высокому бледному лбу. Рот чуть приоткрыт. Я успела разглядеть тени под глазами, подчеркивающие и без того крупные, широко распахнутые голубые глаза. В них – тревога и решимость во что бы то ни стало успеть... Даже в беде лицо этого человека было вдохновенным и прекрасным. Я ни капельки не сомневалась, что все у них будет хорошо.

Теперь я часто хожу по этой улице в надежде снова увидеть человека, поразившего меня своей особенной внешностью.

Дождалась. Он шел уверенным, стремительным шагом. Лицо сосредоточено. Он весь внутри себя. К нему подошли двое мужчин, и, пока они разговаривали, я разглядывала своего обожаемого незнакомца. Широкая, но сдержанная улыбка во время беседы превращалась то в ироническую усмешку, то выражала глубокую радость, и тогда светились не только глаза, но и каждая складочка его подвижного лица. В этот момент я чувствовала его удивительную мягкость души. Но в нем не было яркого простодушия простого человека. Он был слишком умен.

Я пересилила в себе благоговейный страх и приблизилась к незнакомцу на расстоянии несколько шагов. И вдруг ощутила волнообразные толчки. Я стояла и растерянно прислушивалась к ним, пытаюсь разобраться в себе. Вытянула вперед руки. Будто легкий ветерок заскользил по ладоням. Потом он усилился, и стал похож на давление маленьких волн на реке. Но здесь – другое. Я воспринимала их не кожей, а всеми клеточками тела. При этом во мне нарастал душевный подъем, непонятная, незнакомая радость.

Мне всегда было приятно видеть и слышать бабу Мавру, Галю, Анну Ивановну. Но при этом не появлялись странные волны. И радость в данном случае была в сто раз сильнее! Может, это волны счастья?

Я снова и снова ищу встречи с этим удивительным человеком, чтобы получить немного счастья. Ведь такие люди, наверное, живут на земле, для того чтобы дарить радость тем, кому ее не хватает.

Я понимаю, что этот человек недостижим для меня, что я никогда не посмею подойти к нему, как к любому другому на скамейке, не смогу заговорить. Но он мне подходит. Мне такой нужен. Вдруг мой отец был чуточку похожим на него? Не зря же меня притягивает к нему неведомая сила? А может, моей душе просто хочется отдохнуть, прислониться к большому, доброму горячему сердцу и оттаять?

Даже в мечтах я не смею называть его папой.

АНЯ

Сажу на лавочке с Аней, одноклассницей Наташи. Мы ждем, когда мама отпустит Лешу погулять.

– Ни разу не видела, чтобы ты смеялась, – говорит Аня.

– Я всегда такая была. А ты тоже не часто улыбаешься.

– Я вообще-то веселая, только от нас недавно папа ушел к бабушке жить.

– Тебе плохо без него?

– Плохо. Но когда вспоминаю нашу жизнь до их развода, то переживаю еще больше. Сначала мы хорошо жили. Папа меня с братом любил, а маму прямо на руках носил. И всегда был веселым. Потом приехала его мама. Папа стал меняться на глазах. Все в доме ему стало

казаться плохим. Он делался все злее и злее. Ты не представляешь, какое у бабушки было счастливое лицо, когда папа впервые закричал на маму. Я была в шоке. До сих пор не могу такое понять. Мы с Олегом упрашивали папу не ругаться, говорили, что любим его. Но он был добрым только с бабушкой. Мама плакала, когда папа приходил поздно. Я не понимала, что происходит. Потом соседка, мамина подруга, рассказала, что муж у нашей бабушки всю жизнь изменял, и теперь ей завидно, что невестка счастлива. Поэтому и стала внушать папе, что мать одна, а жен может быть сколько угодно. Она говорила: «Гуляй, сынок! На старости лет всегда найдешь бабку, которая будет за тобой ухаживать».

– Разве бабушка не понимала, что портит жизнь и вам, и вашему папе?

– Не знаю.

– Твой папа такой глупый?

– Нет. Просто он с детства был «маменькиным сыночком». Бабушка внушила ему, что она самая хорошая, честная и умная. Он привык ей верить, не задумываясь.

– Я-то считала, что все бабушки мудрые и добрые. Не повезло тебе.

– Еще как не повезло.

– Теперь ты не любишь отца?

– Уже не могу броситься к нему на шею, как раньше. И все же жалко его. Он теперь как перекасти-поле.

– Нечего жалеть! Если умный, то подумает и вернется.

– Мама сказала, что у чужих женщин жить легче, чем в семье. Забот меньше.

– Я всегда мечтала об отце. Но вижу, что женщины сильнее, самостоятельнее. Когда вырасту, мужа выберу себе серьезного.

– Не узнаешь его, – авторитетно сказала Аня. – На лбу у него будет написано: хороший?

В женихах они все путевые, а потом...

– И чего жизнь такая непонятная?

– Не ной. Я не считаю себя несчастной. У меня мамка – золото.

– Без отца лучше?

– По крайней мере, спокойней стало. Мы не пропадем. А замуж я не пойду, буду с мамой жить.

Аня замолчала. Худенькие плечи опустились. Она сделалась совсем маленькой. Страдальчески сжатые губы делали ее бледное личико старушечьим.

Мне захотелось отвлечь ее от грустных дум:

– Ты про алименты и шабашников знаешь? Уходит человек с завода в шабашники, много зарабатывает, а алиментов – ни копейки. Я не понимаю этих слов. Объясни.

– Ты где про такое слышала? – занервничала Аня.

– Об этом тетя, которая письма и газеты носит, сегодня рассказывала вашей соседке.

Аня побледнела, сползла со скамейки и побрела к дому. Я сидела как пришибленная. Что произошло? Тут подошел Леша. Я рассказала ему об Ане.

Он вздохнул:

– Ее мама скрывает правду об отце. Всю вину на бабушку перекладывает. Давай сегодня никуда не пойдем. Не хочется без Ани.

– А что же мне теперь делать? Я же не знала, что тети про ее отца говорили. Дурочка. Не поняла.

– Не переживай. Ане ты не сможешь. Она сама должна переболеть. По себе знаю.

– Нет, теперь она не захочет со мной дружить! – горестно воскликнула я.

– Не выдумывай. Не станет она злиться на тебя из-за непутевого отца. А сейчас не трогай Аню. Мы с Наташкой вечером ходим к ней. А в следующее воскресенье и ты приходи. Согласна?

– Приду, – ответила я понуро.

Чувство вины угнетало.

СЕНЬКА ВОР

Познакомилась я с Сеней у Ани. Маленький, белобрысый, крепкий. Волосы – ежиком. Улыбка не сходит с лица. Ласковый. И шутит по-доброму. Как-то маленькая соседская девочка перепутала ботинки. Левый на правую ногу надела. Сеня и говорит:

– Шнурки можно перепутать, а ботинки нельзя.

Для друзей Сенька неисчерпаемый источник здоровой потехи. Учится он на четыре и пять, много знает про корабли. Бредит армией. В семье он пятый ребенок. Мать – гулящая. Отец – человек душевный и великий труженик.

Я только раз в глаза ему посмотрела и столько в них страдания увидела!

И вдруг произошло несчастье. Отец Сени свел счеты с жизнью. Так соседи объяснили. Мать тут же привела в семью другого мужчину. Сеня сразу сильно изменился. В журнале – двойки, тройки. На улице глаз от земли не отрывает. Молчит. Ни с кем не дружит.

Сегодня он особенно молчаливый и раздражительный. Я попыталась вызвать его на разговор по душам. Ответил грубостью и отвернулся. Я поняла: ему стыдно за резкие слова.

– Ничего, – успокоила я Сеню, – всем когда-то бывает плохо.

– На себя злюсь, – угрюмо пробормотал Сеня и вдруг заплакал.

– Тебя побили?

– Меня никогда не бьют... Я сегодня воровал... – дрожащим голосом признался он.

– Я – могила. Не бойся, – поторопилась я успокоить мальчика.

– Знаю, не в том дело. До сих пор не могу прийти в себя. Дышать не мог, ноги не шли.

Страшно. Жутко.

– Не воруй больше. Пусть даже побьют, все равно не ходи.

– А мне отчим сказал, что страшно только по первому разу, потом привыкну. Мол, уже большой, не сопляк, должен помогать семье. Он с подходом. Лучше бы уж бил.

– Слушай, Сень, а ты докажи себе, что смелый. Станет посылать в следующий раз, а ты скажи: «Не пойду!»

– Вот сейчас я согласен с тобой, а дома... Не знаю, смогу ли?

– Не понимаю! Если я чего не хочу делать, меня и сто человек не уговорят. Я еще до школы поняла, что воровать никогда не буду. Моя натура этого не принимает.

– Натура? Это что такое?

– Толком не знаю. Вроде чудик внутри меня сидит и от плохого удерживает. На уроках нечаянно забалуюсь, и тут мысль мелькает: «Какая же я дрянь! Учительница тоже человек, а я издеваюсь».

– Видно, нет у меня такого «чудика».

– Сам ты не знаешь. Есть он! Точно. Ведь переживаешь, что пришлось воровать?

– Все отчим. А я противиться не могу. И мамка молчит. Жизнь моя все равно пропащая! – горестно воскликнул Сеня и опять залился слезами.

То ли от жалости, то ли от злости меня затрясло, перед глазами поплыл белый туман, и началась истерика. Успокаивать нас было некому.

КОНТУЗИЯ

После ужина Толян, я и Наташа пошли бродить по городу. На пути встречались обгорелые дома из красного кирпича. Толян первый увидел еще не обследованный разрушенный трехэтажный дом и сразу нырнул в пролом. Между кучами битого кирпича росла густая высокая крапива. Остатки перекрытий этажей уродливо торчали черными балками. В обожженные глазницы окон второго этажа заглядывали красно-бурые грозди рябины.

– Здесь лазить опасно. Шею можно свернуть, – сказала Наташа.

– А дом-то дореволюционный. В таких толстых стенах богатеи клады раньше прятали. Поищем? – предложил Толя.

– Ты весь дом будешь разбирать по кирпичику? Бомба и та до конца разбить не смогла, – возразила Наташа. – Уйдем отсюда.

Толя увидел в центре одной из комнат остатки огромного костра.

– Смотрите, мы здесь не первые, – сказал он разочарованно. – Погреемся у костра?

Я согласилась. Сырой осенний ветер гулял по комнатам. Задубевшими от холода пальцами Толя поджег валявшиеся обрывки газет, потом подложил картонки и сухой бурьян. Вскоре сушняк разгорелся, и затлели трухлявые бревна. Из них вырывался то красный, то желто-зеленый, то синий огонь. Языки пламени слизывали березовую кору или сворачивали ее в трубочки. Тьма наплыла незаметно. Когда Толя ворошил костер, огромный сноп красных искр взмывал в небо. А оно было удивительное: черное, бархатное! Без звезд было бы страшно и неуютно. Но они висели близко, смотрели строгими, но добрыми глазами и, мигая, разговаривали с нами.

Мы изредка перебрасывались негромкими фразами. В тишине голоса звучали гулко, неестественно и сначала пугали меня. Я переходила на шепот. Толя усмехнулся:

– Если ворона каркнет, то это будет как выстрел.

Мы сидели в ярком пятне, а причудливые тени обломков стропил и кривых кирпичных кладок плясали по остаткам стен. Я взяла слегу и принялась встряхивать груды тлеющих обломков, любуясь разными по высоте и яркости столбами искр. Наташа отошла за угол по нужде. Спотыкаясь, она засмеялась:

– Не сесть бы в крапиву!

Толя с горячей палкой проводил ее до стены, а сам пошел в другую сторону. Я продолжала играть в «искры». И вдруг...

Почему я стою в узенькой нише плотно вжата в стену? У меня горит левая щека. Больше ничего не чувствую, словно деревянная. Передо мной – Толя с факелом. Рот раскрыт, испуганно смотрит на меня. Подбегает Наташа, хватая меня за руку, отрывает от стены. С трудом переставляя ноги, я выбираюсь на улицу к фонарю. Наташа травой вытирает с моего лица что-то липкое и успокаивает:

– Все обошлось, все живы!

Толян отталкивает ее и приказывает мне:

– Закрой правый глаз, смотри левым! Видишь горящую палку?

Я медленно, растягивая гласные, отвечаю:

– Да-а, ви-ижу.

– Теперь закрой левый. Видишь?

– Вижу, – бормочу я.

– Слава тебе, Господи! – всхлипывает Наташа.

А я не понимаю, что происходит. Помню: тяжелое бревно никак не удавалось расшевелить. И все.

Друзья довели меня до заднего крыльца, куда входят работники детдома. Я побрела к себе наверх и тихонько легла в постель. Заснуть долго не могла. Ни чувств, ни ощущений, только какая-то заторможенность.

Утром девчонки пошли умываться. Я тоже встала. Болело все тело, горело лицо, уши. Кто-то закричал, показывая на меня пальцем:

– Смотрите, она опять где-то болталась? Что, физиономию ошпарила?

Я глянула в зеркало: вымазанные во что-то черное, слипшиеся волосы торчали клоками. Левая сторона лица красная, вспухшая. И глаза почти не видно.

– Упала, – буркнула я и пошла к старшеклассницам за ножницами, чтобы выстричь черные клочки волос.

В столовой прятала лицо от воспитателей.

После ужина Наташа и Толя повели меня на место происшествия. Оказывается, они еще утром залили костер и теперь спокойно рассказывали мне, что произошло. Наверное, в костре была мина или бомба. Они показали мне что-то вроде кастрюли со стенками толщиной в две школьные тетради. Внутри этой штуки находилась черная жидкость, она-то и обожгла мне лицо. Видно при нагревании «кастрюля» взорвалась. Крышка «бомбы» при взрыве свернулась вдвое и врезалась в стену. Толя нашел ее в углу комнаты рядом с нишей.

– Какая же силища у этой бомбы, если толстенная крышка согнулась пополам! Представляешь, если бы она в тебя попала! – ужаснулся он. – Я как услышал взрыв, чуть с ума не сошел от страха. Подумал, что бомба тебя... Наташа визжала, а я даже с места в первый момент не мог сдвинуться. Отец рассказывал, что в войну ударной волной солдат отбрасывало на несколько метров, и они не могли ни видеть, ни слышать, речь теряли. Надеюсь, ты головой о стену не ударилась, когда тебя швырнуло?

– Не знаю. Я ничего не чувствую.

– И не помнишь, как в закутке оказалась?

– Я и взрыва не слышала.

– Дай голову пощупаю. Может, там шишка или рана... Все в порядке. У тебя, наверное, легкая контузия. Это не страшно. Скоро пройдет.

Несколько дней я ходила «заторможенная», а потом опять стала нормальной. Щека долго болела, но меня это уже не беспокоило.

– Хорошо, что на лице следов не осталось, – сказала Наташа.

– Мне тоже с этим повезло. Только вот на теле...

Она распахнула кофточку, и я вздрогнула. Вся грудь Наташи была изрисована глубокими розовыми и синими шрамами.

– Мамка с маленькой сестренкой на руках в магазин побежала. А я чаю захотела. Наклонила кипящий чайник, а он свалился на меня. Папка в усмерть пьяный лежал на кровати. Мамка нашла меня на кухне без сознания. Мне тогда пять лет было.

– Досталось тебе... Теперь понятно, почему ты такая осторожная. А я вечно во всякие истории попадаю!

– Наверное, ты очень любопытная, – улыбнулась Наташа.

– Любознательная, – весело поправила я подружку.

КОТЕНОК

Сидим с Толяном в траве у детдомовского забора. Он ест мелкие, с горошину, черные плоды с высокого корявого куста. Меня угощает. Я пожевала незнакомые ягоды и сплюнула:

– Фу, гадость! Отравка какая-то.

– Это писклены, по правильному – паслены. С непривычки они тебе не нравятся. А мы все едим.

Я с сомнением передергиваю плечами и направляюсь к корпусу, где у дверей происходит что-то интересное.

Второклассницу Таню с черным котенком на руках я в первый момент не узнала. Платье на ней мятое, в темных пятнах, лицо жалкое, в волосах – солома. И котенок такой же замызганный. Медсестра, морщась, уговаривала девочку:

– Он же в лишаях! Выкинь его за ограду, и пойдём в санпропускник.

– Не брошу, – упрямо твердила Таня. – Чернышу плохо. Без меня он пропадет.

– Но ты же заразишь своих подруг! Им придется два месяца делать уколы.

– Тогда и я не вернусь сюда. Буду с котенком жить, – размазывая слезы по грязному лицу, отвечала беглянка.

К нам подошла старшеклассница и хмуро сказала:

– Может, у нее роднее Черныша никого нет. Оставьте его жить у Тани.

Медсестра не выдержала:

– Ладно, возьму к себе и вылечу.

– На что он вам? Обманете, – возражает беглянка.

– Кроме лишая, у него еще рана на животе. Если ее не подлечить, то все равно он умрет. Мне самой жалко котенка. А ты сможешь проведывать его. Будешь приходить к нему в гости? – продолжала уговаривать Таню медсестра.

Глаза девочки засветились. Она отдала Черныша и пошла за воспитательницей.

– Че с Танькой? Где так вывозилась? – спросил Толян у старшей девочки.

– Из-за котенка сбежала. Вспомнила вдруг, что когда-то у нее был Черныш. Вот и приволокла чумастика. Наши тут с ног сбились за эти сутки. Директор голову потерял.

– Что значит «голову потерял»? – удивилась я.

– Воспитатели так говорили. Наверно, сильно волновался.

МАЛЫШАТА

Жду на моей скамейке Наташу. Подошла женщина с двумя детьми. Маленький сделал лужицу и, указывая на нее пальчиком, с виноватым видом, выговорил: «Ы-ы». Мама поругала его. Вдруг малыш увидел рядом с пожилой женщиной на асфальте мокрое пятно и опять заикался. Женщина улыбнулась:

– Это, миленький, не я, это дождик.

Ребенок показал в сторону своей лужицы и, глядя мне в глаза, спросил: «Ы-ы?»

Я ответила:

– Это тоже дождик виноват.

Малыш потерся головой о мамины колени и радостно засмеялся. Потом принялся беспорядочно тыкать пальчиком в картинку на обложке книжки и вдруг уставился в одну точку. По его личику поняла, – думает. Наконец он показал на петуха.

– Он на самом деле что-то понимает? – спросила я.

– Пожалуй. Не все, конечно, ему только годик. Наверное, вспомнил петуха, которого сегодня у родных в деревне видел.

– А можно я ему петухом прокричу?

– Попробуй.

Я старательно прокукарекала. Ребенка это привело в восторг.

– Видишь, на самом деле вспомнил. Коленьке было десять месяцев. Кормила его кашей, а он нечаянно вышиб из моих рук чашку, и каша разлилась. Я прикрикнула на него и опять побежала на кухню готовить. Когда вернулась, Коля все еще стоял, отвернувшись к стенке. Я и уговаривала, и ласковые слова шептала – ничего не действовало. Молчит, смотрит исподлобья. Только через два часа удалось его покормить. Стыдно мне было, что не сдержалась. Думала, не понимает.

– А мне тоже петух понравился. Такой красивый, серьезный. Порядок любит, – заговорил старший мальчик лет восьми. – Чужих петухов не пускает. И за гребень схватил курицу, которая клевала маленьких цыплят. А еще наша бабушка зимой купила поросеночка и посадила в отдельную загородку. А он кричит, кричит жалобно. Я пошел посмотреть, что ему не нравится. А это он через заборчик к большому поросенку хотел перелезть. Я помог ему. Лег он на Ваську и заснул. Когда деда «чикнул» Ваську к Новому году, маленький перестал есть. Пришлось дедушке купить ему друга. И все сразу наладилось.

– Наверно, в колхозе привык к компании, – сказала мама ребятишек.

– И некоторым людям жить поодиночке тоже плохо, – сказала я и вздохнула.

Мимо нас, брызгая слюной и ругаясь, «протелепался» растерзанный, расхристанный пьяный. Мотня его брюк болталась ниже колен. Грязные ботинки без шнурков. Неожиданно он выдал лихое коленце и плюхнулся в лужу.

– Победенный жизненными неудачами человек, – посочувствовала ему проходившая мимо женщина.

– Люди плохие дела делают, когда Бог спит, – указала я на противного дядьку.

- Я тоже, когда бабушка заснет, костер во дворе жгу, – тихонько сознался мне мальчик.
- Костер и я в лесу развожу. Только осторожно, чтобы пожар не устроить.
- Побольше тебя понимаю, что опасно.
- А ты свистеть в два пальца умеешь?
- Не дурак грязные пальцы в рот совать! Мне папа свисток сделает.
- Эх, ты! А еще мальчишка! А я умею, – сказала я, пытаюсь преодолеть раздражение,

вызванное словом «папа».

В это время подошла Наташа, и мы пошли к ее подруге Инге. Я уже несколько раз была там, и мне нравилось играть с ее совсем маленькой сестренкой Юлей. Забавная, смышленная. Я придумывала ей стишки про игрушки. Вот такой, например:

- Котик, котик, обормотик,
Ты закрой зубастый ротик.
Детку Юлю не пугай,
С нею в мячик поиграй.
И другой еще сочинила:
– Скачет мячик по дорожке.
Ну, а где же его ножки?
Где ты ножки потерял?
Зайцу в фанты проиграл?..

Я приносила стишки, а малышка смотрела на игрушки, о которых шла речь.

Когда Юле был годик, Инга написала на картонках некоторые буквы алфавита и развела на стене у кровати. Юля быстро выучила их. Букву «М» она называла «мама». Букву «П» – «папа». А остальные буквы просто показывала пальчиком, потому что говорить не умела.

- Какая у тебя сестренка умная! – восхищалась я.
- Дети все умные, если с ними заниматься, – серьезно отвечала Инга.
- Как-то я нарисовала Юле тетю, дядю и ребенка с бантиком и объяснила малышке:
– Это твоя мама, это папа, а это ты, Юлечка.

Она внимательно смотрела на картинки и улыбалась.

А сегодня в коробке с игрушками я нашла эти рисунки. Малышка их сразу узнала и с нежностью в голосе проговорила: «мама», «папа». Потом прижала рисунки к лицу и никак не хотела расставаться с ними.

Ей чуть больше года, а как любит родителей! У меня при словах «мама – папа» ничего не возникает в душе. Может, потому что я их никогда не видела? Может, и любить тоже учат родители? Для Юли даже память о том, что на листочках не смешные каракули, а лица родителей, приводят ее в восторг и умиление. Она косолапо топает по комнате и жалобно пищит: «Ма-ма, па-па». Она их ждет. Потом заворачивается в мамин халат, прижимается губами к мягкой ткани и засыпает.

Неожиданно мне вспомнилось, как к маме моего друга Леша в гости приходила школьная подруга с пятилетним сыном и девятимесячной дочкой. Бабушка засуетилась, достала стаканы из шкафчика.

- А конфеты будут? – спросил мальчик.

Бабушка долго копалась в ящике шкафа, наконец, достала карамельку в цветном фантике и, подавая гостю, спросила:

- Не соскучился? Давно у нас не был.
- По конфетам скучал, – ответил мальчик.
- Его мама с досадой скривила лицо и сказала:
– Ребенок! Что поделаешь?
- Воспитывать надо, милая, воспитывать, – прошамкала пустым ртом прабабушка.
- Мал еще, – вздохнула смущенная мамаша.

– Потом-то поздно будет, – возразила Лешина бабушка.

Я же не видела ничего плохого в том, что мальчик сказал правду. Если бы меня спросили, я бы, понятное дело, так не ответила. Зачем обижать гостеприимных хозяев? Не всякий станет принимать у себя и угощать чужих детей. Однажды я слышала, как хорошо одетая тетя не разрешала своему сыну играть с детдомовским мальчиком:

– Наберешься от него всякой гадости!..

«Вшей, что ли? – подумала я тогда. – Так куда же от них денешься? Они всюду и у всех»...

... Не успела гостя уйти, – в семье Леши началась ссора. Малышка, спокойно сидевшая на кровати, вдруг повернулась к хозяевам и сердито закричала. А потом протянула ручки к маме и жалобно заплакала...

А у Инги семья счастливая. Здесь все друг о друге заботятся. И меня хорошо встречают, хотя еда у них беднее, чем в нашем детдоме.

ОСЕННИЙ ПАРК

Лето в этом году было сухое, жаркое. В парке высохла трава. А газоны, хотя их и поливали, пестрели желтыми и серыми лысынами. Зато осень выдалась удивительная: теплая, тихая, солнечная!

После сентябрьских дождей трава выросла сочная и высокая. Кроны деревьев посвежели, загустелись. Чуть похолодало в начале октября, и некоторые деревья надели желтые одежды. Зеленая трава окропилась брызгами солнечных зайчиков и опуталась длинными нитями-паутинками.

– Бабье лето, – с печалью в голосе говорили горожане.

Но тут опять потеплело, бурные дожди снова напоили землю, и листья на деревьях перестали желтеть. Хорошая осень продлила им жизнь. До конца ноября парк зеленел, украшенный солнечными нарядами берез и красными пятнами кленов, рябин. Воздух, пронизанный теплыми лучами, благоухал запахами поздних цветов. Ни ветров, ни морозов. Благодать!

В первых числах декабря резко похолодало. Деревья в несколько дней пожелтели. Холодные ветры срывали яркие плотные листья и толстым слоем покрывали землю. В парке становилось светлее, чем на улице с ее серым асфальтом и серыми домами. Каждый день желтая метель носилась в воздухе, успокаиваясь лишь к вечеру.

Под мелколистным кленом – яркий ковер опавших листьев. На что он похож? На облако при закате солнца? Нет. Слишком пестрый. Да и зачем сравнивать? Всякое красиво по-своему. Собрала по листочку с каждого дерева. Разложила на скамейке. Для меня лист клена – самый любимый. Когда-то в осеннем лесу я поразились темно-лиловым и сиреневым листьям осины... То было прозрение, озарение – первая радость понимания прекрасного. Открытие красоты и восхищение ею... С тех пор ищу такие листья как далекую удивительную сказку. И не нахожу.

Но кленовый... Он самый-самый. Я разглядываю его и пытаюсь понять, почему он так чарует меня? Гляжу через него на солнце, трогаю прохладную гладь, вожу пальцем по узорчатому краю. Может, в незатейливом изяществе линий его красота?

Долго смотрю, как опадают листья. Мне кажется, что вместе с ними улетают все заботы и «выпадают в осадок» беды, как говорит одна старшеклассница. Мне хорошо...

Я уговорила подруг возвращаться из школы через парк. Здесь местная детвора, с восторженными криками скатываясь с железных горок, ныряла в огромные шуршащие перины из листьев. Они специально натаскали их сюда. Мы присоединились к ним и тоже собираем вороха листьев, подбрасываем над головой брызги осеннего разноцветья, сопровождая свои действия радостными восклицаниями. А потом еще долго катаемся по пахучему ковру прощальной яркости красок.

Отряхнув с одежды налипшие листья, семена «собачек», репьев и колючек, медленно, от переполнявших нас эмоций, бредем по упругой земле к жесткому мертвому асфальту.

Я не хочу идти в детдом. Свернула к детской площадке, распеваю на ходу только что придуманную песенку:

Расплескала осень краски
По земле родной,
Чтобы жить мне снова в сказке,
Сердцу дорогой...

Если что-то не рифмуется, я заканчиваю куплет «ля-ля-ля-тополя» и начинаю другой. Мне здорово! Я счастлива!

Очень старый дедушка и внучка лет четырех сидят в пестрой беседке. Неподалеку, на спортивной площадке, веселые парни подпрыгивают, хватаются за кольца, что укреплены на толстом железном обруче, и, размахивая в воздухе ногами, перемещаются на руках по кругу. Повеселились и пошли по своим делам. Тогда и девочка побежала к площадке, взобралась по лестнице, дотянулась до ближнего кольца и повисла на нем. Подойдя ближе, я увидела ее испуганные глаза. Страшно прыгивать? Почему же не зовет на помощь? Немая? Бежать к дедушке? А вдруг она свалится на цемент?..

– Прыгай, – сказала я и протянула руки. – Не бойся, поймаю.

А она боится, висит.

– Да прыгай же. Удержу!

Страх в ее глазах сменился надеждой, и девочка разжала занемевшие пальчики. Я поймала ее, только не удержалась на ногах и, отступая с цементной площадки, упала на спину в траву. Когда мы поднялись, девочка благодарно посмотрела на меня и побежала к дедушке, который дремал на скамейке, прислонив голову к зеленой решетке беседки.

Я немножко ушибла локоть, а на душе по-прежнему было весело, и хотелось петь.

ОКСАНА

Первый раз иду к подружке Толяна Оксане. Ее историю уже знаю. Мама – умная, очень строгая, красивая, полная. Инженер. Папа худой, неприметный, шофер. Пьет. Оксане десять лет, сестренке – пять. Как-то рассердилась их мама на папу и выгнала из дому со словами: «Пьяного больше на порог не пущу». Он ушел в гастроном добавлять с горя. Там его «подобрала» плохая тетя. Они стали вместе пить. А когда у них родился ребенок, мама Оксаны дала папе развод. Обыкновенная история.

– А почему мама Оксаны не попробовала его перевоспитать? – спросила я Толю.

– Пробовала. И по-хорошему и по-плохому.

– По-плохому? Как это?

– Ладно, расскажу, только Оксане ни гу-гу.

– Могила.

– Ее папа в квартире обычно в трусах ходит. Как только пьяные дружки в дверь постучат, тетя Тамара его брюки в корыто с водой бросает. Он бегает по квартире, злится, а что поделаешь? Не пойдешь же на улицу нагишом?

Вдруг Толя спрятался за дерево и, поманив меня пальцем, сказал:

– Вон, видишь, это он на другой лавочке сидит. Пьяный. Значит, Оксана скоро прибежит к нему.

– Каяться пришел, – скривилась я. – Разве можно такого любить? Пьяный, противный, какой-то замусоленный, некрасивый.

– Тебе чужой, поэтому противный. А для Оксаны – самый лучший. Она знает, что он добрый и любит ее.

– Не пойму: любовь, любовь! Я представляла отца умным, добрым, красивым, заботливым...

– Придумала себе сказку. Сказку всякий любит. Ты не умеешь жалеть и прощать других. Ведь не умеешь?

– Прощать? Не знаю.

Невдалеке от пьяного остановилась женщина с белоголовыми полненькими девочками. Старшая угрюмо пробурчала:

– Ты не хочешь, а я все равно останусь.

Женщина, вздохнула:

– Ну, смотри, только пять минут.

И пошла с меньшей в дом.

Оксана как-то неловко, осторожно села на лавочку рядом с отцом. Лицо ее залилось краской. Мне казалось, что она боится до него дотронуться, боится заговорить. Отец, обхватив руками голову, простонал:

– Доченька, родненькая. Прости. Водка проклятая подвела. Не хотел тебя бросать.

– Папа, вернись к нам. Я маму уговорю, и не буду ругать тебя за водку.

– Ну, как же я вернусь, доченька. Вы с Галей большие, а там маленький, в пеленках. Его кормить надо. Ты уже помощница маме. Умница моя.

– Папочка, ты возвращайся, когда сможешь. Я буду ждать. Не бросай меня совсем.

И она, не сдерживая слез, побежала в дом. Толян отвернулся. Мне тоже было жалко Оксану. И было неловко, что подглядывала за чужим семейным горем. Я раздраженно сказала:

– Неужели я могла бы любить такого? Чего она унижается перед ним? Он же бросил их!

Не понимаю Оксану.

Толян подумал и объяснил:

– Ты любишь за что-то, за какие-то хорошие качества, а Оксана просто за то, что он ее отец.

– А если бы он был хорошим, она больше любила бы его?

– Не знаю. Я, например, чем больше маму жалею, тем больше люблю. Я понимаю Оксану, как родную сестру. Ее мама сказала, что мы с ней «родственные» души.

– Толя, а есть у тебя друзья, у которых все хорошо в семье?

– Нет. Они не поймут нас.

– Может, тебе просто не повезло? У нас практикантка Галя была из нормальной семьи, но как она понимала нас и любила!

– Мне такие не встречались. И воспитатели не могут любить, как мама. Они должны ко всем относиться одинаково. Иначе дети будут обижаться. Вообще-то к послушному ребенку воспитатели лучше относятся. А мама любит всегда, и я люблю ее, какой бы ни была.

– Но меня же по-настоящему любили в лесном детдоме!

– Может, по-настоящему жалели? Ты не злись. Пойми – не любви, доброты жди от них.

Мне было горьки слова Толи. «Неужели, правда, что нас только жалели? Разве я не заслуживаю любви? Я никому не нужна», – думала я, не пытаясь остановить нахлынувшие слезы.

В гости к Оксане в раскисшем виде не пошла.

РАСТЯЖЕНИЕ СВЯЗОК

По привычке скатываюсь с пятого этажа по перилам. Кто-то хватает меня за шиворот. Серdito оглядываюсь – дежурная.

– Покалечиться захотела? – подняв ниточкой брови, строго спросила она. – Чтобы я больше такого не видела! Ясно?

– Ясно, – ответила я и помчалась вниз, делая на поворотах лестницы крутые «виражи» на одной ноге.

Вдруг пронзила острая боль. Я осела на ступеньки. Одна нога у щиколотки сразу сделалась толстой и бугристой. Поскакала на здоровой. Дежурная, услышав стук ботинок, поспешила на первый этаж сделать новое замечание, но, увидев, мою опухшую ногу, рассердилась:

– Не послушалась – вот и результат!

Мне было больно и обидно.

– Давно была бы на улице, да вас послушалась!

– Не оговаривайся и не ври!

– Нет у меня привычки врать.

– Все вы тут врете.

– Неправда!

– И что теперь будешь делать?

– Скакать.

– На пятый этаж?

– Ну и что? Не смертельно. Это же не на всю жизнь?

– Конечно, нет. Пару недель полежишь. Растяжение связок у тебя. Жди здесь. Сейчас медсестру позову, – строго сказала дежурная и заторопилась на второй этаж.

Девочки сочувствовали мне, окружили заботой, давали полезные советы. Мне стало стыдно, что я плохо о них думала. От скуки они ругаются, а на самом деле добрые, как мои друзья в первом детдоме...

Почему-то вспомнилась давняя история. Трехлетняя Аленка после ужина каким-то образом выбралась за высокий забор и потерялась. Лишь перед сном дети заметили, что ее койка пуста. Все кинулись искать. Но скоро стемнело и пришлось вернуться. Утром опять начались поиски. Дети прочесали сад, взрослые – ближний лес. В полдень все собрались у хлебного поля. Стояла жара. Над пшеницей колыхалось желтое марево пыльцы. Шуршали длинные ости колосьев. Легкий ветерок гнал по полю волну.

Баба Мавра приказала:

– Беритесь за руки, пойдем цепочкой по полю. Аленке хлебное поле как лес густой. Она в нем тоже могла заблудиться. Шли медленно, без надежды, негромко переговаривались. Вдруг дед Панько поднял вверх руки, а потом опустил на колени. Среди колосьев спала Аленка. Бледное, усталое личико перепачкано землей, на щеках – грязные дорожки от слез. Во сне она вздрагивала. Тетя Маша осторожно подняла ее, прижала к себе и понесла, закусив нижнюю губу. Мы шли счастливые и взволнованные. А Витек тогда тихонько сказал мне:

– Я молился, чтобы волки не нашли Аленку...

От воспоминаний загрустила.

Я не хотела, чтобы со мной нянчились, жалели, и терпеливо взбиралась по лестнице сама.

– Вот дает! Железная. Молодец, – слышала я за спиной восхищенный шепот девчонок.

А через неделю отправилась в школу. И сумку с тетрадками несла сама. Первые шагов сто я прошла нормально, стараясь несильно опираться на пятку. А потом неосторожно наступила на камень и от боли свалилась. Поднялась с трудом. Поскакала. Да путь-то не близкий. Оперлась о дерево, и так мне стало тоскливо, хоть в голос плачь! Прислонилась лбом к шершавой коре, обняла ствол и стою. В этот момент услышала голос мальчишки:

– Чего слюни распустила?

– Я не плачу. Больно очень. Растяжение у меня.

Паренек оглядел со всех сторон мою вспухшую ногу и спросил:

– Где твоя школа?

Я показала рукой.

– Ладно. Цепляйся за шею, на горбу отнесу.

Я, не задумываясь, согласилась. Мы даже успели к звонку. Он поставил меня у самой двери и сказал:

– Скачи в класс. Зайду после уроков. Жди.

С этого дня мы подружились. Целую неделю он носил меня в школу и назад.

Андрей из нашего детдома. Учится в десятом классе школы для старших мальчиков.

НЕУДАЧНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Гуляю с Андреем по городу. Он рассказывает мне интересные случаи, происходившие в их школе. Вышли на широкую многопролетную лестницу. Она чистая и только кое-где красные и желтые кленовые листья лежат на серых гранитных ступеньках. Я собираю самые красивые и дарю другу. Он подбрасывает меня высоко над головой. Я визжу от удовольствия и страха. Теплое солнце золотит нарядные клены и березы, высвечивает желтую проседь в кудрях плакучих ив. Аромат скошенной травы на газонах сильный, приятный. Влажный воздух мягкий, ласковый. Я вприпрыжку ношусь вверх-вниз по ступенькам и радуюсь чистому небу, чудесной погоде и великолепному другу. Когда я вручала Андрею очередную порцию листьев, мне показалось, что в кармане его брюк что-то есть.

– Ну-ка покажи, что ты там от меня прячешь? – закричала я.

Приподнялась на цыпочки, вцепилась в ремень и решительно полезла в карман. Вдруг лицо Андрея залилось краской смущения. Я почему-то почувствовала неловкость и разжала пальцы. И надо же было так случиться, что именно в этот момент раздосадованный Андрей со всей силы оттолкнул меня. Я «пропахала» подбородком и коленями ступени всего пролета. Колени – ерунда, но боль в подбородке была такой сильной, что мне стало плохо. Когда очнулась, надо мной были испуганные глаза друга, и его руки в крови. Дрожащим голосом он шептал:

– Жива, жива!

Я резко вскочила. Перед глазами опять поплыло. Андрей подхватил меня на руки и бегом понес к медсестре. Мне зашили подбородок, обвязали голову бинтами и положили в изолятор. Андрей не отходил от моего окна и, просовывая две карамельки в форточку, все просил простить его. Я на пальцах объясняла ему, что все в порядке. Но он не уходил, пока я не заснула. Когда мне разрешили говорить, я успокоила друга:

– Я виновата, что отпустила ремень. Сама к тебе прилипла, вот и поплатилась. Все заживет как на собаке!

Как всегда хорохорилась. Не могла же показать другу, что мне очень больно.

ПАПА

За парком – корпус общежития. Мне интересно смотреть на студентов. Они веселые, деловые. В окне первого этажа вижу, как они сидят, не отрывая глаз от книг и тетрадей. А по субботам в этом же помещении – танцы. Мне очень нравится один студент: высокий, красивый, с умным, благородным лицом. Я представляю себе его сказочным принцем или рыцарем. Вахтер тетя Эля заметила меня и стала иногда пускать в коридор корпуса. Я показала ей своего избранника:

– Вот этого я бы взяла себе в папы.

– Ну, надо же! Малышка, а самого лучшего студента выбрала, – засмеялась она.

Я бы целый день смотрела на папу Невежина. И если я приходила к общежитию и не встречала его, настроение портилось. День казался сумрачным, невеселым.

А сегодня я наблюдала неприятную картину. К моей знакомой вахтерше подошла старенькая, седенькая женщина и строгим голосом потребовала привести к ней старост этажей. Тетя Эля замялась:

– Я не имею права надолго покидать пост. Да и студентов сейчас трудно найти. Занимаются в читальных залах города. Сессия у них скоро.

Старушка настаивала. Только одну старосту разыскала вахтерша – невесту моего «папы». Вежливо поздоровавшись, Катя объяснила, что ей предстоит трудный экзамен, поэтому не сможет собрать студентов на лекцию ветерана Гражданской войны. Старушка рассердилась и обручала девушку. Та возмутилась:

– Я не заслуживаю такого отношения к себе. Вы не имеете права грубо разговаривать со мной.

Бабуся принялась на все общежитие перечислять свои заслуги перед народом. На крик прибежал «папа» и спокойным голосом, с достоинством, не обращая внимания на угрозы и оскорбления, стал объяснять лектору положение дел. Когда бабусе уже нечего было возразить, она закричала:

– Обязательно добьюсь, чтобы тебя выгнали из института!

– Я уважаю Ваши заслуги перед страной, но прошу вести себя вежливо. Ведь мы должны брать с Вас пример. А на меня можете жаловаться. Только отпустите Катю. У нее на самом деле завтра экзамен.

Мой «папа» вел себя мужественно. Я любовалась и гордилась им. Он проводил невесту в ее комнату, а сам отправился с лектором в институт, где, наверное, его будет ругать не только бабуся. Тетя Эля сочувственно вздохнула:

– Конечно, надо воспитывать молодежь. Только зачем мешать готовиться к экзаменам? Неудачное время она выбрала для беседы.

На следующий день я примчалась узнать, чем закончилось происшествие. «Папа» шел в столовую веселый. Я от радости так подпрыгнула, что свалилась со ступенек. Растирая ушибленную ногу и вылизывая ранку на колене, села за соседний столик, чтобы немножко побыть рядом с «папой».

Конечно, он никогда не узнает о существовании обожающей его «дочки». Но мне это не важно. Главное, что он у меня есть!

ЛИЛЯ

Анна Ивановна дала задание принести на урок арифметики по двадцать палочек. Я выбежала в парк, чтобы наломать веток. Но стало жалко кустов. Живые ведь. Насобирала на земле сухих палочек, связала жгутом из травы и побрела по аллее. А погода неуютная. Резкий ветер пронизывает насквозь. И все же возвращаться в корпус не хотелось. Полы моего пальто разметались. Нашла в мусоре кусок шпагата, продела конец в петельку и обмотала себя по талии. Иду, палочки под мышкой, руки засунуты в рукава, съежилась. Стало теплей. Да и ветер за высокими подстриженными кустами слабее. Хотя нет, дует. Шаровары парусят, хлещут по голым ногам.

В парке – никого. Остро чувствую свое одиночество. Ветер налетает на ветви густо переплетенных кустарников и, не прорвавшись, взмывает вверх, унося с собой пыль и мусор. А то будто ребенок играет бумажкой, гоняет ее из стороны в сторону, заставляет приплясывать на месте, кружиться и, наконец, сердито бросает в кусты, как надоевшую игрушку, где она и застревает, не имея возможности продолжать свой бесполовый, никому не нужный путь.

Вошла в другую аллею. Тут кустарник молодой и низкий, мне по пояс. Я вожу рукой по ровной стриженной поверхности. Тонкие, податливые веточки приятно щекочут ладони. Неожиданно увидела красно-желтый листок, который под напором ветра ежился, изгибался, прятался в ветках или замирал, когда ветер уносился прочь. Потом снова выныривал и плясал ярким флажком. Сами собой пришли слова:

Измученный осенними ветрами

Желтый лист колеблется едва...

Качается или колеблется? Как лучше?.. Наверное, колеблется. Красивее.

А вдруг этот листок продержится всю зиму и не оторвется! Может, даже доживет до новых зеленых листьев! Буду каждый день к нему приходить. Ведь бывают же в жизни чудеса! Укутать его, спрятать от ветров и снега? Нет, пусть все будет по-честному, как на самом деле...

Почему-то вспомнила цветные палочки в голубом пенале у «домашней» Милы. Красивые. Но они же не для игры. А для урока и сухие веточки хороши! Зачем мне цветные подсказки? В уме я считаю и сотни, и тысячи. Палочки нужны только для того, чтобы выполнять задания Анны Ивановны. Мои рассуждения мне понравились, и я успокоилась.

Вдруг на ветках молодой липы увидела стайку удивительных птиц. Откуда это чудо в городском парке? Затаив дыхание, стою, люблюсь яркими малиново-красными неподвижными комочками. Я основательно замерзла, но уйти не могу. Не отпускает красота. По другую сторону от дерева замерла черноволосая девушка и тоже зачарованно смотрит на «моих» снегирей.

Сзади послышался шум. Группа малышей бежала в нашем направлении. Птицы одновременно вспорхнули. Я проводила их грустным взглядом.

Девушка посмотрела на меня огромными добрыми глазами и сказала:

– Какая прелесть!.. Я – Лиля.

Она протянула мне руку, как делают взрослые, и неожиданно предложила:

– Давай дружить. Я тебе буду помогать. Ты будешь мне как сестренка. Согласна?

– Да, – радостно и тихо ответила я.

Потом, когда шла к себе в комнату, думала: «Почему все-таки она подошла ко мне? Может, ее не понимают, как и меня девочки из комнаты? Или почувствовала, что я не стану осмеивать, сплетничать, как некоторые. Ведь такого человека надо именно почувствовать!»

КАРТИНЫ

Когда на улице холодно, я люблю бродить по детдому. Зашла на кухню. Старые тети чистят картошку.

– Зачем пришла? – спрашивают.

– Не знаю. Не могу сидеть на одном месте. Люблю разговаривать со взрослыми.

– Глаза у тебя – васильки и ресницы длинные. Видно родители красивые были. Губошлепом дразнят?

– Нет. «Губатая».

– Иди отсюда. Не положено маленьким на кухне торчать. Еще кипятком ошпаришься. Отвечай тогда за тебя.

Иду дальше. В коридоре, напротив окна, висит картина Айвазовского «Девятый вал». Очень странная картина, зловещая, жуткая – люди ведь гибнут – и одновременно прекрасная. Как такое можно понять – красота и страх рядом? Так же не должно быть? Но ведь есть.

Я часто стою возле этой картины с чувством непонятого трепета. Она меняется в зависимости от погоды. Именно в солнечный день она становится особенно непонятной. Яркие, огромные, удивительные и совсем нестрашные волны – и ужас на лицах людей, цепляющихся за обломки корабля! А в пасмурную погоду все правильно и трагично – страх и темные громады волн, крохотные, беззащитные люди и неизбежная бесконечно глубокая пучина.

В деревенском детдоме я часто чувствовала себя, как эти обреченные люди, пока не появилась практикантка Галя. А когда она уехала, мне все равно было уже легче, потому что я подросла и страхи уменьшились...

Заглянула в приоткрытую дверь, на которой написано: «Красный уголок» – и увидела на стене две картины: «Сирень у окна» и «Три богатыря». Я опешила от неожиданного совпадения и, охваченная волнением, присела на стул. Надо же! Ведь именно такие картины висели на кухне у бабы Мавры! Но те были старые, без рам, просто на картоне и прибиты к стене над плитой гвоздиками. На меня словно пахнуло теплом кухни и рук бабы Мавры, я услы-

шала ее басистый голос – родной и грустный. Радостной волной окутало меня. «Будто там, у бабушки, побывала». И дорожки на полу в этой комнате такие же темно-красные с синей полоской. Только здесь новее, не линялые. И вспомнились грустные глаза доктора, когда мы болели гриппом, и выражение лица воспитательницы, которая впервые обозвала меня подкидышем, короткие рыжие волосы, широкое лицо и синие глаза Валентины Серафимовны, злые даже в ту минуту, когда держала на руках сына. Помню доброе лицо тети Маши, покрытое светлым пушком, и твои руки, Витек, когда ты вытирал мне слезы, твои острые локти...

Сердце маленькое, с кулачок. Оно только сообщает мне: больно... или радостно, а душа большая, в ней все помещается. Она накапливает, накапливает... Все события записаны в ней буквами разного цвета и размера. Там читаю: «Баба Мавра говорила, что добрый должен быстро прощать». Я мгновенно простила тебя, Витек, когда ты нечаянно врезал мне по носу и никак не удавалось остановить кровь. Я простила тебя и тогда, когда ты, воображая перед ребятами, оскорбил меня грубым словом, а потом переживал, мучился и больше не позволял себе такого. Но я не знаю, прощать ли мне тех взрослых, которые обижали нас. Я бы их, конечно, простила, но ведь они продолжают делать больно малышам...

В красном уголке почти всегда тихо. Здесь я буду спокойно мечтать, вспоминать и писать письма тебе, Витек.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Сегодня скучная, кислая погода. И хотя громоздятся, наседая друг на друга, низкие тучи, я все равно отправилась за город.

Иду мимо огородов со склоненными фигурками людей. «Все лето загорают пятой точкой кверху», – вспомнились шуточные слова деда Панько. Поглазела на тружеников. С мешками картошки они очень походили на снующих муравьев. «Пчелка ты моя», – ласково говорил дядя Коля своей жене, когда она после тяжелого дня на сенокосе еще находила силы возиться на кухне. Муравьем же не назовет? Некрасиво звучит.

Надо мной заурчала лохматая туча. Она проглотила сумрачное солнце, и косой дождь погнал людей в укрытие. А через несколько минут солнце опять усмехнулось сквозь клочья облаков, завздыхал ветер в посадках, и я вышла из-под липы, склонившей к земле отяжелевшие от воды пучки семян.

Не успела дошагать до города, как ветер образовал новую громахающую хулиганскую тучу. Вмиг дымка легла на дальние кусты, вокруг потемнело, и полились, полились потоки. Я вскочила на фундамент ближайшего дома и, пряча ботинки под кофтой, прижалась к стене. Холодные струи с соломенной крыши падали мне на босые ноги. Над крышей – дождь, а рядом, сквозь узкий просвет в облаках, пробился яркий лучик. У горизонта три тучки рисуют ровные неподвижные полосы дождя.

Недавно я пыталась обойти совсем маленькую тучку, казалось, руками смогла бы ее охватить. Так куда там! Иду, иду, а она все над головой. Побежала. Она не отстает. Будто за мною бежит. То ли играет, то ли издевается. Бросила я эту затею...

Дождь стал ослабевать. Над пригородом появились островки яркой сини и белые пуховые облака. А над городом все та же серая муть и льет, и льет...

Стою и сравниваю небесную бесконечность с беззащитной землей. Деревья, дома и даже вон тот завод до ничтожности малы по сравнению с громадами облаков. Почему они, эти величественные исполины, не пугают, – наоборот, восхищают и поражают? И дожди во благо. Радостно, светло на душе от них.

Плохо бывает, когда обманут, скажут грубость. Тогда вздымается в груди раздражение, тягостно делается на душе. От ветра – укроешься, от холода – укутаешься. А от несправедливости, жестокости не спрячешься, не защитишься.

Смотрю на медленно проплывающие облака. Грустные мысли уходят с ними в никуда. Боль воспоминаний в душе ослабевает.

Дождь стих. От влажной одежды неудобно. Обула ботинки, застегнула пальтишко и помчалась в детдом.

На пороге встретила Лилю. Вид ее испугал меня. Смуглое лицо почернело.

– Пстой! Что случилось? – спрашиваю.

Лиля села на скамейку у ограды, крепко прижала меня к себе и, сотрясаясь в рыданиях, уткнулась в мое плечо. Я молча гладила ее по волосам, и мои слезы капали на ее толстые туго заплетенные косы.

– Понимаешь, год назад нас спрашивали, кто хочет учиться семь лет, а кто десять. Почти все сказали – семь. Я тоже. А теперь у меня появилась мечта поступить в институт: хочу стать учительницей математики. Пришла к директору, а он сказал, что меня распределили в ремесленное училище. У них там план. Значит, после училища – на завод. Надо будет отработать, что государство затратило на обучение. А потом неизвестно, как жизнь сложится. Может, замуж выйду, если повезет. Для нас, детдомовских, говорят, это большая проблема. И смогу ли учиться после работы? Короче, вся жизнь наперекосяк.

– Как знать, может, тебе понравится на заводе и в ремесленном? – неуверенно предположила я.

– В институтах уровень культуры студентов высокий. И я стремилась бы стать лучше, уважала бы себя.

– Рабочих меньше уважают?

– Да нет, их даже больше ценят. Только я чувствую, что мое место там, в институте. Человек больше пользы приносит, если работа ему по душе. Смотри, не сделай моей ошибки. Учись десять лет, учись отлично, тогда сможешь все решать за себя сама.

От взрослых Лилиных проблем у меня даже голова заболела. Было горько смотреть на страдания подруги. И вдруг поняла, что, когда Лиля уедет, я останусь без любимой подруги. Открытие потрясло меня.

ЦЫГАНЕ

Мимо нашего детдома последние дни часто ходят цыгане. Странные они. Грязные, обрванные женщины и девочки таскают узлы с вещами, а мужчины и мальчики – особняком. Одеты лучше, чище и в столовке, что напротив нашего детдома, сидят часами. Едят, не торопясь, и говорят по-своему. А женщины пристают к прохожим. За эту неделю я наслушалась от девчонок про цыган разного: и воруют, и на самом деле судьбу предсказывают, и беду навлечь могут. Особенно меня расстроила судьба одной студентки. «Девушка не захотела, чтобы цыганка ей гадала, а та рассердилась, догнала ее и сказала, что она умрет при родах. Девушка долго не хотела выходить замуж. Но один очень хороший человек полюбил ее и уговорил стать его женой. Родился мальчик. Все было отлично, но когда муж приехал в больницу, то узнал, что жена умерла от кровоизлияния в мозг».

Неужели цыгане на самом деле могут предсказывать судьбу? Мне захотелось узнать, как происходит гадание. Я зажала в кулаке десять копеек (получила в аптеке за чистую бутылку) и пошла к вокзалу.

Воскресное ноябрьское утро. С удовольствием вдыхаю пахнувший морозом воздух. Он растекается по телу приятным холодком. Яркое солнце слепит глаза и не торопится убирать туман низин. Изморозь выбелила траву под кустами, а луг искрится росой. В студеном лужах вчерашнего дождя вздрагивают изображения берез. Серые старушки, как призраки, бродят по газонам в поисках грибов и пустых бутылок. Еще издали у привокзального скверика увидела молодую цыганку и заторопилась к ней:

– Погадайте мне, пожалуйста.

– Это весь твой капитал? Иди отсюда, нищенка, – грубо засмеялась цыганка и, презрительно плюнув в мою сторону, ушла, подметая асфальт цветастыми юбками.

Кровь прихлынула к моему лицу. Даже эта бродяжка с презрением относится ко мне! Чем я хуже ее? Тем, что детдомовская?

Но любопытство не оставляло меня, и, выждав, когда цыганке удалось остановить худенькую, скромную, робкую на вид девушку, я вновь приблизилась.

– Дай монетку, позвонить сестре в больницу, – бойко, мешая русские и цыганские слова, начала разговор гадалка.

Та подала монету. Увидев в кошельке десять рублей, цыганка тут же напористо предложила:

– Давай расскажу, что было и что будет в твоей жизни?

Девушка не успела опомниться, как деньги оказались в руках цыганки.

– Отдайте, пожалуйста. Это все, что осталось у меня от стипендии. Я иду в аптеку за лекарством для бабушки, – взмолилась студентка.

– Верну деньги, только погадаю, – заверила черноокая.

Я следила за каждым движением гадалки. «Уж мне ты голову не заморочишь! Увижу, куда спрячешь, и помогу девушке», – думала я. А цыганка вырвала волос из головы девушки, обмотала его вокруг десятки и понесла всякую ерунду. А сама тем временем быстрыми движениями терла бумажную денежку между ладонями. Я ни на секунду не отрывала глаз от рук, но заметить, куда она пропала, не смогла. Поняв, что деньги исчезли, девушка стала настойчиво требовать их назад. Что тут началось! Воровка слала проклятия на ее голову, обещала кучу болезней. Бедняжка побелела как смерть, на кончике носа появились капельки пота, губы задрожали. Она только что не падала. Я жалостливо смотрела на нее и не знала, что предпринять. Вдруг к нам подошел высокий, крепкого сложения молодой человек.

– Сколько она у тебя украла? – спросил он у студентки требовательно.

– Десять рублей, – еле слышно пролепетала девушка.

Парень резко завернул руку цыганке за спину:

– Отдай сейчас же или переверну тебя кверху ногами и все вытрясу!

Обманщица мгновенно выгащила деньги из-за пазухи. Незнакомец вернул их пострадавшей, потом решительно взял ее за руку и увел от цыганки. Я, любопытная, пошла за ними.

– Цыгане – хорошие психологи, умеют выбирать жертву. Ко мне не подойдут. Да не оглядывайся на нее!

– Я боюсь, – прошептала еще не пришедшая в себя девушка.

– Угрожала, запугивала, гадости всякие обещала?

– Да.

– Это их метод. Они наглые и жестокие. Маме моего друга цыганка сказала, что ее сын умрет в восемнадцать лет. Десять лет бедная женщина не могла забыть об этом! А ведь она четверых детей одна растила.

– Сбылось? – с дрожью в голосе спросила студентка.

– Глупенькая. Учусь с ним вместе на юридическом.

– Но люди говорят, что они на самом деле многое могут.

– Вранье. Обыкновенные люди. Просто используют людские слабости. Дар предвидения – редкий, как и талант. Я понял их «кухню», когда был совсем маленьким. Зима в тот год была холодная. Напросилась к моей маме цыганка с кучей деток погреться. Мать пожалела их, пустила, чаем напоила. Потом разговор почему-то о наших соседях зашел. Моя мама с сочувствием рассказала об их бедах. Цыганка попрощалась и ушла. А на следующий день прибегает к нам эта соседка радостная такая и говорит:

– Всю свою судьбу теперь знаю, и про сыночка тоже. Сказала мне цыганка, что он в городе учится на художника и будет знаменитым. Я ей два куса сала отвалила за это и детям всю

старую Вовочкину одежду отдала. Сало она мне хотела вернуть, да кто ж его есть станет? Она, когда гадала, плевала на него и чем-то посыпала. Пусть сама ест на здоровье!

На самом деле сын обманывал мать, в городе не учился, пил, художник из него не вышел. Цыганка наврала с три короба. Тетя Поля с радости все бы отдала ей, да только давать-то больше нечего было. Сама со щей на кашу перебивалась. С тех пор как увижу кого-нибудь в лапах этих «трутней», так сразу иду выручать, – улыбнулся молодой человек и, попрощавшись, отправился по своим делам.

Через неделю пришла я к подружке Оле, а она сидит у дома на лавочке с Аней и еще с какой-то девочкой и плачет. Цыганка у всех троих деньги выманила.

Я позвала Толяна. Он собрал старшеклассников, и мы побежали искать цыганку. Нашли, как и ожидали, у вокзала. Ребята заманили ее в скверик, подальше от подруг, окружили кольцом и потребовали вернуть деньги. Гадалка сначала поливала нас ругательствами и угрозами, но, когда двое десятиклассников заломили ей руки за спину, а старшие девочки стали обыскивать, она сдалась.

Когда цыганка вернула бумажные деньги, старший из нашей компании сказал:

– Мелочью подавись. Запомни, если когда-нибудь ваши люди обидят наших друзей, спуску не ждите!

Мои подружки поблагодарили ребят и разбежались по домам.

В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ

Возвращаюсь от Пети. Пронзительный ветер несет по улице, пригибая к земле прутья кустов и жухлую траву, срывает с деревьев остатки листьев и семян. Молодые березы низко кланяются, выпрашивая у ветра помилования. А он зол и неумолим.

Спряталась в нишу старинного кирпичного дома. Перевожу дух. Небесная голубизна усыпана огромными кучевыми облаками. Их вороха проплывают высоко-высоко, и ветер с трудом шевелит эти удивительные горы. Контраст ослепительного солнца и холодного ветра злит. Иду, согнувшись, подставляя ветру то один, то другой бок. Пальтишко не спасает. Лечь бы в какую-нибудь ямку и укрыться от жестокой неугомонной стихии! Во мне, кажется, не осталось ни одной теплой клеточки! Стынет мозг, стягивая кожу на лбу и висках. Трудно дышать. Господи, еще чуть-чуть! А там, за забором завода согреюсь. Хорошо бы, чтобы очередь в столовой была большая. Тогда можно, не стесняясь, прижаться к чьему-то теплему боку и радоваться теплу, разливающемуся по телу, и чувствовать, как тихая дрема наплывает на голову, туманит ее, тяжелит веки.

В какой-то момент представила себя брошенным, голодным песиком, который, поджав хвост, бежит как-то боком, опустив голову в поисках теплого, тихого местечка.

Опять вижу знакомого старика с собакой, везущей пустой возок. Все лето он косил газоны, а огромный пес, впряженный в тележку, возил траву. Старик полноватый, седой. Идет, еле переставляя ноги. Собака ему под стать – старая, усталая. Она тяжело дышит, даже хвостом не виляет, бережет силы, будто понимает, что без нее хозяину будет совсем худо.

Сопровождая печальную пару, я попыталась завязать разговор со стариком. Разломил кусочек хлеба пополам и положила перед отдыхающей на асфальте собакой. Она повернула голову в сторону хозяина. Тот кивнул. Собака вмиг проглотила угощение. Не успела я обратиться к старику, он опередил:

– Коровка – кормилица наша. Ей траву возим.

Я отдала собаке и свою долю. Возок медленно катится дальше по знакомой дороге. Иду позади них. Заношенная рабочая куртка облегает могучие когда-то плечи и широкую спину старика. Вдруг рядом с ним появилась худенькая старушка, без палки не способная поднять согнутое в поясище тело.

– Иди к детям, милая, – сказал ей старик удивительно ласково.

– За тебя боюсь, – прошуршала она.

– Что за меня бояться? – усмехнулся он мягко.

Было в этой тройке что-то удивительно доброе, до слез трагичное.

Я подошла к ним.

– Почему вам не помогают дети?

– Внуки малы еще.

Старик показал рукой ниже пояса.

– Почему не отдадите их в детдом?

– Родные ведь. Помру, тогда все само разрешится...

За разговором не заметила, как добралась до завода. Сразу почувствовала, что жутко хочется есть. Даже голова закружилась. В столовой на столах иногда остаются недоеденные кусочки хлеба. Я бывала здесь.

Очереди нет. Присела за крайний неубранный стол. Передо мной – красивая молодая женщина с усталым грустным лицом и маленькая сухонькая старушка в черной стеганой безрукавке и коричневой кашемировой шали. Молодая сняла тарелки с подноса и взялась за ложку. Но не успела поднести ко рту, как шипящий шепот остановил ее:

– Подай ложку, – потребовала пожилая. Молодая (наверное, невестка) испуганно огляделась по сторонам и опустила голову к тарелке.

– Подай, – жестко повторила старая женщина.

Молодая вздрогнула. На лице выразилось негодование, обида, горечь. Несколько секунд шла тяжелая, мучительная борьба гордости, самолюбия и стыда. Пожилая зло зыркнула на молодую, лягнула ее под столом ногой и прошептала с ехидной усмешкой:

– Это припомнится тебе.

Хотя ложка лежала рядом с тарелкой старухи, молодая подчинилась. У меня все внутри задрожало от негодования.

– Подай соль, – еще громче произнесла капризная старуха.

Соль стояла ближе к ней. Просьба была глупая. Но женщина, затравленно оглянувшись, подсунула солонку к тарелке. Бабка сделала надменное, каменное лицо. Ее отведенный в сторону, как взведенный курок, мизинец вздрогнул, и она прошипела:

– Посоли.

Несчастливая дрожащей рукой посолила. Тело ее напряглось. Лицо покрылось пятнами.

Что заставляет ее унижаться? Чем эта дрянь запугала ее? Меня трясло, кровь прилиwała к голове. Мысли путались.

Бабка поела, выпрямилась и с наглой усмешкой глянула на молодую. Та подхватила со стула и вытерла ей губы носовым платком. Я больше не могла терпеть издевательств. Но что делать? Закричать, что помещиков давно прогнали? Может, молодая ждет от гадкой старухи наследство? Может, ее бьет муж? Имею ли я право вмешиваться? Но разве можно позволять себя так унижать?

Захлебываясь слезами, выскочила из столовой.

НЕ СПИТСЯ

Не нравится мне поздняя осень. Серая, тусклая. Мой любимый парк поредел. Не успевающие облететь пожухлые листья скручиваются на деревьях, придавая им усталый, измученный вид. Уныло стоят скелеты деревьев. Вдрагивают их тощие ветви-руки от сырых ветров.

Быстро стемнело. На повороте аллеи вспыхнуло яркое пятно, вырывая из плотной тьмы серебристый круг. Издали у него четкие границы. Приближаюсь. Свет на краях тает, переходя в темноту. На круге, как на загадочном экране, сменяются сказочные картины. Деревья, качаясь под напором ветра, попадают в полосу света, и на мгновение оставляют на ней свой особенный след, а потом вновь пропадают. Их поглощает ночь. Длинные ветви ивы на фоне электриче-

ского фонаря кажутся языками пламени. Они то переплетаются и закручиваются, то, сливаясь в единый поток, покрывают яркий шар. При этом каждая ветвь ивы окружена легким сиянием, будто коса с вплетенными серебристо-туманными лентами. Желтые сполохи рисуют на шаре змеевидные тени. И в этот момент трудно отличить живой мир от мира теней. Я смотрю на игру света и не могу оторвать взгляда от фантастического калейдоскопа. Но ветер заставляет меня трястись от холода. Ох, не заболеть бы!

Прибежала в комнату, нырнула под теплое одеяло. Думаю о Толяне. В мою спокойную жизнь ворвались твои беды и заботы. Я понимаю: ты чувствуешь себя чужим среди ребят. Мы – дети войны, а ты – настоящий подкидыш. Меня тоже раньше так называли. Сердце стонало, но в глубине души я верила, что мои родители были героями или просто хорошими людьми. Ты молчаливый от горя, а ребята видят в твоём поведении пренебрежение к ним. «Бирюк. Строит из себя невесть кого», – слышала я во дворе. Это – о тебе. Когда ты небрежно цедишь сквозь зубы резкие, часто грубые слова, ты просто боишься показать свою слабость, боишься заплакать. Тебе хуже, чем мне. Я часто грущу оттого, что у меня нет родителей. Но мои переживания другие: я знаю, что их просто нет. А тебе приходится испытывать жуткую боль за себя, за маму и даже за плохого отца. За что страдает ребенок, которого сдали в детдом при живых родителях?

Если я сделаю что-то плохое, то мучаюсь, хочу поскорее извиниться. Для меня получить заслуженное наказание – это как облегчить душу. Наказали и простили. Я снова хорошая. Здорово!

А ежедневная незаслуженная кара – это слишком жестоко!

Господи! Упаси душу Толика. Помогите моему несчастному другу!

Толя! Почему ты мало разговариваешь со мной? Если бы не бабушка Мавра, я, наверное, сдвинулась бы мозгами. Одного ее слова, даже доброго взгляда было достаточно, чтобы мои беды уходили, не разрастались в страшного черного зверя.

Не молчи, Толя!

РАДОСТИ ПЕРВЫХ МОРОЗОВ

Затянулась в этом году осень. И теперь торопится зима наверстать упущенное. В одну неделю собрала морозы, снега, ветры и обрушила на город. Радость от первых ледяных покровов на лужах неопишима! Стоит увидеть маленькую лужицу – бегу к ней, чтобы покататься, а потом «похрустеть» вволю, ломая, кроша ее на мелкие кусочки!

Но самое большое удовольствие «гнуть дужки» на озерах-лужах. Лед тонкий. Иду по нему, а вся поверхность прогибается, упруго колеблется под ногами. Ощущаю легкое потрескивание льда, плеск воды под ним, гулкое уханье. Волнение и возбуждение нарастают по мере удаления от берега. Переступаю осторожно. Широко расставляю ноги. Зато назад, к берегу, качусь по изведанной дорожке уверенно быстро, восторженно!

Сегодня на второй перемене вся детвора школы высыпала на берег, и визг стоял над озером. Я потеряла всякую осторожность и выделывала на льду кренделя, «подстреливая» чужих пацанов. Восторг на сто двадцать процентов! Звонко. Все ринулись к берегу. Лед скрипел под ногами, приводя нас в неопишемое состояние. Мы неслись с такой скоростью, что он не успевал под нами распрямляться. Уже метрах в десяти от берега я обо что-то споткнулась и со всего размаху упала на лед. Он сильно затрещал. Я испугалась и поползла на животе. Обнаружив, что осталась на озере одна, заторопилась и вскочила. Лед, как тонкое стекло, звонко разломался, и мои ноги погрузились в ледяную воду. Снова легла на живот и поползла. Вода плыла по льду за мной. Ребята с берега закричали: «Позвать учительницу?»

– Не надо, – отозвалась я. – Никому не говорите, что искупалась.

– А если простудишься?

– Уж лучше заболеть.

– Боишься Анны Ивановны?

– Не хочу огорчать...

Вылила воду из валенок, повесила портянки в коридоре на горячую батарею и вбежала в класс. Успела.

Из школы возвращалась одна. По обе стороны дороги – липы, каштаны, тополя. Заканчивается улица старой церковью. Странное сегодня над нею небо. Сиреневое. Солнце едва ушло за горизонт. Серый сумеречный туман пронизывают слабые красноватые отблески. Вспомнила уроки рисования практикантки Гали: «Если светло-серый смешать с красным, то получится сиреневый. Но осторожно надо подмешивать краску, чтобы не загустить цвет...»

Я раньше думала, что «сиреневый туман» – красивая сказка, и вот он рядом, нежный, зыбкий! Стою, вбираю его глазами, пропитываюсь им. Он мой и означает мечтания, надежду, грусть. Еще сиреневый цвет для меня – одиночество. А темно-синий – противный, потому что навеивает тоску.

Побрела к детдому. Мимо проехал грузовик и осветил обледенелое дерево. Огоньки побежали с ветки на ветку, потом перескочили на другие деревья. Дальше они слились в сплошную сияющую бегущую дорожку, а затем пропали вдали. Машины у нас ездят редко. Но я жду. Хочется вновь увидеть фантастическую игру огней. От них в сердце зажглись радостные искорки, и сделалось тепло. Мне повезло. Мимо проползла тяжело груженная трехтонка. Я долго бежала за ней в свете праздничных фонариков. Сегодня они светят для меня! Нарисовать бы их, чтобы каждый мог увидеть, какие они теплые и радостные!

ЛЫЖНЫЙ ПОХОД

На улице холодно. Я редко хожу гулять. Но сегодня чудная погода. После школы помчалась к Пете. Бабушка Дуня обняла меня:

– Что же ты, детка, долго не приходила? Болела?

– Кашляла сильно. Теперь здорова.

– Ну, слава богу. Садись к столу,-snидать (кушать) будем.

– Бабушка Дуня, а почему у вас, как в городском музее: прялка, ткацкий станок, горшки, лапти?

– Какой уж тут музей! Живем этим.

– Я недавно рассказала подружке, что мой друг Петя дома в лаптях ходит и что у вас нет электричества, так не поверила. Сказки, говорит, сочиняешь. А что вы сегодня делаете?

– Семя льняное помолотили еще осенью и сдали на маслобойню, а вот теперь мялкой стебли разминаю. Шелуха соскочит – останется пенька. Из нее толстые веревки для хозяйских нужд сделаю, а тонкие – для чуней. Поди, не знаешь, что такое чуни?

– Не знаю.

– Те же лапти, только вместо лыка – пенька. На одной колодке плетутся.

Я потрогала нехитрое приспособление и спросила:

– И долго будете этим заниматься?

– Недели в три уложусь.

– Непонятно. Город на соседней улице начинается, а вы будто в другом царстве-государстве живете. Почему так?

– Денег нет, чтобы в магазине покупать.

– Вообще не ходите в магазин?

– Почему же? Спички, соль. Одежду покупаем. Дома и в домотканом сойдет. А в школу в таком не пошлешь.

– А где, считаете, жизнь лучше?

– В городе легче. Поэтому бегут из деревни. Да только кто горожан кормит? Деревня. Это понимать и ценить надо.

– Не ценят, наверное, потому, что не жили, как вы?

– А кто они, городские? Откуда? Из деревень. Люди быстро привыкают к удобствам. Человек так устроен, что плохое да трудное долго в голове не держит. Может, это и хорошо. Не знаю.

– Петя, – обратилась она к внуку, – ты, небось, уже забыл, как в первом классе чернилами из бузины на газетах писал? Тетрадей не было. А помнишь, как весной через речку перебирался? Вода через мосток текла. Без лаптей холодно идти. Дед сбил тебе деревянные подставки. Перейдешь на другой берег, развяжешь веревки, подставки снимешь и – в сумку. Назад-то опять через речку идти. Не делать же крюку в два километра.

– Помню, бабушка. После и другие ребята в подставках речку переходить стали.

– А помните, как в третьем классе меня снегом привалило? Ух, зима в тот год была снежная!

– Как и в этом?

– Нет, больше! Снег до крыш стоял. У деревьев только верхушки торчали. Мы с ребятами шутили: живем на северном полюсе! Помогали родителям расчищать лопатами дорожки до колодца, до школы и магазина. Чудеса! Люди ходили по узким проходам, и на улицах никого не было видно! Мы, пацаны, придумали строить снежные норы к домам и ползком пробирались друг к другу в гости. Я раз сделал уроки и по туннелю – к соседу Саньке. Тогда дядя Коля как раз уголь нам привез. Сани тяжелые. Лаз мой и обвалился. Ползу и вдруг... Везде снег. Не больно было, испугался. Вылезти не мог. Сани-то застряли, и дядя Коля стал носить уголь в сарай ведрами. Ох, и намаялся я тогда! Дядя Коля слышит мой голос, а понять ничего не может. Не знал про туннель. Спасибо, Санька выручил!

– Тогда ты воспаление легких подхватил, – вздохнула баба Дуня.

Вечером мы с Петей сделали уроки на понедельник. Петя вымыл полы в хате, чтобы со спокойной совестью упрашивать маму отпустить нас покататься на лыжах не рядом с домом, а за городом в чистом поле. Тетя Зина разрешила. Может, ради меня? Очень уж я жалобно смотрела на нее. Не часто балуют Петю развлечениями. Домашних забот много. Это его первая прогулка. Зоя дала мне свое старое пальто и лыжи.

– А как же ты? – спросила я смущенно.

– Не волнуйся. Кто-то на хозяйстве должен остаться. В следующий раз с соседкой поеду...

Ночь спала крепко. Не разбудила меня даже возня бабушки у печки. Зоя растормошила и за стол усадила завтракать.

Яркое зимнее утро. Чистый снег мягко обрисовывает каждую впадину, бугорок. Замело овраги, деревья до нижних ветвей стоят в сугробах. Больших оттепелей в эту зиму не было, снег накапливался и уплотнялся с декабря. Ехать легко. Лыжня ровная, четкая. Даже от слабых толчков палками качусь быстро и долго. Тонкая корочка наста шуршит под лыжами. Полной грудью вдыхаю морозный воздух, наслаждаюсь радостным восприятием чуткой хрустальной тишины и белого бесконечного простора. Подъехали к лесу. На краю неподвижно стоят огромные, пушистые ели. Погрузились в многолетние воспоминания. Тяжелые снежные шубы прижимают их к земле. Рядом мохнатые сосны упрямо тянут ветви кверху. Их стволы тихонько потрескивают. Тусклые рубины мерзлых ягод рябины привлекают стайки птиц.

– Петя, стволы от мороза трещат или от ветра?

– Может, от старости.

Я остановилась у березки, скромно стоящей между зелеными великанами. Ее веточки вздрагивают даже от моего дыхания.

– Ты знаешь, почему самые тоненькие веточки не замерзают без одежды?

– Почему?.. Не знаю. Вот трава под снегом, как под одеялом спит. А из коры деревьев лапти плетут. Но не для тепла, чтобы ноги не поранить. Для тепла онучи одевают. Портянки такие большие.

– Тонкая кора не согревает ветки. Она как кожа у людей. Нам Анна Ивановна на уроке объясняла, что листья опадают осенью потому, что соки из земли уже не поступают и растение о-без-во-жи-ва-ет-ся. Листья отмирают, и дерево как бы засыпает летаргическим сном. А что значит летаргический? Не знаешь?

– У нас в пригороде одна девочка заболела, потом умерла. Ее похоронили. А кто-то из местных проходил мимо кладбища и услышал стоны. Сначала перепугался, потом все-таки подошел к свежей могилке, откуда шел звук. Позвали попа, родителей, народ сбегался. Девочка уже задыхалась. Откачали. Правда, после этого у нее с головой плохо стало.

– От страха?

– С чего ж еще?

– Значит, спящая красавица из сказки на самом деле существовала, раз у людей бывает долгий, как у деревьев, сон? А еще я знаю, что если бы растения не обезвоживались, то жидкость внутри клеток, из которых все живое состоит, замерзала бы. Клетки разрывались бы, и растения от этого погибали бы. Вот как в природе все умно устроено!

– И об этом вам Анна Ивановна рассказывала?

– Да!

– Вам повезло. А наша учительница по ботанике во время уроков то в магазин бежит, то домой.

– А почему ее директор не прогонит?

– Жалее. У нее муж и сын – бандиты, а второй сын – пьяница.

– Учительница, а своих детей не смогла воспитать? – удивилась я.

– Так ведь плохое само липнет.

– И зачем она за бандита замуж пошла?

– Бабушка сказала, что учительница была старой девой, ну, и подобрала, что валялось, лишь бы люди в глаза не тыкали.

– А что же стыдного, что не замужем? Если не досталось хорошего мужа, так ее пожалеть надо.

– Люди считают, что, если не замужем, значит никому не нужна.

– Глупо так говорить. Я все равно не пошла бы за бандита. Может, надеялась, что дети в ее породу пойдут? Не повезло ей!

Еще с километр проехали. Остановились отдохнуть. Я взяла в руки ком снега. Он упругий, плотный, приятно холодит кожу.

– Петя, видишь – вокруг каждого ствола круглая лунка, снег будто отодвинулся от дерева. Анна Ивановна объясняла, что солнце нагревает темный ствол и от его тепла снег подтаивает. А белый цвет лучи отражает, отталкивает от себя, поэтому снег не тает. Я раньше думала, что живое дерево дышит теплом, как человек. А потом увидела, что в городе у столбов тоже есть ямки и поняла, что ошибалась. Столб ведь не может дышать.

– А вот, когда я мыл осенью грибы, вода в ведре делалась теплой, – вспомнил Петя.

– Так это от твоих рук.

– Не скажи! От огурцов вода оставалась холодной.

– Может, грибы на солнце нагрелись?

– Осень была. Опята обледенелые на пнях стояли.

– Вот загадка! Обязательно узнаю про это у Анны Ивановны. Она все знает!

Снова заскользили между стволами сосен. Вдруг Петя остановился и нагнулся, что-то разглядывая. Я увидела под елью на снегу свежий скелет поросенка.

– Из деревни волки утащили?

- Нет, в лесу кабаны водятся.
- Давай уедем отсюда, – с тревогой сказала я.
- Не бойся, еще не было случая нападения волков на людей.
- Ты же не хочешь быть первым?
- Да уж конечно!

Отправились на поиски санной дороги. На пути встретили необычную поляну.

– Кто-то здесь уборную устроил! – засмеялась я.

– Кабаны. По всему лесу не станут пачкать. А что летом в пыли и грязи валяются, так это они от насекомых так избавляются.

Подъехали к молодым посадкам сосен и елок. Сидят они в снегу, как малые дети, в белых шубках. Красиво!

– Снег в этом году может ветки на деревьях здорово обломать. Весной в саду надо будет обязательно его стряхнуть, а то останемся без яблок.

– Ты как-то по-крестьянски сразу примеряешь, что на пользу, что во вред, засмеялась я.

– Привычка. Я же с пригорода. Городской увидит крапиву и стороной обходит. А я запоминаю, где ее много растет, чтобы ранней весной на зеленый борщ рвать, и еще для поросенка. Витамины!

Остановились. Не снимая лыж, перекусили хлебом с салом и чесноком. Совсем близко прошмыгнул заяц-беляк. Встал столбиком на пригорке, передние лапки прижал к груди и смотрит в нашу сторону. А мы на него. Видит, что беды от нас нет, и спокойно пристроился грызть молодую осинку. Быстро так стрижет веточки. Я вижу, как смешно двигаются его челюсти. Но долго стоять холодно. Пришлось спугнуть ушастого. Я осмотрела осинку и поразились: все нижние ветки деревца были словно острым ножиком срезаны. Не видела бы сама, ни за что не поверила бы, что здесь заяц поработал, а не человек.

Хорошо в лесу! Снег накрахмаленной праздничной скатертью укрыл обломки веток, сухостой. Голубые тени аккуратно и четко рисуют свою собственную, задумчивую картину.

Люди, очарованные красотой природы, пытаются изобразить ее на картинах, но как можно нарисовать вот эту хрустальную льдинку на кончике ветки березы? Она же переливается океаном разноцветных огоньков!

– Поедем домой, снег липнуть стал. Боюсь, сил не хватит волочить лыжи, – попросила я Петю.

Добрались до села.

– Поезжай дальше один, а я по проселку понесу лыжи в руках. Дорогу знаю.

– Нет, я должен с тобой вернуться. В нашей семье так принято, – возразил Петя.

Пришли домой. Я тут же взобралась на печку и мгновенно вырубилась. Проснулась от шума. За столом собралась вся семья. Жена дяди Коли спросила:

– Километров десять одолели?

– Не меньше, – ответил Петя солидно.

– Вот уходилась! Даже запах жареного лука ее не будит! – сказала бабушка Дуня.

– Будит, будит, – пробурчала я сонным голосом.

– Раз желание пообедать перебороло усталость, значит есть еще в запасе силенки! Слезай, сегодня у нас царский обед: каждому по тарелке жареного лука!

Сто лет бы не кончался этот чудный день!

НА РЕКЕ

Проснулась рано. Выглянула в окно. Темно. Мерцанье звезд делает черный бархат неба живым, загадочным. Вдруг крупные хлопья снега медленно поплыли за стеклом. Не отрываясь, слежу за ними. Они убаюкивают меня и уносят в какой-то другой сказочный мир. Снежинки

прилетают из царства белых облаков, чтобы порадовать меня. Открыла форточку, ловлю их, прикладываю к лицу, улыбаюсь.

Не знаю, сколько времени сидела на подоконнике. Небо чуть посветлело, но уличные фонари еще горят. Мимо окна промелькнула стайка птиц. Пометалась и опустилась на вершину огромной белой акации. Когда парочка из них села на чистый снег наружного подоконника, я увидела, что это свиристели. Быстро вытащила из-под подушки «заначку» хлеба и покрошила за окно, надеясь привлечь всю стаю. Не получилось. Налетели воробьи и такую возню затеяли!

– Ладно, уж, ешьте, – пробурчала я миролюбиво.

Быстро светлело. Теперь я смогла разглядеть всю стаю на соседней рябине. Ветер тряс дерево, качал из стороны в сторону, но птички цепко держались на тонких ветвях и успевали схватить ягоду, пока оранжевая «корзиночка» не отлетала в сторону.

После завтрака пошла на речку. Тропинку еще никто не протоптал. Погружаюсь в снег почти по колено. Легкая поземка приятно шуршит по тонкому насту. Аллея берез, ведущая к реке, посажена густо. Вверху ветви деревьев переплелись, а внизу тонкими струйками ниспадают почти до земли.

Перехожу на тополиную аллею, что тянется вдоль крутого берега. Их стволы наклонены, будто причесаны в одну сторону. В прогалине, на юру, увидела странное дерево. Нижняя ветвь как бы протянула огромную длинную руку, указывая на реку. А крона представляла собой густой клубок изогнутых ветвей. Очередная шутка природы?

Несмотря на глубокий снег, сползаю на шароварах к реке и застреваю в зарослях камыша. Выбралась на лед. Ветер здесь колючий. Он просверливает пальтишко и гонит меня по нетронутой глади реки. Я привязала к валенкам металлические пластинки (самодельные коньки, подарок Толяна) и поехала. Качусь долго, бездумно, восхищаюсь легкостью своих движений. Раскачиваюсь из стороны в сторону под музыку моей радости.

Меня вынесло к высокому железнодорожному мосту. Застучал по рельсам длинный грузовой состав. Я очнулась от безмятежного состояния и стала соображать, как вернуться назад. По льду против ветра идти трудно. Напрямик кое-как добралась до парка. Оглянулась назад. Длинная неровная цепочка моих следов – единственное украшение, расписавшее вольным узором снежный искристый покров. Устала. Остановилась. Вслушалась в тишину. Здесь – полное безветрие. Даже не вздрагивают серебряные нити ив и берез.

Вдруг в кроне очень высокого дерева услышала разговор двух птиц. Он казался мне спокойной деловой беседой. Как ни старалась, не удалось мне их разглядеть. Прилетела веселая стайка синичек. Их желтые грудки замелькали на невысокой пушистой березе. Рядом росла елочка, и я мысленно пересадила на нее синичек. Перед Новым годом елки должны быть украшены. А кто же, кроме птичек, их нарядит? Сюда бы еще снегирей – и можно праздновать! Но синички выбрали березу и, шустро перепрыгивая с ветки на ветку, клюют сережки. Звонкие «тинь-тинь» недолго баловали меня. Единый всплеск крыльев смахнул синичек и унес в сторону реки.

Иду дальше. Небо нахмурилось. А у меня на душе светло. Дорога петляет. Я узнаю об этом по зеркальному диску солнца. Он появляется то справа от меня, то слева. Солнце вскоре сделалось туманно-серым, матовым. Пошел мелкий снег. Я еще немного побродила, и наконец выбралась на протоптанную узкую тропинку. Озябла. Засунула красные руки в рукава и заторопилась к детдому.

Зима, при всей красоте редких дней, когда деревья покрыты инеем или когда яркий солнечный день искрит чистейший снег, – в общем-то, грустное время года.

Другое дело – лето! Тепло – моя слабость. Его мне всегда не хватает.

НЕСЧАСТЬЕ

Смотрю в окно. Снежная пыль висит полупрозрачной вуалью. После серой поздней осени с ее колючими ветрами, склизлыми дорогами, занудным плюханьем дождей белая тишь радуется. В городе стало чище. Все скрыл снег.

В который раз думаю о Толике. Жизнь в их семье стала налаживаться. Мама работала дворником, и ей дали маленькую комнатку. Теперь ни от кого не зависела. Отчима прогнала. Отец Толяна про новое место жительства не знал. Толя чуть не каждый день прибегал к матери на часок и вовремя возвращался. Я радовалась, судьба наконец-то подобрела к моему другу. Его мама говорила:

– Фортуна повернулась ко мне лицом. Может, скоро смогу забрать тебя, сынок, из детдома.

Иной раз я видела на лице Толяна улыбку. И в школе у него начало кое-что получаться. И тут случилось.... До мелочей пытаюсь восстановить в памяти ужасный день.

В детдоме травили клопов, и детвора высыпала во двор. Толик мне сказал:

– Сейчас познакомлю тебя с Сашей. Я уважаю его за острый язык. Раз идем по улице, а на проезжей дороге ссорятся двое пьяных. Так Саша и говорит: «Осел ослу помочь бессилён в образовании извилин». Здорово?

– Здорово! – согласилась я.

– Его в восемь лет сразу во второй класс отправили. Хотели в третий, да он писать не умел. Зато читал все подряд и только про технику. В шесть лет законы физики открывал. Один раз моет руки и вдруг как закричит: «Ребята, волны не просто так в раковине образуются, а определенным образом». Или как-то играет со стеклянной трубкой и опять зовет ребят старших классов: «Смотрите, вода на одну высоту поднимается, когда я пальцем конец трубки закрываю. Здесь закон какой-то! Как он произносится?» А как в школу пошел, так в физико-техническом кабинете какие-то схемы собирает, опыты проводит. Из библиотеки не вылезает. Учительница физики спросила его:

– Зачем читаешь учебники за техникум и институт? Ты же все равно ничего в них не понимаешь?

А он ей ответил:

– Я читаю до тех пор, пока понимаю. Где не могу сообразить, – закладки делаю.

Учительница проверила все книжки, которые он брал в библиотеке, и поразилась: точно – в одном учебнике закладки, в другом... И все не по школьной программе. А ведь он только два месяца как начал изучать физику в школе. Учительница с ним беседовала. Даже спорила. Но не во всем могла его убедить. А потом призналась: «Логикой меня давит, мыслит нестандартно. Недавно глаза открыл на то, о чем и не догадывалась. Когда объясняла ученикам простейшие уравнения, долго искала способ, как проще, доступней донести новый материал, а он мимоходом бросил фразу, – и все у меня в голове встало на место».

Часто Саша фантазирует в форме забавных небылиц. Манера рассказа у него такая от скромности. В них много остро подмеченных подробностей, на которые мы обычно не обращаем внимание. Не упускает он случая и пошутить, но никого не задает за живое, не обижает.

И никто Сашу не заставляет учиться, сам каждую свободную минуту бежит в библиотеку. Старшеклассники любят обсуждать с ним уроки. Он начинает разговор так: «Не знаю, какие там у вас формулы, но если подумать...» Вот, какой у нас Саша! – восторженно закончил Толян.

– А другие уроки он тоже хорошо знает? – поинтересовалась я.

– Тут смех! Недавно по истории учительница поставила ему за письменную работу в классе двойку. Саша возмутился и попросил объяснить – за что? Она отмахнулась: «Мало написал – всего шесть пунктов плана. А где конспект урока?» Саша не успокоился и захотел узнать, о чем он не написал. Тут в класс вошла вторая учительница истории, прочитала его работу и сказала: «Мечта каждого учителя научить учеников излагать материал таким обра-

зом». И при этом Саша не задавака. Я спросил его: «Как ты можешь так много выучивать?» И знаешь, что он ответил? «То, что нравится, я не учу. Само запоминается, вроде как я проникаюсь этим».

– Проникаться... значит хорошо понимать? – уточнила я. – А, ясно! Я же не заучиваю, что вокруг синее небо, красивые цветы, деревья, а все равно запоминаю, может быть, на всю жизнь. А Саша природу замечает?

– Не знаю, о ней никогда не говорит. Железками занят.

– Наверно, у каждого своя радость. Только не сразу про это поймешь. Мою подругу Валю считали дурочкой, а она детей любила, и возиться с ними ей было в удовольствие. Может, это самое главное у нее в жизни.

– А мне... ничего не интересно. Ничего не люблю, – удрученно проговорил Толян.

– Найдешь свое. Бабушка Дуня считает, что любить – тоже талант. Ведь маму свою любишь? Любишь. А я про любовь к родителям ничего не понимаю, не чувствую ее.

– Если бы мама нашлась, тоже любила бы.

– Не знаю. Не думаю.

– Почему?

– А где она была, когда мне было плохо в лесном детдоме?

– Может, причина какая серьезная...

– Причины, чтобы бросить ребенка, не бывает. Смерть – одна причина.

– Ты бываешь жестокая.

– Я справедливая.

– А что о своем отце думаешь?

– Что о нем думать? Мужчина должен защищать семью. И родину. Если бросил нас, то и вспоминать о нем нечего.

– Нельзя так. В жизни все сложно. Я же понял маму, когда она отдала меня в детдом.

– А я не могу. Не хочу об этом говорить. Понял?..

– Ладно. Вон Саша идет.

Саша протянул Толе руку и с удивлением спросил:

– Что приключилось? Ты сейчас как градовая туча.

– Его ничего не интересует, играть ни с кем не хочет. Ходит по улицам и все, – ответила я за друга.

– Так ведь думает о чем-то, а не просто ходит? В одной книжке я прочитал, что в школе надо учиться не семь классов, а хотя бы восемь, а лучше десять. У большинства детей всякие стремления и серьезные желания прорезаются к пятнадцати или шестнадцати годам. Тогда они специальность правильно выбирают. А если и дальше ни к чему не влечет, то учителя должны помочь.

– А до пятнадцати, что мне делать? – понуро спросил Толян.

– Учиться, мастерить. Главное, время попусту не тратить. Я уже пилить, строгать, паять, даже выпиливать умею. Мне не скучно!

– И тоскливо не бывает? – спросила я осторожно.

– Я же человек, – просто ответил Саша.

При этом уголки губ его вздрогнули.

Толя занервничал и сменил тему разговора:

– Вон идет наш новый столяр, сегодня он травит насекомых.

И указал на старого человека в изношенном рабочем костюме.

– Что-то он не похож на нового, – пошутил Саша.

– А зачем второй раз насекомых травить? Их же больше не видно.

– Это они, негодники, замаскировались под микробов. А через неделю опять посыплются из всех углов, – засмеялся мой новый знакомый и, увидев кого-то, побежал к корпусу.

– И нам пора к твоей маме, – обратилась я к Толяну.

И мы побежали. По дороге не пропустили ни одного ледяного спуска.

– Повезло дворникам, – смеялся Толя, – мы им все дорожки от снега штанами расчистили!

Вдруг на меня напало странное беспокойство. Я остановилась, как бы не зная, что делать и куда идти. Потопталась на месте, пыталась разобраться в своих чувствах. Волнение нарастало. Бросило в жар. Грудь распирало, дрожали ноги.

– Да что с тобой? Заболела? – недоумевал Толя.

– Почему-то не хочется идти дальше. Вернее хочу, но что-то не пускает. Или боюсь? Сама не пойму. Давай вернемся назад?

– Ну, ты даешь! Если больная, то отведу тебя назад. А если нет, так чего капризничать? – возмутился Толян.

– Я никогда не капризничаю! На меня напал беспричинный страх. И боль в груди. Боль как страдание. Будто душа плачет и просит чего-то, – сердито возразила я.

– Раньше такое случалось? – уже спокойнее спросил он.

– Нет. Давай все-таки вернемся. А вдруг я и вправду заболела?

– Ты не можешь идти?

– Ноги идут, душа не хочет.

– Ну не хочешь, тогда один пойду. Я же тебя не заставляю! К своей маме иду, – резко добавил Толян и отвернулся.

– Не сердись. Пересилю себя, – пообещала я.

И только мы повернули на дорогу, ведущую к работе его мамы, болезненное возбуждение пропало, исчез страх, перестало болеть в груди. Будто ничего со мной и не происходило. Я шла и думала: «Чего зря Толика рассердила? Надо было перетерпеть боль молчком».

Мама обняла сына, похлопала меня по плечу, и мы пошли на квартиру. Еще из дали услышали крики, вопли, матерную брань. Лицо Толяна скривилось и сделалось маленьким.

– Беги за милиционером, – крикнул он мне.

Я помчалась за угол, где на перекрестке стоял постовой, и принялась умолять его помочь разобраться со скандалом. Он ответил, что в семейные дела не вмешивается. Надо писать заявление...

Вернулась назад. А там вопли, ругань. Сбежались соседи. Во что ж превратилась чистенькая маленькая комната?! Сорвана полоса обоев, разбросаны стулья. Одеяло с пятнами крови валялось на полу. На нем корчился, пытаюсь встать, отец Толика.

Увидела еще, как мать, вырвав сына из рук бывшего отчима, с ужасом смотрела на его кровавую развороченную рану на шее. Отчим вдруг повалил женщину на пол и стал бить ногами. Толян отпрянул в сторону, словно подкинутый пружиной, схватил начатую бутылку водки и швырнул ему в спину. У того хватило силы подняться и с ножом в руке двинуться на Толю. Мать взметнулась еще быстрее, схватила табурет и с силой опустила на голову бывшего сожителя. Я увидела ее неузнаваемые, страшные белые глаза...

Толя и мать выскочили на улицу.

О беде моего друга в детдоме говорят шепотом. Каждый вечер перед сном я заворачиваюсь с головой в одеяло и реву.

Потом от соседней Толика узнала, что родители тети Насти увезли ее и внука в деревню.

Я БОЮСЬ

«Витек, после трагедии с Толиком, я целую неделю не могла учиться, хотя и сидела на уроках. Молча глядела в окно. А мысли... Они были далеко. А может, их совсем не было. Анна Ивановна даже с места не спрашивала меня. Понимала. Домашние задания я бездумно списывала. В субботу на уроке арифметики я машинально теребила в руках перочистку. Неожиданно

сквозь глухую стену моего забытья пробились голоса у доски. Прислушалась. Затем попыталась вникнуть в написанное, и к своему ужасу поняла, что не могу сообразить, о чем там речь. Меня обуял жуткий страх и догадка: чем дольше буду списывать, тем быстрее станет расти клубок непонятого. День ото дня я буду становиться глупее и, наконец, перестану вообще соображать. Но я не хочу, я боюсь быть глупой!

Кое-как дождалась окончания уроков, прибежала в комнату и принялась решать все, что было задано за неделю. Я не встала из-за стола, пока во всем не разобралась.

Такого страха я еще не испытывала. От всего пережитого очень устала. Едва положила голову на подушку, как тут же уснула.

ЖИВЕТ ЛИ ВО МНЕ ЗВЕРЬ?

Прошло много дней. Боль спряталась в глубине души, притупилась. Она уже не преследовала меня ежеминутно. И только терзала по вечерам, когда перед глазами снова и снова невольно всплывала та страшная картина.

После школы часто бесцельно брожу по улицам, гоняю обледенелые куски по заснеженному асфальту. Гляжу в пустое серое безразличное небо.

Какими дурацкими кажутся мне теперь мои «подвиги»! В наших редких маленьких драках я всегда была впереди, гордясь своей смелостью. Дралась с удовольствием. Толкнуть кулаком в грудь большого мальчишку, свалить подножкой, подсечкой или другим приемом – все это давало мне ощущение радости победы, своей значимости. Яростным напором я ставила в тупик старших ребят. Конечно, понимала, что всерьез мне не врежут. Девчонка ведь, хоть и шальная. Зазря не дралась. Только если кого-то защищала, что возвышало меня в собственных глазах. Детская игра!

А в один из поздних вечеров вспомнила, как ударил меня в лицо взрослый. Ударил лишь за то, что я попросила его не обижать своего маленького сына. И вдруг поднялась во мне тогда дикая необычная злость и обида за себя. Хотелось зубами вцепиться в поганые руки взрослого хулигана, схватить палку и бить, бить его... В этот момент мне почудилось, что вместо рук, у меня... волосатые рыжие звериные лапы... Из рта вырвался дикий животный рык... Жуть какая-то! Я тяжело и хрипло дышала. Меня трясло, я готова была, как львица, прыгнуть на обидчика... Я чувствовала себя ею... Но тут малыш заплакал, и я пришла в себя. Ярость во мне стала медленно угасать...

Так что, внутри меня все-таки прячется зверь? Чужь какая-то! Не приведи, Господи, еще раз такое почувствовать.

А может, у Толи и его мамы тоже зверь проснулся, когда защищали друг друга? Неужели и я смогла бы вот так же – бутылкой, стулом?.. Как страшно! Мне, наверное, самой про это не понять. Жаль, что нет здесь бабы Мавры. Она бы смогла объяснить...

Я должна улететь в мое спасительное сказочное царство белых облаков. Мне обязательно надо побывать в нем, иначе я совсем измучаюсь бедою Толика.

МОНАСТЫРЬ

Иду мимо монастыря. Тяжелые деревянные ворота заднего двора прикрыты. Заглянула в щель. Около лошади, запряженной в сани-розвальни, возятся женщины в черных одеждах. Они приподняли старого мужчину и, поддерживая его под руки, повели внутрь монастыря. Рядом с воротами на лавочке сидит худой мальчик лет десяти в длинной черной одежде, без шапки, в грязных, изъеденных молью валенках и шлифует наждачной бумагой древко странного флага. Верхняя полоса его белая, средняя – желтая, а нижняя – черная. Я подошла к мальчику и спросила:

– Это церковный флаг?

– Нет, – ответил он, – у церкви флагов не бывает, только кресты. На Руси было два флага: один морской, военный, с белой, голубой и красной полосками, а другой, самый старинный – вот этот.

– Какой он некрасивый, безрадостный. Это потому, что на Руси жизнь была трудная?

– Не знаю.

– А ты здесь учишься на попа?

– Нет, я пока послушник.

– А я, по-твоему, «непослушник»?

– Ты мирская. У вас все по-другому.

– У тебя лучше?

– Не знаю. В миру не жил.

– Колокол у вас плохой. Будто ребенок по рельсе стучит. У нас в деревне звук у колокола был низкий, густой, бархатный и торжественный. По всей округе растекался. Вашим звоном не к Богу созывать людей, а на пожар или, в крайнем случае, на праздник.

– Ты веришь в Бога? – спросил мальчик.

– Не знаю. В разных церквях на портретах Бог по-разному нарисован. А ведь он должен быть один. Но когда мне плохо, я зову его на помощь.

– Не богохульствуй. Не надо говорить о том, чего не понимаешь.

– А ты объясни.

– Я не имею права учить, пока сам не познал Божьего слова. Это большой грех. До свидания. Бог с тобой, – четко выговаривая слова, сказал мальчик и пошел к зданию, волоча ноги...

После уроков я обо всем рассказала Анне Ивановне и спросила: «Зачем нужны монастыри?»

– Для того чтобы в них жили люди с искалеченными душами и телами. Ты же сама так подумала, правда?

– Да. Им там легче. В монастырях, наверное, живут только хорошие люди. А в миру – разные. Осенью был какой-то церковный праздник. По улицам ходили люди, гремела музыка. На деревянных сценах артисты пели частушки. В основном исполнители ругали попов и церковь. И тут я поняла, что пять помостов для участников концертов перекрывали дороги, по которым люди ходят в церковь. Я подошла к крутому склону, примыкавшему к одной эстраде. А там вереница согнутых старушек, одетых в черные одежды, цепляясь за кусты и бормоча: «Господи, помоги», – медленно взбиралась вверх. На их лицах стремление во что бы то ни стало добраться до цели! А три женщины изо всех сил помогали своей крупной тяжелой подруге. На вид ей было лет под девяносто. Она, задыхаясь, бормотала: «Господи, может, в последний раз...» Две женщины, опираясь на палки, тащили ее за руки, а третья подставляла свое плечо, подпирала больную, когда та переставляла ноги. У меня тогда сердце зашло болью. Зачем они так яростно рвались в церковь?

– Представь себе, что когда-то жили маленькие девочки. В детстве, до революции, их водили родители в церковь. Там было красиво, звучала удивительная музыка. И там говорили о добре и любви. Вот и стремятся они в старости к тому, что в детстве радовало.

– Так просто? Спасибо, Анна Ивановна.

– А церковь нужна для всех людей?

– Зачем опять в черную сутану душу народа заворачивать? Добру учить можно и без нее. Религия – наше прошлое, наша история. Веротерпимость сейчас не поощряется. Понятно?

– Да. Только все равно бабушек жалко.

– Народ, вечно приносимый в жертву народ.... Если в душе есть Бог, его не запретишь, – задумчиво, будто про себя, сказала Анна Ивановна.

– Я люблю ходить по улицам и смотреть, как люди живут, слушать, о чем они говорят. Как-то летом гуляла. Вижу, передо мною бабушка идет с маленьким мальчиком. В руках у него

ветка. Видно, где-то подобрал. А бабушка его учит: «Игоречек, того, кто эту ветку сломал, Боженька накажет». А другой раз молодая мама девочку вела за руку. Та хотела листочки с куста сорвать, но мама ей не разрешила:

– У дерева листочки как твои пальчики, а ветви как руки. Дереву так же, как человеку, больно, когда его ломают.

Мне понятней, как тетя рассказывала.

– Молодец. Ладно, иди. Только вечером поздно одна не ходи. Еще заблудишься, – посоветовала Анна Ивановна.

Я ничего ей не ответила. Ведь я знала, что скоро пойду к Ирине и возвращаться буду затемно. Провожать себя не позволяю. Мне надо бывать одной.

РОДНЯ

Под Новый год старшие девочки сообщили, что меня разыскивает родной дядя и в письме просит выслать мою фотографию. Бурной радости это сообщение у меня не вызвало. Не скажу, что равнодушно, скорее – настороженно встретила известие. Зачем ему фото? Если я родная, так и без снимка должен забрать. А раз по внешности выбирает, так что это за родня? И чему радоваться? Попадешь в трудную семью и будешь маяться! Может, лучше в детдоме остаться? Здесь только о себе голова болит. Аня – хорошая девочка, а отец все равно бросил ее. Родственники могут любить или не любить своих родных, а чужих никто не любит. И жалеют не все, а только те, которые добрые. Зачем я нужна? Дядя – он же не родной отец? Может, им стыдно, что я в детдоме? Но меня кормить надо. Они что, богатые? Мне хочется иметь семью как у Ирины. Там все очень умные, воспитанные и, главное, добрые. И у Пети хорошая семья. У Наташи тоже очень хорошая мама, но грустная. А вдруг мне повезет? Ведь повезло же с этим детдомом. Даже уезжать отсюда не хочется.

– Кто такой родной дядя? – спросила я у старшеклассницы.

– Это брат твоей мамы или твоего отца.

Мое сердце от этих слов впервые вздрогнуло. Значит, он знал моих родителей и может рассказать, почему я здесь? И мне уже не надо будет придумывать, фантазировать?

Раньше было все просто: папа погиб, мама умерла с голоду. А если все не так? Холод вошел в сердце. А вдруг плохие воспитательницы были правы, и я узнаю какую-нибудь черную историю? Например, меня бросили? Сердце сжалось, стало трудно дышать. Попыталась отвлечься от захлестнувших мыслей: «Их нет, их нет, их нет... Не хочу, не хочу...» Потом подумала о Витьке, о бабушке Маврушке. Они есть и всегда будут.

– Дядя меня искал или детдом? – уточнила я, немного успокоившись.

– Детдом не ищет, – ответила старшеклассница.

– Значит, родственники? Получается, что я им зачем-то нужна?

– Дурочка, повезло тебе, в семье будешь жить!

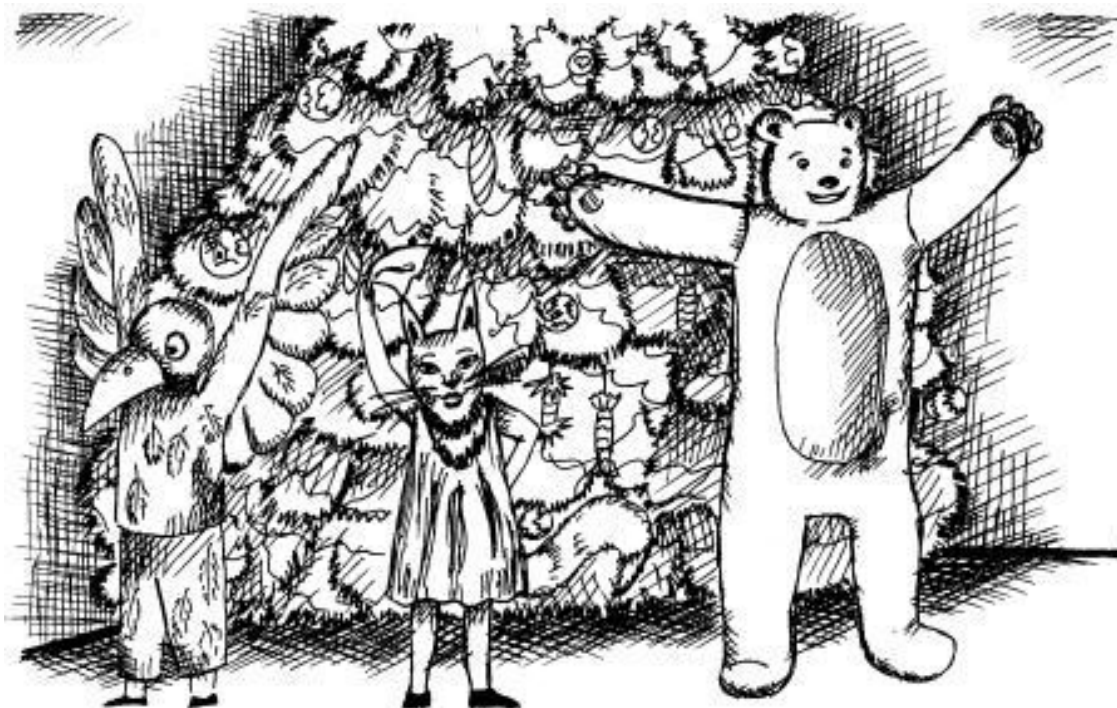
Это мне повторяют многие. Я часто ловлю завистливые взгляды. Целую неделю ждала фотографа. Он не пришел. «Может, без фотографии меня не возьмут?» – подумала я и почему-то успокоилась, а потом и вовсе забыла про эти разговоры.

НОВЫЙ ГОД

Наш класс привели в просторный зал, украшенный ветками сосен и гирляндами из цветной бумаги. В дальнем углу стояла ослепительная елка. Мы сели на длинные, низкие лавки, расставленные вдоль стен.

Выключился белый свет и включился темно-синий. И я оказалась в ночном лесу. Тяжело ступал медведь, ветки потрескивали под его лапами. Важно, неторопливо проплыли две лисички. То тут, то там выскакивали юркие зайчата и пропадали под ветками огромной ели. Черный небосвод усыпан звездами разной величины. Блестел серебристый месяц. Вдруг посы-

пал мелкий тихий снежок. Я почувствовала, что сижу в лесу под заснеженной елкой, и невольно съежилась, зябко повела плечами, и сжала их ладонями. Это было удивительно знакомое, трепетно-приятное ощущение реального мира. Я будто вернулась к родной природе, к сказке леса, которую ни разу не чувствовала в стенах этого большого дома.

Темно-синий цвет начал светлеть и стал бледно-голубым. «Утро», – догадалась я.

Просыпаясь, зашевелился лес. Каркнула ворона, зачирикали птички. Зайцы и лисы тоже издавали свои звуки. Полилась тихая мелодия рассвета. Казалось, что ветерок пронесся над поляной, прощуршал в тяжелых ветвях, зазвенел хрусталем сосуллек. А следом возникла другая музыка, и я увидела на елке белые искорки – блики первых лучей солнца. Ветер подул сильнее и закрутил снежные вихри. Потом все стихло. На небе пропал месяц. Загорелась звезда на елке... Вдруг грянула веселая танцевальная музыка, на поляну выскочили звери и запели русскую народную песню.

И я очнулась от сказочного сна.

Теперь я находилась в украшенном зале, где выступали дети, одетые в костюмы птиц и зверей. А мне было жалко уходить из сказки. Я закрыла глаза, стараясь продлить радость. Но громкая музыка и голоса детей возвращали меня в детдомовский зал. Сначала я с некоторым раздражением смотрела, как разыгрывались сценки из сказки «Маша и медведь», и удивлялась, зачем большие дети показывают концерт интересный только дошколятам? Потом успокоилась и уже с любопытством разглядывала и оценивала насколько похожи наши «звери» на настоящих. Признаюсь, «артисты» здорово копировали хитрую лису, добродушного медведя, шумливую сороку и неуклюжую ворону!

На ум пришли слова бабушки Мавры: «Сказками люди продляют себе детство...» Я, конечно, желала увидеть что-нибудь более взрослое и незнакомое, но поняла, что нас любят и хотят порадовать сказочным представлением.

НА РЫНКЕ

Февраль. Сыро, ветрено, под ногами хлопает вода. Вдруг посыпал крупными хлопьями снег. И сразу настроение стало праздничное. Почему так? Иду, улыбаюсь сама себе, ловлю снежинки. Они тают, приятно охлаждая ладони. Я разглядываю их узоры и думаю: «Зачем придумывать рисунки для бальных платьев? Вот они – бери и рисуй! Лучше не придумать! Каждый рисунок сложный, строгий. Красота снежинок в правильном построении? А в облаках нет правильных форм, но до чего же они хороши!»

До слуха донеслась грустная мелодия. Свернула на звук. Вижу рыночную площадь. Справа и слева – ряды прилавков в виде полукругов. В центре толпа. Пробралась сквозь защитного цвета фуфайки, серо-черные длинные пальто, клетчатые платки, полшалки.

Мальчик лет тринадцати, глядя в землю, осипшим голосом под гармошку пел тоскливую балладу о несчастной любви девушки и наглого сердцеда-моряка. На его шапке лежал снег. Рядом натужно улыбалась девочка лет пяти. Она пританцовывала на месте, хлопала красными ручонками под музыку и, плохо выговаривая слова, устало тянула песню. Она очень старалась. Понимала, что зарабатывает деньги. У меня перехватило горло, поплыло перед глазами, затрясло. За что? Почему этой крошке надо целый день петь на холоде? Почему она не в детдоме? Кое-как усмирив слезы, оглядела публику: у одних на лицах сочувствие, у других любопытство. В коробку посыпались мелкие деньги, куски хлеба. Девочка, торговавшая с бабушкой овощами, обтерев о подол юбки морковку, осторожно положила ее рядом с хлебом.

Я ушла. Убежала. Не могла больше такое видеть! А музыка грызла сердце и преследовала до самого поворота.

СТАЛИН И БЕРИЯ

С утра в корпусе стоит непонятная тишина. Все ходят на цыпочках, говорят шепотом. Режим дня нарушен. Семь, восемь часов – завтрака нет. Дети сидят по комнатам. Чего ждем? Что случилось?

За время нахождения в городском детдоме я успела привыкнуть к спокойной жизни. Здесь кроме уроков и мелких бытовых забот ничего не происходит. Дни похожи друг на друга...

Мысли прервал шум. Зовут завтракать. Наконец-то! Мои кишки давно играют марш. Бегу в столовую. Еда обычная: ложка каши, размазанная по тарелке, кусок хлеба и чай. Проглотила вмиг. Слышу команду: «В актовый зал!» Он уже битком. Пристроилась на окне у входной двери. Директора вижу впервые. Седые волосы. Лица разглядеть не могу. Далеко сцена. От ребят слышала, что он без ноги... Когда наступила тишина, зазвучал голос – четкий и трагичный.

– ...От нас ушел самый умный, самый великий человек на свете... Сталин... Сегодня страна хоронит...

– Значит «железный» человек жил все-таки на самом деле? Он не из сказки?

Я осторожно выглянула в окно, ожидая увидеть там гроб, священника и плачущих людей в темных одеждах. Но перед крыльцом, как всегда деловито, сновали работники детдома. Ничего не напоминало похороны. Снова прислушалась к речи директора.

– ...Как жить нам без гения мирового пролетариата, отца народов?..

У меня мурашки поползли по спине. «Значит, всем людям в мире теперь будет плохо? Господи, помоги выжить без гения Сталина». Чуть было не перекрестилась, но вовремя опомнилась. «Я же в городе, дуреха», – мелькнуло в голове.

– ...Но мы выстоим, и будем продолжать дело Ленина и Сталина... – как эхо неслось над залом.

Когда раньше я говорила «честное Ленинское, честное Сталинское», то полагала, что они, посланники Божьи, и должны помогать бедным. Только теперь я узнала, что Ленин умер

не так давно. Его знал наш директор. А Сталин умер только сейчас. Какая же я глупая! А еще учусь на пятерки.

После собрания помчалась к Лиле. Не терпелось больше узнать про вождей. Стучу. Ответа нет. Осторожно заглядываю в комнату. Лиля лежит поверх одеяла и плачет. Я присаживаюсь к ней, глажу блестящие черные волосы и жду, пока она успокоится. Лилия обняла меня и заплакала еще сильнее:

– Как теперь будем жить? Что с нами будет?

Я растерянно хлопаю глазами.

– Ты из-за гения Сталина? – вдруг сообразила я.

– Да, из-за нашего любимого вождя.

– Он тебе родня? – осторожно предположила я.

– Что ты, разве можно такое говорить?! – неожиданно рассердилась Лилия. – Он отец всех народов! Ты что, совсем не соображаешь?

– Прости, Лилия. Я на самом деле не понимаю, почему все плачут и чего-то боятся. Он разве Бог? Нам не дадут другого начальника?

– Господи, свалилась на мою голову! Не понимаешь, так молчи, чтобы худа не было из-за твоих глупых речей. Умоляю тебя. Молчать – это самое главное, что ты должна сейчас делать, – шепотом проговорила подруга.

Оттого что рассердилась, слезы у Лилии высохли. Она озабоченно смотрела на мое растерянное лицо.

– Лилия, не волнуйся, я никому ничего не скажу. Могила! – поклялась я.

А потом просительным тоном добавила:

– И с тобой об этом нельзя говорить?

– Нельзя! Подрастешь, поймешь. Думай только про уроки. А сейчас иди к себе, – строго выпроводила меня старшая подруга.

Прошло немного времени, и нам опять напомнили о Сталине. Теперь директор рассказывал про врага народа, который хитростью добился доверия Сталина. Берия отличался коварством и жестокостью. Из-за него жизнь народа была тяжелой. А еще он погубил много умных и хороших людей. «Когда Сталин умер, люди плакали потому, что боялись этого гада Берия? Или потому, что любили Сталина? А Лилия? Она все-таки больше из страха, – решила я. – А теперь бояться нечего. Слава богу!»

Мне стало легко и радостно.

ФОРМА

Нам объявили: после уроков придет портниха снимать мерки. У каждого будет настоящая школьная форма. Вошла худенькая женщина непонятного возраста. Темные волосы аккуратно уложены в пучок. Глаза грустные. Я еще не видела взрослого по-настоящему беззаботного лица. «Может, это из-за войны?» – думала я, разглядывая на женщине прямое, темно-серое платье и черные туфли без каблуков. Потом попыталась представить ее в белом платье с нарядными кружевами по краю рукавов и воротника. Волосы рассыпаны по плечам, она улыбается. Ну, прямо красавица! Только глаза, глаза... они оставались грустными. И горькие складочки в уголках губ. Нет, не красавица. Серенькая мышка. Но почему? Денег нет? Она могла бы для себя сшить любое платье! Я видела такие прекрасные платья в старой книжке! Может, считает себя старой? Или ей просто стыдно выглядеть нарядной, когда другие плохо одеты?

Подошла моя очередь. Я вошла в примерочную кабину, но портниха посмотрела на настенные часы, присела к столу и сказала:

– Время обеда. Подожди немного.

И вынула из черной клеенчатой сумки хлеб, две картофелины, соленый огурец, вареное яйцо и компот в бутылке. А еще развернула малюсенький сверточек. По острому пряному

запаху я догадалась: селедка. У меня слюнки потекли, даже подалась чуть вперед. А женщина неожиданно вздрогнула и побелела. Руки ее бессильно опустились. Я замерла. Что с ней? И опять взглянула на кусочек селедки. Он лежал на обрывке газеты с портретом Сталина. Жирное пятно пересекало глаза, лоб и усы «вождя всех народов». Женщина со страхом выговорила:

– Мама слепая. Что с нее взять, недоглядела...

Я сделала вид, что ничего не заметила и с безразличным видом повернулась к окну. Там, на дорожке, воробьи дрались из-за горелой корки хлеба.

Разве это преступление, если старая женщина нечаянно взяла газету с портретом? Господи, как перепугалась-то. Да я никому не скажу, зачем мне, пусть не боится. И я тихонько засмеялась:

– Вот оглашенные! Совсем передрались... Тетя, вы не отломите вот такую малюсенькую корочку хлеба? Я воробышкам брошу.

В глазах у женщины испуг как будто пропал. Она охотно протянула кусочек хлеба:

– Покорми. Ты добрая девочка.

После пятиминутного обеда портниха занялась мною. Я сняла старые вещи и вытянулась в струнку. Мягкие пальцы быстро скользили по плечам, спине, желтая лента сантиметра приятно щекотала кожу.

– Можно задать вопрос? – обратилась я к швее.

Руки женщины тревожно остановились. Я заметила это и поспешила сказать:

– Вы все измеряете, записываете, но ведь я вырасту, и платье будет мало. Может, надо шить с запасом, чтобы надолго хватило? Если юбка протрется сзади, ее можно перевернуть вперед и прикрыть фартуком или поставить заплатку.

– Нет, – уже открыто улыбнулась женщина, – платье должно красиво сидеть на ребенке, поэтому снимаем мерки с каждого. Это называется индивидуальный пошив. А через год тебе сошьют другое платье.

– Куда же денут недоношенные вещи?

– Отдадут другим детям, которые младше вас.

– Но я слышала, что мы – детдомовцы последнего года войны. Значит, больше таких детей не будет.

В первый момент швее почему-то растерялась, потом как-то неестественно улыбнулась.

– Знаешь, – грустно сказала она, – иногда и без войны дети лишаются родителей. Например, они от болезней умирают. Не пропадет твое платье, найдется, кому носить.

– Лучше бы не нашлось, – вздохнула я.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Играю с Лешей в игру, которую нарисовал на картоне его папа. Он придумал интересное путешествие. Мы по очереди бросаем кубик с черными «глазками» и по числу очков то углубляемся в лесные дебри, катаемся на лианах или попадаем в водопад. Вдруг вбежала Лешина бабушка:

– У соседей в палисаднике чудеса в решете! Ничего похожего в жизни не видела. Я всегда говорила, что они колдуны.

– Чего всполошилась? Чего хай подняла? Расскажи толком! – приказала прабабушка.

Историю бабушка поведала странную:

– Стою у забора, разговариваю с Никитичной. Она снег от фундамента отгребаёт, чтобы подвал весной не залило. Махнула лопатой под окном, сугроб развалился, а внутри – полянка без снега, и растут на ней два георгина с метр высотой. Никитична глаза вытаращила, лопату бросила и – бегом в квартиру. Клубни-то этих георгинов я сама ей давала, но у меня только проклевываться начали в подвале, а у нее цвести собираются! Может, хочет перебить мне торговлю цветами? Будь неладна! Вот так делай людям добро! Неблагодарная!

Варвара Григорьевна даже застонала.

– Успокойся, два цветка погоды не сделают, миллионы не заработает. А явление интересное. Надо разобраться. Может, вытяжная труба из подвала рядом проходит? Из нее ведь тепло вверх идет.

– Труба далеко и тряпкой заткнута.

– Ничего. Твой сын разгадает этот фокус. И перестань причитать. Ладно бы Петровна о колдовстве заговорила, ей простительно, не грамотная! А ты школу закончила. И не трепи на улице языком, не позорь себя.

– Это дело рук сыночка Никитичны, уж больно он у них умный, – никак не успокаивалась Варвара Григорьевна.

Мы с Лешей не могли усидеть на месте. Не терпелось самим увидеть чудо. Тут же проشمыгнули во двор. Вот и оно! Уставились на высоченные великолепные цветы.

– Снег что одеяло от мороза. Так папа говорил, – вспомнил Леша. – И зеленая трава под снегом – нормально. Но георгины – в марте? И, правда, чудо!

– Надо их опять под снег поместить, – предложила я. – Жалко, если померзнут. До тепла еще далеко.

– Что верно, то верно. Чудо надо сберечь.

– Леша, почему чудеса редки?

– Ну, если бы они каждый день были, то какие же это чудеса?! – засмеялся мой друг.

Закончив строить «домик» для цветов, мы помчались к Ане и Наташе, чтобы поделиться интересными событиями.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Пасха. В городе пахнет весной. Знакомые девочки из соседней школы позвали меня в березовый лес. Они сбросились мне на трамвайный билет, и я впервые ехала не «зайцем». Села удобно, в окно все видно! Оглядела салон и заметила старушку. Ну, конечно, сразу встала. Потом еще два раза занимала свободное место и снова уступала. Так и не удалось до конца пути ощутить полный комфорт и удовольствие от поездки. Девочки тоже ехали стоя. Ничего не поделаешь, воспитанность – прежде всего! Хотя при чем тут воспитанность? Не могу же я сидеть, если старый или больной человек стоит. Жалко их. Вышли на последней остановке.

Лес густой и влажный. Теплое солнце прогревало подушку прошлогодней листвы, наполняя воздух сыростью и запахом зеленой травы. Тишина.

– Почему не поют птицы? – удивилась я.

– У них перерыв на обед, – пошутила Рая.

Девочки сделали надрезы на березах и повесили бутылки для сбора сока. Мне жалко было мучить дерево, и я ушла искать уже раненое. Из почерневшей расщелины огромной старой березы тонким ручейком струился сок. «Слезы березы», – подумала я и прижалась к прохладному корявому стволу. Я застыла, окутанная воспоминаниями из другого мира, далекого печального, но такого дорогого мне детства. «Витек, кто теперь сидит около нашей тройной березы? Появился ли у тебя новый друг? У меня еще нет. Такого как ты – нет».

Радостные голоса подружек вернули меня в настоящее. Приложила губы к выступу коры, с которого стекали драгоценные капли. Прохладная, как мне показалась, чуть сладковатая жидкость.

– А почему бы не полечить березу? – пришло мне в голову.

Взяла горсть земли и замазала щель. Но вскоре ручеек пробил дорожку сквозь мою земляную заплатку, и сок опять потек по коре. Тогда я отыскала на соснах несколько упругих наплывов смолы и хорошенько законопатила щель. Подождала несколько минут. Сок больше не вытекал.

– Сама питайся своим соком и расцветай, – сказала я дереву и побежала на поляну к девочкам.

Они уже разложили на полотенцах еду и с удовольствием рассказывали, какие вкусные пасхи напекли им мамы и бабушки. Потом принялись «чокаться» крашеными яичками. Чье разобьется, тот отдает его победившему. Все достались Татьяне. Она радовалась, а подружки приуныли. Тогда Таня раздала нам все целые яички, и мы стали выяснять, какое же из них окажется чемпионом. Последнее, неразбитое, торжественно вручили Тане, но она вдруг объявила:

– Знаменитое яйцо съест тот, о чей лоб оно разобьется!

Скоро лбы у нас покраснели, только «рекордсмен» не хотел сдаваться. Тут Лена всех удивила: достала из сумки странной формы куриное яйцо.

– Ух, какое оно длинное? – удивилась я.

– В нем два желтка, а мешочек для воздуха один, поэтому не получится выжить двум цыплятам. Под наседку оно не годится, и бабушка мне его отдала.

Мы разрезали яичко вдоль и в самом деле обнаружили два желтка.

– Сюрприз! – закричала Вера, – и показала такое огромное яйцо, что я, как открыла рот, так и забыла закрыть.

– Угадайте, чье?

– Страусиное!

– Нет.

– Может, утиное? – предположила Ира.

– Неточки!

Наши познания на этом закончились.

– Сдаемся, – сказали мы хором.

– Про гусей забыли! На мое счастье, оно не поместилось в гнезде, и бабушка подарила его мне на Пасху.

Яйцо мы разделили на шесть частей и принялись уплетать. Наверное, это было самое вкусное яйцо на свете! Потом с наслаждением ели пасхи, слизывали сахарную глазурь с румяных корочек и рассматривали рисунки на «шапочках». Если бабушки пекли, то сверху на пасхе был крестик, усыпанный разноцветным пшеном, а если мамы – то цветочки и волнистые узоры.

Мне надоело сидеть на одном месте. Я взяла большой кусок воздушной ароматной пасхи и отправилась искать сухие ветки для костра. Пасха была так вкусна, что я проглатывала ее, не пережевывая. Неожиданно кусок застрял в горле. Стало трудно дышать. Не могла кричать. Помчалась к девочкам. С каждым шагом делалось все хуже. Ноги подкосились. К счастью, Юля увидела мое странное падение и подбежала. Я хотела попросить воды, но горло свело судорогой. Я корчилась на траве, а Юля от страха визжала. Девочки окружили меня, а что делать, не знали. Мое сознание туманилось. Собрал последние силы, прошептала:

– Во... ды...

Но из груди вырвался сдавленный хрип. Оля по губам прочла крик о помощи, сорвала с дерева бутылку с березовым соком и влила мне в рот. О, счастье! Я почувствовала, как комок, мешавший дышать, медленно опускается в желудок. Долго кашляла и пила сок. Потом полежала немного и окончательно пришла в себя. Вытирая слезы радости, спросила:

– Кто мне жизнь спас?

Юля с Олей засмеялись:

– Мы!

Оля добавила:

– Это моя пасха тебе так понравилась. Спасибо Юле. А то бы я всю жизнь мучилась.

– Ты не виновата, – улыбнулась я. У нас в столовке, когда кто-то закашляется, повара всегда говорит: «Жадность фраера сгубила».

Все радостно рассмеялись. Потом мы жгли костер, пели песни, с наслаждением смотрели в небо и мечтали. Пришло время собирать бутылки с соком и отправляться домой. Солнечные зайчики бегали по молодым листочкам деревьев. Ветки не желали отпускать нас, цеплялись за шапки, пальтишки. Им же хотелось послушать наши рассказы про всякие веселые случаи...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРНАТОГО ДРУГА

Утро. Окна плачут. Протерла краешек стекла, посмотрела в сторону леса. Недавно он был серый, а теперь апрель набросил на него нежное зеленое покрывало.

Спустилась в парк. В лужах небо отражается тусклой сталью. Усердно квакают лягушки. Пригорок светится желтыми брызгами куриной слепоты. Говорливой толпой идут в школу ребята. Каждый день замечаю перемены. Совсем недавно вокруг было голо, сыро, неудобно и вдруг редкими пучками вылезла травка. А через день она уже всюду. Кажется, только-только каштаны готовились разлущить огромные цветочные почки, а сегодня это случилось. И ветви старых тополей покрылись красно-бурыми сережками. Сирень еще раньше сбросила чешуйки и расправила плотные упаковки светло-зеленых листочков, еще прячущих внутри себя зачатки кистей будущих соцветий. Даже в низине почки деревьев готовы взорваться.

За долгую зиму не все деревья освободились от прошлогодних семян. Пучки сухих вертолетилов городского клена до сих пор шуршат на ветру. Я срываю один, бросаю перед собой и с интересом смотрю, как летит семечко, снабженное легким хвостовым оперением. Оно плавно парит, вращаясь вокруг себя, потом взмывает вверх, подхваченное струей воздуха, и его плоский руль, вибрируя и вздрагивая, еще некоторое время не дает семечку упасть на землю. Удаляясь от меня, оно порхает и приплясывает, выделяет головкружительные пируэты. Наконец, измучившись, стремительно падает под куст и, застряв в прошлогодней траве, уже не поднимается. Я срываю еще несколько пучков семян и повторяю опыт. Движения те же, но каждое семечко исполняет свой танец, выбирает свою дорогу к тому месту, где может начать новую жизнь.

Налюбовавшись «полетами», залезаю на шершавую ветку белой акации и проверяю скрученные стручки. Семян уже нет. Почки еще не набухли. Акация просыпается позже других деревьев. На кончиках тонких веток березы зимой висели сухие серые сережки. Я думала, что они мертвые и опадут к весне, чтобы не мешать новым цветкам. Но оказалось, что сережки немного подросли. Сорвала одну – внутри зеленая и влажная. Живая. Все известные мне деревья и кусты цветут весной, а осенью созревают плоды и семена, которые к зиме осыпаются. Моя же любимая береза отличается от других.

За дубом слежу каждую весну, но никак не удается разглядеть его цветы! Сначала в лесном детдоме я ожидала ярких или пушистых цветков. На другую весну специально залезла на дерево и обнаружила мелкие зеленые пупырышки, но так и не поняла, то ли уже отцвел дуб, то ли еще только собирается. Ну, теперь-то уж буду каждый день ходить сюда и обязательно разгадаю эту загадку!

Иду березовой аллеей. Деревца стоят в четыре ряда, как офицеры в белых одеждах на параде. Но музыка сегодня во мне не маршевая, а тихая, нежная. Ветер, коснувшись моих ушей, как бы спрашивает:

– Слыш-ш-шишь весну, видиш-шь солнце, чувствуеш-ш-шь радость?..

Начался ельник вперемежку с городским кленом, мохнатые соцветия которого разбросаны по дереву и на фоне голубого неба выглядят акварельными мазками торопливого школьника. Темно-зеленые ели подчеркивают воздушную нежную зелень ив.

Села на скамейку и подставила лицо теплым лучам. Задумалась. Увидела бабочку-лимонницу. Захотела поймать. Я уже устала гоняться, а ей хоть бы что! Откуда она берет силенки так долго махать крыльями? А шмель? Сам толстый, крылья короткие, тонкие, прозрачные. Как они его удерживают? Чудеса!

Сорвала пучок прямых, острых перышек травы, растерла в руках. В нос ударил чесночный запах. Откусила стебелек – ничего, вкусно. Но больше есть побоялась. Съедобный ли? Анна Ивановна рассказывала, что некоторые птицы едят ядовитые ягоды и не умирают. Но то птицы. Нет, обойдусь без чеснока.

Шапки сорочьих гнезд разбросаны по вершинам деревьев. Какая-то птица села на дерево, что росло рядом с моей скамьей. Села и... пропала. И только когда пошевелилась, я заметила ее на стволе. Рисунок на спинке птицы был похож на сучок.

Вдруг внимание привлекли две новые птички. Они садились на дерево друг против друга и, одинаково перемещаясь вверх-вниз, на каждом подскоке одновременно ударяли клювами по стволу. Причем их клювики оказывались все время точно напротив и на одной линии. Как это у них получается?! У обеих в головах звучит одинаковая музыка и помогает не сбиваться с ритма? Ведь ни разу не ошиблись! Птицы не занимались поиском пищи, они оживленно играли, точнее – весело и дружно танцевали! Под чей аккомпанемент? Под музыку весны? Я не могла оторвать от них взгляда. Неожиданно яркий луч осветил птиц, и я ахнула. Дятлы! Конечно, вот красные шапочки на маленьких изящных головках!

Ура! Наш дятел вернулся! И не один, а с подружкой!

А вскоре дятел стал прилетать к нашему столбу и оглашать округу энергичным, четким барабанным стуком. Весь детдом радовался его прилету. Открывались окна, форточки. Взрослые тоже улыбались, слушая звонкую музыку трудяги-дятла.

НОВОЕ ЧУДО

Только успели пропасть серые пятна снега в палисадниках, как на свежую зеленую травку, что буйно росла под окнами соседей моего друга Леша, через невысокий плетень стали слетаться куры. Переполох, который устроили эти глупые птицы, вызвал куда больший панический страх суеверных соседок, чем мартовские георгины! Бестолковые куры почему-то устраивали настоящие пляски. Когда я услышала об этом, то, честно говоря, не очень-то поверила. И Леша потащил меня во двор. К нашему приходу кур под окном не было. Леша вытащил припасенный кусочек хлеба и тихонько заворковал:

– Цып-цып-цып.

Из сараев тотчас высыпали куры и подбежали к злополучному окну. Что тут началось! Куры подскакивали то на двух ногах, то на одной, то с криком взлетали. Воробьи, склевывая хлеб, танцев не исполняли.

Соседки потребовали от Никитичны прекратить колдовство.

– Нашу птицу со свету хочешь сжить? – возмущались они.

Та клялась, что ничего плохого не замышляла, что сама не понимает, откуда на нее свалилась такая беда. А соседки не верят. Они заметили, когда хозяева уходят из дому, танцы прекращаются. Пришлось Никитичне купить себе на рынке живую курицу и выпустить ее при соседях под окно. Она тоже заплясала.

– Вот, я же вам говорила, что это напасть какая-то! Господи, чем я провинилась?

Совсем перепугалась бедная и написала обо всем сыну. Тот в первый же выходной приехал. Что он сделал, неизвестно, только птичьи танцы закончились.

А Лешина бабушка говорила:

– Я же права была! Больно умный у них сынок. Родители малограмотные, а он в университете учится и вечно замышляет всякие страсти.

Объяснил нам «чудо» Саша:

– Заземление у них было плохое, поэтому электрический ток шел по земле. Возникало «шаговое» напряжение. Чем больше шаг у животного, тем сильнее его бьет током. Воробей ведь не танцевал?

– А почему цветы у них под снегом росли?

– Причина та же: электрический ток. Когда он течет по проводнику, то нагревает его. А земля – тоже проводник. Ясно?

– Конечно, – солидно ответил Леша.

Я промолчала, потому что не имела ни малейшего представления ни о токе, ни о заземлении.

ПИСЬМО

Стою у открытого окна. Сеет такой мелкий дождь, что от него не вздрагивают ни листья на деревьях, ни травинки. Белые шарики одуванчиков намокают, но не разрушаются. Отяжелела пыль на дороге. Воздух очистился, промылся. Медовый запах цветов белой акации теперь более насыщенный и сочный.

Вчера барашковые облака стояли на месте, а в верхушках деревьев гулял ветер. Сегодня, наоборот, – на земле тишь, а в небе, на разной высоте, быстро перемещаются горы облаков и быстро меняют свой рисунок.

Вдали грустит кукушка. У самого окна сорока старательно прячет длинный хвост под листья клена. Разглядываю мокрые цветы на лужайке. Почему подснежники голубые? Может быть, синеют от холода? А почему летом цветы всех оттенков радуги? Умно придумано в природе: не все растения сразу зацветают. Сначала – мать-и-мачеха, гусиный лук, куриная слепота, потом – лютики, незабудки, пастушья сумка. Лишь одуванчики не прекращают цветения. Еще вчера их парашютики, смешавшись с тополиным пухом, клубясь, метались по асфальту, а сегодня угомонились, прибились к земле, чтобы вскоре прорасти опять.

Прибежала Лиля. Размахивает конвертом.

– Тебе письмо от мальчика! – радостно кричит она.

Дрогнуло сердце: «Витек!?!»

– От кого письмо? – спрашиваю еле слышно.

– От Игоря.

– Какого Игоря? – недоумеваю я.

– Ивлева.

– Почему думаешь, что оно для меня? – уже без особого волнения интересуюсь я.

– Так твое имя на конверте!

Открываю голубой конверт. Читаю: «Здравствуй, дорогой друг!

В последнее время у меня появилось желание сделать что-то особенное. Захотелось написать письмо незнакомой девочке из первого класса детского дома номер один вашего города. Меня зовут Игорь. Я учусь в пятом классе на «пять» и «четыре» и хочу быть врачом. У меня есть мама и бабушка. Мама много работает, а бабушка часто болеет. Я их очень люблю. Но мне не хватает младшей сестренки. Мне хочется, чтобы мы думали друг о друге. Ты понимаешь меня? Я мечтаю о велосипеде и люблю возиться в кабинете биологии. Давай переписываться. Игорь Ивлев».

Прочитав письмо, я задумалась: «Наверное, у него, как и у меня, тоже есть свое царство белых облаков и, когда ему грустно, он улетает туда и набирается радости. Раньше наши фантастические страны не соприкасались, потому что сказочное царство бесконечно большое, даже больше, чем Земля. А теперь они пересеклись. Здесь сливаются наши души и могут разговаривать, понимать друг друга».

Девчонки завидовали мне. Письмо переходило из рук в руки.

И вдруг у меня перед глазами встало лицо Риммы. Я занервничала и вновь почувствовала свою вину. Мне захотелось поскорее каким-то способом оправдаться перед собой. Успокоить себя.

...Римма уже три года жила в детдоме. Но ее никто не понимал, никто не хотел с нею дружить. И не потому, что лицо у нее неприятное, точно смазанное жиром, и черные волосы

всегда какие-то липкие. Это ерунда. Что-то в ее характере было отталкивающее, нудное, скучное. Какая-то особенная назойливость проступала. Она приставала к каждому, набивалась в друзья, унижалась, старалась вызвать жалость к себе, преданно заглядывала в глаза. При первом знакомстве я попыталась побороть в себе брезгливость. Я даже не возмутилась, обнаружив ее утром в своей постели (она сказала, что не хотела идти в свою комнату). Я сочувствовала ей, хотя сама старалась не ссориться с девчонками и не обижаться по пустякам. Но когда Римма пришла ко мне снова, я смущенно сказала, что занята, и пообещала встретиться с нею в воскресенье, втайне надеясь, что она поймет вежливый отказ и больше не подойдет. Мне было жаль странную девчонку. «Она же, наверное, не виновата, – думала я. – Характер у нее такой. Ей и самой от него плохо». Я вздохнула и занялась уроками.

А утром по длинным коридорам поползла жуткая новость: «Римма сбежала из детдома и попала под поезд». Я почувствовала себя виноватой. Мне сделалось плохо. Многие девчонки грубо прогоняли ее. Но почему это случилось именно после разговора со мной? Может, она искала во мне пристанище? А я не приняла ее. Не стала подругой. И она не выдержала. Может, кто-то еще сильнее обидел ее в последний день? Тогда я не виновата.

Камнем на сердце легла мне память о Римме. «Она была старше меня. Я же не могла убедить ее постараться стать другой? Не могла. Не сумела понять? Но я же видела ее только два раза! В лесном детдоме моя подружка Валя училась плохо, ее считали неполноценной, но она была веселой, доброй, приятной. А Римма училась нормально, но почему-то отталкивала от себя. Для некоторых и я странная. Ведь называют же меня иногда девочки «чокнутая». Ну и пусть! Все мы разные... А письмо.... Не хочу! Оно не нужно мне! Если бы оно попало к Римме, то, может быть, у нее появилось бы свое царство белых облаков, которое спасло бы ее. А теперь письмо лишь напоминает о несчастье и моей вине. Я смяла его и бросила за окно. Лиля, не понимая, смотрела удивленно и растерянно. Мне стало неловко, будто сорвала злость на мальчишке. Он-то тут при чем? Написал хорошее, доброе письмо.... Немного успокоившись, выглянула в окно. Девочка, подобравшая письмо, как раз читала его. Она спрятала листок под майку и, прижав руки к груди, как в полусне, улыбаясь, побрела вдоль длинного серого здания.

ПРОЩАЙ, ЛЕША

Сегодня я раньше времени пришла к Леше. Около его дома вдоль палисадника из земли торчат маленькие крепенькие расточки цветов. А осенью здесь были огромные, много выше моего роста стебли с разнообразными и удивительно красивыми головками георгинов.

– Это мое хобби, моя любовь, забота и отвлечение от мелочей жизни, – говорил тогда отец Леши.

Стою за яблоней, жду, когда друг сам выйдет. Мое внимание привлекла полная женщина с двумя ведрами пищевых отходов. Она поставила на лавочку у Лешиного крыльца одно ведро и крикнула:

– Варя!

Тот час в дверях показалась бабушка, и стала доставать из-под отходов кульки.

– Разворачивай скорей, пока не промокли. Пришлось долго ждать у дыры в заборе. Сторож все не уходил.

– Так помои-то разрешают брать?

– А вдруг проверит? Сунет палку в ведро, – вмиг с работы слечу. Кто тогда внука растить будет? Поскорее! Ты не одна у меня, – торопила женщина.

Она развернула мокрую, плотную бумагу и выложила на стол хлеб, белый батон, кусочки масла и сыра. Варвара Григорьевна быстро обрезала промокшие корки хлеба. Теперь я поняла, почему хлеб у них на столе иногда без корочек. Тут женщина повернулась ко мне лицом, и я узнала работницу нашей кухни. Два чувства боролись во мне: Лешкина семья бедная, и им надо помогать, но кухарка ворует с нашего стола? Мы всегда выходим из столовой голодные,

порции у нас маленькие, постные. На душе стало гадко. Во рту появилась странная горечь. Я стояла в нерешительности: уйти или остаться?.. Тут прозвучало мое имя.

– Отвадить ее надо. А то, глядишь, вещи начнут пропадать. Да и что хорошего может наш мальчик получить от беспризорной? Еще заведет в какую-нибудь дурную компанию! Хиба ж (разве) может быть путевым детдомовский подкидыш? – говорила прабабушка.

– Ну, вы, мама, не совсем правы, – донесся голос бабушки. – Может, ее родители на войне погибли?

– А родня где? Почему не взяли к себе?

– У нас после войны племянница Лена год прожила, так, помните, сколько намаялись с ней!? А если на всю жизнь?..

Сердце мое сжалось. Я же не ела их хлеб, понимала, что бедные. Подозревать меня в воровстве?! Я – и вдруг воровка!? Да еще у своего друга! Задыхаясь от обиды, помчалась, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза. Они уже иссыкли, а я все бежала и бежала. И вдруг врезалась во что-то мягкое. Незнакомая женщина сказала с сочувствием:

– Что с тобой? Чуть с ног не сшибла! Так и под машину угодить недолго.

Я тяжело дышала. Стучало в висках.

– Успокоилась немного? – я опять как бы издалека услышала участливый голос. – Вот и хорошо. Теперь иди.

Мне стало легче, и я медленно побрела в сторону детдома. Шла и думала: «В твой дом, Леша, я больше никогда не приду! Хороши твои приветливые родственники! Придуривались. А зачем? Не хотели обидеть? Мне такая забота не нужна! Захочешь, сам приходи к нам. Я не смогу смотреть в глаза твоим бабушкам. Когда вырасту, в моей семье будет все по честному, по-доброму, без криков и унижений».

Не заметила, как поднялась на свой этаж. В коридоре тишина. Значит, все ужинают. Зашла в комнату и увидела дежурную воспитательницу с моим «дневником» в руках. Она тоже не ожидала меня увидеть и растерялась, но строго спросила:

– Что это?

– Дневник. Пишу... – ответила я, заикаясь. – Пишу для своего друга из дошкольного детдома.

– Можно почитать?

– Нет.

– Знаешь адрес друга?

– Нет.

– Я заберу твои бумажки. Нельзя хлам под кроватью собирать!

– Тогда... порвите при мне, – сказала я еле слышно.

Шевельнулась тоскливая мысль: «Еще одно несчастье на мою голову. Ну и пусть...» Ждала приговора в полном оцепенении. Воспитательница молча положила листочки на стол и вышла из комнаты.

Долго не могла прийти в себя... «Она – Человек! Настоящий Человек...» – бормотала я сквозь слезы, уткнувшись в подушку.

ЧТО ОТВЕТИТЬ?

После уроков ко мне подошла Анна Ивановна и странным, неуверенным голосом предложила пойти к ней в гости. Я почувствовала: волнуется. Неужели боится, что откажу? А я согласилась с радостью. Шли по крутому спуску молча и медленно. «Почему меня позвала?» – в который раз спрашивала я себя.

Почти у самой реки стоял небольшой домик, окруженный садом. Мы вошли в коридор. Всюду длинные связки лука. Дальше небольшая, чистая комната. В ней стол, книжная полка,

кровать, два стула, сундук. На выскобленном полу лоскутные дорожки. А на стенах: вышитые крестиком и гладью цветы, лошади, олени. Зачем-то на кровати много подушек.

Анна Ивановна налила мне чаю. Первый раз в жизни я видела пирожное, трехслойное, с розовыми цветочками из крема. Я боялась его взять, но учительница мягко сказала: «Это тебе». Я ела и думала: «Что она хочет сказать? Почему не решается?» Анна Ивановна продолжала смотреть на меня. Потом очень тихо заговорила о том, как она одинока, еще о желании иметь такую дочку, как я. И про то, что двум одиноким людям лучше жить вместе.

– Потом я выдам тебя замуж. А когда умру, ты останешься жить здесь. У тебя будет свой дом, – добавила она.

Ее последние слова как-то не дошли до сознания. Мне казалось, я всегда буду в дет-доме. Самые разные мысли пронесли в голове. И как это Анна Ивановна может умереть? Не должна, не должна! Умирают чужие, незнакомые люди. Я настолько разволновалась, что лишь растерянно спросила:

– А я смогу быть Вашей дочкой?

Увидев мое замешательство, учительница поторопилась успокоить:

– Не спеши с ответом. Потом скажешь. Если не захочешь, будем считать, что никакого разговора не было.

После этих слов она проводила меня за порог. Я возвращалась взволнованная и растревоженная. Мысли путались в голове. Радоваться ли мне? Предложение хорошее или плохое? Анну Ивановну я очень уважаю, просто обожаю! Люблю ли? Человека любишь, если без него плохо. А я после уроков Анну Ивановну редко вспоминаю. Вдруг не полюблю по-настоящему? Она умная, все поймет, и обе будем страдать. Ведь даже в комнате, если девочки не очень подходят друг другу, им тяжело жить вместе. А тут семья! Раз она меня выбрала, значит, считает хорошей? Может, привыкну? Мы с ней будем жить дружно, не как в семье у Лешки. И все же боюсь. В семьях все так сложно и непонятно! Но гадости делают плохие люди. А может, она мне будет бабушкой? Мамой, бабушкой и учительницей одновременно? Не понимаю. Каша в голове. Господи, что мне делать?

УСПЕХ

В нашем парке есть площадка, где каждое воскресенье проходят выступления лекторов, артистов, детей. Лекции читают очень серьезные тети и дяди. Я редко захожу сюда. Но сегодня среди выступающих детей должна быть Лида из нашего детского дома. Любопытство заставило меня отодвинуть все планы. Я не очень внимательно слушала первые номера, все ждала, когда появится моя знакомая. И вот на сцену выскочила цыганка. Цветастая шаль развевалась вместе с подолом широкой юбки, как крылья огромной птицы. Лида остановилась, высоко подняла голову и медленно поплыла по кругу. Лицо напряженное и бледное. Глаза полузакрыты. Темп музыки изменился, и ворох ярких юбок взметнулся, понесся с головокружительной быстротой. Ноги в черных чулках мелькали, будто не касались пола. Платок скользил в руках, обнажая плечи. Вдруг Лида преклонила колено и затрясла плечами. Звон украшений и стон скрипки слились воедино. Опять застучали каблучки. Девочка сделала глубокий поклон и под аплодисменты умчалась за кулисы.

Во время танца на лице Лиды я впервые увидела настоящее вдохновение. На сцене была истинная цыганка! Я даже забыла, что девочка светловолосая и голубоглазая. Изумляющая перемена! Как несет себя! Прямо артистка! Куда пропала серенькая, медлительная школьница? Я гордилась Лидой. У меня появилось желание самой научиться чему-то красивому, особенному, что могло бы тронуть сердца других. Я долго бродила по парку, пытаюсь представить себя в тех или иных ролях.

А вокруг шумела весна, гремела музыка, ярко светило солнце.

ШРАМЫ

Сегодня я получила три пятерки, и мне не терпелось сообщить об этом Петинной бабушке. Прибежала раньше времени. Заскочила на кухню, отвела рукой пеструю занавеску и в растерянности замерла. Я впервые увидела маму Пети раздетой. Она стояла в корыте, а бабушка из кувшина лила ей воду на спину. Я тихонько отступила назад. Почему у тети Зины вся спина покрыта огромными жуткими шрамами? Она же не воевала? Вечером не выдержала и спросила:

– Бабушка, откуда у тети Зины такие ужасные шрамы? Я случайно увидела, когда она мылась на кухне.

– То-то мне показалось, будто кто мелькнул за шторкой... А шрамы... В войну пединститут, где училась Зина, сначала на окопах под Курском был, а потом их в Мордовию эвакуировали. Работала учительницей, жила на квартире. По утрам сапоги к полу примерзали. Голодала. За бостоновый костюм ей на рынке дали чугунок картошки. Рассказывала: воды в кастрюлю нальет, половину картошины натрет и варит. Это на день вся еда. Выпьет болтушки – и к детям. А они русский плохо понимали. Пока растолкует урок, – согреется. Потом пальто на еду сменяла. Скоро ни еды, ни одежды не осталось. Застудилась. Чирьями все тело пошло. Стала уж помирать. К счастью, отец в командировке был в тех краях. Селедку ей привез, сухари. Но, увидел в каком она состоянии и забрал в свой лазарет. Там и выходил. Только шрамы остались.

– Что ж никто ей не помог?

– Местные жители тоже на подножном корму жили. Только и мечтали – до лета дотянуть. Зимой кору с деревьев сдирали и ели, а весной из лебеды борщ варили. Я-то в родной деревне осталась. Перед войной год был урожайный. Заработанное в колхозе зерно продать не успела. Вот с картошкой, думала, управлюсь, а там уж по мешочку и переносу в город. Повезло, что не продала. Всю войну по горсточке расходовала... А в сорок шестом с Украины люд к нам полз с голодухи. Ох, бедовали... Я на ферме лучшей дояркой считалась. Да какое молоко, если по весне коров на веревках подвешивали, не могли они сами подняться. Я для своих буренок с санками ходила далеко в поле, из-под снега полусгнившую солому выкапывала. Плачу над ними, и у коров тоже слезы текут...

– А почему Петина мама ничего этого не рассказывает? – удивляюсь я.

– А что душу-то зазря травить? У всех своего горя хватает. Если бы радость какая... Радости только и оставалось, что живы, что солнышко светит, да дети и внуки рядом. Может, ваша доля лучше сложится? Посмотреть бы, что будет. Успею ли? Годочки ой как быстро летят!

– А у меня не быстро. Неделя как целая вечность. Еле до воскресенья дотягиваю.

– Мне бы твои годики вернуть, с каким желанием училась бы! А то все образование – два церковных класса и коридор. Ох, намаялась сегодня, устала...

Бабушка засыпала. Я тихонько вышла. Мне-то до семи часов можно спать, а ей в половине пятого уже на ногах быть.

СЫНОК

Иду к Пете. Справа от дороги растут молодые сосны, слева – березки. Порыв ветра прошуршал в их ветвях и улетел. А запах молодых листочков и почек, что разбухли, как жуки, остался. Я не тороплюсь. Люблю пригород – он напоминает мне деревню. Подхожу к колодцу, а там очередь. Женщины, набрав воды, не торопятся уходить. Почему? Интересно... Прислушалась. Одна, приложив руки к губам, проговорила:

– Приходите вечером. Сала не обещаю, а картошки с пахтой вдоволь будет. Помянем моих сыночков.

Потом, оглянувшись на меня, шепотом добавила:

– С заупокойной некому съездить. Плохо без церкви-то.

Другая женщина задумчиво предложила:

– Бабоньки, может, в Москву отписать, попросить, чтобы девятое мая праздничным днем сделали? Ведь день великий и память великая. А?

– Услышат ли? До Москвы далеко. Если только в сельсовете посоветоваться? – засомневалась третья.

Пришла к Пете, но застала только бабушку Дуню.

– Скажите, пожалуйста, что такое девятое мая? – спросила я с порога.

Бабуся, бойко управлявшаяся на кухне, сразу сникла. По лицу серой волной прошла тень. А после и слезу смахнула. «И чего я вечно суюсь со своими вопросами?» – занервничала я. Бабушка тронула мое плечо и сказала:

– Не переживай за меня, о сыне печальюсь, сколько буду жить, столько и буду о нем плакать. Все война проклятущая...

Она открыла сундук, достала аккуратный белый узелок и, не торопясь, развязала. Сама с минуту смотрела на фотографию, потом мне подала. Худенький, белобрысый паренек, с автоматом через плечо, который никак не вязался с его пухлыми губами и детским выражением

лица. Медаль на груди не прибавляла ему ни мужественности, ни взрослости. Пока я разглядывала снимок, бабушка прижимала к груди медаль и горку писем-треугольников.

– Вот это прочти, – попросила она.

Я развернула треугольник – обыкновенный листок из школьной тетради.

«Дорогая мамочка! Шлю тебе привет из-под города Чары. Здесь состоялось мое первое крещение. За один этот бой я, наверное, больше повзрослел, чем за месяцы рытья окопов. Детство сразу ушло, когда стали погибать товарищи. А меня твои молитвы хранят. И твоя любовь. Получил медаль за храбрость. Можешь гордиться мной. Теперь я не только петь и на гармошке играть умею. Я – защитник Родины. Мама, немецкого гада мы обязательно победим!

Здоров. Твой сын Петр».

Я замолчала. Взглянула на седые волосы бабы Дуни, на скорбное, морщинистое лицо... И вдруг мне представилась ее горем израненная душа белой березой с черными зарубками на стволе...

– Всего полгода воевал сынок. Через месяц после того, как объявили Победу, пришло от него последнее письмо. Писал: «Ура! Победа! Скоро буду дома!» Не доехал... Пропал без вести...

Я прижалась к бабушкиной щеке. Наши горячие слезы текли по моим рукам.

Вечером, вспомнив письма-треугольники, спросила с моей дурацкой наивностью:

– Бабушка, почему у дяди Пети плохой почерк? Он был троечником?

Она ничего не ответила, лишь взглянула на меня далеким, печальным взглядом.

Я поняла: плохой почерк – это такая малость! Был сын. А теперь его нет.

А НАУТРО ВОРВАЛАСЬ ВОЙНА

– Бабушка Дуня, вы помните, как началась война? – спросила я.

– Все помню, дитяtko. Жила я тогда под Курском. В тот день возилась на огороде. Вечерело. А солнце красное, и будто в малиновых облаках купается.

– Быть завтра ветру: вон, зарево какое пылает. Не люблю такой закат. – Это, соседка Наталья, так сказала.

Я уже дела на огороде заканчивала, а тут другая соседка меня окликнула:

– Евдокия, посмотри на солнце. Чудится мне или впрямь Господь знак нам подает?

Я глянула и остолбенела. Рядом с солнцем крест горит. Красный, огромный! Хотела перекрестить себя, а руки от страха занемели. Как сейчас слышу голос Михайловны: «Быть большой беде». А уж она-то за свои девяностo два года всякого повидала. Хоть побаивались люди ее жутковатого взгляда, но верили. Совсем страшно стало от ее слов. Домой пришла как с похорон. А душу не с кем облегчить. Дочь на учебе в Курске, Петя на гулянье. Без его гармошки ни один праздник не проходил. Прилегла. А сна нет. Крест перед глазами стоит. Не случилось бы чего с Петей. Слава Богу, – шаги в сенцах.

– Петя, ты? – спрашиваю.

– Я, – отвечает. – Чего не спите? Если из-за меня волноваться станете, то гулянье мне будет не в радость.

На кровать ко мне присел и говорит:

– Скорей бы два года пролетели. Окончу школу, выучусь на заведующего клубом, и больше не будете мешки с картошкой в город таскать.

Хорошо мне сделалось, покойно. Луна в окошко светит, ясно Петино лицо вижу.

– Какая вы у меня красивая! – вдруг сказал он.

Прикрыл одеялом и пошел спать. А заметил Петя мою красоту потому, что милая девушка покорила его сердце. И любовь к ней сделала его еще нежнее и чувствительнее. Помню, подумала тогда: «Не обойди, Господи, своей милостью сыночка моего». А утром началась война.

НЕТ НАДЕЖДЫ

Воскресенье. Я снова у Пети. Бабушка Дуня сегодня странная: тихая, задумчивая, ходит как во сне, задевая углы в полупустой хате. Я не пристаю к ней. Но время идет, а бабушка молчит.

– Что-то здесь не так, – не выдержала я. – Ба, а, ба, что с вами? И обедать почему-то отказались?

И тут ее прорвало. На пухлые, красные от горячей воды, руки закапали слезы.

– Все, детка, все! Не надо мне больше ждать сыночка! Господь не позволяет. Сказал, что нет его в живых. Девять лет ждала, надеялась. Ведь не было похоронки! Без вести пропал. Вон у покойницы Михайловны через пять лет правнук вернулся. Я думала: может, и мой сынок память от контузии потерял, и судьба так повернулась, что жить за границей ему пришлось. Чего война с людьми ни делала.... А теперь все. Нет надежды!

– Да что случилось, бабушка?

– Сон привиделся. Петенька мой весь оборванный, в солдатской одежде, босиком стоит передо мной и говорит: «Холодно мне, мама, нет душе покою. Что ж вы не поминаете меня добрым Божьим словом в церкви? Или я плохим сыном был?» Проснулась... Казалось, что с ума схожу, не чувствую где сон, где явь.

– Да нет! – кинулась я успокаивать бабушку. – Сон – это то, о чем думаете.

Тетя Зина, услышав конец нашего разговора, жестом дала мне понять: «Не разуверяй» – и стала предлагать матери имена старушек, которые могли бы съездить в город и отслужить заупокойную службу.

– Бабушка, – простодушно попросила я, – вы думайте, что внук Петя – вроде как сын ваш. Вам тогда будет чуточку легче.

– Ой, детонька, не бывает так! Сыночка никто не заменит, – вздохнула она.

Я не знала, что на это ответить, и только сильнее прижалась к бабушкиному плечу.

СЧАСТЬЕ ЛИЛИ

Последнее время Лиля не находит время погулять со мной. Сегодня опять иду одна по садовой аллее. Уже отцвели деревья и кустарники, появилась молодая завязь плодов. Осторожно раздвинула колючие ветки крыжовника, чтобы сорвать ягоду, и увидела то ли маленький пестрый коврик, то ли букетик желто-серых цветов. Прикоснулась. Оказывается – это полное гнездо плотно прижатых друг к другу птенцов с раскрытыми клювиками! Пока смотрела, они не издали ни единого звука, даже не шелохнулись! Надо мной беспокойно вилась красивая серо-голубая птичка. Я тихонько отпустила ветки.

Вернулась в детдом. Зашла к Лиле в комнату. Сажу неподвижно, как те птенчики в гнезде, наблюдаю, как она учит уроки. Лиля читает про себя текст, закрывает книгу и на листочке мелким почерком рисует незнакомые крючки и картинки. Снова читает, закрывает глаза и, чуть шевеля губами, долго повторяет урок. Иногда лицо ее почему-то расцветает розовой фиалкой.

Когда она открыла глаза, я спросила:

– Стихи учишь?

– Физику. Мало понимать предмет, хотя это тоже очень важно, его надо знать. Я по памяти записываю текст, а потом еще проговариваю шепотом.

– А я все сразу запоминаю.

– Это потому, что в школе вам еще мало задают. Возьми карандаш, порисуй, не отвлекай меня.

Я не обижаюсь на Лилию. К экзаменам готовится. Вдруг она опять замерла с мечтательной улыбкой, потом испуганные ресницы взлетели к бровям, она нахмурилась и, обхватив плечи руками, снова взялась за уроки.

Наконец Лиля захлопнула учебник и сама потащила меня в парк. Я в восторге! Даже залезла ей на плечи и гордо оглядываю прохожих. Пусть смотрят, какая у меня хорошая сестричка! Но я – наездница сознательная. Погладив напоследок ее черную корзину кос, соскакиваю на землю. Мы садимся на мою любимую скамейку, окруженную березами.

– Лилия, ты сегодня будто загадка. Что-то случилось?

– Только тебе скажу. Счастье боюсь потерять. В городе есть педучилище. Я столько раз стояла возле него и думала: «Если уж с мечтой о пединституте пришлось расстаться, так попасть хотя бы в училище!» И вот перед Новым годом стою у входа, и до того грустно мне стало, что слезы потекли. Ничего не вижу вокруг. Слышу, кто-то спрашивает:

– Девушка, я могу чем-нибудь помочь?

Парень, интересный, лицо доброе. В первый момент хотела убежать. Никогда с чужими не разговариваю. А тут взяла и выложила ему свои беды. Он тоже о себе рассказал: Живет со старенькой мамой, вечером учится в училище, днем работает на заводе. Я даже не подала ему руку на прощание. Разволновалась, смутилась. Теперь мы по воскресеньям встречаемся и беседуем.

– Ты с ним целовалась?

– Откуда у тебя такие глупости в голове?!

– Не сердись. От девочек слышала.

– Мне кажется... – сказала Лиля и чуть покраснела, – что я... нет, не буду торопить события. Пока не стану ему говорить про свою любовь. Ты представляешь, если я закончу седьмой класс на отлично, то меня возьмут в педучилище без экзаменов! Только бы суметь договориться с училищем, куда меня распределили! Мама Анатолия – учительница. Она ходила к нашему директору с просьбой помочь мне. Он обещал. Мы обнялись с Лилей, и я готова была заплакать от счастья. И тут заметила тоненькое деревце, которое склонило белый шар цветов почти до земли. Одна веточка отщепилась от ствола, и коричневая рана увеличивалась, когда порывы ветра трепали вишню. Лиля расплела косу и тесемкой прикрепила ветку к стволу. А я оторвала от плаща кусок подола, привязала деревце к спинке скамейки и сказала:

– Так крепче будет.

– Ты же плащ испортила! – испугалась Лиля.

– Не испортила. Он длинный. Ты думаешь, вишня выживет?

– Будем надеяться. Нашла же силы зацвести. И клей ей в этом поможет. Вот он, густой, липкий и светится как янтарь.

– Может, это не застывший сок, не клей, а слезы, которые не высыхают. Правда, деревце, будто в подвенечном платье!

– Ты, как всегда, фантазируешь. Есть в тебе склонность к метафоричности, – улыбнулась Лиля.

И в этот момент она показалась мне похожей на нашу вишню.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Бабушка Дуня разбудила меня рано. Двор был еще влажный от росы. Холодок пробежал между лопаток. Захотелось опять нырнуть в постель, но... я быстренько бросила в лицо горсть ледяной воды и вытерлась полотенцем, висевшим на проволоке.

– С чего начнем? – бодро спросила я бабушку.

– Гуся надо зарубить.

– Бабушка, а может еще кто? Курей я уже научилась резать, а на гуся рука не поднимается.

– Некому, детка. Дядя Коля с Петей ушли в поле. Руки мои слабые стали, не удержат гуся и топор.

– Ну, ладно. Только я держать буду, договорились?

– А сможешь? Он ведь ох, как затрепыхается, когда душа из него выходить станет.

– Разве у животных есть душа? Может, и у растений тоже?

– Не знаю. У Бога все воедино связано.

– Бабушка, и вам жалко животных резать?

– А ты как думаешь! Я ведь ухаживаю за ними. Да что поделаешь, так жизнь устроена. Мне и цветы рвать жалко. Но я так рассуждаю. Птичку вольную или скотину какую дикую убивать – это против Бога. А вот то, что человек сам растит для своего проживания – не грех. Не против природы.

Гусь в моих руках бился сильно и долго, даже сумел выпростать крылья. Но я, закрыв глаза, терпела, когда он хлестал меня по лицу. Потом он подрожал еще немного и обмяк. Я дрожала вместе с ним. Пыталась вспоминать, как он щипал меня за ноги. Не помогало. Все равно жалко...

Второго гуся держала бабушка. А я, глубоко вздохнув, взмахнула топором... и убежала к соседке. Бабушка вскоре позвала:

– Иди. Надо гусей обработать, пока не застыли. А то замаемся потом.

Надо, значит, надо. И я учусь, не испортив кожи, выдергивать пух.

– Знаешь, посмотреть, как теленка осенью режут, не могу до сих пор, – призналась бабушка Дуня. – По утрам все лето отвожу его пастись, в обед пою теплой водой. Вечером, когда возвращаемся домой, он взбрыкивает радостно, тычется влажной мордочкой в ладони. Они же хлебом пахнут. А то вдруг помчит меня по лугу через лопухи. Юбка за колючки цепляется, вся в репьях! Как удержать такого шустрого на веревке!? А еще раньше, в марте, помаленечку приучала к пойлу... От него молоком пахнет, лижет он мне лицо и тощим боком прижимается. Никак не хочет отпускать. Голову положит мне на плечо и трется. Говорю ему: «Отстань!» А он понимает, что я не сержусь, на самом деле люблю его, и от радости мычать начинает. А голос-то детский, срывается. И такой весь, как дитя доверчивое! Ноги скользят, расползаются в разные стороны. Пол – то на кухне гладкий. Упадёт, кричит жалобно и все встать пытается...

С гусями возимся и час, и два. Я собираю пух в одну сумку, перья – в другую и делюсь с бабушкой Дуней своими заботами.

– ...Недавно говорит мне Анна Ивановна: «У тебя все пятерки за год, кроме письма. По чистописанию тебе натянула четверку». Ну, разве не обидно? Я от стыда и злости на себя отвечаю: «Лучше бы тройку поставили!»

– Чудачка ты, – усмехается баба Дуня. – Анна Ивановна поставила тебе четверку авансом. Значит, верит, что станешь терпеливее, старательней. У тебя тройки за грязь в тетрадках или за ошибки?

– За мазню.

– Вот видишь! Я права.

– Вы знаете, а я про Толяна часто вспоминаю. И в дневнике записала: «Толя, я помню тебя».

– Друзья детства – друзья на всю жизнь, – задумчиво произнесла баба Дуня.

– А мои знакомые инвалиды войны – дядя Валя и дядя Ваня, – ну, те, что были на каталках, работают в нашей школе. У них теперь ноги железные.

– Директор помог?

– Да. И еще Анна Ивановна. Я к ней обращалась. А мой друг Андрей уехал в военное училище. Я его спросила: «Ты будешь убивать людей?». А он ответил: «Я не могу стрелять в людей. Моя специальность – чинить самолеты. В военное училище пошел из-за государственного обеспечения». Он просил меня учиться десять лет, чтобы находиться под присмотром

учителей. Боится за меня, потому что я слишком самостоятельная. А Лиля будет учительницей. Мама ее друга Анатолия не хочет, чтобы она работала и училась. Пусть, говорит, наша Лилия учится с удовольствием. Мама Анатолия сказала, что, когда Лилия выйдет замуж, на нее свалится много забот, и тогда она будет вспоминать годы учебы как самые счастливые.

– Что-то ты, детка, сегодня такая встрепанная?

– Почему так думаете?

– Говоришь скороговоркой. Вроде гнетет тебя что-то, а?

– Верно, бабушка, почувствовали.

И я вздохнула:

– В последний раз к вам пришла. К родственникам меня отвозят.

– Боженька смиловился! Рада за тебя. Какое счастье!

– В самом деле?

– Семья для человека – самое главное, самое важное в жизни. Что бы человек ни делал, к чему бы ни стремился – все во имя семьи, для семьи. Запомни, семья – это маленькая родина, именно с нее начинается большая Родина. В крепости семьи сила и надежность страны.

– А у меня сразу большая Родина... Я боюсь ехать...

– С твоим характером, в любой семье приживешься. Все тебя будут любить.

– А вдруг они плохие?

– Плохих людей мало. Такие и не взяли бы. Берут ребенка, когда очень хотят. Наверное, у них нет своих детей и им некого любить. Что же ты вчера вечером не сказала?

– Не решилась.

– Надо отпраздновать твой отъезд. Попрощаться по-людски. Гусей завтра продам. Ботинки у Пети износились. А вот потрошки на ужин оставлю. Ты сегодня будешь есть мяса досыта, как мечтала. Помнишь?

– Спасибо, – тихо ответила я.

– Давай управляться поскорей, – сказала баба Дуня, тайком утирая слезу.

– Давайте, а то все с поля придут голодные. Тружеников кормить надо, – повторила я любимую фразу бабушки. И мы рассмеялись.

– Тамара, соседка! – крикнула бабушка Дуня через плетень. – Как повезешь обед муженьку, попроси моих пораньше вернуться с работы. Проводы у нас.

– Кого провожаете?

– Внушеньку мою младшенькую.

– Хорошо, Ивановна, обязательно заеду.

– Детка, чего нос повесила, не бойся. Новое – всегда связано с надеждой на лучшее. Вот приходит Новый год, – так все счастья ждут...

Вечер был теплый и безветренный. Ужинали во дворе. За столом сидели тихо. Только дядя Коля пытался развлечь всех веселыми житейскими байками.

До автобуса меня провожали Галя и Петя. Галя, не выдержала, заплакала.

– Чего ты? Не надо. Не надо, – твердила я.

– Радуюсь за тебя и горюю о себе. Про папу вспомнила. Только на карточке и вижу. Хоть бы тебе повезло. Бабушка Дуня будет молиться за тебя. Может, когда вырастешь, приедешь к нам?

– Обязательно! Я всегда буду помнить вас, – горячо заверила я.

Автобус пришел полупустой. Я стояла у заднего окна, и все махала и махала тем, кого хотела, но не могла различить из-за слез.

ПРОЩАНИЕ С СЕМЬЕЙ ИРИНЫ

Сегодня я не сбегаю из детдома, а попросила разрешения у дежурного воспитателя сходить в город попрощаться с подругой. Иду самой короткой дорогой через парк мимо фонтана.

Шаловливый ветер бросает на людей пригоршни алмазных брызг, они разлетаются далеко за гранитный борт. Солнечные блики скользят по лицам. Огромная радуга то поднимается на вершину мощной центральной струи и начинает полоскаться на ветру, как многоцветная шелковая ткань, то опускается к воде, и тогда ее дрожащая поверхность переливается непрерывно меняющимися, неповторимыми красками. Из аккуратно вычерченной, яркой и неподвижной в безветрие радуга превратилась в живое существо! Сильный порыв ветра понес водяную пыль на асфальт, и рядом с фонтаном заплясало небольшое расплывчатое цветное сияние. Такое же чудо возникло и в скоплении невысоких струй над черным мраморным кольцом, по которому ходили дети. Недолго резвились маленькие радуги. Сердитый ветер разорвал их в клочья, закрутил вихрем и унес ввысь. Зато большая радуга продолжала и продолжала плясать! Фонтан орошал мелкой дождевой пылью каменные плиты своего обрамления и мое возбужденное лицо.

А люди торопливо бежали по аллее, не замечая чудес. Я выбрала не очень спешившую тетю и сказала:

– Гляньте, красота какая!

Она удивленно посмотрела сначала на меня, потом на фонтан.

– Похоже на северное сияние, – сказала она и улыбнулась.

Потом погладила меня по волосам и пошла дальше. А я все стояла, зачарованная сказочной картиной. Ветер трепал мои шаровары, брызги летели в лицо, но я не замечала этого. Я была далеко, в другом мире, на другой планете. Я даже придумала красивую фразу: «Планета моей мечты». Три радуги! Может, это подарок фонтана мне на прощанье?..

– Меня нашли родственники. Завтра уезжаю, – сказала я Ирине с порога.

– Видишь, и тебя счастье нашло! – воскликнула подруга. А мы с мамой сегодня ходили к директору моей школы, показывали твои рисунки и тебя обещали записать в первый класс.

– Как это, в первый класс? Я же перешла во второй!

– Чудачка, не в простую школу, а в художественную.

– Куда ты уезжаешь? – спросила мама Ирины.

– Не знаю.

– А к кому?

– Тоже не знаю. Сказали, что воспитатель отвезет меня в другой город к родственникам.

– Все у тебя будет хорошо! А сейчас мы устроим тебе маленький праздник, – сказала Альбина Георгиевна.

Ирина и ее папа сходили в магазин и принесли две красивые коробки.

– Ты знаешь, что такое мороженое?

– Слышала, – ответила я, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

В коробке оказалось четыре мороженых: шоколадное на палочке, в картонном стаканчике с цветочком наверху, в вафельном стаканчике с вишней и в бумажном пакетике.

– А какое можно взять?

– Все! – засмеялся папа Ирины.

– А можно от каждого попробовать по кусочку?

– Договорились. Хочешь узнать, что в другой коробке? – спросила Ирина. – Смотри!

Целый набор пирожных! И тоже все разные!

Я радостно воскликнула: «Такое слоеное с розочками, я знаю!»

– Будешь пробовать все?

– Если можно, конечно, – ответила я, смущенная таким вниманием.

– Тебе сегодня все можно! – воскликнула Ирина, радуясь моему предстоящему счастью.

– Мне... чуточку грустно... – вздохнула я.

Защекотало в носу.

Но Петр Андреевич не дал моим слезам воли. Он высыпал в вазу конфеты в красивых обертках и отвлек словами:

– Эти с собой возьмешь, подружек угостишь, чтобы им легче было с тобой расставаться.

Мне не давали скучать. Папа Ирины принес баян, и мы вместе пели песни военных лет по моему заказу. Время летело быстро. Я взглянула на часы и заторопилась:

– Спасибо за все. Я обещала не опаздывать.

Ирина подала мне книжку размером чуть больше открытки. На малиновом переплете – золотые буквы: «Эрмитаж».

Я раскрыла книгу. На первой странице под тонкой папиросной бумагой – «Портрет жены Щепкина». На меня смотрело доброе, то самое поразительно доброе лицо!

– Бери, не стесняйся, тебе предназначено. На память от нас, – сказала Ирина серьезно, и глаза ее погрузнели.

Я так разволновалась, что не смогла ничего ответить. А хозяйева шутили, смеялись, рассовывая по моим карманам конфеты. Ирина поцеловала меня, а ее папа сказал:

– Надеюсь, ты обретешь в другом городе хороших друзей.

– Такие, как вы, один раз в сто лет встречаются, – вздохнула я.

Я шла через парк радостная. И вдруг задумалась. Ведь мне так не хочется с ними расставаться, но почему же я не плачу? А может, и правда мне повезет с родственниками? Раз они меня берут к себе, значит, я им нужна.

АННА ИВАНОВНА

Меня вызвали к директору. Я не волновалась, знала, что мне сообщат об отправке к родственникам. Теперь, очевидно, речь пойдет об окончательном времени отъезда. К моему удивлению, в кабинете сидела Анна Ивановна. Неужели из-за меня? Наверное, хочет проститься? Значит, ей жаль со мной расставаться. А я так и не решилась дать ей ответ!

– Хотелось внучку себе воспитать – не вышло. Утешает надежда, что тебе там будет лучше, чем у меня, – грустно сказала учительница, тяжело вставая со стула.

Анна Ивановна наклонилась и прижала меня к себе. Я уткнулась лицом в ее платье. Мы молча постояли, и она медленно пошла к выходу.

Много смешанных чувств металось в моей душе. Я не могла собрать мысли и успокоиться. Хотелось побежать вслед за Анной Ивановной, сказать ей что-то хорошее, доброе, ласковое. Но ноги будто одеревенели. Во рту стало сухо, язык не слушался. И только слезы пытались унести из сердца внезапно нахлынувшую боль. Сквозь туман в голове пробилась единственная мысль: «Еще одного хорошего человека потеряла. Такой учительницы больше не будет».

В комнате, завернувшись с головой в одеяло, снова думала об Анне Ивановне. Почему я не нашла в себе смелости сказать на прощание хорошему человеку, что люблю? Побоялась обидеть своей не очень сильной любовью? А оскорбила неверием. Она переживала, я переживала. И обе молчали. Мы с ней похожи. Может, потому она меня и выбрала?

А не сумела по-настоящему проститься еще потому, что поняла, как дорога она мне лишь в ту минуту, когда судьба развела нас.

ПРОЩАЙ, ДЕТДОМ

До станции меня провожали Лиля с женихом и его мама. Мы идем по длинной прямой и пустынной дороге. Передо мной алое солнце, а сзади, примерно на той же высоте от горизонта, как снежный ком, вставала луна.

– Тебя провожают два дежурных Земли – дневной и ночной, – улыбнулась Лиля.

– Может, это к счастью? Как ты думаешь?

– Конечно, к счастью, – звонко смеется Лиля.

От ее смеха мне радостно, и я тоже сквозь слезы улыбаюсь.

– Дядя Толя, мне хочется, чтобы вы были для моей Лили как папа. Я ее очень, очень люблю, – сказала я на прощание и повисла на шее подруги.

– Не волнуйся. Все у нас будет хорошо, – кивнул парень.

Сопровождающая взяла меня за руку и повела в вагон. Вскоре застучали колеса. А я мыслями никак не могла оторваться от своих друзей. В этом детдоме я постоянно ощущала себя намного старше своих одноклассниц. Возможно, поэтому мне было так хорошо с Лилей, Петей, Андреем... Но сейчас, сидя в вагоне, я вдруг почувствовала себя маленькой щепкой в океане неизвестности.

КНИГА ТРЕТЬЯ -

ПРОТАЛИНЫ

Глава Первая **РОДИТЕЛИ**

Меня везут к родственникам: сначала поездом, потом от железнодорожного вокзала в переполненном трамвае. Подняла голову вверх – кругом спины, плечи. Воспитательница посоветовала: «Будут сильно сжимать, кричи, не стесняйся».

Наконец и для меня раскрылись деревянные складные двери вагона. После неприятной поездки с удовольствием иду по чистой широкой улице. Вот парикмахерская. По одну сторону от двери нарисован мужчина-щеголь с лихо закрученными усами, по другую – кокетливая молодая женщина с глупым кукольным лицом. Дальше – кинотеатр «Комсомолец», магазины.

– Зачем над окнами магазинов висят полосатые зонтики? – спросила я.

– Белые парусиновые козырьки? Чтобы люди и в жару, и в дождь могли рассматривать витрины, – объяснила воспитательница.

– А для чего под каждым деревом железные, узорные решетки?

– Чтобы землю не затапывали.

– Такая забота о деревьях? Здорово!

Неожиданно перед нами раскрылась широкая площадь с памятником Ленину в центре. Слева возвышалось огромное красное здание с белыми колоннами, окруженное двумя рядами старых голубых елей. Ветер запутывался в их огромных пазухах, а ветви даже не вздрагивали. У памятника дети кормили белых голубей. «В нашем городе есть «смотритель» голубей. Наверное, единственный в стране», – с гордостью сказала проходившая мимо женщина. «Как она догадалась, что мы приезжие?» – удивилась я. Идем дальше. Всюду продается газированная вода. Мне очень хочется пить, но я знаю, что за воду надо платить, и не решаюсь попросить.

По поводу встречи с семьей уже не переживаю. Устала волноваться. Какое-то безразличие напало. Только любопытство осталось. Подошли к двухэтажному длинному обшарпанному кирпичному дому, окруженному красивым когда-то, а теперь покосившимся забором. Поднялись по шаткой деревянной лестнице на второй этаж и остановились перед дверью с номером десять. Тут я занервничала. Вышла невысокого роста, полноватая, черноволосая женщина и вежливо пригласила нас в квартиру. Мне она сразу не понравилась. «Недобрая, нечестная. Вон как глаза бегают, стараясь не столкнуться с моим прямым взглядом. Не полюбит меня. А зачем соглашалась брать? – горько размышляла я, глядя в ее сонное лицо. – Почему долго спала? Может, не здорова?»

Мы с трудом разместились в узком коридорчике, служившем одновременно и кухней. Попили чаю с белым хлебом и маслом. Мне хотелось еще хлеба, но просить добавки побоялась. А вдруг моя новая мама Ольга Фроловна рассердится, что много ем? Взрослые говорили о погоде, а я разглядывала кухню. Над головой маленькая люстра из длинных стеклянных цветных трубочек, какие бывают на елочных бусах. В них дробился яркий резкий солнечный свет. Стены оклеены белой в розовый цветочек бумагой. На столе маленькая электроплитка. В углу корыто и куча кастрюлек. А чашки и тарелки стоят внутри стола, за которым мы сидим. На дверях второй комнаты белые плотные вышитые цветами шторы.

Воспитательница любезно раскланялась, поблагодарила за чай и обратилась ко мне: «Развезу детей и через три месяца, обязательно заеду к тебе. Если не понравится, можешь вернуться в детдом. Имеешь право». И ушла. Мне стало тоскливо. Ольга Фроловна ни о чем не спрашивала. Я тоже боялась заговорить. Молчание затягивалось. Бросила взгляд на дверь. Убежать? Но куда? В детдоме жизнь была привычной, надежной. А от этой безразличной женщины ни добра, ни тепла. Одна сухая вежливость, и та через силу. Не так я представляла встречу с мамой! Мне хотелось ласковых слов, хотя бы таких: «Я так ждала тебя. Ты устала с дороги? Отдохни». И все! Почувствовала себя подкидышем. «Не туда подкинули?!» – подумала я и заплакала.

Ольга Фроловна смотрела на меня растерянно и беспомощно. «Ну, чего ты, чего?» – как-то нехотя бормотала она. «Странная женщина. Так ненавидит меня, что не может посочувствовать просто как чужому ребенку на улице?» – тоскливо рассуждала я. От этих мыслей поток слез усилился.

Видно, я уснула за столом. В полусне слышу веселый голос пожилого человека: «Где наша крошка спряталась? Доктор Айболит пришел лечить маленькую девочку от слез. Хватит спать». Я приоткрыла опухшие глаза. Надо мной склонился высокий, худой, седой мужчина в сильных очках и белом халате. Его голубые глаза приветливы. На щеках две глубокие морщины и ямочки. Он мне сразу понравился. «Детей любит», – мелькнуло в голове. Неожиданно со мной опять начался приступ истерики. Мне не хотелось выглядеть плаксою перед «дедом» (так я сразу окрестила его), но успокоиться не получалось. Дед позволил мне еще немного пореветь, а потом сказал:

– Ужин готов. Ты же не заставишь голодать человека, пришедшего с работы? Я сегодня пораньше отпросился.

– Для меня старался, – обрадовалась я и встала.

Дед приказал вымыть руки перед едой. Я с удовольствием послушалась.

– Так, надо заняться твоим здоровьем. Желудок растягивать придется. Он, видно, у тебя совсем усох. Для начала будешь на обед получать рюмку кагора. Это церковное, лечебное вино. Дают его ослабленным людям. «Мощная» ты у нас девчушка, – похлопал меня дед по торчащим лопаткам, – чувствуешь, ангелочек, крылышки пробиваются?

Он налил мне кагор в маленькую граненую рюмку, а себе в большую.

– За твое здоровье, – произнес он и с удовольствием выпил.

Я последовала примеру.

– Дайте еще, очень вкусно, – попросила я.

Родители как-то странно переглянулись.

– Нельзя. Лекарство пьют малыми дозами, иначе оно будет вредить, – строго сказал дед.

– А почему у вас большая рюмка лекарства? – поинтересовалась я.

Дед рассмеялся:

– Все видит! Молодец! Лекарство должно соответствовать весу человека. Большому человеку требуется большая доза. Поняла? А теперь бери ложку. Ешь.

Я съела суп и выпила компот.

– Больше не влезает, – сказала я, выходя из-за стола.

– А спасибо где? Съела? – засмеялся дед.

– Кому спасибо? – смущенно спросила я.

– Мне – за то, что денежки заработал, матери – за приготовление еды. Понятно?

Дед говорил легко, весело. И замечание не обидело меня. После ужина легла на диван и принялась разглядывать комнату. Два небольших окна. Вдоль одной стены железная кровать и темно-коричневый с резными украшениями шкаф. Вдоль другой – диван и комод. По центру круглый стол. У окна – книжная полка. Над столом оранжевый матерчатый с бахромой абажур. Четыре стула обтянуты белыми чехлами с голубыми цветочками. Голубая скатерть, голубые покрывала. Около шкафа за белой шторкой я разглядела плитку. Ну, прямо как у нас в деревенском детдоме, только маленькая, двухконфорная. На столе ваза с яблоками. Тесновато, но уютно.

А может, я привыкну?

Я ХОРОШАЯ

На второй день Оля (так я назвала про себя приемную маму) принялась готовить завтрак. Я проголодалась, потому что привыкла вставать рано, а она появилась на кухне в десять. Разбила Оля в сковородку два яйца и посмотрела на меня. Я взглядом попросила еще. На седьмом яйце она зло бросила сковороду на плитку. Почему? Вчера дед восторгался, глядя, как я на тонкие кусочки хлеба намазывала масла в палец толщиной и вмиг съедала, а сегодня Оля не хочет меня откармливать.

После завтрака я задумчиво сидела на полу. Оля позвала меня, а я не услышала. Замечталась. Тут она ко мне подходит и ласково так, но с ехидцей говорит: «Ушки мыть надо». И поднимает за ухо. Я оторопела от неожиданности. Уже год как меня не наказывали. Вырвалась, зверьком посмотрела на новоявленную воспитательницу и сердито ответила: «Будете обижать, сбегу».

Вечером Оля ушла, а дед закрыл дверь на кухню и начал беседу. Он долго объяснял мне, как плохо шататься по вокзалам со шпаной. Нового ничего не услышала. Я знала много историй о беглецах из нашего детдома. В основном, они заканчивались печально. «Я не хочу ночевать по подвалам и чердакам, собирать объедки, воровать. Такое нравится ребятам, у которых мозги набекрень. А я нормальная. Но я не заставляла забирать меня из детдома. И на хлебником стала не по своей воле. Не напрашивалась. Должна же я дать понять новым родителям, что не паршивый котенок, которого по всякому поводу можно таскать за уши? Если я плохо

поступила, достаточно объяснить мою вину», – думала я, уставившись безразличным взглядом в окно. После утомительной лекции дед отпустил меня.

Не прошло и недели, как я опять попала в историю. Мелочь, а неприятно. Оле зачем-то потребовался металлический складной метр. Я пошарила на полке. Его там не оказалось. Утром я измеряла им длину дивана, на котором сплю, и свой рост, но потом положила инструмент на место. Оля принялась раздраженно ругать меня за то, что играю нужными вещами, и обозвала обманщицей. Сдерживая слезы, я ответила: «Если вы не будете мне верить, то я начну беспрерывно врать. Вам же хуже будет».

Оля удивленно взглянула на меня и вышла из комнаты.

Теперь при всяком удобном случае я стараюсь доказать свою честность.

ОХ, УЖ ЭТИ БАБУСИ!

Вышла во двор. Ко мне подошли три женщины и начали разглядывать, будто я – экспонат из музея. Терплю. Вдруг одна спрашивает:

– Как твое отечество?

Странный вопрос. При чем тут Отечество? Стою, растеряно хлопаю глазами. Вторая подсказывает:

– Как твоего отца зовут?

– Яков, – отвечаю, не понимая, чего от меня хотят.

По хитрым, неприятным лицам сообразила, что в их словах кроется подвох. Третья женщина уточнила:

– А по документам ты Яковлевна?

– Не знаю. У маленьких отчества не бывает, – ответила я, наконец, улавливая смысл происходящего.

Обида захлестнула. Они же понимают, что мне неприятно говорить об этом! Бабушки рады, что затронули больной для меня вопрос? Чтобы не нагрубить, спряталась за дверь своего коридора.

ДЕНЬГИ

Вечер. Полная луна заглядывает в окно и серебрит полумрак комнаты. Облака то накапывают на луну, погружая комнату в темноту, то открывают светлый диск, и тогда, как в сказке, медленно выплывает из темноты корабль-комод с двумя стеклянными вазами для цветов – трубами. Я в ночном порту... В моей голове чудная музыка о море и моряках. Я слышала ее по радио. Прижавшись к твердой спинке дивана, мечтаю...

Залаяла собака. Я встала, выглянула в окно. Никого. Взгляд упал на комод. На салфетке лежат бумажные деньги. Рядом поблескивают металлические. Осторожно дотронулась до них, сосчитала и задумалась: «А если взять рубль? Ведь никто не заметит. Зато можно будет купить конфет-подушечек, и целую неделю не спеша, наслаждаясь, есть. А вдруг родители посчитали деньги и заметят, что я взяла? Не взяла. Украла. А красть еще хуже, чем врать. Но рубль – это так мало! Тут вон и пять рублей, и десять. Как родители меня накажут, если украду? А чем они докажут, что я взяла? Куплю конфеты и сразу съем. А про денежки скажу, что закатились куда-то. Нет. В горло эти конфеты не полезут, а главное, стыдно будет родителям в глаза смотреть. Мне сейчас хорошо, потому что ничего плохого не делала. Стоят ли конфеты того, чтобы я страдала из-за них каждый день? Съем и забуду, ну вроде как чай сладкий выпью, а мученье на всю жизнь останется. Нет, не стоят сладости того!»

Легла и отвернулась к прохладной стенке дивана. Закрывает глаза. Передо мной еще некоторое время блестели монетки, но они уже не были такими привлекательными. Свет от них исходил тусклый, серый. И конфеты не представлялись такими уж вкусными.

КИНОТЕАТР

Дед дал мне рубль, и я побежала в кинотеатр «Комсомолец» смотреть фильм «Подвиг бойца». Вечером он опять вручил мне деньги. Я попросила на газировку. Но дед отказал: «Как врач, не позволяю ее употреблять. В ней один натуральный продукт – патока. Лучше пей соки или молоко. Ешь свежие фрукты. Не губи желудок». Он разъяснил, и я все поняла. Не стану себе во вред делать. А другие пьют газировку потому, что у них нет деда-врача.

На следующее утро опять побежала в «Комсомолец». Купила билет и приготовилась увидеть новый фильм. Но на экране появился тот же журнал про комбайны, а потом начался фильм «Подвиг бойца». Я смотрела с удовольствием, но с меньшим интересом, потому что знала, чем закончится. Когда же в третий раз вошла в кинозал и снова увидела те же титры, то разозлилась и вышла в фойе. Вежливая тетя спросила:

– Тебе плохо, девочка?

– Плохо, – говорю, – обман какой-то! Третий день один и тот же фильм показывают.

– Почему обман? Время проката каждого фильма – неделя. Все дети нашего района должны успеть его посмотреть. А в понедельник – другой привезем.

Я сконфузилась, покраснела и вернулась в зал. Деньги ведь заплачены.

ДВОРОВЫЙ ТЕАТР

Утром проснулась поздно. Деда дома уже не было. Он начальник санитарной эпидемиологической станции на рынке. А рынок начинает работать очень рано.

Умылась. Позавтракала. Сижу и молчу. Оля тоже молчит. Скучно. Не знаю, о чем говорить с нею и боюсь, что начнет расспрашивать о детдоме. На мое счастье в раскрытое окно донеслось:

– Лелечка, выходи!

– Иди во двор. Надоест гулять, подождешь на лавочке, – сказала Оля и ушла к соседке.

У дощатого, наскоро сколоченного сарая, опираясь на колонку, стояли девочки постарше меня и скороговоркой разговаривали на незнакомом языке. На их лицах, подернутых легким пушком, как роса, сверкали бусинки воды. Отполированные тонкие мускулистые ноги темные от загара. Прислушалась к их странной речи.

– Дия дисе дигод диня... – говорила одна.

– Зуя зуне зухо зучу... – отвечала другая.

А! Секретный язык девчонок. Попробовала говорить хитрым способом. Получилось, но медленно. Зачем он мне? Не хочу ерундой заниматься. Села на лавочку. Вдруг во двор прибежала ватага ребят. Они не спрашивали, откуда я появилась, а сразу приняли в свой театр и предложили играть в казаки-разбойники.

– Мне нельзя уходить со двора, – смущенно ответила я.

– Ну, давай играть в карты. Пойдем в ваше парадное?

Оказывается, парадное – это красивая лестница в доме. По ней когда-то ходили богачи. Теперь там белье сушат. А жильцы входят в дом с черного хода, которым пользовалась раньше прислуга.

Мы сели на ступеньки, и ребята принялись обучать меня разным играм: в ведьму, дурака, девятерного дурака, подкидного... Голова пошла кругом от их многообразия. А после обеда все пошли готовиться к выступлению. Пьеса была со смешными моментами, но довольно бестолковая, потому что каждый участник вносил что-то свое. Старшая из нас – Светлана – пыталась сделать общий сюжет, но ребята не уступали. Потом мои новые друзья принесли из дома бумагу, краски, старую одежду и на скорую руку сделали костюмы. Даже занавес повесили. Немыслимые шляпы, великолепные плащи-накидки, длинные юбки! В нарядах было что-то романтическое, особенное. Каждый участник обязательно становился героем. Я тоже с интересом взялась за дело. Но во время спектакля, невзирая на протесты, меня забрали домой спать.

Лежа в постели, прислушивалась к возгласам ребят, пыталась представить, что и как происходит на сцене. Конечно, не заснула. Мне было очень грустно. Но я понимала, что не имею права нарушать ритм жизни взрослых и скрепя сердце должна свыкнуться с мыслью, что обязана принимать слова родителей как необходимое и неизбежное.

Выступать в театре мне так и не пришлось. Дед плохо отзывался о моих новых друзьях, а я подумала о том, что он не всегда бывает прав. Его не интересует, какие дети на самом деле. Они мешают ему, и он называет их шалопаями. Я попыталась убедить его в обратном, защищать друзей, но дед был категоричен:

– Давай без обиняков! Нечего якшаться с бездельниками и полуночниками. Иди спать! Доказывать что-либо свое было бесполезно.

О БОГИ!

Светлана принесла книжку про богов древней Греции, и все зажглись идеей постановки нового спектакля. Узнав, что я немного рифмую, Света обрадовалась:

– Поэта нам не хватает. Будешь сочинять патриотические речи и высокие слова про любовь.

– Про любовь не смогу, – возразила я.

– Сможешь. У нас все все могут. Вот слушай. Допустим, я говорю: «О, милый принц, пади к моим ногам. Любви твоей я жажду непременно», а ты заканчивай. Поняла?

– Поняла. А про что дальше говорить? И зачем все это? Про принцев в книжках много хороших стихов.

– Так неинтересно! Свое лучше, – возразила Света.

И я принялась за работу.

– Почему у тебя складно получается, а у меня не очень? – спросила моя новая знакомая Валя.

– Потому, что ты рифмуешь только последнее слово, а я всю строчку. Вот смотри, здесь лучше написать «растут тополя». А не цветут поля. Когда читаешь, ты чувствуешь, будто спотыкаешься? В третьей строчке тебе одного слога не хватает.

– Точно! – обрадовалась Валя.

– А у тебя стихи нежнее выходят. Давай вместе сочинять, – предложила я.

Подружка сразу согласилась.

Света попросила меня подготовить Витю к выступлению, потому что он еще не умеет читать. Я засомневалась: сможет ли хулиганистый шестилетка выучить трудные слова? Но Витя очень хотел быть солдатом и никому не уступал эту роль. Он достаточно быстро выучил стихи и, бегая по двору, нараспев выкрикивал их.

После обеда началась репетиция. Витя укрепил на груди алюминиевую миску, а на голову надел покрашенный в желтый цвет чугунок. Плащом ему служил ярко красный в мелкий цветочек халат соседки. Об оружии он позаботился особенно тщательно. Меч старательно выстрогал кухонным ножом из обломка штакетника, а огромный пистолет сделал из обрезков фанеры. Доказать ему, что пистолетов в Древней Греции не было, мне не удалось.

Говорил Витя восторженно, но «проглатывал» окончания слов. Глаза сияли, движения были гордые, величественные, насколько позволяло его тощенькое тело, прикрытое большим, в пышных складках «плащом».

О Марс! Великий страж войны!

Перед тобою все трепещут.

Тебе все боги рукоплещут

И не скупятся на дары.

Великий, грозный бог Войны!

Любитель битв, сражений жарких.

Талант и мужество даны
Тебе лишь для свершений ярких!

Витька – самый маленький в театре. Но аплодисментов на репетиции он получил больше всех. Его мама вытирала слезы и улыбалась.

Вовик выбрал себе роль Аполлона. Никто не спорил. Он хоть и толстый, но, без сомнения, самый красивый. Черные крупные глаза, широкий разлет бровей, яркие пухлые губы, малиново-красный румянец щек – выделяли его среди нас, белобрыхых и худеньких. И наряд ему мама сделала великолепный: желтый плащ, синие шаровары, золотистый со стрелой на лбу шлем.

А Ленька провозгласил:
– Прекрасный как солнце гроза-Аполлон!
Великий и страшный, но праведный он.
То в гневе сжигает поля перед нами,
То вдруг оживляет их нежно лучами.

Лук за плечами и ветром распахнута тога.
Прекрасный и умный. Но страх ты повсюду наводишь.
Хоть праведен гнев жестоко разящего бога,
Все люди трепещут, когда на Олимп ты восходишь!
Ты дивной красоты и поэзии чудной любитель.
Ты ярких талантов и щедрых умов покровитель
– О, гордый и мудрый провидец Олимпа, великий.
Красивый, но грозный бог Солнца и Света двуликий.

Правда, слова Ленька выучил плохо, но Светлана старательно подсказывала ему начало каждой строчки, и получилось сносно. После стихов позволялась любая импровизация в прозе, но ребята так вошли в роль и прониклись торжественным слогом, что не захотели нарушать сценария, за исключением выкриков «О, боги!», сопровождавшихся ударами грома, точнее барабанным боем по разбитому корыту, которое заранее притащили со свалки.

Вышла Валя в зеленом плаще из шторы и с желтой лентой вокруг головы. Перед нею Анята, став на колени и вытянув вперед руки, тихо и торжественно произнесла:

Ежегодно раннею весною
Бурной зеленью растенья удивляют.
И, как прежде, о, богиня, пред тобою
Все колени с восхищеньем преклоняют.
Ты следишь, чтоб небо улыбалось,
Наливались золотом поля,
Яркими цветами покрывалась
Милая, любимая земля!

А Лиза из соседнего двора, подняв глаза и руки к небу, заговорила:
– Ты!

Покровительница юных и наивных,
Милых, чутких, добрых и невинных,
Ласковых, заботливых и нежных,
Вежливых, послушных и прилежных!

Эти слова вызвали неописуемый восторг у взрослых. Они хлопали, одобрительно кивали головами и, довольные детьми, улыбались, обещая вечером собрать на представление всех знакомых.

НАКАЗАНИЕ

Меня не пустили гулять. Я наказана за то, что вчера поздно пришла домой. Я не хотела волновать деда. Так уж получилось. Играли в партизан. Стрелочки на асфальте привели в парк. Уже смеркалось, и я подумывала о возвращении. Вдруг Ленька позвал нас: «Айда, кино смотреть бесплатно!» Мы влезли на железную узорную ограду. Деревья закрывали почти весь экран, зато звук был громкий. Шел фильм про войну. Сюжет был захватывающий. И, хотя смотрели не сначала, все поняли. Про деда вспомнила, когда экран высветил «Конец фильма». Вмиг расстроилась. Впечатление от фильма померкло. Поняла, что он сейчас нервничает, а Оля, наверное, его пилит. Из парка бежала, не разбирая дороги. Перед дверью отдышалась и понуро вошла в комнату. Оля давала деду лекарство. С трудом выдавила из себя:

– Кино в парке с ребятами смотрела.

Дед, полный горького упрека, молчал. Оля коротко отрезала:

– Спать!

Испутив безнадежный вздох сострадания, я легла лицом к стене. Долго не могла заснуть, слушая, как ворочается дед. Одни неприятности от меня! Хоть вешайся с горя. Зачем Ленька затеял эту петрушку? Сама виновата. От скуки свалила дурочку. Балда. А если дед заболеет, кто будет кормить меня и Олю? Опять в детдом? И почему она не работает? Она же молодая и здоровая.

Наутро дед пошел на работу. Значит, выздоровел. От этого жизнь показалась мне не такой уж плохой. А что гулять не пустили, так правильно. Поделом мне, не слушала предостережений совести. За такое врезать надо было.

Раз осталась дома, так надо чем-то заняться. Подошла к книжной полке: медицина, философия, марксизм-ленинизм. Все только взрослое. Вышла в парадное. Там Оля разговаривала с соседкой тетей Верой. Прислушалась. Ничего интересного. Тот так сказал, этот так ответил. Беседа была похожа на болтовню наших нянь в лесном детдоме. Правда, здесь чувствовался какой-то сюжет, хитроумное сплетение событий, как в кино. Но содержание мне не нравилось. Всех ругали, никого не хвалили. И интонации были какие-то ехидные, гадкие.

Спросила вежливо: «Скажите, пожалуйста, это называется «сплетни»?»

Тетя Вера посмотрела на меня так, будто я с луны свалилась. И я поняла, что сказала глупость.

– Марш на кухню, – зло крикнула Оля.

«Хоть бы деду не сказала. А то он снова начнет пить лекарство», – заволновалась я, не зная, как загладить вину.

МАГАЗИН

Я никогда еще не ходила в магазин одна. А тут Оля говорит:

– Купи четвертушку черного хлеба, четвертушку белого и сто пятьдесят граммов масла. Смотри, правильно сдачу возьми.

Взяла я деньги и тут же принялась считать в уме, сколько должна заплатить. Все было бы хорошо, но я никак не могла понять, как продавец сможет дать мне полкопейки сдачи. Оля все еще стояла рядом с соседкой тетей Полей. Я попыталась объяснить ей свои затруднения, но она презрительно фыркнула:

– Ты совсем глупая? Даже в магазин сходить не можешь! И за что у тебя пятерка по арифметике была в первом классе?

У меня слезы полились градом. А соседка вдруг удивленно спросила:

– Ты уже в уме десятые доли считаешь?

Почувствовав поддержку, я сразу успокоилась и объяснила, что еще до школы практикантка Галя научила меня действиям с большими и дробными числами, решению примеров в столбик.

– Так ты, оказывается, умница, – приветливо сказала тетя Поля. – Запомни, половину и четверть копейки сдачи не дают. Никто тебя за них не будет ругать.

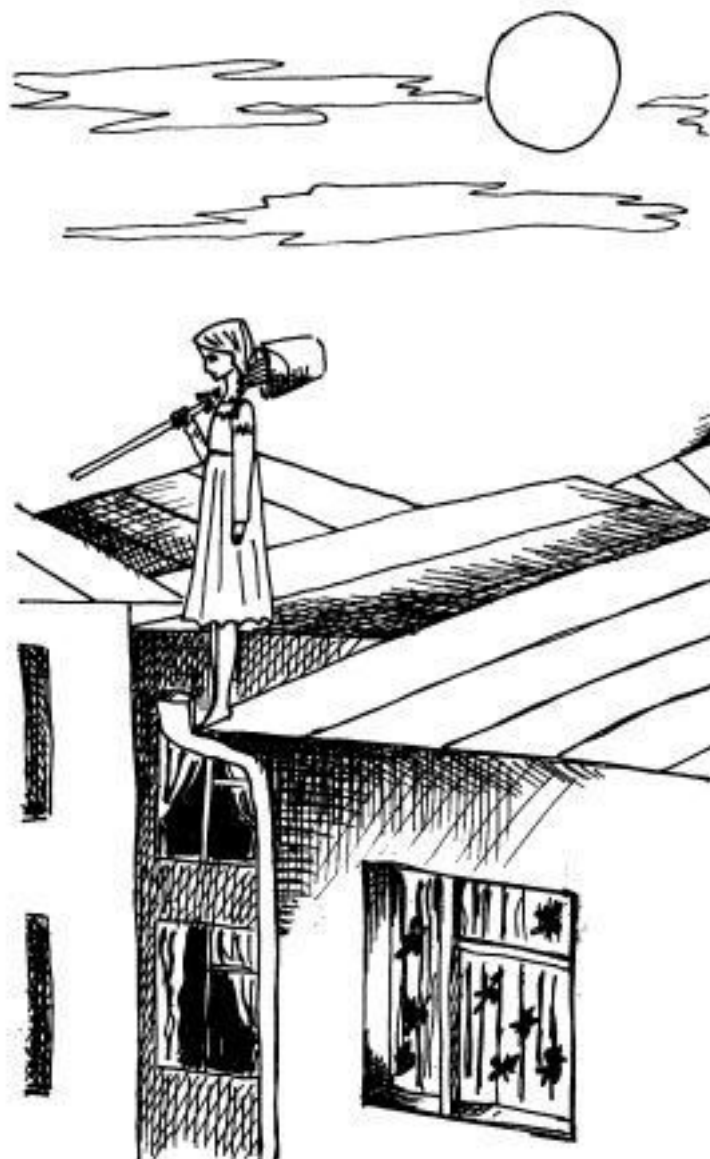
Я облегченно вздохнула и помчалась в магазин. Ничего! Первый раз всегда трудно бывает. Главное, что я не дура, и скоро буду не хуже других домашних детей. Вот вчера училась гладить. В городе нельзя ходить в мятом, иначе позор на семью ляжет. И руки о платье нехорошо вытирать. Облизывать пальцы тоже некрасиво. Но я же не виновата, что кармана для носового платка в платье нет? Как в этом случае поступить, чтобы выглядеть воспитанной девочкой?

ЛУНАТИК

С первого дня я подружилась с Валею. Маленькая, с длинными тонкими косичками и спокойными светло-голубыми глазами, она привлекла меня своей рассудительностью. Ее слова: «Будем снисходительными к недостаткам взрослых» – звучали солидно и до смешного серьезно. Я подарила ей свою любимую фразу: «Что наши мелочи по сравнению с мировой революцией?»

Для Вали все в жизни понятно и легко. Единственная ее проблема – маленький рост. Ей кажется, что быть в «хвосте» классной линейки – плохо. «Чудная ты, я тоже крайняя в ряду. Люди должны быть разными. Нельзя волноваться о том, что от тебя не зависит», – объясняла я подруге.

Валя живет в одной комнате с папой, мамой и двухлетней сестренкой Юлей. У них две железные кровати, маленький стол, на котором стоит керосинка, еще есть шкаф и четыре стула. Умывальник около двери. Раскладушка Юли ставится только на ночь. Иначе не пройдешь по квартире. Папа и мама у Вали – глухонемые. Валя обучает меня их языку и еще воспитывает: объясняет, как правильно вести с детьми и взрослыми.

Почему никто из детей во дворе не расспрашивает о детдоме? Это неприлично? Они не хотят сделать мне больно? Здорово! Оказывается, вежливость и воспитанность – это не одно и то же. Домашние дети знают и понимают больше меня, поэтому воспитанные. С ребятами легко. Они прощают мои глупости мгновенно. У нас в сельском детдоме не было никаких секретов, мы все знали друг о друге и не понимали, что можно чего-то стесняться. А здесь даже среди детей надо о чем-то умалчивать, чтобы не «влипнуть» в историю. Если кто-то выдавал чужой секрет, начинались выяснения, доходившие до драк. Наблюдая за новыми друзьями, я поняла, что никому никогда не стоит говорить о своих душевных бедах. Какими бы хорошими ни были домашние дети, они все равно проболтаются не от злости, а так, нечаянно, потому что для них чужая беда не кажется ужасной. Это просто событие из чьей-то жизни. А мне от этого может быть очень плохо.

Поняв, что я умею хранить секреты, Валя поделилась своей настоящей бедой. Ее рассказ был и грустный, и смешной одновременно.

– Ты знаешь, я лунатик. Ночью, когда на небе полная луна, я хожу по комнате, гуляю по улице. Вот вчера повесила ведро на веник, положила его на плечо и пошла во двор. А иногда залезаю на крышу и хожу по самому краю.

– Боже, ты же можешь разбиться! – обомлела я.

– Мама сказала, что лунатики никогда не падают. Наверное, потому, что не боятся, – успокоила меня Валя.

– Ты, правда, не боишься?

– Не знаю. Я же сплю.

– А мама не спит, караулит тебя?

– Да. Мне жалко ее. Она работает, и Юля у нас маленькая. Но ничего не поделаешь. Буду ждать и надеяться, что болезнь пройдет, когда вырасту. Так врач сказал.

Я заторопилась домой. Может, дед вылечит Валу? Он же раньше был уездным врачом. А еще он любит, когда я задаю вопросы по медицине. Вбежала на кухню. Дед ужинал. На мой вопрос ответил сразу:

– Лечения пока не придумали, но, чтобы больной полноценно отдыхал ночью, есть простое средство: перед кроватью класть мокрый коврик. Человек просыпается от соприкосновения с холодным и возвращается в постель.

Я тут же рассказала об этом подруге. Валуша перестала ходить по ночам. Когда я в следующий раз пришла к ним, мама с Валею обняли меня, а ее строгий папа первый раз при мне улыбнулся. Нам всем в этот момент было очень хорошо.

СМОЛА НА КРЫШЕ

Утро. Сажу на лавочке, жду Валу. Подошла старая немая женщина из соседнего подъезда, посмотрела на меня внимательно, а потом показала:

– Ты хорошая, красивая девочка, но у тебя гадкие бородавки.

Я смущенно спрятала руки за спину. Тетя объяснила, что может вылечить меня, если принесу суровую нитку. Я мигом сбегала домой, отыскала в шкатулке нитку и вернулась к лавочке.

– Считай бородавки и делай на нитке узелки, – приказала тетя.

Я выполнила задание. Женщина положила одну руку мне на голову, а указательным пальцем другой – стала водить по бородавкам. Потом она закопала нитку около столба, на котором укреплен калитка, опять что-то пошептала и, наконец, объяснила мне: «Как нитка сгниет, так бородавки и пропадут».

Я поблагодарила тетю. Она улыбнулась в ответ. Тут пришла Валя, и мы полезли загорать на крышу сарая, покрытого рубероидом. Вскоре, разморенные солнцем, заснули. Вдруг я услышала дикий крик Вали. В испуге вскочила и побежала. Не свалилась только потому, что к ногам прилипла горячая, расплавленная смола. Оказывается, Валуша коснулась раскаленной крыши, обожженной солнцем спиной.

В тот же вечер по холодку я вышла во двор узнать, как здоровье Вали. Но она не столько страдала от обгоревшей спины, сколько боялась строгой мамы. Я успокаивала ее:

– Ты же не виновата, что уснула на крыше.

– Виновата, думать должна.

– Но ты и так пострадала. Тебя надо пожалеть.

– Жалеть за глупость? Юле – два года, и она может делать глупости, а мне уже нельзя.

– Не мучай себя напрасно. Взрослые тоже ошибаются. А может, тебе не так больно, когда ты себя не жалеешь, а ругаешь? – предположила я.

– А ты знаешь, и правда, когда не ноешь, то меньше болит. Вот видишь, мама опять права. Мне хочется, чтобы она никогда не волновалась из-за меня.

– Так не бывает. Всегда найдется из-за чего переживать.

– Я все равно буду стараться, – очень серьезно сказала подруга.

Мама Вали еще не пришла. Я подошла к ее папе и показала свою красную спину. Он зацокал языком, и начал растирать меня какой-то жидкостью. Я показала, что мне не больно, поблагодарила его и позвала к Вале. Он спокойно приподнял платье дочери, но, увидев на обожженной спине прилипшие куски смолы, отшатнулся и зажестичулировал.

После лечения Валя, пытаясь отстирать на платье черные пятна, переусердствовала, и теперь на ярко-зеленом фоне ситца выделялись блеклые серые разводы.

– Смотри, что я наделала, – жаловалась она мне, – а ты говоришь, что я умная.

Мама Вали узнала о случившемся только через неделю. Она все поняла и не наказала дочку.

Я никогда не слышала бурных излияний в их семье, не видела объятий, поцелуев. Но когда входила в их маленькую комнату, то чувствовала приятную, добрую атмосферу заботы. Они просто смотрели друг на друга, улыбались и занимались своими делами. Мне хорошо у них.

ПАРАДНОЕ

Вот уже несколько часов мы «режемся» в карты «на вышибание». Я играю плохо, поэтому часто сижу на «запасной» ступеньке. Но меня это не волнует, потому что хожу сюда из-за интересных историй, которые друзья рассказывают во время игры. Сегодня они особенно возбуждены и ни на минуту не замолкают.

– Он одну лапу осторожно кладет на колени и внимательно смотрит мне в глаза, как будто спрашивает: «Можно?» Потом таким же образом кладет вторую. И если после этого, я не прогоняю его, влезает мне на колени и спокойно засыпает. А когда играю с ним, обнимает за шею и начинает лизать мои уши. Так он благодарность свою выражает...

Леня может часами говорить о своем котенке, но его прерывает Анюта:

– А что моя сестренка «учудила»? Пришла к нам знакомая и попросила взаймы кусок мыла. Но долги она всегда плохо возвращала и мама ответила: «Нет мыла. Извини». И пригласила знакомую пить чай. Вдруг Танька притащила на кухню узелок и бросила к ногам гостьи. Мама краской залилась. Сквозь дырявую тряпку проглядывали куски мыла. Таньке полтора года, она еще плохо ходит и говорить ничего не может. Откуда силенки взялись пять кусков мыла дотащить! Глаза молча тарачит, на узелок пальчиком показывает. Мама ахнула: «Совсем забыла! В кладовке «зачачка» уж который год лежит на «пожарный» случай. Умница ты моя. Все знаешь». Пришлось отдавать мыло знакомой.

– А мы один раз гостили в деревне, – сказала Валя, – там по утрам пили чай из самовара. Я отвлеклась, а Юлия влезла на стол, налила себе чаю, а закрыть кран не сумела. И вот стоит она около самовара и уговаривает его: «Хватит, хватит, не лейся». Вода на стол течет, а взрослые до слез хохочут.

– Когда я был маленьким, мы ездили с гостями в лес жарить шашлыки. Папа над мясом махал тетрадкой. Я думал, что он хочет огонь погасить, и решил помочь: набрал полную горсть песка и бросил в шашлык. Ох, и досталось мне! Мама мыла жареное мясо и плакала. Папа кричал на меня и обзывал хулиганом, – вздохнул Вовик.

– Ленка, а чего ты сегодня как ошпаренная из дому убегала, когда к вам управдом приходил? – спросил Витя.

– Не люблю людей с портфелями, боюсь их с детства, – отмахнулась Лена.

– Тебя в портфеле хотели украсть? – съехидничал Вовик.

– Что тут смешного? – возмутилась Лена. – Мне тогда было два с половиной года. Пришел к нам человек огромного роста с большим коричневым портфелем. Мама долго объясняла ему, что сейчас у нас нет денег. Вдруг дядя наклонился надо мной и сказал: «Девочку за налог возьму». Я от страха замерла на месте. А мама продолжала рассказывать о своих трудностях.

Оправившись от испуга, я потихоньку выскользнула из дома и спряталась в сарае. С тех пор звала этого человека «дядя Налог».

– Ну, вот прямо в три года ты чего-то могла запомнить! Я до пяти лет вообще ничего не помню, – опять вмешался в разговор Вовик.

– Маленький ты еще. А нас, четверых, бабушка в войну в подвале прятала. Один раз бомба упала рядом с подвалом. Я ничего не помню про то время, кроме огромной воронки и еще как бабушка стояла на коленях перед нею, рыдала и благодарила Бога, за то, что он внял молитвам и отвел беду от ее внуков, – негромко, но резко сказал Яша.

– А я в три года пожар помню. Мы тогда в деревне у бабушки жили. Уже горели две хаты. Меня усадили на чужие вещи и сказали: «Никуда не ходи. Стереди». Я испуганно смотрела на черные силуэты людей с ведрами, вздрагивала от истошных воплей погорельцев. Ветер бросал в мою сторону то клубы желтого дыма, то снопы искр. Я ныряла в чье-то ватное одеяло. Но там тоже было темно, душно и страшно. И я снова высовывалась, в надежде увидеть родных.

И тут подошел двоюродный брат Сева, обнял меня и сказал: «Видишь, свет лампы в вашей хате? Это значит, ваш дом не сгорит. Отстоят его соседи. Не бойся. Все будет хорошо». Мне сразу стало спокойнее. Теперь черные люди не казались чертями из ада. И даже огромные языки пламени уже не так пугали. Все случилось, как сказал Сева. «Я очень люблю его», – добавила Лида.

– Из раннего детства в моей памяти только один момент остался, как пробиралась сквозь высокую траву, запуталась, упала и ревела до тех пор, пока мама на руки не взяла, – сказала Лида из соседнего двора.

– А я помню, как лежу в колыбельке, подвешенной на пружине к потолку, и думаю: «Вот полезу, а она сначала вверх подпрыгнет, а потом вниз начнет опускаться и стукнет меня», – сказал Ваня.

– Ты, видать, с пеленок умный был, – засмеялся Витя.

– Честное слово, помню, как пружина сжималась и растягивалась. Не мог я такое придумать, потому что, когда мне исполнилось два года, люльку отдали племяннице, а мне раскладушку купили. Я до сих пор на ней сплю, – загорячился Ваня.

– Видите эти туфли? – на носочках покрутилась перед нами Инна.

– И что? – не поняла Валя.

– Их папа привез моей старшей сестре из Германии. Они оказались ей малы. Все пальцы были в кровавых мозолях, но Аня терпела. Ведь это был подарок папы, которого она всю войну ждала! Я тоже буду их долго носить, – гордо сказала Инна.

– Около моей кровати висит ковер. На нем изображены медведи в сосновом лесу. Маленькой я их очень боялась. Мне казалось, что ночью медведи спускаются с деревьев прямо в мою постель, – созналась Света.

– А мне запомнилось, как к нам по вечерам приходили женщины и очень красиво пели. Я любил залезать в мамин деревянный сундучок с железными уголками и, сидя в нем, петь песни. Патефон изображал. Особенно с удовольствием пел о рябине, которая мечтала перебраться к дубу. А теперь, глядя на этот сундучок, удивляюсь, каким же я был маленьким, что мог помещаться в нем?

Мы хохотали, представляя Колю, выглядывающим из сундучка.

Подошла моя очередь играть, но Оля позвала обедать и мне пришлось на время покинуть друзей.

СЛЕЗЫ

Несмотря на хорошую жизнь, со мною часто случаются истерики. Не знаю, почему я плачу. Может, так привыкаю к новым людям и новым порядкам? Меня все время что-то гнетет. Отвлекусь с ребятами на время, а потом опять в самый неподходящий момент набегают слезы.

Конечно, убегаю, прячусь. Боюсь, что взрослые потребуют объяснения. А что можно ответить? Я не могу, как нормальные дети подойти к родителям, прижаться, поплакаться. Ко мне хорошо относятся, кормят, одевают, но нет между нами того, что я понимаю под словом «любить». Зачем меня взяли из детдома? Соседи говорили, что Оля – у деда вторая жена, что в молодости у нее родилась девочка и сразу умерла. Может, дед хотел дочку? Но Оля не любит детей. А еще взрослые все время чего-то недоговаривают. Какие у них тайны? Соседи шепчутся с Олей про какую-то прописку. Замолкают, когда я приближаюсь. Валя и та учинила мне допрос:

– Зачем вчера устроила в коридоре истерику?

– Ничего не устроила, – говорю, – мне было плохо, я спряталась за дверь и тихонько плакала, а мама Оля потребовала идти домой. Ну, не могла я тогда идти домой! Меня все раздражало. Оля принялась настаивать. В общем, я все равно не пошла за нею, и у меня началась истерика.

– Почему ты плачешь одна? Если меня обидят, я иду к маме.

Я не знала, что ответить. Не рассказывать же Вале про детдом?

– Не знаю, – говорю.

– У меня такого не бывает. Наверное, старые родители не понимают тебя, – посочувствовала подруга.

– Мама Оля не хочет понять, что я просто такой человек. Ей главное, чтобы соседи ничего не слышали, – пожаловалась я.

– Она боится, что все решат, будто тебя бьют.

– Почему люди сразу плохое представляют?

– А что можно подумать, если ребенок на весь дом орет?

– Я всегда ухожу плакать подальше от людей, а вчера не успела. Вот ты спросила, и тебе все сразу стало ясно. А мама Оля не разговаривает со мной. У нее во всем я виновата. Вот всегда так!

– Много ссор в семьях из-за непонимания. Люди мало разговаривают друг с другом, особенно с детьми. Мне папа так объяснял.

– Он у тебя ученый?

– Нет. Рабочий. Руки у него золотые. Из-за войны не выучился. А потом я появилась.

Папа много читает и много знает.

– Он у тебя не просто умный, а прямо-таки мудрый.

– Мудрыми бывают в старости, – улыбнулась Валя.

– Мой папа тоже много знает. Но ему не до меня.

– Это уж точно. Один он у вас кормилец, – серьезно объяснила подруга.

И мне сразу стало спокойнее.

ИСТОРИЯ С ЮЛЕЙ

Гуляли мы с Валею и ее сестренкой Юлей по парку. Встретили одноклассниц, заигрались и совсем забыли о времени. Чтобы не опоздать к обеду, решили две остановки проехать на трамвае. Выходили шумной компанией. Я подала Вале сумку с игрушками и штанишками, а сама, повернувшись спиной к выходу, стала опускаться с Юлей по ступенькам. Но она капризничала. Я вышла из вагона, а кондуктор, разговаривая со знакомой, не обратила внимания на нашу возню и захлопнула дверь, зажав Юлечке ножки. Я попыталась открыть дверь. Не получилось. Закричала. Вагон был полупустой, но водитель не услышала, и трамвай покатил, набирая скорость. Я, придерживая Юлю за плечи, побежала рядом. На мгновение представила ужас малышки, висящей вниз головой в дверях трамвая, несущегося с горы на полной скорости, а потом падающей лицом на асфальт, когда двери откроются... потому что я не могла догнать... От страха внутри похолодело. Я не видела выхода из создавшегося положения. Ноги начали заплетаться... Заплакала Юля. Тут услышала позади себя громкий стук и вопли. Это

Валя догнала нас. Не знаю, чем бы закончилась страшная история, но на наше счастье трамвай, круто поворачивая на другую улицу, сбавил ход. Люди в вагоне услышали крики. Дверь открылась.

Мы долго в оцепенении сидели на тротуаре, не имея сил шевельнуться. Юля, обняв Валу за шею, дремала. Придя в себя, я, заново переживая происшедшее, с еще большей силой чувствовала свою вину. «Что же за день сегодня такой ужасный? Утром трамвай на зеленый свет отправился. Секундой бы раньше – и я осталась бы без ноги. А сейчас за Юлечку сердце чуть не оборвалось», – размышляла я с грустью. Домой шли молча. Потом Валя тихо произнесла: «Нельзя отправлять вагон, не посмотрев на дверь».

От ее слов стало немного легче, но испуг еще долго сжимал сердце. Противно дрожало в животе, гудела голова.

ЮНОСТЬ ДЕДА

– Бестолковая молодежь пошла! Вам бы только гонять по улицам, – бурчал дед, ворочаясь на постели.

– А что нам еще делать? – удивилась я. – Вы же сами говорили, что дети должны больше двигаться и свои эмоции выплескивать: кричать, песни петь. Вы ребенком не бегали по улицам? Занудой были?

– Меня в твоём возрасте мать отдала в Воронеж «мальчиком» в Центральный ресторан.

– Что значит «мальчиком»? – не поняла я.

– «Мальчиком на побегушках» служил. Отец из армии не вернулся. Мать не могла прокормить четверых.

– И что вы делали там?

– Разносил по городу пакеты. Посуду мыл, водку подносил. Спал в кладовке на топчане. Бывало, и ночью поднимали, если срочно кого-то обслужить надо. А чуть зазеваюсь – подзатыльник. Зато сытно. Одежду, обувь сразу дали. Не позорить же заведение лаптями?! Пиджак с блестящими пуговицами у меня был. А весной и осенью на неделю в деревню возвращался матери по хозяйству помочь. Договор такой был. После города у матери было голодно, и работа по хозяйству казалась тяжкой. С радостью в город возвращался. Малый я был шустрый, всему обучался быстро, обхождение с людьми понял. Копеечки заработанные собирать стал. Матери отдавал. Помощником себя почувствовал. Втянулся в жизнь ресторанный. Не жизнь, а сплошной праздник. Особенно Рождество и Новый год мне памятливы. Наряжали меня, заворачивали в огромный ковер, клали на шкаф, а когда двенадцать часов било, ковер падал, разворачивался, я из него выскакивал и возвещал начало нового года. Петь и танцевать выучился. В общем, на все руки мастер был. А в деревне мать спину гнула на злющего помещика. Он порол до полусмерти каждого, кто, как он считал, провинился перед ним. И сыновья у него такие же были. Как-то вернулся домой, мне уж тогда лет тринадцать было, а мама лежит, стонет. Вся спина исполосована. Взвился я от злости, схватил хват и помчался на барскую усадьбу. Думаю, голову сволочуге размозжу. Подскочил к ограде, а у входа псы огромные. Понял, что с дуру бежал. А злость не проходит. Побрел через поле домой. Гляжу, сыны барина под копной храпят. Кони рядом пасутся, пофыркивают. Тишь стоит. Солнце печет. Запахи ядреные ноздри щекочат, будоражат душу. И взбрело мне в голову хоть чем-нибудь насолить барчукам. Подполз потихоньку к их телеге, стырил сапог барский мягкой яловой кожи, коричневый, в гармошку, как сейчас помню. Ну, и наложил туда.

– Чего? – не поняла я.

– Чего, чего? – усмехнулся дед. – Вместо уборной – я в сапог. Только назад поставил, поднялись работники. Не успел я убежать. Когда начал барчук сапог надевать, лицо покраснело от злости, глаза выпучились, напыжился, аж задрожал весь и медленно поднял плетку с земли. У меня внутри похолодело, как нож на поясе увидел в красивых узорных ножнах. Сдвинуться

с места не могу. То на нож, то на плетку глазами вожу. Вот, думаю, и смерть моя пришла. Закрыв глаза: будь, что будет! Хлестнул он меня как бы походя, но сильно и прошел мимо. Братья его засмеялись: «На будущее “лечишь”? И ушли. Оправился я от страха, дома матери все рассказал. Она объяснила: «Не забил тебя, потому что насмешек работников испугался. Ну, сынок, теперь на глаза ему не кажись, за версту обходи. Не простит издевки».

– А в городе вас часто били?

– Сначала часто, а потом подрос и не позволял пьяным клиентам над собой измываться.

От хозяина, конечно, доставалось под горячую руку. Но он за работу меня ценил. За троих я успевал. Вымахал к пятнадцати годам под два метра. И грузчиком, и официантом был, и гостей развлекал. Потом приметил меня один интеллигентный клиент. Пил он обычно мало. Слушал цыган, трубку курил, рассматривал людей. Так вот, говорит он мне как-то:

– Умный вы, молодой человек, а растрчиваете свою жизнь по мелочам.

– Кругом голодают, а я хорошо устроен. Чем плохо живу? – удивился я.

Стал он мне книжки носить. Читать-то я сам выучился по афишам в городе. В общем, вступил в партию. По заводам и ближайшим деревням агитационную работу проводил с народом. А потом этот человек предложил мне поехать в Москву учиться на доктора. Я как представил себе, что в своей деревне лечу простых людей, что меня все уважают – так и решился бросить сытую жизнь. И к тому же Москва – такой магнит! Далон мне бумаги, письма рекомендательные, из партийной ячейки документы выдали, и в шестнадцатом году попал я в Кремлевскую фельдшерскую школу.

– Так вы Ленина видели! – захохотала я в восторженном крике.

– Нет. Целый год учился, а Ленина не довелось встретить. Наверное, не по тем коридорам я ходил.

Дед встал и осторожно вытащил из шкатулки фотографию. На ней с фонендоскопом в руке сидел строгий, красивый, черноволосый молодой человек. На обороте фото стояла дата: тысяча девятьсот семнадцатый год.

– В тот год я чуть не погиб. Получил на руки диплом и стал готовиться к отъезду. В ту страшную ночь проснулся от треска выстрелов и криков. Моя койка была у самой дальней от ворот стены (спали во дворе). Спросонья, ничего не понимая, спрятался между стеной и кроватью. Свистели пули, падали солдаты. Большинство из них были в исподнем. Шел расстрел в упор. Дрожащей рукой стянул рубаху со спинки кровати, надел, нащупал документы в нагрудном кармане. До брюк не добрался. Сообразил, что под кроватью не спасусь. Страх обуял, какого в жизни не испытывал. «За что? Безоружных»? – стучало в голове. Кинулся на стену. Руки скользнули по известке, и я свалился на землю. За это время три пули слегка чиркнули меня: по плечу, руке и мягкому месту. И тут какая-то неведомая сила бросила меня через стену. Не помню высоты забора вокруг казармы. Знаю только, что в нормальном состоянии никогда не перемахнул бы его. Два дня бежал в полном оцепении непонятно куда. Когда достиг реки и остудился ледяной водой, пришел в себя. С трудом переплыл реку и отключился на берегу в камышах. Меня подобрала и выходила одна семья. Долго не мог вспомнить, что произошло со мной. Хозяйка, высушив мои размокшие документы, на всякий случай уничтожила партбилет. Я сначала погорячился, нашумел на нее, но она урезонила быстро: «Дважды конный наряд наезжал, так я сказывала, что племянник. Головой и сердцем слаб. Обошлось. Нас всех могли расстрелять». Позже из газет узнал, что в Кремле предательство было и кровавая бойня. Чудо ли, провидение ли, меня спасло, бог знает?

Дед откинулся на подушку и замолчал. Сон прикрыл усталые, в сине-розовых прожилках, сморщенные веки.

НА РАБОТЕ

Сегодня напросилась к деду на работу. Он оставил меня в своем кабинете, а сам ушел по срочному делу и долго не возвращался. Я заскучала. Открыла дверь и вошла в комнатку, отделенную высокой перегородкой от большого зала, в котором стояли люди с продуктами. Вижу: сидят три женщины в белых халатах. Лица неприветливые, сосредоточенные. Одна берет на анализ молочные продукты, вторая – мясные, третья – сладкие. На «молоке» сидит блондинка с ярко-красными губами, злыми голубыми глазами и презрительно-высокомерным лицом. К ее окошку подошла женщина, обвязанная шалькой поверх фуфайки, с белым передником на животе и протянула кувшин, забрызганный краской.

– Что за пятна? – брезгливо спросила блондинка, сузив глаза.

– Ремонт в доме. Недосмотрели.

– В него даже мочиться не захочется.

– Он внутри чистый.

– Забирай кувшин. Не дам разрешения на продажу.

– Милостиво прошу: на первый раз простите. С торговли живем, другой помощи нету.

Пожалейте. Одна пятерых рашу.

– Нет, – резко сказала блондинка, – мы обязаны следить за чистотой!

И отвернулась от окошка. Женщина, скорбно сжав губы, молча протянула плоский, толщиной в три пальца, круглый, как лепешка, кусок масла. Блондинка с силой воткнула в него блестящую трубку, поршнем выдавила кусок масла на тарелку, понюхала и вернула круг хозяйке. Та растерянно посмотрела на дыру.

– Неужели для анализа нужно столько масла? Сколько же вы его себе домой каждый день уносите? Мои дети масло никогда не видят. Хотя бы хлеба им купить, обувь. Еще утро, а у вас на столе тарелка уже полная, – сказала деревенская женщина с горечью, – не пойдет оно вам на пользу, у детей забираете!

И ушла. Толпа зло молчала. Блондинка безразличным голосом крикнула: «Следующий».

Теперь я поняла упреки Оли: «Хоть бы мяса немного принес. Твои тетки в сыру и масле купаются, а я в магазине все покупаю». Дед ответил тогда резко: «Не буду людей обирать. Хоть в этом я честен. А запретить не могу. Ты же знаешь, чьи жены у меня работают».

Я закрыла дверь и молча сидела в ожидании деда. Он пришел взбешенный. На ходу бросил: «Взятку предлагает. Мне! В Гражданскую бы встретился со своими грязными руками и грязными делами...»

Мне больше не хотелось приходить к деду на работу. Жалко его.

СОСЕДИ УЧАТ ЖИТЬ

Вышла во двор и увидела ободранных кошек. Появилась их хозяйка тетя Наташа. Халат, застегнутый на одну пуговицу, открывал морщинистую кожу на груди, замызганную нижнюю рубашку и тощие колени. Она собрала около сараев ржавые консервные банки, налила в них молока, покрошила хлеба, а потом мокрыми липкими руками убрала со лба торчавшие неровными клоками седые волосы. Меня передернуло. Я не могла похвалиться своей аккуратностью, но это было слишком даже по моим понятиям.

Ушла в другую часть двора. Там на лавочке сидела маленькая седенькая чопорная старушка в черном костюме. Вся такая прозрачная, изысканная, слабая. Все в ее одежде к месту: пуговички подобраны в тон воротнику и туфлям, хорошо заглаженные складки юбки расходились веером. Рядом восседала молодая высокая женщина в длинном цветастом халате и красных туфлях на очень высоких каблуках. На затылке из-под огромного яркого шарфа лохматым пучком торчали завитки рыжих волос. В позе – горделивость и надменность. Я слышала от Оли, что зовут ее Нина Бубнова. Хотела попасть в артистки. Не взяли. Второй год живет с бабушкой на пенсию отца-генерала и ждет богатого мужа. Но женихи не торопятся к ней.

Тетя Нина небрежным тоном позвала меня к себе. Ее манера обращения не понравилась мне, и я сделала вид, что ничего не слышала. Во второй раз она очень любезно обратилась ко мне. Я подошла. Тетя долго расспрашивала о моей жизни. В ее голосе звучало праздное любопытство и фальшивая доброта. Взрослые часто так разговаривают с детьми, поэтому я сначала не обиделась. Потом тетя Нина пригласила к себе домой. Мне очень хотелось посмотреть, как живет эта странная женщина, но я сомневалась, можно ли идти в гости к чужому человеку без разрешения взрослых? Заметив нерешительность, тетя Нина уверенно взяла меня за руку и настойчиво повела в свою квартиру. Такой красивой квартиры я еще не видела: большая, светлая. Темно-зеленые с золотым узором шторы – от потолка до пола. Огромная люстра под желтым узорным потолком. Темного дерева шкафы и стулья делали комнату таинственной. «Богатые», – мелькнуло в голове.

– Маша, подавай обед! – крикнула молодая хозяйка пожилой женщине деревенского вида. – А ты садись за стол.

– Не хочу, не проголодалась, – возразила я.

– Неприлично отказываться, – строго сказала тетя Нина.

Я нехотя взялась за ложку. Борщ был вкусный. Я все съела, помня слова деда Яши об «обществе чистых тарелок». Потом принесли компот. Ну, уж его-то выпьет любой ребенок, как бы ни был сыт! А на следующий день Оля отчитала меня. Я поняла, что нехорошо обедать по чужим квартирам. Можно позволять угощать себя конфетой, печеньем или еще какой малостью. Нельзя позорить свою семью, будто дома не кормят.

– Она насильно, заставила... невинными вопросами заманила меня в ловушку, а я не поняла, – испуганно бурчала я в ответ.

«Разве порядочно пользоваться тем, что ребенок чего-то не знает? Она хотела показать, что я детдомовская и не понимаю простых вещей? Какая ей польза от этого?» – недоумевала я.

С тех пор я стороной обходила эту часть дома. Но как-то заторопилась к друзьям и пошла коротким путем, через их калитку. А тетя Нина будто ждала меня и, поймав за руку, принялась допрашивать:

– Почему не здороваешься? Тебя плохо воспитывают?

Тут я не выдержала и «соскочила с тормозов»:

– Не буду здороваться с вами. Сами плохо воспитаны. Вы гадкий человек!

И убежала от нее. Но не от себя. Эх! Опять нагубила. Настроение испортилось. Со злости стала пинать куски щебня, разбросанные по двору. Идти к ребятам расхотелось. Но они сами нашли меня и потащили играть в казаки-разбойники. За игрой я позабыла неприятную встречу и, убегая от преследования «неприятеля», опять заскочила в свой теперь уже пустой двор, спряталась за открытую наружную дверь чужого коридора и затихла как мышонок, прижавшись к стене дома. Вдруг из квартиры Бубновых вышел мужчина в полосатой пижаме. Прикрывая за собой дверь, он увидел меня, неожиданно схватил за ухо и начал больно крутить. Я молчала. Тогда он рывкнул на весь двор:

– Зачем бегаешь по двору? Зачем шумишь? Воспитанные дети должны тихо сидеть на лавочке.

Я терпела, стараясь ни о чем не думать, чтобы не заплакать. Не видя реакции, мужчина потребовал отвечать на вопросы.

– Бросьте ухо крутить. Слух испортите, – процедила я сквозь зубы.

Мужчина (это был отец тети Нины) опустил руку, и я тут же отскочила от него. Меня трясло.

– Так вот, – сказала я, потирая разболевшееся ухо, – бегаем мы во дворе потому, что родители не разрешают уходить далеко от дома. Кричим на улице потому, что в квартире нельзя шуметь. Покажите место, где можно играть, и мы уйдем туда. Мы послушные...

Мужчина оторопело смотрел на меня. А я все больше распялялась...

Наконец он пришел в себя от моего монолога и сердито закричал:

– Я еще доберусь до тебя и твоих родителей!

– Не трогайте родителей! Я думала, что хоть вы, большой начальник, сумеете меня понять. Но для вас тоже главное наказать, не разобравшись. Вы сами не умеете воспитывать. Я не воровала борщ! Ваша дочь зазвала в гости и заставила есть, а потом позорила моих родителей перед всем двором, будто они меня не кормят. Я же верю людям! Я же должна слушаться взрослых! А она, оказывается, насмеялась надо мной! Дети честнее взрослых...

И убежала в соседний двор. В голове стучало: «Что будет, что будет?..»

Генерал не пришел жаловаться. Значит он все-таки хороший.

ЧТО ТАКОЕ «НЕПРИЛИЧНО»

Вышла во двор. Ребят нет. На лавочке сидит маленький толстый мужчина с закрытыми глазами и, подняв лицо к солнцу, блаженно улыбается. Присела рядом. Долго молчать скучно, и я спросила:

– Дядя, что вы тут делаете?

– Работаю, – вежливо ответил он.

– Бывает работа – сидеть на лавочке? Кем вы работаете? – уточнила я не менее вежливо.

– Начальником, – ответил мужчина, не открывая глаз.

– Странная работа. И вам деньги за это платят? – продолжила я расспросы.

– Платят, платят, – сердито сказал мужчина.

Чувствую, что заводжусь, но остановиться уже не могу.

– Я думала, что начальник должен сидеть за большим столом, много думать, много писать или ходить и указывать, что где не так, – пробормотала я растерянно.

– Уйди, девочка, не раздражай меня, – зло, медленно выговаривая слова, произнес начальник и страдальчески поморщился.

Вечером того же дня дед вернулся с работы сердитый и сразу, как взъерошенный петух, налетел на меня:

– Зачем наговорила глупостей Андрею Михайловичу? Какое тебе дело, за что он деньги получает?

– Должна же я знать, что вокруг меня делается, – бубнила я в оправдание.

– Что непонятно, спрашивай у меня или у матери.

Я тут же воспользовалась разрешением:

– Что плохого в том, что я спросила о его работе и зарплате?

– Это неприлично, – ответил дед.

– Что значит: неприлично? Ему есть что скрывать? Он делает что-то плохое?

– Хватит, хватит! У меня голова от тебя болит. Запомни: не приставай к людям. Им своих забот хватает. Они не обязаны отвечать на твои глупые вопросы. Наблюдай, запоминай, а потом с возрастом поймешь, что хорошо, а что плохо.

– Хочу быстрее разобраться, – упиралась я.

– Знай то, чему в школе учат, а остальное – дело взрослых! Поняла? – вспыхнул дед.

Я чувствовала себя щенком, которого ткнули носом в будку и потребовали не высываться.

В ПОЛИКЛИНИКЕ

Подходим с дедом к поликлинике. В нескольких шагах от крыльца стоит дядя с палкой в руке и заставляет мальчика лет шести сделать на газету по большой надобности. У мальчика не получается. Он смущается под взглядами детей и взрослых, жалобно умоляет отца отпустить его или уйти куда-либо подальше. Тот непреклонен.

– Папа, прогоните дядьку. Зачем он сына мучает? – прошу я.

Дед сердито забурчал:

– Детей заводят, а обращаться с ними не умеют. Как можно такому отцу ребенка доверять? На всю жизнь сына больным сделает, а потом еще врачей винить станет.

Дед решительно отвел мужчину в сторону, сделал короткое внушение и вернулся. Я только услышала его жесткое: «Как врач требую...»

– Папа, а какая болезнь может появиться у мальчика? – спрашиваю я.

– И недержание мочи, и неврозы всякие. Ребенок панически боится отца. Это ненормально, – грустно ответил он.

Пока сидели в очереди за справками в школу, дед рассказывал мне случаи из своей врачебной практики. Рядом с нами присели две женщины с сыновьями. Ребята ушли в угол коридора играть с машинкой, а мамы продолжили ранее начатую беседу:

– Дали в детском садике задание нарисовать человека. Саша изобразил два прямоугольника, четыре палки-конечности, и на каждой руке по пять пальцев старательно вывел. Молодая воспитательница говорит мне: «Мало с ребенком занимаетесь. Примитивный он у вас». Я опешила. Спрашиваю: «Откуда такое заключение?» «Ну, как же, – говорит, – на рисунке совсем нет деталей. Где уши, глаза? Ребенок невнимательный и к тому же без фантазии». Я не стала спорить, подозвала сына и спрашиваю: «Объясни, дорогой, почему ты так странно изобразил человека?»

– Разве я что-то забыл? Вот голова, вот тело, вот руки.

– А где уши? – уточняю.

– Так ведь голова же есть! Она все содержит, чтобы видеть, слышать, говорить, думать. Я и мозги должен рисовать? – удивился сын.

– А почему пальцы нарисовал? – допытывалась я.

– Мама, как же он без них работать будет? Без пальцев даже гайку не закрутишь, – серьезно объяснил мне Саша.

Мой дед обратился к молодой маме:

– Великолепный образчик абстрактного мужского мышления! У Вас, мамаша, талантливый ребенок! Сколько ему?

– Шесть скоро будет.

– Наверно и читать, и считать уже умеет?

– С трех лет.

– Берегите «народное достояние», – улыбнулся мой дед.

– Спасибо Вам на добром слове. Представляете, вчера в поликлинике участковый доктор тоже мне выговор сделала. Говорит: «Отправлю вашего ребенка в школу для слабоумных. Он у вас не знает, как маму зовут, и где проживает». У меня даже слезы от обиды выступили. Зачем при ребенке такое говорить? Вышли мы из поликлиники, а сынок мне шепчет: «Мама, я с грубой тетей не мог говорить, но я не глупый». Я и сама знаю, что умный. Сестричка вслух решает задачки за второй класс, а он ей сразу ответы говорит. Она изложение пишет, он и тут свои варианты предлагает. Моим студентам на самоподготовке подсказывает. Как-то захожу в лабораторию и слышу, как Саша возмущается: «Опять не выучил? Куда поляроид ставишь? На него свет должен падать». Рассмеялась, конечно. По субботам садик не работает, вот и приходится ребенка с собой на работу брать. Он спокойно ведет себя. Иногда паяет. Правда, раз короткое замыкание устроил. Вскочил, выключил рубильник, за шум извинился. А дочка приборов не замечает и использует их только как подставки для книг, когда уроки делает в моей лаборатории. Оба умные, но по-разному. Вот как-то сынок услышал передачу про самолеты. Так потом такие «теории» стал преподносить, что я только удивлялась. И ведь не глупости говорил, разумно обобщал, дополнял. А они ему... «слабоумный», без фантазии. Я для сравнения отыскала дочкины детсадовские рисунки. А там и впрямь все на месте – и бровки, и реснички, и даже ямочки на щеках. Значит, для нее важны эти детали рисунка, она видит в них

смысл, поэтому и рисует. Хорошо, что врач при Саше такое сказала. Он у меня с юмором, и воспринял заявление доктора как неудачную шутку. А мнительного ребенка такие слова могли бы привести к трагедии... Нельзя детям клеймо ставить.

– Учителя и врачи перегружены сверх всякой меры. Отсюда и формальный подход к детям, – попытался заступиться мой дедушка. – Вот поэтому индивидуальный подход к больным вырождается в индивидуальные пристрастия врачей к определенному виду лекарств. Один предпочитает анальгин при головной боли приписывать, другой всем советует цитрамон, вне зависимости от общего состояния больного. Некогда врачам внимательно изучать истории болезней при большом количестве больных у дверей кабинета.

Вдруг он резко встал и подошел к женщине, ожидавшей хирурга.

– Мамаша, вы давно здесь сидите?

– Уже час.

– Врача нет?

– Есть. Но к ней зашла знакомая с медсестрой из соседнего кабинета.

– С чем вы?

– Живот у дочки болит.

– Почему он такой большой?

– Там грелка. Ей легче с нею.

– Уберите, пожалуйста, грелку. Не бойтесь. Я доктор.

Женщина помедлила, но подчинилась. Дед нажал в паху. Девочка вскрикнула.

– Срочно вызывайте «скорую»!

– Да как же без доктора? – засомневалась мать.

Дед без стука ворвался в кабинет и, увидев на столе туфли и кофточки, грозно закричал:

– В коридоре ребенок в тяжелейшем состоянии. Займитесь больными, иначе сейчас же в горздрав сообщу! Из-за таких, как вы, больные обо всех медработниках начинают плохо думать. Не позорьте звание врача!

Я никогда не слышала, чтобы дед так резко разговаривал, да еще с женщинами. Он присел на стул и достал из внутреннего кармана пиджака лекарство.

Девочку увезли, мне дали справку, а дед еще долго сидел молча и тяжело дышал. Потом мы медленно пошли домой. По дороге встретили сухонького невысокого мужчину неопределенного возраста с палочкой в руке. Они дружелюбно поговорили. Дед похвалился ему:

– Дочка моя. Медициной интересуется.

Когда они расстались, дед рассказал:

– Доцентом в институте работал. Теперь ему девяносто лет. Прошлым летом в своем саду с яблони свалился, ногу сломал. Неуемный. Compliments женщинам дарит, цветы. Живет – не существует. У него теперь три заповеди в жизни: с утра настраиваться на добрый лад, мало есть и много работать, но знать во всем меру. Умница. Сильная личность. Сейчас у нас в городе новое поветрие – по утрам бегать. Но ведь каждому овощу свое время. Дико смотреть на бегущих по парку стариков. Где у них разум, мудрость? Как мальчишки моде подчиняются.

Дед добродушно улыбнулся. Я успокоилась. Раз улыбается, значит отлегло.

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

Зашли с дедом в гастроном. Он что-то выбирал на ярко освещенной витрине прилавка, а я, как всегда, разглядывала людей. Вдруг мое внимание привлекли два странных молодых человека. Одеты они были не по сезону: в черных до пят шинелях с блестящими серебряными пуговицами и в черных форменных фуражках. Еще издали заметила, что они чему-то улыбаются. Приблизилась. Вдруг один из них подхватил меня на руки и так крепко прижал к себе, что я не могла вздохнуть.

– Боже мой, Коля! Витя!

Я обняла их по очереди, потом обоих вместе.

– Тебя нашли родители?

– Да! Правда, они не совсем родители и старые, но я теперь домашняя. У меня все хорошо.

– Какая ты теперь! Прелесть!

Я покрутилась перед ними, демонстрируя белый бант и голубое в белый горошек платье.

– У меня даже сандалики голубые под цвет платья. Так положено носить, – с гордостью сообщила я друзьям.

– А вы где теперь? В ремесленном? Вы такие взрослые, почти дяди. Ой, как я рада вас видеть. Расскажите про себя.

Сердитый голос деда позвал меня:

– Где ходишь? Я уж думал, ты потерялась!

– Папа, это мои старые друзья, – радостно сообщила я. – Они очень хорошие.

Разрешите нам поговорить.

Дед критически оглядел ребят и резко сказал:

– Марш домой. Мать ждет.

Мне было неловко. Ребята смущенно переминались с ноги на ногу. Дед потащил меня за руку через весь торговый зал.

– Мы еще встретимся и поговорим. До свидания, – взволнованно кричала я друзьям.

А они махали мне и вытирали лица ладонями.

Когда мы зашли в другой отдел магазина, дед раздраженно сказал:

– Нечего водиться с бандитами.

– Они не бандиты. Они хорошие. Глаз и руку им поранила бомба. Вы же видели, они учатся в ремесленном, – защищала я мальчишек.

– Вздорное утверждение. Забудь про старую жизнь и все, что с ней связано, – жестко приказал дед.

– Я не буду вам говорить про них, но помнить буду, – хмуро засопела я.

Надо признаться, эти слова у меня вырвались совершенно случайно, неожиданно для меня. Я не хотела возражать и сама была удивлена своей смелости.

– Плохо, если ты осталась при ошибочном мнении, – сердито забурчал дед и пошел в кассу, а я осталась уныло глядеть на витрину.

И вдруг услышала, как приятный женский голос произнес:

– Много ли надо детдомовцу? Приласкай его, и он – твой. И каждое твое слово будет для него верным, главным. Ловятся, бедняги, на ласку хитрых, непорядочных людей. Доверчивы сверх всякой меры, патологически наивны – в этом их беда.

– Откуда вы знаете, что они детдомовские? – спросила я удивленно.

– У них на лицах написано, – ответила интеллигентная не только в одежде и речи, но и в движениях, старушка.

– И у меня написано? – с тревогой спросила я.

– Глаза у тебя грустные. Ничего, если сердце оттает, то и глаза заулыбаются.

– Они сейчас у меня собачьи?

– Откуда у тебя такое выражение?

– Один мой знакомый профессор в шутку так сказал. Только он теперь в другом городе. Я с его дочкой очень дружила.

– Помни хороших людей, девочка.

– Всю жизнь буду помнить, – уверенно ответила я и с благодарностью посмотрела на старушку. Она понимала нас, детдомовских.

Теперь, как только появлялась возможность, я прибегала к гастроному в надежде увидеть ребят. Но проходили дни, недели, а моя мечта не осуществлялась.

Неужели они не понимают, что я жду их? Наверно, их перевели учиться в другой город или послали работать. Если бы они остались здесь, то обязательно нашли бы меня! Эх, дед, зачем увел меня тогда?

ДЯДЯ КОЛЯ

На днях к нам должен приехать внучатый племянник деда. Он только что закончил служить в армии. Я представляла, что появится высокий красивый молодой человек в военной форме и военной фуражке: таких видела на плакатах в городе.

И вот он приехал. Вошел невысокого роста, крепкого сложения, темноволосый, голубоглазый молодой человек в светлой рубашке и черных брюках. Он мне сразу очень понравился, потому что излучал много радости. В нем было столько приветливости! Меня он схватил в охапку и сказал:

– Так вот какая моя маленькая племянница! Ты просто прелесть!

– Вы тоже прелесть, – ответила я, немного смущаясь.

Мои слова привели его в восторг и понравились деду. Мы не отходили друг от друга три дня. Дядя Коля носил меня на плечах, водил в кино и цирк. Можно было подумать, что он приехал ко мне, а не к деду. Потом дядя Коля оставил нам свое фото и уехал к своим родителям в деревню. А я подумала, что мой дед тоже прелесть. Его любят дети. У него талант такой. К примеру, в воскресенье в парке он заговорил трехлетнего мальчика, увел от матери и целый час малыш не отходил от него, пока мама не хватилась. Дядя Коля весь в деда.

Теперь, когда мне бывает очень грустно, я беру его фото и шепчу добрые слова. Иногда просто прячу карточку в карманчик платья и ухожу во двор, а возвращаюсь с хорошим настроением.

ФАБРИКА

Двор наш узкий и грязный, потому что нет асфальта. Напротив дома длинный ряд «заштопаных, латаных-перелатанных» сараев. В конце двора туалеты, к которым даже в сухую погоду неприятно подходить из-за запахов от ящиков с отбросами. В подвале дома размещается фабрика по изготовлению ваты. На ней работают глухонемые. Я попросила одного дядю с добрым лицом показать фабрику. Он взял меня за руку и открыл двойную железную дверь. Я сразу оглохла от страшного шума и скрежета огромных машин, но, заткнув пальцами уши, мужественно двинулась между рядами высоких грохочущих машин. Рабочий крепко держал меня за плечо и, улыбаясь, показывал рукой по очереди на тюки тряпок и ваты, на машины. В помещении было душно, воздух насыщен пылью и волокнами тканей. У меня зачесалось в носу, запершило в горле, и я попросилась назад. Когда мы поднялись наверх, грохот еще некоторое время стоял в ушах. Как же там работают бедные женщины? Разве тряпки на лице спасают их от пыли? А они еще и улыбались, глядя, как я изумленно тарашу глаза.

Посещение фабрики произвело на меня неизгладимое впечатление. Вечером рассказала деду об экскурсии.

– И все-то ты нос суешь, куда не надо! Ты же девочка. Зачем как хулиган по подвалам лазаешь? – раздраженно сказал он.

– Так ведь интересно! Теперь я знаю, как делают вату, ту, что в одеяле. Только жалко рабочих. Папа, а людям, живущим на первом этаже, шум мешает жить? У них, наверное, пол дрожит?

– Да, вибрация на первом этаже сильная. Жильцы просят переселить их или фабрику закрыть, но пока у города нет такой возможности, – вздохнул дед.

После «экскурсии» на фабрику я подружилась с рабочим дядей Славой. Он один разгружает и загружает машину. Лицо, шея и руки у него всегда серые. Только глаза и белые зубы блестят. Как-то, отправив машину, он устало сел на лавочку и показал мне, что хочет пить.

Я принесла компоту. Дядя Слава жадно пил, потом оторвался от кружки и, широко улыбнувшись, показал мне: «Здорово! Очень вкусно, спасибо!» А потом отвел меня подальше от окон, где жил начальник, и дал несколько ярких лоскутков вязаной ткани. «Из этого кукле платье сделаешь, а эти, вязаные, распустишь и будешь учиться вязать», – пояснил он мне.

Мы оба радуемся нашим встречам. Нам просто приятно оттого, что мы видим друг друга.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Очень шумно живут люди в третьем подъезде в коммунальных квартирах. Отчего чуть ли не ежедневно с воплями вылетают из этих коридоров дети и женщины? Каждый раз причины вроде бы были разные, а сценарий один. Двор оглашается отборной руганью, и я стараюсь поскорее укрыться в своем подъезде. В головы соседей летит не только мат, но и сковородки, стулья, керосинки.

А сегодня я увидела странную картину: Витькина мама носила по двору сына, завернутого во влажную простыню. Намаевшись, она садилась в тень сарая и причитала:

– Витенька, сыночек мой дорогой. Да что же с тобой приключилось? За что несчастье на мою голову? Любимый мой. Господи, спаси...

Ее душераздирающие крики зависали в воздухе дотемна. Оказывается, с Витей случился солнечный удар. Температура – сорок градусов. Обмяк бедный, в сознание не приходит. Бредит. Я удивлялась перемене в его матери. Вчера стегала сына ремнем за то, что он без разрешения стащил пирожок прямо со сковородки. Полдня неслись из квартиры обещания содрать кожу, убить сына, а сегодня белугой ревет только из-за того, что он заболел. Так сама же виновата. Вечно Витька гоняет по двору без панамки.

Я с любопытством смотрела на бледное лицо мальчика. Оно очень изменилось: вечно грязное и нагловатое, теперь выглядело, измученным, несчастным. Голова болталась на тонкой шее, и все время скатывалась с плеча матери. Безжизненные руки висели как веревки. Мне стало жалко и его, и мать. Значит, любит его? Как же можно любить и стегать да еще с позором, перед всеми? Не могу понять взрослых! За что была? Был бы сыт, не стащил бы этот злосчастный пирожок. Плохо сделал. Так ведь не от баловства. А может, у нее денег не хватает накормить сына?

Через два дня Витя ожил. Я вышла погулять. Спрятала под майку два куска хлеба и ожидаю Витьку. Когда он поравнялся с нашим коридором, я тихо позвала его. Витя небрежно спросил:

– Какого черта?

Я протянула ему кусок хлеба:

– Давай вместе есть.

Он обалдело глянул на меня и отступил на несколько шагов. Вдруг выражение его лица сменилось на злое, и он кинулся на меня с кулаками. Я метнулась вверх. Он догнал и неожиданной подножкой спустил меня с лестницы. Я сидела в пыли и думала о том, что скажет Оля, увидев грязное платье. Витька умчался. Ко мне подбежала немая тетя Маня и, размахивая кулаками в сторону моего обидчика, зажестикувала:

– Сейчас его мамаше скажу...

Я перебила ее, показав, что сама упала. Оступилась. Она удивленно и неодобрительно покачала головой, объясняя: «Наказывать надо хулиганов, чтобы неповадно было».

Дома обмыла рану с мылом и попросила извинение за грязное платье. Конечно, мне было больно, но виду не показала. Оля растерянно смотрела, как я спокойно промокаю бинтом кровь. Она от испуга даже не спросила, что со мной случилось, только за зеленкой кинулась.

А я небрежно сказала:

– Заживет как на собаке. Папе не говорите.

И все было бы хорошо. Только никак я не могла понять, за что Витька на меня накинулся? Я же хотела ему помочь. «Каждый детдомовец спасибо сказал бы за лишний кусок хлеба, да еще сдобного. Странные эти домашние, доброты не понимают. Чем его разозлила?» – мучительно соображала я. Но ничего не приходило в голову.

Вечером того же дня я совершала обычный обход знакомой территории. Смотрю: Витька изображает на тротуаре и стенах домов единственное слово, которое научился писать. Я стала ходить за ним и мелом исправлять первую букву. Одной черточкой матерное слово превращала в нормальное. Я была очень довольна собой, ведь делала доброе дело в воспитании мальчишки и в «украшении» улицы!

Витька, застав меня за этим занятием, удивленно сказал:

- Видел дур, но такую – в первый раз.
- От дурака слышу, – парировала я обиженно.
- А ты дура в квадрате.
- А ты – в кубе, – быстрехонько нашлась я.

Витька растерянно замолчал.

И что плохого в том, что дурак в квадрате или в кубе! Почему так говорят, когда ругаются? Нарисовала мальчика и обвела квадратом. Потом изобразила ребенка в кубике. Ничего особенного. Первый вроде как в окно глядит, а второй – будто находится в прозрачном, стеклянном ящике, как рыба в большом аквариуме.

Витька стоял рядом и разглядывал мои рисунки.

- Что это? – спросил он.
- Эта фигура – квадрат. А эта – куб.
- Тебе так в школе объясняли?
- Нет, еще раньше.
- В детсаду?

Я промолчала.

– Я тоже на следующее лето пойду в школу, – грустно сказал Витя.

Тут его позвали друзья, и он с радостным криком умчался.

КОСТЯ

Во дворе появился новый мальчик. Он москвич, приехал в гости к Бубновым. Костя мне ровесник, но по поведению кажется более взрослым. В нем присутствует какая-то непонятная уверенность в себе. Он всегда знает, чего хочет и добивается своего. В нашем дворе единственный велосипед – у Владика, и на нем катаются все с разрешения его родителей, но недолго и недалеко. На этот раз очередь была Вити, но Костя твердо сказал:

– Я вне очереди, потому что гость вашего двора.

Возразить было нечего. Костя забрал велосипед, пропал на целый день и появился во дворе только утром. На лице не было ни волнения, ни раскаяния. Постучал в дверь квартиры Владика и, когда мама вышла, голосом, не терпящим возражений, как взрослый сказал:

– Прошу извинить, обстоятельства выше меня. Спасибо за велосипед. До свидания.

Мама Владика от командирского тона оторопела и, ничего не ответив, покатила велосипед в коридор. Костя произносил вежливые слова решительно, как будто давил ими. Он заканчивал разговор. Он ставил точку. Я представила себе, как извиняюсь за что-то, потом выслушиваю град обвинений, кучу нотаций и со слезами, с еще большим чувством вины ухожу домой. Он же, казалось, вины никогда не чувствовал. И чужие заботы его не трогали. «Это ваши проблемы», – говорил он. В любой игре он становился лидером, действуя напористо, резко. Иногда мы даже не успевали сообразить, как он уже командовал нами. Ребята пытались не брать его в игру, ставили своих ведущих, но проходило немного времени и опять Костя был

среди нас, во главе нас и устанавливал свои правила игры. Мы злились, но ничего поделать не могли.

– Семья его так воспитывает, чтобы он тоже генералом стал. Видишь, сколько уже сейчас в нем твердости, умения говорить с людьми. Он не позволяет другим высказываться, хотя вроде бы рот не «затыкает» грубыми словами, культурно ведет себя. Ох, боюсь, из него такой «хлыщ» вырастет, что тяжело от него будет и солдатам, и его родным. У него нет преград – жалости, доброты. Только его желания важны ему, – сказала как-то тетя Вера подругам, сидящим у дома на скамейке.

А в последний день пребывания Кости я наблюдала странную сцену. Моя подруга Нина позвала его собирать ягоды в овраге, что за три улицы от нас. С присущей ей ребяческой манерой она хлопнула Костю по плечу. Он удивился фамильярному обращению, но стерпел. А дальше было еще интересней. Нинка решительно обняла Костю за плечи и, о чем-то восторженно рассказывая, потащила за собой. Такой естественно-растерянной, обескураженной физиономии, я еще ни у кого не видела! По лицу было заметно, как усиленно думал Костя. Оттолкнуть девчонку? Сказать что-либо презрительно-унизительное? Он прокручивал в голове варианты и все время оглядывался. Наверное, в данный момент для него было главным, чтобы его никто не видел в таком неожиданном, непонятном положении. Лицо Кости покраснело от смущения, но руки Нины он не сбросил. А она не замечала борьбы его чувств. Ей все равно с кем проводить время, лишь бы не быть одной. А вечером он сам пришел играть к ней домой. Почему? Чем она ему интересна? Меня это задело. Непонимание злило.

САПОЖНИК

Бегу к знакомому сапожнику. Он живет на краю города. Руки у него золотые и нрав добрый. Я с удовольствием хожу к нему. Сапожник – глухонемой. Я немного понимаю язык жестов, и он рад этому. Когда я первый раз удивилась его ценам, он объяснил: «Ко мне приходят, в основном, из ближайшего села. А откуда у деревенских деньги? Трудодни да палочки получают в колхозе. Чем их отоварят и когда – один бог знает. А продукты еще продать надо, чтобы макароны, обнову, чай купить».

Если я чего-то не понимала, сапожник старательно выводил на клочке бумаги крупными печатными буквами слова, объясняющие незнакомый мне жест. Почему многие считают его нелюдимым? Когда я прихожу к нему, улыбка разглаживает морщинки на бронзовом от загара лице. У глаз то появляются, то исчезают светлые лучики незагорелой кожи. Я как-то ему показала, что он человек «во!» и что руки у него растут как надо, так он мне не только починил обувь, а еще почистил цветными кремами. Я смутилась, стала думать, сколько надо еще доплатить, ведь лишних денег у меня не было, под обрез давали. Но он понял мое волнение, похлопал по плечу и показал: «Я для своего и твоего удовольствия сделал»...

Дядя Ваня (точнее сказать Джованни) встретил меня как всегда приветливо. Мы сели на крыльце. Он принялся показывать мне различные образцы кожи и объяснять какие, где лучше использовать. «Когда пальчики окрепнут, научу тебя своему ремеслу. В жизни пригодится», – серьезно, но ласково «сказал» он. Я утвердительно кивнула, забрала ботинки и попрощалась. По дороге несколько раз оглядывалась и махала рукой до тех пор, пока одинокая худая фигура совсем не скрылась из виду.

КУКЛЫ

Дядя Слава такой большой! Я задираю голову, чтобы увидеть его лицо. Один раз он посадил меня на широкую ладонь и поднял. Наши глаза оказались на одном уровне. Я провела ладошкой по его красиво изогнутым черным бровям, по кудрявым смоляным в серой пыли и вате волосам. Он улыбнулся, приподнял меня над головой, а потом стремительно опустил на землю. Я почувствовала себя совсем маленькой.

Каждый раз, увидев меня, дядя Слава с улыбкой достает из кармана красивый лоскуток и показывает:

– Кукле на платье.

Но куклы у меня нет. Оля купила целлулоидную (пластмассовую) уточку, поставила на книжную полку и не дает играть. А зачем тогда покупала? А может, и правда, научиться вязать? Попросила у Оли спицы. Она показала, как делать петли и предложила вязать носки. Я быстро освоила лицевые и изнаночные петли, но когда дело дошло до вязания сразу на четырех спицах, у меня перестало получаться. Петли соскакивали то с одной, то с другой спицы. Не вышло держать четыре спицы и одновременно пятой делать новые петли. Оля сердилась на мою неловкость. А я злилась на себя и на нее.

– Не могу я за один день научиться вязать. Буквы в школе каждый день пишем, а они все кривые и кривые, – бурчала я, пригнув голову.

– Руки у тебя кривые, – сказала Оля и ушла во двор.

Я еще немного «поковырялась», потом, окончательно запутавшись в «утерянных» петлях, бросила спицы на стол. Но яркие лоскутки все время напоминали о словах дяди Славы, и я решила попробовать сшить куклу. Самым трудным, оказалось, вставлять нитку в иголку. Нитки я взяла тонкие, а иголку с самым большим ушком. Долго целилась, но кончик нитки все время изгибался и не хотел пролезать в отверстие. Руки устали, и я все чаще и чаще промахивалась. Тогда я воткнула иголку в разделочную кухонную доску. Теперь иголка не дрожала, и я достаточно быстро вдела нитку в ушко. Шить оказалось просто. Свернула лоскуток трубочкой и прошила вдоль края крупными стежками. Рука готова. С головой еще проще. В белую тряпочку положила кусочек ваты, а края материи сшила в месте, там, где должна быть шея. В общем, пока Оля прослушала в доме напротив скандальную историю о разводе какой-то семьи, я сшила себе мягкую куклу, нарисовала ей лицо и обрядила по всем правилам в брюки, рубашку и шапочку. На следующий день я принялась шить новую куклу. Подружку. Но Оля возмутилась:

– Хватит с тебя одной.

Ну и ладно, обойдется без подружки. Сошью ему друга-кота. Его-то мне не запрещали делать. Коту пришила глаза-пуговицы и раскрасила полосками тело. Ушки-треугольники получились великолепные! Но усы из ниток никак не хотели торчать и уныло опускались вниз, придавая коту грустно-смешной вид. Увидев мое очередное «творение», Оля зашумела:

– Хватит фабрику устраивать. Не квартира, а склад хлама!

Я послушно положила иголку на место.

СТРАННЫЙ ТЕАТР

Проснулась. На улице ослепительно светло. Хрустальный воздух золотится в лучах восходящего солнца. Вдали вчерашняя вечерняя сталь реки сменилась ярко голубой лентой. В низинах туман белыми островками покрывает водную гладь, размывая линию берега.

Пока Оля спит, мне захотелось прогуляться по парку. Потихоньку выбралась из квартиры. Иду, а утреннее солнце движется со мной, мелькая между ветвями, пересчитывая стволы. Многие деревья сильно наклонены в одну сторону, и только кряжистые дубы стоят прямо и гордо, раскинув мощные ветви. Новая волна одуванчиков заполонила газоны. Неделя дождей разбросала по влажной земле шарики дождевиков. Солнечные зайчики сделали асфальт пятнистым.

Добралась до берега грязной речушки. Дед называет ее помойкой. Наклонилась над ромашкой. Осторожно поймала пчелу за крылышки. Она извивается полосатым брюшком, пытается ужалить меня. Травинкой перебираю лапки насекомого. Где оно берет силы так часто махать крылышками? Я раз двадцать подниму руки, и больше нет желания продолжать зарядку. Было бы здорово иметь способности разных животных, птиц, насекомых!

И почему человек сразу не рождается умным? Собака заболевает, так ее никто не учит, а она знает, какую ей траву надо съесть, чтобы вылечиться. Один раз видела, как бедняжке судорогой сводило живот. Она ползком добралась до забора и принялась обнюхивать бурьян. Наконец выбрала травку, пожевала и тут же уснула. А наутро уже весело бегала по заднему двору детдома. А я, если заболею, то не знаю, как лечиться. Я глупее собаки? Это же неправильно! Я должна знать все, что умеют животные, а потом уже учить свое – человеческое.

Подошла к небольшому красиво раскрашенному деревянному летнему домику. Около крыльца толпились дети постарше меня, а в тени, на траве, сидели взрослые. Вышел молодой мужчина с очень выразительным живым лицом. Черные кудрявые волосы, усы, борода, черные крупные чуть навывкате глаза. Лицо его не столько приветливое, сколько внимательное. Не успела приблизиться к нему, как вместе с толпой оказалась в большой светлой комнате. Когда взрослые сели на деревянные лавки, свободных мест не осталось. Я пристроилась на полу у деревянного помоста.

Задернули шторы. Раздалась тихая музыка. Двое детей вышли на сцену и стали молча, одними движениями, что-то изображать. Я сначала никак не могла сообразить, что там происходит. Но в какой-то момент, по тревожно нарастающей музыке и резким движениям детей, играющих на сцене, вдруг почувствовала трагедию. Они ссорились, что-то друг другу доказывали, чего-то требовали. И, хотя дети были одеты в одинаковую, обтягивающую тело черную одежду, я поняла, что это мужчина и женщина, что они взрослые и, наверное, – семья.

Передо мной проходили люди, с разными, в основном, грустными историями жизни. Лица, руки, движения тел артистов были выразительны, каждый их жест проходил через мое сердце. Мне казалось, что дети понимали и переживали беды взрослых в сто раз сильнее самих взрослых. Они умирали, ссорясь во время развода. Их чувства погибали вместе с ними или поднимались на высоту рая в счастливые моменты любви, сострадания. Я чувствовала, будто меня касается рука любящего, страдающего, молящего о прощении человека; видела, как женщина негодуя, возмущенно отталкивает партнера, не веря, не принимая, не прощая.

На сцене черные как тени силуэты. Он, она и несчастье. Он, она и любовь. Музыка звучит то очень тихо, то чуть громче – в зависимости от действий, происходящих на сцене, но напряженный трагизм ее не исчезает. Он берет мое сердце в тиски и медленно, мягко отпускает, жалея струны моей души. Но я все равно не успеваю полностью расслабиться от одной истории к другой, поэтому сжимаюсь и сжимаюсь в пружину. Глянула в зал. Женщины (их было большинство) плакали. Пружина лопнула. Я тоже залилась слезами и тихонько, на коленках, выползла из домика, чтобы выплакать боль несчастных семей и свою боль.

Когда все разошлись, ко мне подошел руководитель.

– Я заметил тебя. Можешь рассказать свои впечатления?

– Могу, – тихо ответила я.

Он внимательно слушал и что-то очень быстро записывал.

– Ты плачешь, когда звучит похоронная музыка?

– Да.

– Ты провожала кого-нибудь из родных в последний путь?

– Нет. Я детдомовская.

– Значит, раненая. Послушай, так я записал твой рассказ?

«Дети играли трагедии взрослых. Они просили взрослых понять их, вспомнить себя, вернуться к своим сердцам. И, глядя на них, взрослые в зале, наверное, увидели свою жизнь иначе. Может, они задумались на миг, как тяжело детям видеть своих родных в их ничтожестве, в слабостях? Ноют сердца и страдают их души. Детям хочется гордиться родителями, любить радостно, а не с тоской и жалостью. Взрослый мир – мир безрадостной суеты, ежедневных забот. Взрослые! Оставайтесь немного детьми, вспомните, как нужны нам и вам яркие минуты, всплески радости и просто ежедневное тепло, добрые взгляды, поддержка. Как больно нам от

резких, грубых слов, звучащих из-за мелочей. Остановитесь, оглянитесь вокруг! Мы любим вас. Я бы не хотела еще раз попасть в ваш театр. Страшно тяжело, когда твоя боль складывается с болью других. Впечатление ничем невозможно смягчить, ослабить. И носить в себе слишком тяжело. Спасительные слезы – лекарство Всевышнего. Только они всегда со мной».

– Я правильно понял тебя? – спросил руководитель, уставившись на меня внимательным, но твердым взглядом.

– Да. Только не надо показывать такие спектакли детям.

– Я подумаю, – с улыбкой ответил незнакомец.

– Дядя, почему во втором детдоме мне жилось лучше, а я о нем меньше думаю?

– Значит, в первом больше твоей души осталось. Там происходило воспитание твоих чувств болью и радостью. В большей степени болью. Ваши души там оттачивались и покрывались слезами-жемчужинами своей и чужой боли. А у некоторых они чернели, становились гладкими, ничего не воспринимающими, не понимающими. Так?

– Да, но для меня радость важнее. Вот мой друг Толян был как я, а потом, защищая маму, смог ударить бутылкой... Он хотел добра, а получилось зло. Я не понимаю этого. Как сделать, чтобы вокруг не было плохого?

– В людской природе зло неистребимо. Его можно только уменьшить.

– Неправда! Не говорите так! Зачем тогда жить?

– Чтобы бороться со злом.

– Глупо сначала его делать, а потом с ним бороться.

– Милый, добрый человечек, тебе надо в монастырь.

– Не хочу в монастырь.

– Пойдешь ко мне в театр?

– Нет, потому что все время буду плакать.

– Ничего, в спектакле это тоже нужно.

– Я на самом деле буду плакать и сорву представление. Я не смогу играть, у меня всегда все всерьез.

– Это и хорошо.

– Все равно не пойду. Вы не добрый.

– Я добрый, но не добренький. Сам к добру шел через боль. Все познается в сравнении.

Познав горе, человек лучше ценит добро.

– Или становится жестоким.

– Ты любишь стихи? – незнакомец перевел разговор, видя, что я завожусь.

– Да, – уже спокойнее ответила я.

– Срифмуй что-либо.

– Нет настроения. Когда-нибудь напишу про ваше красивое лицо.

– Почему про лицо?

– Про другое не могу. Я не понимаю вас.

– Может, все-таки пойдешь ко мне в театр? – снова предложил собеседник.

– Нет, – возразила я, недовольная его настойчивостью.

– Почему?

– Я говорю бестолково. Запишите по-своему. У вас здорово получается.

И он записал мое сбивчивое, нервное объяснение коротко: «На сцене дети жили болью взрослых, болью за взрослых. Что чувствовали они, играя спектакль? Играли? А что, если каждый раз через душу, через сердце? Так ведь с ума не долго сойти? Господи! Позаботься об их душах. Убереги их».

– Теперь вы меня поняли, – сказала я и медленно пошла вдоль берега.

Потом оглянулась. Станный дядя смотрел на дорогу, по которой я шла. Мне очень хотелось вернуться, но «чудик» внутри меня говорил: «Нельзя». И я послушалась.

Дома никого не было. Я залезла под диван, достала свои драгоценности. Надела Витину пилотку, завернулась в плащ бабы Мавры, положила на колени подарок Ирины и размечталась, до мельчайших подробностей представляя себе встречу с друзьями.

Я снова в царстве белых облаков, в царстве счастья...

МАТЬ ГЕРОЯ

Витек, мне живется хорошо. Только здесь выходить на улицу надо в чистой и глаженной одежде. Трудно привыкнуть мыть руки, ноги, не пачкать платье, но я стараюсь.

Детей во дворе много. Целыми днями играем в карты «до потери пульса» или гоняем по улицам в казаки-разбойники. Вроде все здорово. Но что-то не нравится мне в этих развлечениях. Чем-то у нас было лучше? Дети незлые, меня никто не обижает. Но относятся друг к другу как-то безразлично, без души, без радости. Вроде того: пришел ты – хорошо, а нет – ну и ладно. Как к табуретке: есть – сядут, а нет – можно и на полу.

А еще кругом дома, дома... люди как муравьи. Здесь даже деревья не такие красивые, как в нашем лесном детдоме. Все улицы одинаковые. Недавно дед (люблю так называть про себя папу) повел меня по городу. Почему-то грусть навеяли суетливые, не очень приветливые люди. Они мне показались жадными, как обнищавшие купцы. Денег нет, а какой-то злой гонор остался. За копейку переругаются. Смотрят как-то с недоверием. Доброты не чувствую в них. Может, они другие на самом деле, но у меня такое ощущение осталось.

По дороге встретили маленькую, худенькую тетю. Она обратилась к моему деду:

– Может ты, Яков Иванович, поговоришь у высокого начальства, заступишься. Ни пенсии у меня, ни жилья нормального. Халупу каждую весну водой заливают. Ты же знаешь.

– Чем же, Никаноровна, помогу тебе? Кто я? Сам живу в аварийном доме. Уж прости, – ответил ей дед грустно.

– О Господи, как жить дальше? Старею. Одна я... Прости мил человек, что со своей бедой пристала.

И она засеменила мимо нас, бормоча что-то себе под нос.

– Это мать того героя, чей памятник стоит у нас на главной площади. Война прошла, и забыли люди о тех, кто их защищал. Я с его отцом еще в Гражданскую воевал, – вздохнул мой дед.

– Так ты герой?

– Нет. Я как тысячи других. Есть ордена, медали. Придем домой, покажу.

– А где же совесть у начальников?

– В военное время нужны военные герои, а в мирное время – герои труда. Память у людей короткая. Да к тому же сытый голодного не разумеет, – задумчиво усмехнулся дед.

После разговора с дедом каждый раз, проходя мимо памятника, я останавливаюсь, долго смотрю в лицо молоденькому курносому солдату и думаю: «Я буду помнить о тебе, мой защитник».

Я мало знаю о людях, но иногда у меня все равно возникает свое мнение. Но оно не от мыслей в голове. Мне кажется, я чувствую, какие люди хорошие, а какие – плохие. Вот эта тетя – хорошая. Она не хитрит, не обманывает. Она говорит искренне, с болью, грустью, безнадежностью в голосе. А Оля никогда откровенно ни о чем не говорит в семье. Только со своей родней секретничает, а меня в это время выпроваживает на улицу.

СВЯТЫЕ МЕДАЛИ

Ребята готовили новую пьесу про войну. Я тоже сочиняла и помогала делать костюмы. На репетиции ползала в плащ-палатке на животе по закоулкам двора, участвовала в «сражениях», первая добиралась до вершины дерева с красным флагом и «раненая» уползала в кусты.

Светлана предложила принести из дома настоящие пилотки, армейскую одежду и медали с орденами, чтобы представление выглядело «взаправдашним».

Я прибежала домой.

– Папа, покажите, пожалуйста, свои медали и ордена, – попросила я прямо с порога.

Он встал. Осторожно, как стеклянную, перенес деревянную шкатулку с комода на стол. Я села рядом. Меня трясло от нетерпения поскорее отнести их ребятам. Дед аккуратно выложил награды на скатерть: медали в одну сторону, ордена – в другую. И уже по тому, как он это делал, я поняла, что во двор их не понесу. Дед брал каждую медаль и долго смотрел на нее, медленно водя рукой по металлу, потом ошупывал красные, желтые и голубые полоски лент. Дед молча смотрел на них, но я понимала, что он вспоминает связанные с ними события, погибших друзей. Медали – святые. Это все, что осталось от войны, – память и награды. Чем дольше длились паузы, тем больше я успокаивалась. Дрожь нетерпения прошла.

Попросила деда потрогать награды. Он разрешил. Осторожно положила на ладонь орден. Луч света из окна скользнул по темному рубину звезды. Он на мгновение ожил, засветился кроваво-красным и померк. Я вздрогнула.

Мой улыбчивый дед сидел, сжав ладонями седые виски. Его морщины углубились, лицо посерело. Серо-голубые глаза смотрели перед собой сухим, неподвижным, отрешенным взглядом. В комнате стояла скорбная тишина. Я боялась нарушить ее и потому не смогла попросить деда рассказать, за что он получил награды. Я тихо сидела рядом и думала: «Ведь мне не пришло в голову отнести для спектакля Витину пилотку. Как же я посмела даже подумать о том, чтобы взять для игры военные награды деда?!»

ВОКЗАЛ

Долго уговариваю деда сходить на реку.

– Что делать там в августе? По старинным законам после Ильина дня купаться не положено, болячку можно подхватить, – возражает он.

– А если август жаркий? – настаиваю я.

– Старые люди все равно соблюдают. Воспитаны так.

– Папа, я только попрощаюсь с летней рекой, – канючу я.

– Вечно у тебя фантазии в голове! Ладно, тряхну стариной, пошли. Я реку уж лет пять не видал, – наконец соглашается дед.

Вышли на конечной остановке трамвая и вскоре были у реки на мягком темно-зеленом с легкой желтой проседью ковре луга. Земля под дерном упругая, податливая. Я разулась и пошла босиком, наслаждаясь ласково щекочущей прохладой. Дед шел по тропинке задумчивый, медлительный. Показалась темно-серая гладь реки, обрамленная густым камышом. Сели на бугор, там, где суше. Я длинной камышиной делаю круги на застывшем стекле реки. Потревожила лягушек. Они мгновенно нырнули в глубину. А одна наглая, пучеглазая, бородавчатая уставилась на меня, не мигая, и только светлый мешок ниже рта выдавал ее дыхание.

– Это не лягушка, а жаба. Она больше посуху любит скакать, – ответил дед на мой удивленный взгляд.

Он ловко перевернул палкой маленькую серую лягушку, пристроившуюся на его ботинке. Мелькнул серый в оранжево-красных пятнах животик.

– Какая красивая снизу! Надо бы ей, наоборот, сверху яркой быть, – восхищенно вскрикнула я.

– Чтобы цапля слопала? Это лягушка-каменушка. Сохранная окраска у них под цвет битого кирпича и штукатурки. Они зимуют в разрушенных домах, подвалах, там, где сыро, – объяснил дед.

Никогда я не видела деда таким задумчивым. Я полагала, что он, как всегда, будет торопить меня домой. А дед теребил в руках травинку и, опустив голову, еле приметно шевелил губами. В этот момент мой высокий, представительный, как говорили соседки, дед показался мне маленьким. Я не хотела беспокоить его. Отошла в низину и долго стояла у самой воды, замороженная мельканием рыбешек.

Вдруг дед встряхнулся, встал и расправил плечи.

– Папа, чего вы сегодня такой грустный? – спросила я.

– Видишь на горизонте церквушку? Я родом оттуда. Лет пятнадцать там не был. Родня сама ко мне заезжает, да и то попутно с делами в городе.

– Давайте в следующее воскресенье съездим туда!

– Хорошая мысль. Что-то я расчувствовался сегодня. Детство вспомнил лапотное. Об отце в памяти ничего не осталось. Все мать около нас возилась. А эта река кормилицей была. По весне заливало всю округу. Вода в хатах, скотина и тряпье на чердаках. По две недели на лодках жили. Зато с урожаем овощей каждый год были. И себя, и город кормили.

– А сейчас половодье по-прежнему заливает пригород?

– Река несколько обмелела, но все равно люди плавают по весне.

– А зачем же на воде жить? – удивилась я.

– Огород должен быть у дома. Весной каждая минута дорога: посади, прополи, прореди. Я, мальчонкой, не разгибался, пока в город не отослали в наймы. В сезон даже погулять сил не было, – растягивая слова, говорил дед.

Реку затягивал туман. Я огляделась и задохнулась от восторга. Туман застелил луг плотным матово-белым одеялом. Лесистый склон противоположного берега тоже пропал в белой дымке.

– Папа, молочные берега как в сказке! Вы тоже в детстве любили эту красоту? Или из-за трудного детства ничего не замечали?

– Красота мимо души не проходила. И все же поторапливайся. Мать заволнуется. Только на вокзал зайдем, пивка попьем. Что-то зябко мне.

– Не хочу пива. Детям вредно.

– И то верно. Я тебя сладким угощу, – улынулся дед.

Зашли в огромный зал-дворец. Ярко-зеленые стены украшены позолоченной, тонкого узора гипсовой лепниной, идущей широкими полосами от потолка до пола. Потолок так высок, что я откинулась назад, чтобы разглядеть его удивительные орнаменты.

– Папа, вокзал при царе строили?

– Недавно.

– А почему он такой красивый?

– При Сталине все строили надежно и красиво.

Дед выпил пива, а мне купил огромную желто-красную грушу.

– Ее тоже при Сталине выращивали? – спросила я бесхитростно.

– Ну и шуточки у тебя, – засмеялся дед. – Такие на юге растут.

Я откусила грушу. Удивительно вкусная и сочная! Спустились в широкий подземный переход, ведущий в город.

– Странный коридор. Почему у него пол и потолок наклонные? Этот туннель не подходит к вокзалу, – нерешительно высказала я деду свое впечатление.

– Смотри-ка! Заметила, – удивился он. – Тут подземные воды проявились, и крыло здания «поплыло». Архитектор сумел его подправить. Оно не развалилось, только накренилось. Все равно его расстреляли за саботаж.

– Он был плохой? – испуганно прошептала я.

– Понимаешь, малые сроки были отпущены на строительство, а исследованием почвы занимался друг архитектора, у которого в то время мама сильно болела. Не успел он все промерить и рассчитать, понадеялся на авось. Архитектор ему доверял и не проверил работу.

– За что же тогда архитектор погиб? – разволновалась я еще больше.

– За безответственное отношение к порученному делу.

– Кто подвел, тот обязан был сознаться, – закурила я головой, словно стремясь избавиться от непосильной, взрослой проблемы.

– Тогда расстреляли бы обоих. К тому же, архитектора только мама оплакивала, а у виновника уже двое маленьких детей было.

– Значит, архитектор был верным другом. Жалко такого, – вздохнула я шумно.

– Жалко, талантливый был. Я хорошо его знал. Из наших, деревенских, – тоже вздохнул дед.

Мы молчали до самого дома. Я уже не могла есть красивую грушу.

Дед сразу лег в постель и заснул, а я долго ворочалась. В полудреме перед глазами плавал великолепный дворец. В самом центре сияющего золотом потолка висел огромный портрет архитектора. С его лба вниз на людей падали крупные красно-коричневые капли. От страха очнулась. За окном, в свете уличного фонаря вижу, как хлещет дождь. Ветка рябины гроздьями ягод стучит по стеклу.

Тревожный сон снова унес меня в свое загадочное царство.

НЯНЬКИ

– Сбегаем к Зое? – спросила меня Валя.

– Мне все равно, – ответила я. – Куда ты, туда и я.

И мы помчались. Нам открыла рыжеволосая худенькая девочка и, приложив палец к губам, впустила в общий коридор. Комната показалась мне маленькой, потому что вдоль стен стояли две неубранные раскладушки, кровать и сундук, а в центре стол, заваленный грязной посудой.

– Ну и раскардаш у тебя, Зоя! – голосом, чуждым притворства воскликнула Валя.

– Мусику два месяца исполнилось и маме пришлось выйти на работу, – с тихим сожалением произнесла Зоя.

Щеки ее зарделись. Она виновато улынулась.

– А кто малышку нянчит? – тут же деловито спросила моя подруга.

– Так мы же с Аленькой! Мама только в перерыв прибегает ее покормить. Хорошо хоть работа рядом. Вот мамина подруга уже через месяц сыночка отняла от груди. Мамам лучше бы вообще не работать, пока детки в пеленках, но на одну зарплату семье не прожить, – вздохнула Зоя.

В ее голосе слышалось какое-то особенное недетское сочувствие.

– А почему в ясли не отдадите? – осенило меня на удивление простое решение их проблемы.

– Покаждемся своей очереди, Муська уже в школу пойдет. Да и платить там надо, – со знанием ситуации мягко, без раздражения ответила Зоя.

Валя занялась посудой, а я подошла к малышке. Муся хаотично болтала ручками и недовольно кряхтела.

– Чего она просит? – спросила я новую знакомую.

– Сухих пеленок. Соседка не позволяет их на общей кухне развешивать, а в комнате не успевают сохнуть, потому что я форточку не открываю. Боюсь сестренку простудить, – жалобно и кротко улыбнулась Зоя.

Она развязала тесемки, которыми были перевиты ножки девочки, развернула мокрую пеленку и вытерла розовую попку.

– Начали кашкой кормить, а желудочек не принимает, вот и пачкает подгузники чуть ли не каждый час, – между делом рассказывала мне Зоя.

– Можно мне подержать твою сестричку? – несмело попросила я.

– Заверну, сначала. Ты только головку придерживай, – озабоченно предупредила меня маленькая няня.

Я еле дышала от волнения и никак не могла взять девочку. Рук не хватало. Зоя снисходительно засмеялась, а потом покровительственно, но весело растолковала:

– Представь себе, что это кукла. Смелее!

Она положила Мусю на мои деревянные руки, а головку приклонила на плечо.

Пришли еще две девочки поиграть с малышкой. Они щекотали ей щечки, совали в рот тряпочки, бумажки, а она хватала их ротиком и сердито морщилась. Наконец крошка не выдержала и заревела. Подруги одновременно схватили ее и... так уж получилось, что Маруся упала на пол.

Я в ужасе закричала:

– Разбилась!

– Не бойся, маленькие падают, как кошки, мягко, – успокоили меня девочки, схватили орущий кулечек и потащили на кухню.

Зоя прижала к себе сестричку и заговорила нараспев:

– Ах ты, моя маленькая, хорошенькая. Не плачь, крохотуля бестолковая. Скоро придет мамочка и покормит тебя как надо.

Она целовала сморщенный лобик и пушистую рыжую макушку малышки. Та на время притихла.

Зоя быстро налила в бутылку молока, натянула соску и попросила старшую подружку покормить Марусю. Крошка от удовольствия засопела. Но тут соска выскочила из ротика, и молоко полилось по личику. Муся поежилась, потом закричала, но нянька, увлеченная разговором, ничего не замечала. Я сунула соску в орущий ротик. Малышка закашлялась и стала извиваться всем тельцем. Поняв свою вину, я заревела. Подскочила Зоя, схватила Мусю за ножки и принялась хлопать по спинке. Я испугалась еще больше и убежала на кухню. Когда вернулась в комнату, всем довольная Муська лежала на клеенке, а девочки развлекали ее, а может, развлекались сами. Они играли с нею, как с обыкновенной куклой: повязывали плато-

чек, примеряли разные юбочки, красили щечки. Головка девочки беспомощно болталась, она беспорядочно сучила ножками, но не кричала.

– Муське нравится, когда к ней прикасаются, – солидно объяснила Зоя, – теплые руки любит.

Я осторожно трогала шишку на лбу девочки, гладила малюсенькие пальчики, ноготки на ногах и думала: «Меня, наверное, также в детдоме кто-то таскал и ронял».

Пришла еще одна девочка с двухлетним братцем. Ходить ему было негде, и он весело переползал с кровати на раскладушку, заворачивался в одеяла, прятался под подушками. Но стоило его сестричке наклониться над Мусенькой и ласково засюсюкать, как лицо мальчика приняло странное, почти болезненное выражение. Он вдруг подскочил и швырнул в малютку чашкой. Его сестра на лету поймала ее.

– Маленький, а уже хулиганит, – удивилась я.

– Ревнует, – засмеялась девочка. – Хочет, чтобы я только его любила.

Когда мы возвращались из гостей, я, поморщившись, спросила Валю:

– Как могут родители оставлять маленьких детей без присмотра?

– Мне, кажется, мои подружки хорошо справляются. Я так же с Юлей возилась. Мы только первый месяц ее в ясли водим. Она меня няней зовет.

– Ты не обижаешься?

– Наоборот. Значит, она понимает, как я ей нужна. Она так свою любовь ко мне выражает. Тебя испугало то прискорбное недоразумение? Так ведь обошлось.

Она говорила благоразумно и спокойно. А я не понимала ее, была в полнейшем недоумении, растерянности и глядела на подругу пристально, с недоверием.

СКОРЛУПА

С первых дней жизни в семье мне хотелось рассказать родителям о своей прошлой жизни. Я довольно быстро поняла, что с Олей откровенничать не стоит. У нее нет ни души, ни сердца. Я никак не могу определить, что ее радует, что печалит. Ее безразличие ко всему поражает меня. День прошел, и ладно. Сыта, никто не побеспокоил – и хорошо.

Дождалась выходного и попросила деда пойти со мною в парк. Как только вышли на улицу, и моя рука оказалась в большой ладони деда Яши, я, собрав все свое мужество, начала рассказывать ему о жестокой Валентине Серафимовне. Дед занервничал, замахал руками и резко сказал: «Забудь, что было!» Я опешила. Я надеялась пониманием, сочувствием смыть горесть прошлого и начать новую радостную жизнь. Хотела, чтобы он обнял меня, как обнимают родных детей, пожалел и сказал:

– Я сделаю все, чтобы ничто не напоминало тебе о прошлом. Я тебя люблю и хочу, чтобы ты меня тоже полюбила.

А я бы ответила:

– Я вас сразу полюбила.

Еще попросила бы, чтобы он не пугался моих слез, потому что они или от радости, или от воспоминаний. А он меня прервал, не захотел выслушать, побоялся обременить себя моей болью. Обида захлестнула меня. Я опустила голову, закусила губу и всеми силами старалась отвлечься, расслабить сжатое болью сердце, успокоить душу, которую не удалось облегчить сочувствием. Я же не просила наказать Валентину Серафимовну! Мне просто захотелось, чтобы дед меня пожалел и тем самым приблизил к себе. И может, тогда прошлое перестало бы для меня существовать так зримо или казалось бы бесконечно далеким. Но ничего не получилось. Я опять повесила огромный замок на кладовую горестной души и снова осталась одна. Больше никогда не пыталась искать сочувствия. Слишком тяжело получать отказ в понимании от человека, которому поверила. Невыносимо тяжело.

Дед привел меня в парк, купил мороженое, дал денег на карусель, а сам сел на лавочку. Лижу эскимо машинально, не чувствую вкуса, не думаю ни о чем. Я снова спряталась в свою непроницаемую скорлупу. Душа моя превратилась в маленькое облако и улетела ввысь. На земле осталось бесчувственное тело, у которого вокруг сердца – холодное, пустое пространство.

Лежа в постели, вспоминаю выходной день. Витек, мне хотелось забросить мороженое далеко-далеко. Но я не могла обидеть деда. Стараясь глубже запрянуть свою боль и раздражение, я сжала ладонями локти, будто боялась выпустить из души остатки терпения. Кто бы знал, как велико мое отчаяние! Оно вызывает непонятную скованность всего тела. В такие минуты я становлюсь медлительной. Даже мысли с трудом двигаются. Опять куда-то пропал беззаботный, сумасбродный чертенок, который временами прорывается во мне.

Мне очень нужна любовь родителей. Накормить, одеть могут и чужие люди. Я вижу иногда богато и красиво одетых девочек, но меня это не трогает. Душу царапает, когда чья-то мать обнимает своего ребенка. Сильно бьет по мозгам, если кто-то обижает младшего или маленького. С трудом сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в обидчика. Трясет от злости, но терплю, потому что каждый раз, когда я вежливо вступаю, меня оскорбляют. Грубости не переношу. В этот момент я особенно чувствую свое бессилие перед взрослыми. Иногда отвечаю их словами. От этого они злятся еще сильнее. Почему? Я же говорю мягче, потому что не могу повторять мат и очень грубые слова. За что они обижаются на меня? Почему грубые взрослые требуют от ребенка послушания, вежливости и подчинения?

Мой дед Яша не разрешает мужчинам ругаться при детях. Он хороший. Не зря я осталась с ним. Дед меня как-то по-своему любит. «Ему тяжело слушать про мои горести. Он боится заболеть и оставить меня одну», – ищу я оправдание деду. Но от этого легче не становится. Витек, ты меня понимаешь?

НЕ ПОНИМАЮ

Набрела на незнакомый пустырь. Меня привлек шум и радостные крики. На футбольном поле собралось десятка три ребят всех возрастов. Праздником руководили взрослые, сидевшие на стульях, очевидно принесенных из ближайших домов. Шли соревнования. Ребята боролись, стараясь не выйти из очерченного круга. Зрители сидели прямо на траве и бурно воспринимали каждое удачное и неудачное движение спортсменов. Самый старший мужчина, на вид учитель, «расшевеливал» стеснительных детей, заставляя их активно и громко выражать свои чувства. «Смелее, раскованнее будьте! Я учу вас умению радоваться!» – кричал он жизнерадостно. Все невольно заражались его веселостью.

Настала очередь самых старших – шестиклассников. Вдруг слышу, как сидящий рядом со мной огромный мужчина, подталкивая неуклюжего сына на «арену», грозно прошептал: «Побеждай любым путем. Помни, чему я учил».

Вышел соперник: высокий, худенький, юркий. Борьба была упорной. Увалень использовал подножки, бил ногой противника под коленки, но худенький все равно выскальзывал из его рук, как выюн, и снова нападал. Сначала публика возмущалась и требовала убрать с ринга недисциплинированного борца. Но толстяк никого не слушал, молча сопел и продолжал борьбу без правил. Зрители бурно поддерживали второго мальчика. Первый разозлился и укусил напарника за плечо. Тот взвыл, но не стал тратить силы на восстановление справедливости. Он уже понял, что знакомая фраза: «победителя не судят» – на руку его сопернику, и продолжил борьбу с еще большей энергией. Лица обоих покраснели, волосы взмокли. Видно было, что для обоих мальчиков, победа – не просто получение приза, шла борьба за признание лидерства. И все-таки худенький победил. В награду он получил аплодисменты и восхищенные крики друзей. Первый, понурив голову, подошел к отцу. Тот прошипел: «Слизняк, не ной. Борьба еще не окончена!» И, не скрывая своих намерений, жестко усмехнулся.

Потом ребята играли в индейцев. «Вождь краснокожих», дядя в спортивных трусах, с разноцветными перьями в волосах, судил их соревнования по стрельбе из лука, лазанию по деревьям, по веревке и бегу с препятствиями.

Следующий тур был интеллектуальный. Участники декламировали стихи и пели песни. Худенький мальчик опять отличился, красиво прочитав длинное грустное стихотворение о маме. Огромный дядя тоже вытолкнул сына на сцену. Тот, спотыкаясь на каждой строчке, про-бормотал что-то не очень вразумительное и вернулся на место. Отец похвалил его и с кривой усмешкой напомнил: «Не забудь про награду!» «Знаю», – обиженно огрызнулся сын.

Когда стали раздавать призы, побежденный требовал его себе громче и напористей всех. Девтора негодуяще зашумела: «Нечестно, не заслужил!» Но мальчик не уходил со сцены и смотрел на всех издевательски нагло. Руководитель нехотя достал из мешка игрушку и отдал со словами: «Это тебе за стремление к победе». На лице мальчишки счастливая улыбка. Добился!

– Какая нелепость! Надо же, такой большой, а выпрашивает! Я бы постыдилась. Странно дядя воспитывает своего сына, – ошеломленно недоумевала я.

Но история на этом не закончилась. После праздника увальень собрал ребят младших классов и повел в атаку на победителя. Они бросали в него палки, камни, оскорбляли гадкими словами. Сначала худенький сопротивлялся, но вежливо, без дерзости. Потом не выдержал и побежал под смех и улюлюканье маленьких хулиганов. Иногда он оборачивался и кричал: «Так нечестно: все на одного! Глупыши, в следующий раз он и на вас кого-нибудь натравит!»

Когда преследователи отстали, мальчик спрятался за сарай и расплакался.

Внезапно я почувствовала непреодолимое желание хоть чем-то помочь. Но внутренний голос твердо одернул меня: «Сам справится. Он сильный и не примет твоего сочувствия. Ты только усилишь ощущение униженности».

КАК ПОСТУПИТЬ?

Сегодня у нас большая радость. Дядя Слава пообещал покатать детей нашего двора на грузовой машине. Известие о прогулке облетело и соседние дворы. Девтора все прибывала. Дядя Слава приказал всем сесть на пол кузова, и машина медленно двинулась в путь. Вдруг над задним бортом появилась голова девчонки из дома напротив. Мы не любили ее за наглость и грубость. Сразу несколько ребят вскочили и принялись разжимать ей руки. С выражением плутоватой сметливости она извивалась всем телом, старалась ногами укрепиться на железном кольце, за которое цепляют трос. Не без некоторого содрогания столкнули-таки нахальную девчонку!

– Не звали! Нечего тебе делать в нашей компании! Иди в подворотню к своим оголтелым друзьям, – кричали ей мои друзья.

Но дерзкая девочка снова догнала машину и мертвой хваткой вцепилась в верхнюю доску кузова. Ребята вскочили, чтобы опять сбросить ее. Лицо настырной девчонки выражало неприимиримость, злой азарт и твердое намерение во что бы то ни стало добиться желаемого. Оно-то и злило ребят. Но по мере нарастания скорости грузовика их действия становились неуверенней, а потом и совсем прекратились. Они нехотя отошли от борта и сели спиной к неприятной соседке.

Своей скверной выходкой она разрушила радость поездки. Возбужденные разговоры затихли. Не знаю, о чем думали мои друзья, а я пыталась понять, как мне в дальнейшем вести себя с наглецами. К чести девчонки сказать, за всю поездку она ни разу не выругалась, но, видя наше подавленное состояние, чувствовала себя хозяйкой положения, смотрела на всех свысока и презрительно хмыкала. Grimаса превосходства кривила ее лицо. А я, не найдя решения сложного вопроса, загрустила, ощутила беспомощность. Вот-вот готовы были выступить слезы сострадания к самой себе и к нашей компании. Я иступленно боролась с ними.

Когда вернулись во двор, все понуро вышли из машины. До меня долетели слова разговора моих друзей:

– Надо было ее столкнуть, чтобы другой раз думала, прежде чем приставать! – грубо и определенно выразился Леня.

– А если бы шмякнулась и покалечилась? – это возразил Володя.

– Сама виновата. Ее не звали! – загорячился Леня.

– Предположим, это произошло. И ты не считал бы себя виноватым? – сумрачно спросил друг. – Я невольно содрогнулся от одной только мысли, что...

– Вот поэтому и появляются гадкие люди! Сдачи им никто не дает! – негодуя, с неожиданной злостью возмутился Леня.

– Что же ты отошел от борта?

Голос Володи звучал неспрашно. Наверное, он, как и я, безуспешно пытался углубиться в «философские» дебри неожиданно накатившей серьезной проблемы взаимоотношений детей разного воспитания.

– Так все ушли, – неопределенно протянул Леня. – А вдруг она башкой об асфальт навернулась бы? Может, сейчас отлупим ее?

– У меня злость пропала. А какая драка без злости? Девчонка и дура к тому же, что с нее возьмешь?

– Дура! А наглостью всех победила! Хитрюга несносная! Заморочит кого угодно. Понимает, что грех на душу не возьмем, и пользуется этим, – вздохнул Леня. – Что же нам делать?

Володя не ответил. Он не знал, что сказать. Потом вдруг тихо произнес:

– Я до сих пор в замешательстве... Знаешь, когда я отстал от нее? Страх в глазах увидел.

– Я тоже... – уныло буркнул Леня.

Азартные крики ребят из соседнего двора поменяли направление моих размышлений, и, чтобы полностью отвлечься от нестерпимо неприятных мыслей, побежала «болеть» за футбольную команду нашей улицы.

ЕСЛИ НЕ ПОГИБНУ

После невеселой поездки на грузовике ребята все время искали способ восполнить неудовлетворенное желание. И вот как-то поздним вечером, когда у нас в квартире засиделись гости из деревни, я вышла во двор, и сразу почувствовала, что в нем происходит что-то тайное. Дети, как мыши, шныряли по двору. Догнала одного.

– Что затеваете?

– Молчок! Едем за город с Витькиным дядькой.

– Возьмите меня.

– Собираемся за сараями.

Когда я подскочила к машине, в ней уже сидело несколько ребят. Лиц не различала. Подошел шофер. От него несло перегаром. Он с пьяным хохотом спросил:

– Погрузка закончена?

Я неуверенно ответила:

– Нет.

– Ну, так залезайте живее, некогда мне с вами прохладиться!

«Раз Витька едет с друзьями, значит опасаться нечего», – все еще не решаясь сесть в машину, рассуждала я. Тут компания девчонок с тихим, веселым шепотом подбежали к грузовику. Колебания закончились, я вскочила на колесо. Ура! Кузов набит весельчаками!

Грузовик несся по асфальту на огромной скорости, сильно виляя на поворотах. А когда поехали по проселочной дороге, начался сущий ад. Машина гремела, трещала, дрожала, подсакивая на ухабах. Казалось, она вот-вот рассыплется. Ее так кренило, что все чуть не высыпались за борт. Сначала мы цеплялись друг за друга, но нас то разбрасывало, то сшибало лбами,

и мы стали держаться по одному за разболтанные доски кузова. Было темно и жутко. Поездка продолжалась бесконечно долго. Я думала об одном: «Если выживу, то больше никогда не поеду с пьяным шофером, не стану полагаться на компанию, буду думать своей головой».

Сначала девчонки кричали, потом, измученные страхом, затихли. Вдруг Витька что было сил забарабанил по железу кабины. Машина не сразу, но остановилась.

– Какого черта? – выглянул из кабины шофер.

– Мы вам не дрова, – сердито заговорил Витя. – Везите нас назад или мы пешком пойдём, – для пушей уверенности добавил он.

Шофер грубо выругался, высадил нас на дороге и умчался в темноту. Мы растерянно стояли на незнакомой дороге. Витька совсем онемел от неожиданности. Когда он пришел в себя, то проямлил:

– Дядька, черт, что наделал? Завез к черту на рога. Кроме шуток. Вот гад! А еще родня! Слова с трудом шли с его губ.

Растирая ушибленные места, мы, еще не оправившись от первых страхов, уже боролись с другими. Никто не скулил. Все молча шли по дороге в сторону города. Никто не хотел нарушать длинную гнетущую паузу. Витька, переживая свою вину, лихорадочно думал. Вдруг он закричал:

– Если в темноте фары осветят тонкую веревку, то она почему-то кажется канатом! Надо натянуть что-либо поперек дороги и любая машина остановится.

– Нечасто они здесь ходят, – возразили девчонки.

– На асфальте чаще. Идти все равно надо, а там глядишь и повезет. По крайней мере, нам всем стоит вытащить из одежды резинки, – предложил Ленья.

Девчонки из соседнего двора, не желая доискиваться до смысла непонятного явления, раздраженно запротестовали:

– Уймись. Чушь сморозил. Умора! Муть несусветная.

– Завели волынку. Думаете домой попасть, не ударив палец о палец? Ну и сидите здесь до утра, может, поумнеете! – возмутились остальные.

Подействовало. Вскоре бечевка нужной длины была готова.

– Может, повесим на нее ветки и траву? Будет выглядеть как ограждение. Это не лишено смысла, – предложил Ваня.

– Правильно! – обрадовался Витька, почувствовав поддержку.

Нам повезло. Фокус получился. Шофер остановил самосвал. Тут мы его и окружили. Девчонки с ревом упрашивали дядю помочь. Услышав нашу историю, шофер поругал нас, нашего обидчика и согласился отвезти до самого дома. В город добрались быстро.

– Олухи! Родители, наверное, уже все слезы выплакали. Живо по домам, – приказал водитель.

И мы рассыпались по двору, предчувствуя заслуженное наказание.

СУД

После ночного происшествия дед потребовал от меня всюду следовать за Олей. А ее любимым местом отдыха был суд. Он располагался через дорогу от нашего дома. Оля ходила туда, как на работу.

Сегодня я попала на первое в своей жизни судебное разбирательство. Судили парня, который избил жениха своей бывшей невесты. В перерыве я спросила:

– Мама, драться было глупо? Раз два жениха и одна невеста, значит, она должна выбирать? И еще непонятно, почему девушка говорила, что первый побил второго из любви к ней. Разве это любовь? Он же дрался из-за своей обиды, потому что его разлюбили!

– Сама девица виновата. Наверное, двойную игру ведет, – категорично заявила толстая тетя Наташа.

– Что это значит? – заинтересовалась я.

Ехидная ухмылка пробежала по сытому самодовольному лицу соседки:

– Двух кавалеров одновременно пасет. Про запас кого-то держит.

– Ну, зачем вы так о девочке. Она, может, чего-то и не понимает, но не подлая, – возразила другая женщина.

– И чего судиться? Просто два парня подрались из-за девчонки, – поддержала разговор третья тетка, похожая на вопросительный знак.

– Драки не было. Было избиение, – возмутилась интеллигентного вида старушка. – Если приговор отменят, это будет означать, что можно безнаказанно наносить телесные повреждения.... Чего нам обижаться на молодежь? Кого воспитали, с теми и жить будем.

– От семьи все идет, – вздохнула совсем ветхая старушка.

В разговор вступила бойкая женщина из соседнего дома:

– Представляете, еду я с рынка с двумя сумками. На первом месте сажу. Подходит ко мне девочка и говорит: «Перейдите, пожалуйста, в середину вагона. Я хочу сесть рядом с мамой». Вежливо так обратилась. А я ей отвечаю: «Если ты мои сумки сейчас отнесешь на новое место, а потом, когда вагон будет переполнен, назад принесешь к выходу, я пересяду». Девочка сердито фыркнула. А я ответила ей спокойно: «Думать надо, прежде чем говорить. И не только о себе думать».

К нам подсел страшного вида мужик. Черты лица его были даже красивые, но выражение – злое. Фигурой он напоминал огромную беспокойную обезьяну. Я отодвинулась от него. Он заметил и успокоил:

– Не трону. Ты мне ничего плохого не сделала.

– А кто сделал? – зачем-то спросила я.

– Брат. Пришел я из армии, а он успел жениться и весь родительский дом занять. Десять лет с ним воюю. И поджигал, и с топором на него кидался. А он хитрый: хватает меня с помощью соседей – и в тюрьму. Все равно своего добыю или убью его!

Меня покорила его беззастенчивая откровенность. Но тихая тайная жалость к несчастному победила, и я с подобающей детскому разуму наивностью предложила:

– А вы бы себе новый дом построили. Зачем в тюрьме жить? Разве это правильно?

Руки моего собеседника нервно вздрогнули и сжались в кулаки. Не сводя с меня черных напряженных глаз, он ответил злым шипящим шепотом:

– Жизнь положу, но докажу, что прав! Не позволю себя обманывать!

Я поежилась под его тяжелым взглядом. Настроение мое совсем испортилось, но я уныло продолжила бесполезную беседу:

– Может, вы перестанете сердиться, и станете жить счастливо?

– Нет, я пойду до конца! – угрюмо и резко возразил пострадавший.

– Состаритесь и умрете в тюрьме. Деток у вас не будет, и любить вас некому будет, – искренне посочувствовала я мужчине.

– Ну и пусть!

– Вы упрямый? – удивилась я, все еще считая этот недостаток принадлежащим только детям.

– Да, – с гордостью, с вызовом ответил он.

Я не понимала дядю. Он казался мне глупым. Тут его отправили к судье. Интеллигентного вида женщина обратилась ко мне:

– Хорошо, что у него нет детей. Нечего плодить бандитов!

– Вам не жалко его? – удивилась я.

– Жалеть надо больного. Глупого учить надо.

– Разве такого можно переучить?

– Этого уже нет, – вздохнула она и добавила, – не советую тебе, деточка, вести разговоры с подобными типами, остерегайся их.

А на вечернем заседании проводилось сразу несколько бракоразводных процессов. Они перемешались у меня в голове, вызвали беспощадный разброд в мыслях. Я никак не могла понять, кто в этих историях виноват, поэтому с нетерпением ожидала обсуждения событий на лавочке. Но были и очень простые разводы. Судья во время перерыва спросил одного молодого человека с необъятной шевелюрой, похожей на стог сена после бури, о причине разногласий в его семье. Тот ответил с выражением холодной отчужденности:

– Зачем мне доброта, целомудренная скромность и ум некрасивой женщины? Ее любовь, как темный угол, затканый паутиной. Жизнь с нею – тусклый осенний закат. Зеленая тоска скулы сводит от цепящей скуки. Теперь я люблю красивую, несмотря на то, что это ее единственное достоинство.

Судья осуждающе покачал головой и сказал задумчиво:

– Долг любого человека делать жизнь близких людей счастливыми. Каждому рано или поздно приходит черед познавать и преодолевать трагедию безнадежья, надевать мученический венец, отвечать за безоглядность... Тем паче не трави душу жены ненужными словами. Я вас разведу, только будь мужчиной, не дели тряпки и мебель. С нею твой ребенок остается».

– Конечно, конечно, я все понимаю, – торопливо ответил бывший муж.

И еще поразил самый короткий бракоразводный процесс. Молодая женщина с ребенком на руках встала и сказала: «Муж не смог защитить меня от своей матери. Отсюда все последствия. Разведите нас, пожалуйста». Их сразу развели.

В суде мне понравилось. Я внимательно слушала и узнала много нового.

ПРОТИВНО

Теперь я каждый день сижу в огромном зале суда и старательно прислушиваюсь к происходящему. В основном, это печальные истории разводов, ссор, драк, скучные денежные тяжбы. Сначала я с любопытством воспринимала случаи измен, изнасилований, убийств. Попыталась разобраться в незнакомых словах и ситуациях. Но чем больше слышала о «пакостях» жизни, тем грустнее и тоскливее становилось у меня на душе, возникало тягостное впечатление о взрослой жизни.

Странно, я с Олей хожу в один суд, слушаю одни и те же речи, но когда мы сидим на лавочке у дома и она обо всем рассказывает соседкам, то получается, будто мы присутствовали с ней в разных местах. Меня беспокоит судьба людей, волнует трагедия их жизни, а она находит в каждой истории какие-то гадкие, непонятные подробности. Я поделилась своим непониманием с Валею. Она засмеялась:

– Папа дал одному знакомому почитать биографию Карла Маркса для расширения кругозора, а потом спросил, что ему понравилось в этой книге? Товарищ ответил: «Оказывается, Маркс успешно ухаживал за девушками!» Зря тетя Оля водит тебя в суд.

Но еще противнее мне бывает, когда некоторые женщины начинают пересказывать и подробно обсуждать где-то услышанные ими пошлые бесстыдные истории. Мне совестно, а они совсем не стесняются, употребляют фразы, от которых меня коробит и в буквальном смысле тошнит. Сидеть на лавочке для меня стало божьим наказанием. Наконец, я не выдержала и дала честное Ленинское, что не буду шалить и вообще стану самой послушной, если мне позволят оставаться дома. Оля милостиво согласилась.

Как же я легко себя почувствовала!

КРЕСТНИК

Мои друзья сидят на крыльце второго подъезда и заморожено слушают седого нестарого человека. Подхожу ближе, прислушиваюсь.

– Бегу на работу, ног под собой не чувствую. Опаздываю. Жена в тот день заболела. Поутру, пока до ума довел троих детей, чуть мозгами не сдвинулся. Меньшого – на горшок сажаю, старшего – в школу собираю, дочурку завтракать заставляю. А она то ложку уронит, то в кашу рукой залезет. Малец штанишки забыл снять. Стоит, трясет мокрой мошной, орет во все горло... Детей страсть как люблю, но ведь деньги зарабатывать в семье я один... Так вот, бегу, спотыкаюсь о гравий, ноги запутываются в широких штанинах. Они полощутся на ветру на моих тощих ногах, как флаги на древках. Уж совсем близко моя контора. Вдруг до моего чуткого на детский плач уха донесся глухой, сдавленный крик грудничка. Звук слышу, а до мозгов не доходит, что бы он мог означать. Все мысли о работе. Все же остановился, прислушался и побежал в дом, откуда доносились беспокоившие меня звуки. Лето было. Окно во дворе со стороны садика оказалось открытым. Выпрыгнул я одним махом в комнату и пошел на крик. В углу спальни под потолком на толстых шнурах висела деревянная, самодельная колыбелька-лодочка. Под ее доньшком трепыхалось тельце младенца. Я быстро выкинул тряпье из люльки, увеличил дыру в прогнившем дне и осторожно высвободил головку ребенка. Потом осмотрел расцарапанную шейку мальчика, пощупал позвонки и растер посиневшее тельце. Когда дыхание восстановилось, завернул его в пеленку. Измученный малыш «вырубился» мигом, продолжая во сне вздрагивать и вскрикивать. В это время в комнату влетела мамаша с продуктами. Увидев чужака с ребенком на руках, конечно, остолбенела. Ярким образным языком отхлестала меня, выхватила сыночка, положила на кровать и стала теснить ядреным грудастым телом к выходу, попутно прихватив утюг, стоявший на столике у кровати. Я, не дожидаясь ее более решительных действий, выскочил через окно, так как оно располагалось ближе, чем дверь. На работу, конечно, опоздал. Мне даже не дали возможности объяснить ситуацию: «Идите работать. На собрании рассмотрим ваше поведение». До войны это было. Работал я тогда младшим бухгалтером. И хотя боялся выговора и понимал, что могут не поверить в столь странную историю, на душе было радостно: спас мальчонку. Выговор получил. Не строгий, по первому разу. А как-то прихожу с работы домой, а у нас в гостях та самая дородная мамаша. Жена моя чаем ее потчует. Бросилась гостя мне на шею и давай целовать. Еле отбил. С тех пор зову Алешку крестником. Он отзывается.

Задерживаться у крыльца дольше я не могла. Пришлось покинуть интересного рассказчика. Позже узнала, что седой мужчина – это дядя Гоша – друг детворы нашей улицы.

ДЯДЯ ГОША

Рядом с нашим домом находится магазин, и сторожем при нем работает дядя Гоша. Вообще-то по-настоящему, его зовут дядя Игорь. Он инвалид войны. Нога у него железная. Он добрый и веселый человек. Мы с удовольствием слушаем его байки про войну. А историю про его ногу, которая «родемая» от взрыва мины заковыляла в воздухе, как старая кочерга, мы знаем наизусть. Рассказывает он легко, интересно. На наши головы падают самолеты, в тыл отступают измученные солдаты, пули и снаряды разрезают предутренний туман. Но нам не страшно. Мы вместе с ним преследуем врага до Берлина. Юмор, солдатские негрубые шуточки, красивый русско-украинский мягкий говор заражает нас своей бесконечной верой и восторженной любовью к простым солдатам, уважением к их уму, расторопности, деловитости, сноровке. С дядей Гошей мы словно дышим воздухом той канувшей в лету героической эпохи. Мы всегда с нетерпением ждем его дежурства. А так как мне приходится уходить раньше всех, то я прибегаю первая, чтобы не пропустить хотя бы начало разговора.

А сегодня никто не поднес дяде Гоше ни чарочку, ни кружку пива, и он сидел на крыльце задумчивый, грустный.

– Дядя Гоша, еще расскажите про войну. Почему Вы молодой, а совсем седой? – обратился к нему самый старший из нас, тринадцатилетний Володя.

– Хорошие вы ребята. Люблю всех вас, – сказал он, обнимая и крепко прижимая к груди стоявших рядом самых маленьких.

Костыль упал. Кто-то тут же подхватил его и поставил рядом. Дядя Гоша пригладил ежик густых коротких волос и начал:

– А случилось это зимой 42-го...

Он вдруг замолк и неожиданно спросил:

– Ребятки, а было ли в вашей жизни такое, что тронуло душу или пролетели годики незаметно без боли, без радости?

Мы переглянулись и задумались. Первый заговорил шестилетний Васек:

– Мне недавно было плохо. Я засунул шарик себе в нос. Мама повела меня к доктору. А та начала говорить страшные вещи про то, что теперь в нос надо проволочку вставлять, укол делать и еще много всякого ужасного. Я так испугался, что закричал во все горло: «Не хочу!» Тут шарик пулей вылетел из ноздри. Взрослые захохотали. Мне стало обидно, что они не понимают моего страха, и я заплакал.

Дядя Гоша поцеловал Ваську в затылок и успокоил:

– Сынок, все они понимают. Ты на них не обижайся. Просто они забыли, как сами были маленькими.

Тихоня Эля начала рассказ почти шепотом:

– Мне тогда было семь лет. Папа ушел на рыбалку. Вдруг поднялся ветер. Небо заволокло черными тучами. Потом пошел град. За окнами бушевал ураган, а может, даже смерч. Деревья трещали, а некоторые вырывались с корнем. Мне стало страшно за папу. В голову полезли плохие мысли. Мама, не в силах ожидать папу дома, вышла на веранду. Я осталась в комнате одна. На тумбочке в углу у нас стояла икона. Я встала перед ней на колени и принялась просить Бога уберечь моего папу от беды. Пыталась вспомнить все молитвы, которым учила меня бабушка. Вспомнила «живые помощи...». Скоро папа вернулся живой и здоровый. Он прятался от урагана в огромной железной трубе. А у меня было такое чувство, что это я спасла ему жизнь.

– А я помню цветы, яркие шары, красные флаги и много-много людей, потому что было 1 Мая, – заторопилась рассказать свою историю Ирина. – Рядом со мной шли родители с моей маленькой сестренкой. Они все время останавливались, чтобы ее перепеленать или успокоить. Она почему-то все время кричала. Мне совсем не уделяли внимания. Я шла и думала о том, что теперь им совсем не нужна. Никому! Ни папе, ни маме! И вдруг поняла, что потерялась. Сначала удивилась, затем испугалась и заревела во весь голос. Молодой дядя поднял меня на руки и понес, выкрикивая: «Потерялась девочка!» А тетя, которая была с ним, громко и весело кричала: «Продаем голубоглазую красавицу лет пяти. Торопитесь, папа и мама!» И тут я услышала родной, знакомый голос папы. Он был испуган и обрадован одновременно, но его радость не шла ни в какое сравнение с моей.

– Я раньше маленькая и глупая была. Верила, что есть страна, где в садах на деревьях растет всякая еда и одежда, мечтала попасть туда и наестся всякой вкуснятины, – весело сообщила Кира. – А раз собирала я с подружками на лугу одуванчики и обнаружила на кончиках стеблей белый сок.

– Это молоко? – спросила я старшую сестру Алену.

– Да. Из цветов делают молоко, а потом продают в магазине, – пошутила она.

Я поверила и, морщась, лизала стебли. А вечером мы с мамой пошли на речку. Все сидели на лугу, усыпанном одуванчиками. Я сорвала цветок и снова увидела выступивший белый сок.

– Мама, это молоко? – спросила я снова.

Но она в это время беседовала с подругой и не захотела ничего мне объяснять, а только сказала:

– Ой! Не бери в рот, а то умрешь. Это яд.

У меня внутри все похолодело. Сердце заколотилось, а потом, как мне показалось, стало останавливаться. Не знаю, как дошла домой. Помню только, что перед тем, как лечь в кровать, поцеловала маму и попрощалась с игрушками. Слезы текли по щекам. Мне было очень жалко маму. «Она подойдет завтра к кроватке, а я мертвая. И я уже не буду бегать наперегонки с ребятами. Кто будет носить мои любимые черные сандалики?» – думала я. Проснулась от солнышка. «Я не умерла?» – была моя первая мысль. Выбежала на улицу, а там никого. Тишина. «А может, все-таки умерла?» – вновь испугалась я. Вдруг слышу голос мамы: «Ты куда в такую рань раздетая?» «Мамочка!» – бросилась я к ней на шею со слезами. На этот раз мама, хоть и спешила на работу, но все же выслушала меня внимательно, успокоила и просила больше никогда не пробовать сок растений, так как среди них на самом деле встречаются ядовитые. Я была счастлива, что моя жизнь продолжается.

– Мой папа работает на сахарном заводе, – начала Света. – И вот однажды там под высоким напряжением сгорел электрик. Говорили, что от него остались только кирзовые сапоги. В тот день я впервые поняла, что и с моим папой тоже может произойти несчастье. Мой папа – машинист на маневровом тепловозе. Я боюсь, что тепловоз может переехать его или завод взорвется, а папа в это время будет рядом. Когда мы идем на речку, я боюсь, что папа утонет. Это как наваждение. Страх потерять папу преследует меня до сих пор.

– Ты уже большая и должна понимать, что несчастные случаи бывают очень редко. Твой папа умный и сильный. А про электрика я знаю. Под праздник это случилось. Выпил он много, контроль над собой потерял. Водочка ни профессора, ни рабочего не жалеет. Трудно теперь его жене с тремя малышами, – вздохнул дядя Гоша.

Тимка шмыгнул носом и тоже решил высказаться:

– Я был бы совсем счастливым, если бы не один случай. В начале лета я жил в деревне. Раз поймал в огороде маленького красивого мышонка, принес домой и посадил в стеклянную банку. Я хорошо ухаживал за ним, и родители разрешили привезти его в город. Я пошел гулять с ним на улицу. Взрослые ребята попросили посмотреть мышонка и пообещали вернуть, а сами швырнули его в огромную лужу. Весь в слезах я ползал на коленках в грязи. Всю лужу облазил, но не нашел мышонка. Старшие ребята смеялись надо мной, и от этого я плакал еще сильнее. Почему они такие жестокие!?! Мама забрала меня домой. Я еще долго не мог успокоиться. Целую неделю ходил к той луже, надеялся, что мышонок все-таки выплывет. Но этого не случилось. Я больше не завожу себе зверей-друзей, потому что не хочу их терять.

– Я очень люблю папу, а мама его каждый день ругает. То он дров не наколот, то глины не принес. Я понимаю, что ей очень тяжело, ведь у нее и работа, и огород, и мой маленький братик. Но зачем из-за мелочей жизнь друг другу портить? Они даже смеяться последнее время перестали. Я стараюсь больше помогать по дому, но они все равно ссорятся. Мне кажется, главное, чтобы в семье была любовь и радость, а все остальное ерунда. Я переживаю и молчу, – вздохнула Аня.

– А ты не молчи. Когда у родителей будет хорошее настроение, расскажи им о своих переживаниях. Скажи, что любишь их, хочешь видеть счастливыми, – тихо посоветовал дядя Гоша.

– А мне маму больше всего на свете жалко, особенно в праздник, когда она весь день стирает, полы моет, чтобы меньше думать про нашего папу и войну. Она боится, что без дела может с ума сойти от горя. – Катя замолкла, прижавшись к коленке дяди Гоши.

Приглушенно зазвучал и без того низкий голос Володи:

– Хорошего в моей жизни все-таки больше. Только горькое я чувствую сильнее. Мне тогда было четыре года. Папа пришел и сказал: «Володя, у тебя теперь есть братик Женечка». Как он выглядел, я не помню, но состояние, с которым тогда жил, мне трудно описать. Хотя у меня появились новые обязанности: качать кроватку, когда Женя плакал, играть с ним – все мне было в радость. В это время я был самым счастливым ребенком на свете. Но все прошло,

потому что маму с братиком положили в больницу. День, другой... И вот пришел папа домой, и я услышал странные слова: «У тебя больше нет братика». Я не плакал. Я не понимал, что значит его нет... Но с тех пор не помню, чтобы хоть раз плакал по поводу чьей-то смерти. Я просто не мог этого понять... Я только чувствовал... И вообще не мог плакать...

В тишине беззвучные струны наших душ дрожали на высоких нотах детских горестей. В огромном царстве ночи, у подъезда, слабым светом контрольной лампочки освещался один из миллионов маленьких островков чутких сердец, устремленных к теплу и добру взрослых. Темное небо с яркими звездами висело над нами низко-низко.

– Он на какой-то звезде. Там живут самые счастливые, – тихо сказал дядя Гоша.

Тимка заревел. Володя сорвался с порожка и пропал в темноте.

– Догнать? – спросила Светлана.

– Не надо. Пусть побудет один, а завтра я сам его найду, – ответил дядя Гоша и добавил: –

Моя очередь рассказывать о детстве.

Еще вздрагивали сердечки, еще теснилась в груди Володина беда, но спокойная размеренная речь дяди Гоши уводила нас в другую эпоху, в другую – сложную, но интересную – жизнь бывшего батрака-голодранца, одиннадцатого сына в семье героя Первой мировой...

Потом дядя Гоша развел нас по квартирам. Мне не спалось. Из окна кухни я видела, как упершись лбом в перила крыльца, дядя Гоша курил одну папиросу за другой.

ВОЛОДЯ

На следующий день я нырнула в заросли акации и обнаружила на поломанной качалке Володю.

– Привет.

– Привет. А я про тебя думал. Ты очень отличаешься от наших девчонок. Вроде тихая, а на турнике такое выделываешь, что мне страшно за тебя. Когда ребята, желая попугать, неожиданно крикнули из-за угла, ты даже ухом не повела, и пошла дальше, будто ничего не произошло. У тебя железные нервы?

– Наоборот. Почему ты следишь за мной? – бросила я Володе недовольно.

И получила в ответ несколько смущенное признание:

– Сравниваю с собой. Ты можешь за себя постоять, а я не могу ударить. Но я не трус.

Просто боюсь человеку сделать больно или обидеть.

– Ты обидчивый?

– Очень.

– Я тоже, но терплю и вида не показываю, что мне плохо. Не люблю, когда жалеют.

– Почему?

– Начинаю реветь от жалости к себе и от злости, что не могу сдержать слез.

– Объясни, зачем ты вчера врезала Адьке?

– Он маленького обижал. Герка не мог себя защитить.

Глаза Володи открыто выражали сомнение по поводу правильности моего поведения.

– Адька не со зла. Он бестолковый и ко всем пристаёт.

Я раздраженно возразила:

– Пусть понимает, к кому можно приставать, а к кому нельзя. Привыкнет обижать маленьких и вырастет из него гад.

– Ну, так уж и гад, – неуверенно с расстановкой произнес Володя. – Зачем ты стремишься всех разнять, всех защитить, хотя тебя не просят?

– Все должны помогать друг другу, – нашлась я быстро.

– Из-за своего беспокойного характера ты всегда будешь попадать в истории. Я отцу о тебе рассказал, так он знаешь, как мне ответил? «Не за всякого человека надо на амбразуру бросаться».

– Ты бы не защитил маленького?! – вспыхнула я.
– Я не про то. Некоторые могут использовать твою доброту, подставить тебя.
– Как это? – удивилась я.
– У тебя всегда на первом месте желание помочь другому, но ты еще не понимаешь, что бывает потом, когда родители начинают искать виновного.

– А ты понимаешь?

– Не всегда, – уклончиво ответил Володя и нахмурился.

«Наверное, тоже раньше понапрасну «копья ломал»? (Так шутила бабушка Дуня.)» – подумала я. Помолчали. Володя заговорил неуверенно и тихо, словно боялся озвучивать что-то очень личное, сердечное:

– Я не смог вчера закончить свою историю. Разволновался. Не понимаю, как случилось, что рассказал самое сокровенное?

– Теперь жалеешь?

– Нет. Мне стало легче.

– Расскажи все до конца, – попросила я мягко.

Володя благодарно улыбнулся. В его лице появилась печальная просветленность. Он опустил затуманенные воспоминаниями глаза и спокойно начал:

– Два года назад у меня снова появился братик. Но не было той радости, как в четыре года. Я во всем помогал маме, много времени проводил с Виталиком, чувствовал себя его защитником, радовался успехам. Но, когда ему пошел девятый месяц, я как будто заболел: ходил задумчивый, скованный, подходил к Виталику и подолгу смотрел на него бездумно, как в забытии. Я совсем извелся страхом за его жизнь. В тот тяжкий день я не отходил от него ни на шаг, даже в школу не пошел с маминого разрешения. Когда приблизился роковой час, я держал маленькие ручки брата в своих руках. Стрелки часов застыли. Последние минуты длились целую вечность. Я был как натянутая струна. Мама стояла рядом. Беда прошла стороной. Виталик улыбался. Я вдруг уткнулся лицом в коленки братика и заплакал. После этого будто заново родился...

Мы сидели на качалке, окруженной зарослями желтой акации, и молчали. За кустами шуршали шины машин вперемешку с дробным цокотом кованых копыт лошадей. Переругивались из-за бельевых веревок соседки. Но все это было вне нас, в другом, взрослом мире...

Вечером записала в дневнике: 1. Витек, у меня появились настоящие друзья – Валя и Володя. Я представляю себе, что они и твои друзья. 2. Сегодня дядя Гоша рассказал про Александра Матрсова. Он, оказывается наш, детдомовский. У него была одна мама – Родина. И он отдал за нее жизнь.

НЕЗНАКОМКА

День остывал малиновым закатом.

Я задумчиво брожу по задворкам нашей улицы. Гляжу на горы строительного мусора, спотыкаюсь о куски старой мебели – ищу удобное место для уединения. Здесь нет суеты, которая в сотне метров отсюда превращает жизнь многих людей в набор из кубиков. Кому, какие достанутся, такая и жизнь будет... На кубиках написано: «Беги туда, делай то, купи это...» И вдруг они рассыпаются. Чем их скрепляют? Дед Панько говорил, что человеческий мир существует, пока есть любовь. Без нее он погибнет...

Внезапно яркая вспышка заставила меня вздрогнуть. Луч света попал на обломок никелированной спинки кровати, потом, медленно угасая, заскользил по ржавой панцирной сетке и исчез вовсе. Подняла голову. Небо у горизонта испещрено темными, почти черными, красно-оранжевыми и малиновыми мазками. Солнце протискивается между цветными слоями облаков, расцветивая выше лежащее темно-голубое небо веером тонких лучей. Оно на мгновение набрасывает редкую золотистую вуаль на тускнеющий вечерний небосклон и пропадает. Я

остановилась, ожидая очередную россыпь солнечных брызг. И тут увидела девочку. Она сидела в нескольких шагах от меня на поломанном кухонном столе, застеленном газетой. Худенькая, изящная, даже грациозная. Светлые волосы туго заплетены в косы. Полные яркие губы. «Наверное, ее тоже дразнят «губатая», – мелькнуло в голове.

Большие глаза девочки грустные, точнее сказать, печальные, мечтательные. В эту минуту выражение ее лица было таким, будто она думала о мировых проблемах. Я не решалась приблизиться. Вдруг подо мной затрещала полусгнившая доска. Девочка вздрогнула, но взгляд ее оставался туманным, рассеянным. Я подошла и спросила:

– Ты тоже любишь гулять одна?

Она молчала, как бы раздумывая, отвечать мне или нет.

– Я не хотела тебе мешать, – сказала я осторожно.

– А зачем подошла?

– Потянуло. Ты не любишь разговаривать?

– Не то настроение.

– Понимаю.

– Сомневаюсь. Ты знаешь, что такое одиночество?

– Знаю. Я детдомовская.

– Прости.

– Ничего. Ты, тоже?

– Нет. Просто сегодня мне очень грустно. Я впервые поняла, что человек по своей сути очень одинок.

Ее голос в вечерней тишине звучал особенно трагично.

– Человек одинок, когда ему плохо. Если ему хорошо, он не думает про это, – попыталась я разуверить незнакомку. – Я первый раз почувствовала, что такое одиночество, когда один раз зимним вечером всех детей завели в корпус, а я почему-то осталась во дворе одна. Было холодно, ветрено, темно. Мне стало вдруг бесконечно одиноко в этом огромном, неведомом мире. Я поняла, что никому, никому на земле не нужна! А страх появился позже, когда, кое-как взобравшись на высокое крыльцо, стала стучать в дверь, а ее долго не открывали. Мне тогда три года было. А что случилось с тобой сегодня?

– С четырех лет я дружу с девочками, которые живут в деревне на одной улице с моей бабушкой. Мы играем в нашем саду в дочки-матери. Я приношу из дома посуду, куколки разные тряпочки. А сегодня утром слепой дождь прогнал нас из сада. Все разбежались, бросив игрушки на траве. Когда немного подсохло, мы пошли играть на баллоне от колеса грузовика: на одну его сторону садилась одна девочка, а на другую одновременно прыгали трое. При этом та, одна девочка, взлетала вверх. Подошла моя очередь «летать». Но мое падение закончилось неудачно. Что-то случилось с моей рукой.

– И они тебя бросили? – вырвалось у меня.

– Да нет. Сначала подружки подошли ко мне, но тут же быстро убежали. А я ушла в сад собирать игрушки. Мне пришлось несколько раз ходить из сада в дом. Я не только в руке носила игрушки. Кое-что брала даже в зубы. Наверное, я смешно выглядела с куклой в зубах?

– Нет, – уверенно и грустно ответила я.

– Я знаю, что дети редко думают о других. Но именно сегодня мне пришло в голову, что человек со своими бедами никому не нужен. Каждый думает только о себе, – закончила девочка печально.

– Не надо так говорить! Хороших людей много. Ты очень похожа на меня. Бабушка Мавра один раз сказала мне: «Тяжело тебе будет с таким добрым сердцем. Всю жизнь раненая будешь ходить».

– У тебя есть бабушка?

– Не родная. Но дороже ее тогда никого не было. А теперь у меня есть дед Яша.

Потом мы долго сидели молча. Наши взгляды были устремлены на ярко-красный шар, медленно сползающий в малиновую топь.

ПРАЗДНИК

Сегодня на нашей улице впервые открывается двухэтажный ЦУМ. Со всего города съехались люди и нетерпеливо толпились у входа. Громко играла музыка. Было солнечно, шумно, празднично.

Прозвенел звонок. Толпа хлынула в широко распахнутые двери. Мы с Валею подождали немного, а когда поток людей уменьшился, тоже вошли. Денег, конечно, у нас не было. Поглазеть захотелось. Девушки-продавцы очень вежливые. Один дядя заторопился порадовать дочку удачной обновой и не стал ждать, пока завернут и обвяжут шпагатом покупку. Но кассир окликнула его и объяснила, что на выходе может остановить милиционер. Неупакованный товар вызывает подозрение. Мужчина сразу вернулся к прилавку.

Вдруг за стеклом оконной витрины со стороны улицы я увидела Витю с нашего двора. Прижавшись лбом к стеклу, он плакал и не сводил глаз с огромного резинового надувного зайца. Смотрел так, будто в этот момент не надо ему было в жизни ничего, кроме этой игрушки. Голоса я не слышала, только видела, как сотрясались тощенькие плечи. Слезы текли по грязному лицу, капали с кончика курносого носа, с подбородка. Он вытирал их подолом мятой рубашки и, захлебываясь рыданиями, раскрытым ртом хватал воздух.

У меня полились слезы. Валя, ничего не заметив, потащила меня в другой отдел магазина. Я не сопротивлялась.

ГЕНЕРАЛ

Серое утро. Серые толпы народа у школы номер шесть. Тихо переговариваются женщины у гроба, раздавая указания. Зазвучал духовой оркестр. Печальная музыка вызвала у меня слезы. Почему я плачу? Я же не любила Виктора Николаевича. Он был плохим отцом, плохим учителем. И все же, был человек, – и нет его. Жалко.

Незаметно для себя опять оказалась у гроба. Лариса, старшая дочь (моя подруга), отрешенно брела, понуриив голову, цепляясь ободранными ботинками за каждый выступ дороги. Ее брат Юра вел маму под руку. Он старался выглядеть взрослым мужчиной, маминой опорой. Как-никак – десять лет. Пятилетний Коленька висел на другой руке матери и прятал голову в ее широкой юбке. Их мама не плакала. Ее худенькое личико сделалось еще меньше. Глаза белесые, неподвижные. Она всегда ходила боком. Ноги ставила неуверенно, будто примерялась, чтобы не оступиться на острых камнях. Сегодня она шла, подняв голову поверх идущих впереди людей, смотрела вдаль с неопределенным, ничего не значащим выражением лица и, казалось, ни о чем не думала, никого не замечала, ни о чем не жалела. За семьей семенили старенькие женщины, одетые во все черное. Они тихо бормотали и крестились. На небольшом расстоянии от них двигалась основная масса людей.

Мое внимание привлек огромного роста мужчина в красивой серой шинели с золотыми погонами и высокой серой каракулевой шапке. Его лицо, с крупными резкими чертами, было деловым, спокойно-величавым, будто он находился не на похоронах, а на собрании.

– Кто это? – шепотом спросила я.

– Отец Катерины, генерал, – так же тихо ответила идущая рядом со мной женщина.

Я подошла ближе. Генерал говорил рокочущим, с перекатами басом, а женщины слушали: кто с любопытством, кто с подбострастием, заглядывая ему в рот. Сначала он ругал Виктора Николаевича, перемежая критику словами: «Конечно, нехорошо об усопшем говорить плохо». Потом взялся за дочь. Он с пафосом рассказывал о том, как она в восемнадцать лет пришла к нему со слезами и покаялась, что полюбила, а потом поняла, что он плохой человек и теперь не хочет выходить замуж, хотя беременна.

– Она на коленях умоляла меня помочь ей воспитать будущего ребенка, – возвысив голос, продолжал генерал. – Но я ей сказал: «Под забором заимела ребенка, под забором и расти его! Ты опозорила меня и мою семью! Как я своим коллегам в глаза буду смотреть? Что обо мне скажут, если каждый день будут видеть внебрачного ребенка? Иди к отцу ребенка. И выгнал. За поступки надо отвечать! Я проклял ее».

От этих слов в моей голове, будто что-то отключилось или включилось. Кровь прилила к лицу. В висках застучало. Расталкивая женщин, я подскочила к генералу и закричала:

– Вы бросили родную дочку в самую трудную минуту! Она обратилась за помощью, к единственному, любимому, а вы прогнали ее! Вы – богатый, а ваши внуки, как я слышала, голодные убегали босиком по снегу к соседям, когда отец пьяным приходил домой. Вы в сто раз хуже Виктора Николаевича! Вы хуже зверя!

Меня трясло. Я не говорила, а выкрикивала отдельные слова. Генерал опомнился и заорал зычным голосом:

– Убрать эту дрянь! Чье это?

– Не кричите на меня. Вы плохой... ненавижу вас...

Я уже не могла говорить. Две женщины вытащили меня из толпы и положили возле какого-то дома на лавочку. Одна из них гладила меня по спине и бормотала:

– Доброе сердечко, всех-то тебе жалко.

Под ее шуршащий голос я тяжело задремала и уже не чувствовала, как во сне рыдания встряхивали мое тело.

НА ОБЪЕКТАХ

Сегодня дед взял меня с собой на проверку пищевых объектов. Идем к трамвайной остановке. Впереди нас – парень в потертой фуфайке и лаптях.

– Смотри! – восхитился дед. – В лаптях, а в руках ведет новый, видно только из магазина, велосипед! Запомни мои слова: «Пройдет немного времени, и наш мужик в кирзовых сапогах сядет за руль собственного автомобиля!»

Сначала мы приехали на рынок. Наметанный глаз деда сразу замечал все недостатки.

– Почему сток воды засорен? – распекал он шустрого толстяка с железной бляшкой на левом кармане серого халата. – Ты хочешь, чтобы горожане и наши кормильцы из сел по отходам ходили? Посмотри, любезный, куда хозяйке сумку ставить? В лужу? Завтра проверю исполнение. Смотри у меня!

– Где мясо должно лежать? За лотком некого послать? – упрекал дед продавщицу.

– Да я же газетку постелила, – оправдывалась краснощекая, бойкая женщина.

– Ты мне улыбки не дари, красавица. Еще раз увижу несоблюдение правил, штрафовать не стану, с рынка выгоню, раз добрых слов не понимаешь.

Хозяйка засуетилась, кликнула мальчишку моего возраста. Тот, в кирзовых сапогах, в старом, длинном, по щиколотку пиджаке, в дырявом картузе, вмиг подскочил к матери и тут же прожогом (быстро, напрямик) помчался к раздаточной инвентаря.

– Где ветошь для рук, где марля на тушке? Руки о фартук не вытирай! Деньги не клади на весы, там же мясо сырое лежало! Не слюни пальцы, хозяйюшка, когда деньги считаешь, – начиная сердиться, выговаривал мой дед торговке.

– Теперь понимаешь, почему тебя не пускаю на улицу в не глаженном платье и с грязными руками? С детства привычка к аккуратности прививается. Каждый день делаю замечания, но только угрозы заставляют продавцов подчиняться, – со вздохом сказал мне дед.

Медленно идем по рядам. Отовсюду слышу:

– Здравствуйте, Яков Иванович, доброго вам здоровья!

– Папа, вы их ругаете, а они с вами приветливы. Почему?

– Я же за дело ругаю, власти не превышаю и взятку не беру.

– Продуктами, что ли?

– Ни деньгами, ни продуктами. Поэтому сплю спокойно и уважение от людей имею, – объяснил мне дед.

Потом мы отправились по винным магазинам-подвальчикам. Везде нас встречали толстые, очень уж приветливые дяди. Я чувствовала неприятную нарочитость их слов и краснела. Они улыбались, говорили нам комплименты и наливали вино. Я понимала, что для проверки качества продукта достаточно одного глотка. Но каждый продавец наливал из бочки через шланг целую кружку. У первого продавца дед попросил рюмку и отлил немного вина. Понюхал, отпил, подержал чуть-чуть во рту, а потом сказав: «Вот это букет!», расписался в тетради. Но чем больше подвальчиков мы обходили, тем он становился менее строгим и уже не ругал за грязный передник и плохо вымытые стаканы, а просто пил вино и расписывался. Мне было стыдно. Я слушала бессовестную лесть и ложь, видела хитрые наглые ухмылки продавцов, спокойное каменное равнодушие зрителей и из приличия деланно натянуто улыбалась, а потом пряталась за спину деда, дергала за край его пиджака и шептала на ухо:

– Не пейте, пожалуйста, они вас обманывают, нарочно спаивают.

На мои мольбы и уговоры дед не обращал внимания и только весело бестолково отмахивался.

Продавцы начали и мне предлагать вина. Я понимала, что это неприлично, и сдержанно отказывалась. А сама думала: «Ему наливают из-за подписи, а мне зачем?»

В одном погребе еле стоящий на ногах дед тоже принялся упрашивать меня выпить, чтобы не обидеть хозяина. Я опешила, изумленно и растеряно оглядела его и почему-то согласилась к всеобщему восторгу мужчин, собравшихся вокруг бочек. Тут за спиной я услышала обидные, насмешки в наш адрес и слетела с тормозов. Вино на меня возымело действие, противоположное дедову благодушию. Я разозлилась и в яростном негодовании закричала, что они не любят моего папу и непорядочно ведут себя по отношению ко мне. Слезы брызнули из глаз, голос сорвался на визг. Я размахивала руками, топала ногами. Потом заявила, что не позволю больше издеваться над нами, и потащила деда домой. Он бормотал что-то несуразное, успокоительное, оправдательное, но, к моему удивлению, качаясь и спотыкаясь, все-таки пошел за мною на трамвай.

Дома дед свалился на мой диван и мгновенно заснул. А я еще долго сердито ворочалась и вздыхала.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕДА

Я заметила, что дед Яша с какой-то детской, восторженной радостью встречал любые мои познания в области медицины. «Может, пойдешь по моим стопам?» – спрашивал он, улыбаясь. Желая порадовать деда, я читала его книжки, пытаюсь разобраться в сложной врачебной терминологии. А он в награду рассказывал мне истории из своей докторской практики.

– Вот, послушай, – говорил он мне как-то раз, – до войны это было. Бывало, дают мне лошадку, я беру свою сумку, по которой доктора узнавала вся округа, ну, ту, в которой ты теперь хранишь своих тряпичных кукол, и отправляюсь делать обход от дома к дому, от улицы к улице. Насмотрюсь, бывало, на серость людскую: и погрущу, и посмеюсь вволю. Жалко малограмотных людей! Учись дочка, чтобы себя уважала, и для других не посмешищем, а помощницей была.

Так вот, еду по селу. Слышу крики. Женщина к Богу взывает, а мужчина мат ей шлет, и потерпеть просит. Вбегаю в хату. Руки и ноги хозяйки привязаны к спинкам кровати. Муж на коленях умоляет жену провести лечение до конца. Сдергиваю с нее одеяло и в ужасе обнаруживаю под ним красную, в волдырях спину. Возмущаюсь: «Как я учил горчичники ставить?! Ты что, на супругу ведро свежей горчицы вылил? Хорошо, что сердце у нее здоровое. Сколько минут велел горчичник держать? Десять. А ты сколько?» «С полчаса, наверное. Как лучше

хотел, чтобы скорее хворь вышла. Уж месяц кашляет. Какая польза от больной хозяйки в доме?» – оправдывается муж. «А если бы загнал до смерти? Детей сиротами оставил бы. Кто был бы виноват?» – корю я его. «Простите, ради Христа, доктор, – отвечает, – оплошал».

А одному старику выписал лекарство для глаз по тридцать копеек за флакон, так он обиделся: «Не хотите, – говорит, – доктор, меня лечить. Не уважаете. Давайте дорогого лекарства, а то пожалуюсь». Выписал я ему витаминов разных, чтобы успокоился. Он же здоров был, как медведь.

В другую хату захожу, а там вся родня собралась и смотрит, как топчет ногами спину сына родной отец. Бедный парень благим матом орет от боли. Спину он сорвал, когда лес на хату заготовливал. Я массаж прописал. Ну, так им же надо, чтобы больной на другой день скакал, а в лечении терпенье нужно, схема определенная. Еле отвоевал беднягу и в больницу отправил.

А с женщинами труднее всего. Некогда им лечиться. Детишки у них, домашние дела. Так они друг у друга «обучаются». Лежит одна в хате, скорчилась, но помалкивает. Приказал раздеться. Не хочет. Стесняется. Понимаю. Успокаиваю: «Для докторов все люди на одно лицо, мы только болячки видим». Задираю подол. А она утюг нагрела и приложила на больное место. Я ее живо на телегу, и в больницу. Операцию сделал. Жива осталась...

Тяжко умирают от заражения крови. На моем веку таких три случая было. Привозили поздно, когда уже судороги начинались. Особенно жалко мальчонку. С дерева спрыгнул на сучок... и Господь приборал. До сих пор, как вспомню, душа болит о нем.

Бандитов в войну перевозил. Так этим хоть бы что! Передерутся с поножовщиной, потом берут иголку с обычной ниткой и зашивают друг друга без наркоза, без водки то есть. А кто и сам себя штопает. И ни одна зараза их не брала! Один на спор с моей шинели пуговицы срезал и при мне тут же себе на голую грудь пришил. Мне жутко, мороз дерет по коже, а они хохочут. Страху натерпелся с ними, хотя они с большим уважением относились ко мне и к моей профессии. Ни разу не тронули. Двадцать пять лет меж них работать пришлось. Они, конечно, тоже люди, хоть и пропащие. И у каждого своя судьба. С одним подружился очень. Душевный был человек. Жену из ревности убил, а потом всю жизнь страдал, винился. Молодой был, глупый. Потом философом стал, понял, что права не имел на чужую жизнь покушаться. Руки золотые, голова удивительно умная! А вот один раз черт попутал, и вся жизнь кувырком пошла. Вот этот дубовый шкаф он мне на память о нашей дружбе сделал. Три года доски по специальному рецепту готовил, и резьба – его рук дело. Да... всякое в жизни повидал за пятьдесят лет работы, – бормотал дед, засыпая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.